Европа в Средние века и Новое время

* Общество
* Власть
* Культура

Министерство науки и высшего образования РФ
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
Удмуртский государственный университет
Кафедра истории России УдГУ
Центр изучения истории средневековой Руси УдГУ

ЕВРОПА

в Средние века и Новое время:

Общество.
Власть.
Культура

Материалы VIII Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 24–25 ноября 2020 г.

ИЖЕВСК
2021

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е241

Рецензенты:
Л.В. Войтович — д.и.н., проф. (Львов);
А.Ю. Дворниченко — д.и.н., проф. (С.-Петербург).

Редколлегия: В.В. Долгов, А.Е. Загребин, В.В. Иванов, И.А. Калугин, А.Л. Колзина, В.В. Пузанов, Т.М. Сабирова, Е.О. Чигирёва, А.С. Шулятьева.

Отв. ред. и сост. Д.В. Пузанов.

Е 241 **Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура:** материалы VIII Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 24–25 ноября 2020 г. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2021. — 330 с.

ISBN 978-5-4344-0938-4

В сборнике представлены материалы Восьмой Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, которая проходила 24–25 ноября 2020 г. в г. Ижевске.

Издание подготовлено кафедрой истории России, Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ и Отделом исторических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Нового времени.

ISBN 978-5-4344-0938-4

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431

© Авторский коллектив, 2021
© ФГБОУ ВО «УдГУ», 2021
© УдмФИЦ УрО РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Пузанов Д.В. (г. Ижевск) Антропология без человеческого и Европа до социального: возможна ли такая историческая этнография? 9
Костин Н.О. (г. Краков) Концепция «этнокультурного следа» в методологии Ю.В. Кнорозова: к постановке проблемы 14
Левинская Я.В. (г. Краков) К методологии М.Я. Сюзюмова: историографический аспект 19
Вахрушева К.К. (г. Ижевск) «Месть древлянам» и реформы княгини Ольги в трудах отечественных исследователей XVIII — 1-й половины XIX в. 25
Бахрамова А.Н. (г. Ижевск) Место русских земель в системе золотоордынской государственности в трактовке отечественной историографии 2-й половины XX — начала XXI в. 32
Байкова А.Д. (г. Ижевск) Роль церкви в идеологическом обосновании великокняжеской власти на заключительном этапе становления Русского единого государства в оценках современной отечественной историографии 38
Грозова В.А. (г. Н. Новгород) Модель средневекового государства Востока на основе трактата «О взглядах жителей совершенного града» Аль-Фараби 45
Сироткина А.А. (г. Н. Новгород) Властные полномочия и функции английской королевы на закате англосаксонской династии 51
Лапаев Н.Ю. (г. Москва) Образ королевской власти в романах Кретьена де Труа 56
Керимова Д.Т. (г. Феодосия) Король Англии Ричард III в иностранных записках и хрониках 62
Базяева Д.Э. (г. Казань) Формирование концепции женской святости в англосаксонской литературе раннего Средневековья (на примере образа Юдифи) 70
Отакулов Э.Э. (г. Новосибирск) Sanctus Jacobus vel Sanctus Dionisius? «Французская» направленность пропаганды крестоносного движения в Испанию в Historia Karoli Magni et Rotholandi на примере эпизода собора Карла Великого в Сен-Дени 76
Климова В.Е. (г. Н. Новгород) Жан ле Февр де Рессон: у истоков «Пляски смерти» во Франции 82
Образцов Д.В. (г. Н. Новгород) Природные явления в «Хронике» Салимбене де Адам как литературный прием 87
Грозов С.С. (г. Н. Новгород) Животный мир сквозь призму средневекового латинского бестиария 93
Хамидуллин Э.Э. (г. Казань) Образ врага как инструмент репрезентации власти в Саге о Сверрире: военный аспект 99

Шишка Е.А. (г. С.-Петербург) «Визуализация другого»: монгольские завоеватели на миниатюрах Андре из Ипра 104
Симонов И.А. (г. Ижевск) Образ Батыя в общественно-историческом сознании Древней Руси 109
Смирнов А.В. (г. Краснодар) Особенности русско-ордынских отношений в 1384–1386 гг. по материалам летописей 114
Новосёлов А.Л. (г. Казань) Как победа в Куликовской битве стала чудом митрополита Петра в Никоновской летописи 120
Вершинина Ю.Е. (г. Н. Новгород) Поминовение умерших родственников как один из аспектов переживания родства в раннесредневековых исторических нарративах 126
Волкова А.М. (г. Н. Новгород) Суицидальные практики в examples и visiones Высокого средневековья 132
Харина А.М. (г. Ижевск) Социальные и природные бедствия в социокультурной практике человека древней Руси XI–XIV вв.: к методологии вопроса 138
Бессуднов Д.А. (г. В. Новгород) Изменчивая прерогатива: концепция покровительства над Рижским диоцезом как пример делегированного права XIV–XVI вв. 143
Ерназаров К.Ф. (г. Москва) Феномен военного лидерства в Средневековье: Ричард Львиное Сердце — рыцарь или полководец? 148
Лихачев Р.А. (г. Ижевск) Участие русских князей в польско-венгерском конфликте в 1-й половине XII в. 153
Майчак Е.А. (г. Москва) Монашеская община в Киеве в 1050–1100-х гг. 158
Иванов Е.С. (г. Минск) Сравнительный анализ процесса христианизации в странах Скандинавии 163
Киселев Р.С. (г. С.-Петербург) К вопросу о двоеверии в Новгородской земле XI–XIII вв. (по материалам летописных источников и памятников канонического права) 169
Пронин Н.А. (г. Пермь) Роль меча в социо-культурном дискурсе скандинавов VIII–XI вв.: на основании письменных источников 178
Якунина В.А. (г. В. Новгород) «Alß na Lubesschem rechte»: к вопросу о судебных функциях магистрата Нарвы в XV в. 184
Ушаков А.В. (г. В. Новгород) Око за око: к истории двух ограблений на Неве в 1408 г. 190
Попова Е.М. (г. В. Новгород) Кражи в Новгороде в начале XVII в. по материалам Новгородского Оккупационного архива 196
Митрошина А.В. (г. Ижевск) Детские игрушки как элемент древнерусской культуры 202
Кузьменко А.Д. (г. Н. Новгород) Описания церемониальных въездов в трудах Бургундских хронистов 207

Гребенников Н.Ю. (г. Москва) В поисках «варваров»: к вопросу о семантике понятия и времени его вхождения в лексикон древнерусских книжников 2-й половины XV–XVI вв. 212
Ившин В.С. (г. Екатеринбург) Басня как исторический источник по российской общественно-политической мысли 1-й четверти XIX в.: методика работы и перспективы использования 217
Кудрявцева С.Г. (г. С.-Петербург) Древнерусские песнопения Недели сыропустной и сюжеты дьяконских врат рубежа XVI–XVII вв. 224
Агафонов И.С. (г. Москва) Памятники местного историописания XVI в. в контексте «новой локальной истории» 233
Нечкина А.А. (г. Иркутск) Реформация в Германии: анализ отечественной историографии XX–XXI вв. 238
Шулятьева А.С. (г. Ижевск) Вопрос о «вольности» крестьянской в 1-й половине XVII в. в дореволюционной отечественной историографии 243
Сперанский П.А. (г. Екатеринбург) Модернизация информационной сферы России в период правления Петра I: анализ современной отечественной историографии 251
Новикова А.М. (г. С.-Петербург) Специфика формирования французских периодических изданий 2-й половины XVII в. 257
Моисеева О.А. (г. С.-Петербург) Паисий Лигарид и посольства Мелетия Грека к Восточным патриархам 263
Домрачев Н.Е. (г. Москва) Глазами дипломата: деятельность польского резидента в Москве Е.Д. Довмонта в донесениях русских постоянных дипломатических представителей в Варшаве 269
Лазарев С.С. (г. С.-Петербург) Институты церковного судопроизводства в Англии в эпоху раннего Нового времени 279
Тимачева А.Д. (г. Казань) «Скандинавизм» в Средневековье и в национальном театре Норвегии XIX в. 284
Савельев Г.А. (г. С.-Петербург) Мартин Лютер в зеркале юбилея Реформации 1617 г.: библейский пророк из Саксонии 289
Крылов К.Е. (г. С.-Петербург) Эразмианская этика в институциях Карла V своему сыну Филиппу 295
Ганина М.А. (г. Н. Новгород) Филипп Меланхтон: о справедливости и вере 301
Циватый В.Г. (г. Киев) Ментальные установки и культура коммуникации в Европе раннего Нового времени: институциональный и политико-дипломатический дискурсы (проблемы исторической коммуникологии) 305
Выслоужилова Д.Л. (г. Брно), Калугин И.А. (г. Ижевск) О некоторых предпосылках начала первой черемисской войны на Арской земле 316
Чигирёва Е.О. (г. Ижевск) Представления иностранцев о здоровье жителей Московской Руси XVI–XVII вв. 324

CONTENTS

Puzanov D.V. (Izhevsk) Anthropology Without the Human and Europe Before the Social: Is Such a Historical Ethnography Possible? 9
Kostin N.O. (Krakow) The Concept of the "Ethnocultural Trace" in the Methodology of Yu.V. Knorozov: To Statement of the Problem 14
Levinskaia I.V. (Krakow) To the Methodology of M.Ja. Sjuzjumov: The Historiographic Aspect 19
Vahrusheva K.K. (Izhevsk) "Revenge to the Drevlyans" and the Reforms of Princess Olga in the Works of Domestic Researchers 18th — 1 Half of 19th Centuries 25
Bakhramova A.N. (Izhevsk) The Place of Russian Lands in the System of the Golden Horde Statehood in the Interpretation of the Russian Historiography of the Second Half of the 20th — Beginning of the 21th Century 32
Baykova A.D. (Izhevsk) The Role of the Church in the Ideological Justification of the Grand Ducal Power at the Final Stage of the Formation of a Russian United State in Assessments of Contemporary Domestic Historiography 38
Grozova V.A. (Nizhny Novgorod) Model of the Medieval State of the East Based on the Tractate "The Views of the Inhabitants of the Perfect City" by Al-Farabi 45
Sirotkina A.A. (Nizhny Novgorod) The Powers and Functions of the English Queen at the End of the Anglo-Saxon Dynasty 51
Lapaev N.U. (Moscow) The Image of Royalty in the Novels of Chrétien de Troyes 56
Kerimova D.T. (Feodosia) King of England Richard III in Foreign Notes and Chronicles 62
Bazyaeva D.E. (Kazan) Formation of the Concept of Women's Holiness in the Anglosaxon Literature of the Early Medieval (On the Example of the Image of Judith) 70
Otakulov E.E. (Novosibirsk) Sanctus Jacobus vel Sanctus Dionisius? "French" Direction of Propaganda for Crusade in Spain by the Example of Charlemagne's Council Episode in the Basilica of Saint-Denis 76
Klimova V.E. (Nizhny Novgorod) Jean Le Fèvre de Ressons: At the Root of the Dance of Death in France 82
Obraztsov D.V. (Nizhny Novgorod) Natural Phenomena in the Chronicle of Salimbene de Adam as a Literary Reception 87
Grozov S.S. (Nizhny Novgorod) Animal World Through the Prism of the Medieval Latin Bestiary 93
Khamidullin E.E. (Kazan) The Image of the Enemy as a Tool for Representing Power in the Sverris Saga 99

Shishka E.A. (Saint Petersburg) "Visualizing the Other": Mongol Conquerors on Miniatures by Andre of Ypres 104
Simonov I.A. (Izhevsk) The Image of the Father in the Social and Historical Consciousness of Ancient Russia 109
Smirnov A.V. (Krasnodar) Features of Russian-Horde Relations in 1384–1386 on the Materials of the Chronicles 114
Novoselov A.L. (Kazan) How the Victory in the Battle of Kulikovo Became a Miracle of Metropolitan Peter in the Nikonov Chronicle 120
Vershinina Yu.E. (Nizhny Novgorod) Dead Kin Commemaration as One of the Aspects of Kinship Experience in Early Medieval Historical Narratives 126
Volkova A.M. (Nizhny Novgorod) Suicidal Practices in Examples and Visiones of High Medieval 132
Kharina A.M. (Izhevsk) Social and Natural Disasters in Human Sociocultural Practice of Ancient Russia 11th–14th Centuries: To the Methodology Question 138
Bessudnov D.A. (Veliky Novgorod) A Volatile Prerogative: The Concept of Patronage Over the Riga Diocese as an Example of Delegated Rights 14th–16th Centuries 143
Ernazarov K.F. (Moscow) Military Leadership in the Middle Ages: Is Richard the Lionheart a Knight or a General? 148
Likhachev R.A. (Izhevsk) Participation of Russian Princes in the Polish-Hungarian Conflict in the First Half of the 19th Century 153
Maichak E.A. (Moscow) The Monastic Community in Kyiv in the 1050s–1100s ... 158
Ivanov E.S. (Minsk) A Comparative Analysis of the Christianization Process in Scandinavian Countries 163
Kiselev R.S. (Saint Petersburg) To the Question of Double Faith in Novgorod Land 11th–13th Centuries (According to the Materials of Chronicles and Monuments of Canonical Law) 169
Pronin N.A. (Perm) The Role of the Sword in the Socio-Cultural Discourse of the Scandinavians of the 8th–9th Centuries: Based on Written Sources 178
Yakunina V.A. (Veliky Novgorod) "Alß na Lubesschem rechte": The Issue of the Judicial Functions of the Town Council of Narva in the 15th Century 184
Ushakov A.V. (Veliky Novgorod) Measure for Measure: On the History of Two Robberies on the Neva River in 1408 190
Popova E.M. (Veliky Novgorod) Thefts in Novgorod at the Beginning of the 17th Century According to the Materials of the Novgorod Occupation Archive 196
Mitroshina A.V. (Izhevsk) Children's Toys as an Element of Ancient Russian Culture 202
Kuzmenko A.D. (Nizhny Novgorod) Descriptions of Ceremonial Entrances in the Works of Burgundian Chronists 207

Grebennikov N.Y. (Moscow) In Seeking of "Barbarians": On Sematic of the Term and the Time of Its Appearance in Lexicon of Old-Russian Bookmen of the Second Half 15th — the 16th Centuries 212
Ivshin V.S. (Yekaterinburg) Fables as a Historical Source on the Russian Social and Political Thought First Quarter of 19th Centuries: Method of Work and Prospects 217
Kudriavtseva S.G. (Saint Petersburg) Old Russian Chants of the Cheesefare Sunday and Subjects of the Deacon's Doors at the Turn of the 16th–17th Centuries 224
Agafonov I.S. (Moscow) Monuments of Regional History Writing in the Context of the "New Local History" 233
Nechkina A.A. (Irkutsk) Reformation in Germany: Analysis of Domestic Historiography 20th–21th Centuries 238
Shulyatyeva A.S. (Izhevsk) The Question of the "Freedom" of the Peasants in the First Half of the 17th Century in Pre-Revolutionary Russian Historiography 243
Speranskiy P.A. (Yekaterinburg) Modernization of the Information Sphere of Russia During the Rule of Peter the Great: Analysis of Modern Russian Historiography 251
Novikova A.M. (Saint Petersburg) Specifity of Formation of French Periodicals in Second Half of 17th Century 257
Moiseeva O.A. (Saint Petersburg) Paisiy Ligarid and Embassies of Meletii Grek the Eastern Patriarchs 263
Domrachev N.E. (Moscow) Through the Eyes of a Diplomat: The Activity of Polish Resident at Moscow Court Jerzy D. Dowmont in Dispatches of Russian Permanent Diplomatic Representatives in Warsaw 269
Lazarev S.S. (Saint Petersburg) Institutions of Church Proceedings in England in Early Modern Period 279
Timacheva A.D. (Kazan) "Scandinavism" in The Middle Ages and Norway's National Theater in the 19th Century 284
Savelev G.A. (Saint Petersburg) Martin Luther from the Perspective of the 1617 Reformation Jubilee: The Biblical Propher from Saxony 289
Krylov K.E. (Saint Petersburg) Charles V's Instructions to Philip II and Erasmian Ethics 295
Ganina M.A. (Nizhny Novgorod) Philip Melanchton: On Justice and Faith 301
Tsivatyi V.G. (Kyiv) Mental Attitudes and Culture of Communication in Early Modern Europe: Institutional and Political-Diplomatic Discourses (Problems of Historical Communicology) 305
Vysloužilová D.L. (Brno), Kalugin I.A. (Izhevsk) About Some Circumstances of the Beginning of the First Cheremis War on Arsk Lands 316
Chigiryova E.O. (Izhevsk) Concepts of Health in Russia 16th–17th Centuries in the Eyes of Foreigners 324

Д.В. Пузанов
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский ин-т истории, языка
и литературы УдмФИЦ УрО РАН

АНТРОПОЛОГИЯ БЕЗ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И ЕВРОПА ДО СОЦИАЛЬНОГО: ВОЗМОЖНА ЛИ ТАКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ?

В статье рассматривается вопрос возможности применения современных антропологических подходов, сосредоточенных на изучении онтологий восприятия окружающего мира, на средневековом европейском материале. Отмечается, что яркой чертой таких методик оказывается способность применять этнографический материал для переосмысления современной оппозиции природа/культура. Но чтобы это стало возможным при изучении средневековой Европы, надо отойти от привычки рассматривать ее исключительно как предысторию современного мира.

Ключевые слова: антропология природы, антропология за пределами человека, Средние века, Европа, историческая антропология.

В современном мире наметились тенденции к переосмыслению представлений о границах природы и культуры. Эти веяния не могли не затронуть западную антропологию. Здесь можно вспомнить и междисциплинарные опыты Г. Бейтсона, и формирование так называемой «многовидовой этнографии»[1], и попытки изучить некоторых животных этнографически, и антропологические опыты акторно-сетевой теории. Часть исследователей сосредоточили свое внимание на различии онтологий, определяющих отношение человека с окружающим миром в разных коллективах.

Возвращение в науку разных способов воспринимать окружающую реальность, равно как и представлений о разных характеристиках человеческих и нечеловеческих личностей возродило интерес к анимизму и темам, подымавшимся Л. Леви-Брюлем. Однако мышление «дикаря» теперь не рассматривается как низшая стадия развития ментальных характеристик.

[1] *Kirksey S.E., Helmpreich S.* The Emergaence of Multispecies Ethnography // Cultural Anthropology. 2010. Vol. 25. № 4. P. 545–576.

Современное восприятие природы представляется как одно из многих, а чужие концепты позволяют усомниться в наших собственных априорных знаниях, навязанных картезианским дуализмом.

Ф. Дескола[2], Э.В. де Кастру[3], Э. Кон[4] фактический продолжили на конкретном этнографическом материале работу, начатую в рамках акторно-сетевой теории Б. Латуром. Когда образ дикаря (у самого Б. Латура пока еще в виде метафоры) использовался для того, чтобы стал возможным отстраненный этнографический взгляд на наше собственное общество[5].

Этнографические факты, правда, каждым из указанных авторов используются для переосмысления современной реальности по-разному. Ф. Дескола, опираясь на структуралистскую методологию и вдохновившись классификационными системами в химии[6], создает грандиозную таблицу из 24 фигур, каждая из которых представляет свой способ человеческого отношения к акторам окружающего мира[7]. Э.В. де Кастру мобилизует труды позднего Л. Леви-Стросса, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, чтобы деколонизировать мышление, воспринимать туземные мысли всерьез, как «автореферентное устройство производства концептов» а не верование[8]. Живую мысль человека изучаемой культуры, по мнению Э.В. де Кастру, не следует нейтрализовывать, т.е. сводить антропологию к вопросам: «каким именно образом подобная мысль иллюстрирует когнитивные универсалии человека как вида, действительно ли она объясняется определенными социально детерминированными способами передачи знания, выражает ли она специфическое культурное мировоззрение, подтверждает ли она на функциональном уровне распределение политической власти» и т.д.[9]

Э. Кон обращается к семиотике Ч. Пирса, развитой биосемиотиком Т. Диконом. В отличие от других семиотических концепций, она не считает обмен знаками и обладание самостью (т.е. способностью репрезентовать мир) особенностью человека. Семиотична вообще всякая жизнь, хотя только человеку известна символическая коммуникация[10]. Этнографически

---

[2] *Дескола Ф.* По ту сторону природы и культуры. М., 2012.

[3] *Кастру Э.В. де.* Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017.

[4] *Кон Э.* Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М., 2018.

[5] *Латур Б.* Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006. С. 66, 177–178.

[6] *Дескола Ф.* Указ. соч. С. 502.

[7] Там же.

[8] *Кастру Э.В. де.* Указ. соч. С. 145.

[9] Там же. С. 144.

[10] *Кон Э.* Указ. соч. С. 68.

изучая народ руна, Э. Кон пытается выйти за пределы изучения исключительно символической реальности, включив в свое описание не только людей (что сближает его с «многовидовой этнографией»).

Из трех обозначенных выше этнографов, только Ф. Дескола обращался к исследованию средневековой Европы. Создавая универсальную для всего мира обобщающую схему, исследователь не мог не обратить внимания на историю возникновения современной натуралистической идеологии, которая окончательно сформировалась лишь в Новое время. И в то же время взгляд Ф. Десколы остается взглядом амазониста. Анализируя средневековую философию, исследователь учитывает лишь магистральные линии ее развития. Причем отсутствие достаточных знаний о категориальном аппарате средневековой эпохи заставляет Ф. Десколу подгонять средневековые воззрения на природу под все ту же современную оппозицию природа/культура[11].

Определенный вклад Ф. Дескола, Э.В. де Кастру и Э. Кон внесли в переосмысление понятия «анимизм». Бесспорна и возможность применения на историческом материале некоторых элементов методологии, которые демонстрируют авторы направления. Конечно, широкое применение находит и структурализм, и семиотика Ч. Пирса. Если мы обратимся к средневековому материалу, то точно так же как в этнографии, мы увидим множество примеров нейтрализации изучаемой мысли исследователями. При этом в попытке философской антропологии извлечь из средневековых текстов урок, ценный современным людям, может произойти «изотеризация» знаний изучаемой культуры, от чего предостерегал Э.В. де Кастру[12].

Вопрос в другом: вносит ли пересмотр отношений человек/природа на этнографическом материале что-то принципиально новое в методики изучения прошлого? Не достаточно ли корректно использовать существующую методологию и давать себе отчет в том, что дихотомия природа/культура возникла недавно? Главная проблема, которая возникает при переносе описанных подходов на исторический материал, состоит в том, что историческая реконструкция, в отличие от полевой этнографии, имеет дело почти исключительно с социальными контекстами. А если быть более точным, с отрывками и скудными остатками этих контекстов. Поэтому этнографические описания, которые предполагают не только изложение позиции человека, но и акцент на бытовании психической активности нелюдей (как это иногда происходит у Э. Кона), неприменимы на историческом материале. Более того, главными нечеловеческими существами, которые имеют воз-

---

[11] Например, его рассуждения о сохранении, согласно христианским верованиям, после конца света исключительно духовного мира не вяжется с важнейшим догматом о воскрешении мертвых в своем теле (*Дескола Ф.* Указ. соч. С. 94).

[12] *Кастру Э.В. де.* Указ. соч. С. 145.

действие на археологов, оказываются откопанные артефакты[13], на историков же влияют тексты. С палеоэтнографическими реконструкциями по данным фольклора проблем оказывается еще больше. Ведь реконструируются, как привило, сюжеты и структуры, имеющие широкое распространение, которое не всегда коррелирует с типами онтологий, и по которым сложно воссоздать философию отношения к актуальной, а не мифологической природе. По поводу фольклора регионов, в которых граница между людьми и нелюдьми проведена слишком строго (как в Европе и Африке) всегда можно сказать, что это, возможно, результат влияния современной цивилизации и интеллектуальной среды. Но можем ли мы быть в этом уверенны?

Влияние «зеленых идеологий» на гуманитарные науки неизбежно будет напоминать аналогичное воздействие феминизма, альтерглобализма и подобных течений. Формирование новых социальных движений достало из тени интересы субъектов, ранее игнорируемых традиционной «демократией». Науки, обслуживавшие интересы формирующихся идеологий, ответили на этот вызов двумя путями: существующую в традиционных дисциплинарных рамках методологию можно было применить для изучения ставших актуальными групп и явлений; или продолжить проект «ангажированной науки», утверждая, что наши устоявшиеся, само собой разумеющиеся представления о мире неверны и ведут к искажению научных результатов[14].

Очевидно, что распространение акторности за пределы человеческого тела доводит эту логику до конца и в то же время делает осуществление ее прежними методами абсурдным. Под ударом оказывается сама сложившаяся концепция личности, в том числе и в ее политическом значении.

Антропология природы, антропология за пределами человека и подобные подходы способны умело соединять эмпирические исследования, работу в поле с глубокой философией. Возникает вопрос: можно ли использовать средневековую культуру тем же образом?

Для этого следует отойти от привычки рассматривать Средневековье как исключительно историю генезиса современных представлений. А таковой она представлена у Ф. Десколы. Не оспаривая важность проблемы формирования натурализма, следует отметить, что, обращаясь только к ней, мы неизбежно будем держать во внимании лишь магистральную линию развития философии. В то время как нереализованные перспективы, или дрейфующая от профессиональных концептов в сторону «житейской мудрости»

---

[13] *Вдовченков Е.* Социальная археология и новая материальность: в поисках новых подходов // Российская антропология и «онтологический поворот». М., 2017. С. 136.

[14] *Harding S.* Rethinking Standpoint Epistemology: What Is “Strong Objectivity”? // Feminist Epistemologies. L., 1993. P. 53–54.

и популярного изложения философия, или непрофессиональная мысль могут дать гораздо больше пищи для переосмысления нашей реальности. Но именно эту «нереализованную свободу» мы стараемся трактовать с позиций более «сложных» и «правильных» текстов. Впрочем, было бы неверно считать, что удачность применения на историческом материале тех или иных принципов целиком зависит от наших желаний. В конце концов, свое слово должен сказать и сам изучаемый материал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вдовченков Е. Социальная археология и новая материальность: в поисках новых подходов // Российская антропология и «онтологический поворот». М., 2017.

Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры. М., 2012.

Кастру Э.В. де. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М., 2017.

Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М., 2018.

Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб., 2006.

Harding S. Rethinking Standpoint Epistemology: What Is “Strong Objectivity”? // Feminist Epistemologies. L., 1993.

Kirksey S.E., Helmpreich S. The Emergaence of Multispecies Ethnography // Cultural Anthropology. 2010. Vol. 25. № 4.

D.V. Puzanov
Izhevsk (Russia)
Udmurtian Institute of History,
Language and Literature UdmFRC UB RAS

ANTHROPOLOGY WITHOUT THE HUMAN AND EUROPE BEFORE THE SOCIAL: IS SUCH A HISTORICAL ETHNOGRAPHY POSSIBLE?

The article discusses the issue of the possibility of applying modern anthropological approaches focused on the study of ontologies of perception of the surrounding world on medieval European material. It is noted that a striking feature of such techniques is the ability to use ethnographic material to rethink the modern opposition nature / culture. But for this to become possible in the study of medieval Europe, it is necessary to move away from the habit of viewing it exclusively as the prehistory of the modern world.

Keywords: anthropology of nature, anthropology beyond the human, the Middle Ages, Europe, historical anthropology.

Н.О. Костин
г. Краков (Польша)
Ягеллонский ун-т

КОНЦЕПЦИЯ «ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СЛЕДА» В МЕТОДОЛОГИИ Ю.В. КНОРОЗОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье поднимается вопрос об использовании при изучении средневековой культуры теоретического метода «этнокультурного следа», предложенного известным историком и лингвистом Ю.В. Кнорозовым. Этносемиотический проект, предложенный исследователем, специализировался преимущественно на архаических культурах Мезоамерики, однако, на наш взгляд, концептуальный подход ученого крайне актуален и при изучении более поздних этнокультурных формирований.

Ключевые слова: этнокультурный след, этносемиотика, методология, Ю.В. Кнорозов.

Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999 гг.) — советский и российский историк, лингвист, переводчик, теоретик в области философии языка и коммуникации, основатель советской школы майянистики. Кнорозов известен в первую очередь благодаря своему яркому открытию — дешифровке письменности индейцев майя. Данное научное достижение произвело переворот не только в советской науке, но и в мировой майянистике. По его собственным словам, письменность майя была для него лишь одной, пусть и очень сложной, загадкой. Дальнейшие же открытия стали возможны благодаря его методу работы с текстом — методу позиционной статистики и перекрестного чтения[1].

Методологии он уделял особое внимание как при изучении забытых форм письменности, так и при исследовании этнокультур. Однако его теоретические работы остались в тени его практических достижений в науке. Более того, теоретические работы Кнорозова, по ряду обстоятельств акаде-

[1] *Ершова Г.Г.* Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. М., 2018.

мической жизни того времени, были опубликованы не в самых известных и широко читаемых изданиях. Совсем недавно, трудами М.Ф. Альбедиль (ученицы Кнорозова), директора МАЭ РАН А.В. Головнёва, Е.Ю. Кнорозовой (дочери Юрия Валентиновича) были изданы избранные работы ученого, целый блок которых — общетеоретические статьи[2]. В одной из данных теоретических работ, в «Особенности детских изображений»[3], Кнорозов и рассматривает «след» как концепт религиозной культуры и повседневной жизни.

Концепт «этнокультурного следа», и процессы, связанные с этим феноменом (почитание «следа божества», его сохранение и укрепление в религиозных культах), рассматриваются Кнорозовым с позиций его теории сигнализации и коммуникации — «активные зрительные сигналы первой стадии (кинеграфия) соответствуют сигналам-командам в объединениях млекопитающих, как правило, звуковым, реже — зрительным (жестикуляция и мимика). Например, черта поперек дороги означает «идти нельзя», «путь закрыт». То же ветка и тому подобное поперек дороги. Зарубка (заломленная ветка и т.п.) указывает направление пути»[4]. Фиксация сигнализации возможна в трех видах: предметное письмо, графика (т.е. изменение поверхности механическим путем и использование поверхности в качестве экспозиционного поля), и пластика/скульптура (т.е. создание трехмерных изображений из какого-либо материала). «Этнокультурный след» — отголосок архаичного предметного письма, т.е. «перемещение или сочетание каких-либо предметов без изменения их внешнего вида»[5]. Важно то, что следующие фазы (или более совершенные «коды сигнализации») не отменяют и не способствуют полному уничтожению предыдущих, но, напротив, происходит культурный синтез различных «кодов сигнализации» (при главенствующем положении наиболее удобного типа фиксации информации). Так, по словам Кнорозова, буквенное письмо не отменяет пиктографию и в современных культурах (использование дорожных знаков; а в наше время и логотипы компаний, знаковый интерфейс пользователя ПК, т.н. «иконки» и даже «смайлы»). То же самое можно применить и к отдельным проявлениям предметного письма.

Однако с «этнокультурным следом» дело обстоит несколько сложнее. Во-первых, архаичное предметное письмо присутствует в данном феномене только в качестве формы. Во-вторых, «след» непосредственно связан с определенной этнокультурой, локальной историей и традицией. В-третьих,

---

[2] *Кнорозов Ю.В.* Избранные труды. СПб., 2018.

[3] Там же. С. 47–54.

[4] Там же. С. 50.

[5] Там же.

«след» — конкретное, вещественное проявление социального аспекта религии, или, по словам Кнорозова, «коллективных практик». Для описания методологии изучения «этнокультурного следа» необходимо прояснить эти три аспекта.

Предметное письмо в данном культурном явлении представлено крайне фрагментарно и не носит динамического характера (перемещения предметов), напротив, «след» зафиксирован и сохраняется. «Этнокультурный след» относится к конкретным культурам в качестве особого места почитания, дани локальной традиции, его нельзя относить к культуре в целом — каждое такое проявление культуры носит ограниченный характер происхождения. И, наконец, «след» — явление массовое, социальное, которое перестает иметь какую-либо ценность при исчезновении традиции или культуры. В сугубо философском значении «след» как символ изучался многими исследователями[6]. Но в нашем случае плоскость вопроса совсем иная — этносемиотика. Следует добавить, что на Кнорозова как этносемиотика оказал значительное влияние его наставник С.А. Токарев[7], чьи идеи входили в противоборство с исключительно символо-семиотическим подходом В.Н. Топорова (московско-тартуской семиотической школы). Бóльшая конкретность в методе и материализм отличает и этносемиотические концепты Кнорозова.

Так что же представляет собой «этнокультурный след»? «В объективной зрительной сигнализации большое значение имеют следы действий живых существ (а в современной жизни главным образом машин), признаки метеорологических явлений (облака и тучи, предвещающие перемену погоды, следы ветра, дождя, солнца), указатели места и направления (ландшафтные ориентиры), показатели времени суток, сезонов года, возраста людей, животных, растений, машин»[8]. Но мы имеем дело с «активной сигнализацией», т.е. с продуктом сознания человека. «Опознание следов действий животных и людей было очень важным для племен в эпохи присваивающего хозяйства и составляло существенную часть научных знаний того времени. У современных детей в поле зрения попадают, естественно, следы работы машин»[9] — таким образом, «этнокультурный след» представляет собой синтез научного (для архаической культуры) и мистического. Это не след животного или небесного тела, это запечатленный след мистической/магической личности/божества. Таким образом, «этнокультурный след» — зафиксиро-

---

[6] См.: *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997. С. 98–124.

[7] *Токарев С.А.* Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

[8] *Кнорозов Ю.В.* Указ. соч. С. 51.

[9] Там же.

ванный в конкретном месте объект почитания, указывающий на посещение этого места божеством или легендарным героем традиции.

«В ряде случаев следы (реальные либо ошибочно опознанные, а иногда и выдаваемые за реальные) были объектом почитания и доказательства посещения данного места отсутствующей (в том числе умершей) квазиреальной или иррациональной личностью. Например, в китайских пиктографических надписях на бронзовых сосудах показаны следы предка, принявшего жертвенные дары. На берегу Днепра почитался след Геракла (очевидно, местного героя), на Амударье (Дульдуль-Атлаган) — след Дульдуля, коня Али (племянника Мухаммеда), в ряде мест — след Будды»[10]. В этнографическом аспекте данный феномен изучался также Г.П. Снесаревым на материале Средней Азии[11] (места почитания суфийских святых). Однако нас интересует методологический аспект феномена.

«У детей сходную роль играют следы посещения реальными, отсутствующими или иррациональными лицами (подарки Деда Мороза, Санта Клауса и т.п.)»[12] — таким образом Кнорозов делает акцент на том, что «этнокультурный след» не явление исключительно древних культур, но элемент современной жизни. Соответственно, мы можем применить данную концепцию и к средневековым культурам. Средневековые культуры Запада богаты различного рода символами, тайными знаками и т.п. (что показывает нам современная медиевистика). Однако для некоторых явлений неприемлема трактовка в качестве символа/знака. Ярким примером такого случая является «stopka Królowej Jadwigi» (след от ноги Королевы Ядвиги) в Польше, который запечатлен на одном из камней «Bazyliki Nawiedzenia Najświętszej Maryi Panny w Krakowie (Na Piasku)» (Базилики Явления Святой Девы Марии (на Песке) в Кракове (XIV в.). Этот артефакт (отпечаток следа) отсылает нас к легенде о св. Ядвиге и о чуде, связанном с ее личностью и строительством данного храма, т.е. к некой локальной истории о посещении конкретного места божественной (священной/полумистической) личностью. Этот «этнокультурный след» включен в средневековую польскую традицию и неразрывно связан с ней, однако сохраняется и в наше время. Это дает основание полагать, что в определенной мере «след» служит материальной отсылкой к национальной католической традиции для современных носителей польской культуры. Однако конкретные механизмы такого рода отсылки и отдельные детали требуют, безусловно, подробного анализа. В данном случае — это пример «этнокультурного следа» в средневековой культуре.

---

[10] Там же.

[11] *Снесарев Г.П.* Хорезмские легенды как источник религиозных культов Средней Азии. М., 1983. С. 31–46.

[12] *Кнорозов Ю.В.* Указ. соч. С. 51.

Подробные исследования с применением рассмотренного концепта Кнорозова уже осуществлены на материалах архаичных восточных культур[13], однако таковых нет в области медиевистики. По нашему мнению, метод изучения «этнокультурного следа» в рамках этносемиотической методологии Кнорозова может значительно обогатить исследования в области средневековой культуры, дать новый взгляд на многие проявления человеческой деятельности и новый инструментарий для работы с историческими источниками. В актуализации данного вопроса и заключается цель данной статьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кнорозов Ю.В. Избранные труды. СПб., 2018.

Альбедиль М.Ф. Протоиндийские храмовые надписи // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999.

Ершова Г.Г. Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. М., 2018.

Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М., 1997.

Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник религиозных культов Средней Азии. М., 1983.

Токарев С.А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964.

N.O. Kostin
Krakow (Poland)
Jagiellonian University

THE CONCEPT OF THE “ETHNOCULTURAL TRACE” IN THE METHODOLOGY OF Yu.V. KNOROZOV: TO STATEMENT OF THE PROBLEM

The article raises the question of using the theoretical method of “ethnocultural trace” proposed by the famous historian and linguist Knorozov in the study of medieval culture. The ethnosemiotic project proposed by Knorozov specialized mainly in the archaic cultures of Mesoamerica, however, in our opinion, the conceptual approach of the researcher is extremely relevant when studying newer ethnocultural formations.

Keywords: ethnocultural trace, ethnosemiotics, methodology, Yu.V. Knorozov.

[13] См.: *Альбедиль М.Ф.* Протоиндийские храмовые надписи // Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 24–38.

Я.В. Левинская
г. Краков (Польша)
Ягеллонский ун-т

К МЕТОДОЛОГИИ М.Я. СЮЗЮМОВА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Автор указывает на отсутствие комплексного анализа методологии М.Я. Сюзюмова — уральского историка-византиниста. Посредством историографического обзора актуализируется необходимость в рефлексии над творчеством ученого в рамках проблем научного познания.

Ключевые слова: методология, историография, византинистика, М.Я. Сюзюмов.

В данной работе речь пойдет об уральском византинисте — Михаиле Яковлевиче Сюзюмове (1893–1982 гг.). Историком поднимался широкий спектр вопросов в области истории Византии. Все работы автора характеризуются, прежде всего, концептуальным осмыслением исторических явлений. Творчество М.Я. Сюзюмова, по-нашему, заслуживает особого внимания с точки зрения выявления оригинальной методологии историка. Подготовительным этапом в этом процессе, помимо непосредственного анализа его работ, является изучение историографии. Отметим, что мы не претендуем на исчерпывающий историографический обзор, наша задача указать на траектории рефлексии жизни и творчества М.Я. Сюзюмова, а также потенциал для методологического исследования.

Труды М.Я. Сюзюмова как «гиперссылка». Первостепенным источником для выявления «сюзюмовского» метода, очевидно, являются труды самого историка и его последователей. На страницах данной работы мы не будем останавливать на этом пристального внимания, поскольку это требует отдельного и детального исследования. Отметим здесь лишь фигуру А.И. Романчук, посвятившую свою деятельность изучению проблемы ранневизантийского города на примере Херсонеса[1]. На наш взгляд, Алла Ильи-

[1] Многолетние труды работы представлены в монографии: *Романчук А.И.* Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т. Тюмень, 2008.

нична — один из ярких непосредственных преемников «сюзюмовской» идеи о континуитете, которая на археологическом материале продолжила изучать данную проблематику.

К сожалению, на сегодняшний день рецепция «сюзюмовской» мысли не получила широкого развития. Современное состояние Уральской школы византинитики, основателем которой стал М.Я. Сюзюмов, свидетельствует о данной лакуне. Сегодня основная тенденция научной школы, в основном, сводится к имагологическим исследованиям, отвечая потребностям одного из трендов в области гуманитаристики. Н.Э. Жигалова в статье «Fuga temporum: об Уральской школе византиноведения» пишет: «Однако, несмотря на концептуальное единство, уральских византиноведов всегда отличало разнообразие хронологических и тематических предпочтений... Такая тенденция наблюдается и сегодня»[2]. Насколько же «концептуальное единство» релевантно «сюзюмовским» идеям — вопрос, который, по большей мере, остается открытым, говоря сугубо о современном развитии уральской византинистики.

Отметим, что комплексный анализ трудов как самого историка, так и работ его последователей создал бы импульс к рецепции «сюзюмовской» методологии.

Эпистолярий. Для анализа научного познания важным остается то, что находится «по ту сторону текста». В случае нашей проблематики, нельзя не указать на эпистолярий, который может являться ключом для понимания ряда идей М.Я. Сюзюмова. А.И. Романчук отметит: «Безусловно и то, что документы из личных архивов являются чрезвычайно ценными источниками, позволяющими подчас проникать и воссоздавать тонкую ткань ускользающего времени»[3].

Опубликованные письма византинистов друг другу в работе «Византия. Византийцы. Византинисты»[4] М.А. Поляковской способствует пониманию некоторой природы исследовательских вопросов. Ценное дополнение о сравнительно-историческом методе и аналогий вносит А.И. Романчук, опубликовавшая 5 писем М.Я. Сюзюмова к Г.А. Острогорскому[5]. Т.В. Кущ

---

[2] *Жигалова Н.Э.* Fuga temporum: об Уральской школе византиноведения // Vox medii aevi. 2015. №2–3 (13–14). С. 135.

[3] *Романчук А.И.* Из эпистолярного наследия М.Я. Сюзюмова: письма к Г.А. Острогорскому // Документ. Архив. История. Современность. 2017. Вып. 17. С. 548.

[4] *Поляковская М.А*. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003. С. 297–418.

[5] *Романчук А.И.* Из эпистолярного наследия М.Я. Сюзюмова: письма к Г.А. Острогорскому...

публикует 25 писем историка к своему ученику И.П. Медведеву[6]. В корреспонденции поднимаются вопросы методологических оснований исследования: природа закономерностей, проблемы синтеза и феодализма, понятия процесса в контексте диалектического континуитета и др. В статье В.А. Кузьмина и К.Р. Капсалыковой также акцентируется внимание на проблеме континуитета в контексте предметного поля работы[7]. А.С. Моховым и К.Р. Капсалыковой были опубликованы письма М.Я. Сюзюмова и А.Л. Якобсона, посвященные дискуссии о роли археологии в изучении проблемы континуитета[8]. Статья К.Р. Капсалыковой «М.Я. Сюзюмов как популяризатор науки»[9] демонстрирует внимательность и точность М.Я. Сюзюмова в работе с историческим материалом. Отметим, что это не исчерпывающий список опубликованной корреспонденции. Мы выделили лишь те, которые в большой степени проливают свет на «сюзюмовскую» методологию.

Биография: жизнь и творчество. На сегодняшний день значительный вклад в изучение научной биографии вносят А.С. Мохов и К.Р. Капсалыкова. Статья В.Д. Камынина в каком-то смысле διθύραμβος упомянутым авторам[10]. Издатели отмечают: «Зачастую они [*прим автора:* некоторые, опубликованные о М.Я. Сюзюмове, статьи] содержали неподтвержденные архивными материалами данные»[11] — нам сложно оценить данный тезис, однако отметим, что комплексная и исчерпывающая научная биография М.Я. Сюзюмова стала бы прорывом в изучении наследия историка.

---

[6] *Кущ Т.В.* Чтобы не рассыпалась наша свердловская семейка византинистов: письма М.Я. Сюзюмова к И.П. Медведеву // Античная древность и средние века (*Далее* — АДСВ). 2015. Вып. 43. С. 10–39.

[7] *Кузьмин В.А., Капсалыкова К.Р.* Из истории формирования уральской школы международников: М.Я. Сюзюмов об И.Н. Чемпалове // Научный диалог. 2019. № 8. С. 273–286.

[8] *Мохов А.С., Капсалыкова К.Р.* «Без ваших работ не может быть археологии Крыма и Херсонесе...»: переписка М.Я. Сюзюмова и А.Л. Якобсона // АДСВ. 2017. Вып. 45. С. 176–197.

[9] *Капсалыкова К.Р.* М.Я. Сюзюмов как популяризатор науки // I Уральский историко-архивный форум. Екатеринбург, 2020. С. 541–547.

[10] *Камынин В.Д.* Создание источниковой базы о деятельности историков УрГУ им. А.М. Горького (на примере М.Я. Сюзюмова) // I Уральский историко-архивный форум… С. 634–641.

[11] *Мохов А.С., Капсалыкова К.Р.* «Три империи» Михаила Сюзюмова // Сюзюмов М.Я. Византийское государство и византийская культура в X–XI веках. Екатеринбург, 2018. С. 7.

Одним из пионеров публикаций о Михаиле Яковлевиче стал Р.Г. Пихоя. Статья, опубликованная в 1973 г., была приурочена к юбилею М.Я. Сюзюмова[12]. Комплекс работ о творчестве и жизни историка был подготовлен М.А. Поляковской[13] — непосредственной ученицей историка. А.С. Мохов и К.Р. Капсалыкова отмечают вклад А.П. Каждана, Н.Н. Алевраса, Л. Дубьевой[14]. В 1996 г. Государственным Архивом Свердловской области (ГАСО) была подготовлена подборка документов, в т.ч. автобиография М.Я. Сюзюмова[15]. А.С. Козлов предпринял попытку понять «феномен Сюзюмова» посредством поиска методологических оснований в работах историка[16]. Особенно оригинальным представляется сравнение исследовательских принципов М.Я. Сюзюмова с методологией школы «Анналов»[17]. Ряд статей посвящены отдельным сюжетам жизни и творчества М.Я. Сюзюмова.

Мы не претендуем на исчерпывающее историографическое описание в рамках представленной работы. Наша задача, прежде всего, заключалась в том, чтобы продемонстрировать направления, в рамках которых проходила и проходит рецепция наследия М.Я. Сюзюмова. На наш взгляд, лакуной остается анализ методологических оснований в работах историка. Анализ «сюзюмовской» методологии и эпистемологических подходов во многом поспособствует более детальной рефлексии над идеями историка, которые являются кладезем в контексте проблем научного познания. Слова Х-Г. Гадамера: «Мыслить исторически — значит проделать те изменения, которые претерпевают понятия прошедших эпох»[18] в особенности актуализирует проблематику и необходимость решения новых не только методологических, но и герменевтических задач.

---

[12] *Пихоя Р.Г.* Михаил Яковлевич Сюзюмов. (К 80-летию со дня рождения) // АДСВ, 1973. Вып. 10. С. 4–20.

[13] Некоторые работы М.А. Поляковской о М.Я. Сюзюмове: Оценка периода генезиса византийского феодализма в трудах М.Я. Сюзюмова. (к 95-летию со дня рождения) // АДСВ. 1988. Вып. 24. С. 7–19; М.Я. Сюзюмов: парадоксы жизни и творчества // Известия Уральского государственного университета. 1995. № 4. С. 56–63; Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // Византийский временник. 1993. Т. 54. С. 170–182 и др.

[14] *Мохов А.С., Капсалыкова К.Р.* «Три империи» Михаила Сюзюмова... С. 7–9.

[15] Сюзюмов Михаил Яковлевич. Екатеринбург, 1996.

[16] *Козлов А.С.* Научный подвиг Сюзюмова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 255–259.

[17] Там же. С. 258.

[18] *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 462.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.

Жигалова Н.Э. Fuga temporum: об Уральской школе византиноведения // Vox medii aevi. 2015. №2–3 (13–14).

Камынин В.Д. Создание источниковой базы о деятельности историков УрГУ им. А.М. Горького (на примере М.Я. Сюзюмова) // I Уральский историко-архивный форум. Екатеринбург, 2020.

Капсалыкова К.Р. М.Я. Сюзюмов как популяризатор науки // I Уральский историко-архивный форум. Екатеринбург, 2020.

Козлов А.С. Научный подвиг Сюзюмова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79).

Кузьмин В.А., Капсалыкова К.Р. Из истории формирования уральской школы международников: М.Я. Сюзюмов об И.Н. Чемпалове // Научный диалог. 2019. № 8.

Кущ Т.В. Чтобы не рассыпалась наша свердловская семейка византинистов: письма М.Я. Сюзюмова к И.П. Медведеву // Античная древность и средние века (*Далее* — АДСВ). 2015. Вып. 43.

Мохов А.С., Капсалыкова К.Р. «Без ваших работ не может быть археологии Крыма и Херсонесе...»: переписка М.Я. Сюзюмова и А.Л. Якобсона // АДСВ. 2017. Вып. 45.

Мохов А.С., Капсалыкова К.Р. «Три империи» Михаила Сюзюмова // *Сюзюмов М.Я.* Византийское государство и византийская культура в X–XI веках. Екатеринбург, 2018.

Пихоя Р.Г. Михаил Яковлевич Сюзюмов. (К 80-летию со дня рождения) // АДСВ. 1973. Вып. 10.

Поляковская М.А. Византия, византийцы, византинисты. Екатеринбург, 2003.

Поляковская М.А. М.Я. Сюзюмов: парадоксы жизни и творчества // Известия Уральского государственного университета. 1995. № 4.

Поляковская М.А. Оценка периода генезиса византийского феодализма в трудах М.Я. Сюзюмова. (к 95-летию со дня рождения) // АДСВ. 1988. Вып. 24.

Поляковская М.А. Ученый и время: К 100-летию со дня рождения М.Я. Сюзюмова // Византийский временник. 1993. Т. 54.

Романчук А.И. Из эпистолярного наследия М.Я. Сюзюмова: письма к Г.А. Острогорскому // Документ. Архив. История. Современность. 2017. Вып. 17.

Романчук А.И. Исследования Херсонеса—Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы: в 2 т. Тюмень, 2008.

Сюзюмов Михаил Яковлевич. Екатеринбург, 1996.

I.V. Levinskaia
Krakow (Poland)
Jagiellonian University

TO THE METHODOLOGY OF M. JA. SJUZJUMOV: THE HISTORIOGRAPHIC ASPECT

The author points out the lack of a comprehensive analysis of the methodology of M.Ja. Sjuzjumov — Ural historian of Byzantium. Through the historiographic review, the need for reflection on the work of a scientist within the framework of the problems of scientific knowledge is actualized.

Keywords: methodology, historiography, Byzantine studies, M.Ja. Sjuzjumov.

К.К. Вахрушева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

«МЕСТЬ ДРЕВЛЯНАМ» И РЕФОРМЫ КНЯГИНИ ОЛЬГИ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ XVIII — 1-й ПОЛОВИНЫ XIX в.

В статье рассматривается изучение проблемы «мести древлянам» и реформ княгини Ольги в отечественной историографии XVIII — сер. XIX вв. Приведены различные мнения исследователей по основным спорным вопросам в изучении темы: мотивы действий княгини; соотношение таких понятий, как «урок», «погост», «дани» и т.д.; степень распространенности нововведений Ольги по территории государства. Анализ взглядов историков осуществляется в хронологическом порядке. Указаны источники, на которые опирались исследователи при изучении настоящей проблемы.

Ключевые слова: историография, княгиня Ольга, Игорь, уроки, погосты, древляне.

Месть Ольги древлянам и последующие преобразования в системе сбора дани — одно из ключевых событий в жизни княгини. Описание данного эпизода жизни Ольги занимает значительное место в ее жизнеописании, содержащемся в Повести временных лет и житии княгини. Именно по этой причине исследователи неоднократно обращались в своих работах к этой проблеме, в том числе и историки периода становления отечественной исторической науки.

Первым историком, которому, по словам А.Л. Шлецера, выпала честь проломить «лед в русской истории» был В.Н. Татищев[1]. В его фундаментальной «Истории Российской» глава о княжении Святослава Игоревича начинается с рассказа о мести Ольги древлянам, после которой в 948 г. княгиня приказала основать новый город — Плесков. Что касается реформы Ольги, то историк представляет известия летописи, не давая собственных пояснений[2].

---

[1] *Алпатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 13.

[2] *Татищев В.Н.* История Российская с древнейших времен. Кн. 2. М., 1773. С. 36–41.

В работе М.В. Ломоносова глава, посвященная Ольге, начинается с известия о том, что древляне решили женить своего князя на княгине, которая горевала по убитому мужу и затеяла месть убийцам. Далее следует повествование о мести Ольги, в котором ученый дает небольшую оценку действиям древлян, доверявшим всем словам княгини: «О сельская простота!»[3]. Также автор отмечает, что Нестор мог что-нибудь упустить при описании мести в бане, когда прибывшие древляне не поинтересовались судьбой посланных ранее в Киев послов. Повествование заканчивается установлением Ольгой уроков и погостов[4].

По мнению М.М. Щербатова, после убийства Игоря древляне решили не только сохранить свою вольность, но и завладеть всеми русскими землями без кровопролития, путем свободного или принудительного супружества Ольги с князем Малом, после чего Святослава следовало убить[5]. Далее по причине боязни силы древлян, а также желания избавиться от лучших правителей их земли или от людей, причастных к убийству ее мужа, Ольга послала гонца к древлянам, чтобы те прислали еще несколько своих представителей. Ученый отмечает, что некоторые исследователи видят начало правления Святослава сразу после смерти Игоря, однако М.М. Щербатов считает, что князь был еще мал и от его имени правила Ольга[6].

Далее историк пишет, что после подавления восстания древлян княгиня отправилась объезжать, принадлежавшие ей как главе государства территории, налагая дани, строя села и деревни, разделяя их в погосты. По мнению М.М. Щербатова, существовал обычай, согласно которому князь, принимающий правление, должен был объезжать свои владения с целью установления новых размеров дани[7].

Уже в этот период историки начинают понимать, что не стоит всецело доверять Повести временных лет. Так, А.Л. Шлецер считает, что описания событий правления Ольги представляют собой «вздорные басни и несообразности»[8]. Н.М. Карамзин утверждает, что летописная повесть о мести Ольги древлянам является основанной на народной сказке, и нельзя

---

[3] *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766. С. 75.

[4] Там же. С. 73–79.

[5] *Щербатов М.М.* История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. С. 214–215.

[6] Там же. С. 216, 217–218.

[7] Там же. С. 220.

[8] *Шлецер А.Л.* Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809. С. 29.

всецело доверять ей. Исследователь не удивляется жестокости княгини, так как таковы были нравы того времени. Истинное происшествие автор видит лишь в убийстве древлянских послов в Киеве[9]. Н.С. Арцыбашев о мести Ольги древлянам пишет следующее: «Баснословие Несторово, недостойное места в Истории, простирается до известия о взятии Ольгою Коростеня»[10].

О реформе Ольги Н.М. Карамзин пишет следующее: на древлян княгиня наложила налоги для «государственной казны», треть которых шла в ее собственный город Вышгород, полученный ею в качестве вена. Через год Ольга отправилась в Новгородскую землю, по Мсте и Луге установила «государственные» дани, разделила эту территорию на погосты или волости[11].

Н.А. Полевой в своей работе «История русского народа» выдвигает точку зрения о том, что еще при жизни Игоря Ольга обладала большим политическим влиянием, так как ее имя вносилось в договоры киевского князя с другими народами и, возможно, княгиня владела особенным княжеством[12]. Также историк придает правлению Ольги значительную роль в установлении государственности на Руси. Во-первых, она усмирила древлян и присоединила их земли к Киевскому княжеству. Во-вторых, княгиня усилила свою власть в Новгороде, путем введения погостов, оброков и даней[13].

По мнению Н.С. Арцыбашева, подавив восстание древлян, Ольга таким образом включила их территорию в состав Киевского государства, после чего учредила там «законы и повинности». В отношении Новгородской земли историк повторяет известия Повести временных лет[14].

Постепенно историки начинают обращать внимание на характер власти княгини Ольги. Ученик А.Л. Шлецера, И.Ф.Г. Эверс, пишет, что после смерти Игоря Ольга не стала княгиней в прямом смысле этого слова, то есть она не являлась правительницей государства. Если бы это произошло, Нестор обязательно бы упомянул об этом прямо или с помощью «случайного слова». По мнению исследователя, власть могла перейти только к сыну, но так как он был мал, ему требовался попечитель из числа мужских родственников. Когда таковые отсутствуют, попечителем могла стать и женщина, то есть мать, но ей обязательно должен был помогать представитель мужского

---

[9] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818. С. 186, 190–191.

[10] *Арцыбашев Н.С.* Повествование о России. Т. 1. М., 1838. С. 28.

[11] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 191–193.

[12] *Полевой Н.А.* История русского народа. Т. 1. М., 1997. С. 121–122.

[13] Там же. С. 129–132.

[14] *Арцыбашев Н.С.* Указ. соч. С. 30–31.

пола, так как женщина, согласно представлениям тех лет, не могла управлять всем княжеским хозяйством. Опираясь на эти доводы, И.Ф.Г. Эверс считает, что Ольга была «наместницей», «попечительницей» при сыне, а Асмунд и Свенельд «были на то согласны и помогали ей»[15].

По мнению исследователя, месть со стороны жены не была обязательной, но Ольга имела два «побуждения» для этого. Первое — это супружеская любовь к Игорю, а второе — обязанность попечения о Святославе. Ольга была женщиной, следовательно, отомстить с помощью силы она не могла, поэтому княгиня использовала хитрость. Эта месть позволила доказать, что Ольга достойна управлять государством за своего сына при помощи Асмунда и Свенельда. И.Ф.Г. Эверс замечает некоторые детали. Во-первых, Ольга не присутствует при убийстве древлян на тризне и на последующем сражении с ними. Во-вторых, предводителем первого сражения становится именно Святослав. В-третьих, в отношении будущего древлян ученый отмечает, что «в первый раз мы видим здесь осуждение на рабство, как следствие преступления (вины)»[16].

И.Ф.Г. Эверс первым подробно рассмотрел реформы, осуществленные Ольгой. По его мнению, поскольку все земли государства принадлежали князю, а Ольга управляла княжеским хозяйством, то она могла по своему усмотрению учреждать уставы, под которыми историк понимает все учреждения, которые Ольга организовала в земле древлян. Об уроках и оброках исследователь пишет, что последние были известны еще при Олеге, урок же — это определенный размер дани. Также понятие «уроки» исследователь рассматривает и в качестве пошлины, которую платили должностным лицам, присланным на данную территорию. И.Ф.Г. Эверс отдельно отмечает, что преобразования Ольги касались только Древлянской и Новгородской земель. Известие о том, что княгиня устанавливала уроки и погосты «по Луге», вызывает у историка сомнение, он считает его позднейшей припиской. Исследователь делает предположение о том, что лучше везде читать это известие по Архангелогородскому списку: «помости» вместо «по Мсте». Но почему именно Древлянская и Новгородская земли? В земле древлян нововведения были учреждены по причине их восстания, для наведения порядка. А что касается Новгородской земли то, по мнению И.Ф.Г. Эверса, Ольга происходила из псковской знатной семьи, что позволяло ей провести свои реформы на этой территории. Таким образом, княгиня устроила в Новгородской земле «помости», то есть мосты, «погосты» (разделила эту территорию на округа) и «дани». Одна треть дани, взимаемой с древлян,

[15] *Эверс И.Ф.Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 52–55.

[16] Там же. С. 57–59.

шла в Вышгород. Историк объясняет это обстоятельство тем, что этот город мог принимать участие в подавлении восстания древлян[17].

Далее И.Ф.Г. Эверс приводит отрывок из так называемого Раскольничьего списка, найденного В.Н. Татищевым, согласно которому в 964 г. Ольга отменила «Княжее» (обычай, по которому первая ночь крепостных невест принадлежала господину). Однако исследователь пишет, что это действие княгини нельзя считать «правительственной мерой». Вероятнее всего, она отменила это право только в собственных владениях. Прибавляется то обстоятельство, что к этому времени, согласно летописи, Святослав уже возмужал, и ему не требовалась помощь матери в управлении государством. По этой причине упоминание об отмене «Княжего» отсутствует в остальных списках, поскольку оно не касается всего государства[18].

Также к проблеме преобразований Ольги обращается в своей работе о финансах Древней Руси Ю.А. Гагейместер. О дани, возложенной княгиней на древлян, исследователь пишет, что она не являлась установлением нового сбора, а была лишь точным определением уже собираемой дани[19]. Далее историк ставит вопрос, по какой же причине Ольга «делает новые установления в самом отдаленном от столицы своей крае». Это обстоятельство он объясняет тем, что Новгород был первой столицей «Русских Князей», и княгиня была уроженкой Пскова. Ю.А. Гагейместер считает, что распоряжения Ольги касались не всего племени чудь, а только берегов Луги. Исследователь отмечает мирный характер этой поездки в Новгородскую землю[20]. Также историк отмечает, что княгине принадлежало село Ольжичи и Вышгород, который так же, как и считал Н.М. Карамзин, был дан Ольге при замужестве, так как он не мог принадлежать ее отцу из-за того, что находился на юге[21]. Что касается определения различных понятий, касающихся реформы княгини, то «данью» Ю.А. Гагейместер называет любую подать. Под «оброком» исследователь понимает налог, собираемый натурой, а «уроками именовались всякого рода окладные сборы, т.е. определенные относительно количества их и времени поступления»[22].

А. Рейц, ученик И.Ф.Г. Эверса, пишет о том, что после смерти Игоря Ольга отомстила древлянам, убив «начальника и сильнейших в племени»

---

[17] Там же. С. 65–77.

[18] Там же. С. 79–85.

[19] *Гагейместер Ю.А.* Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833. С. 13–15.

[20] Там же. С. 18–19.

[21] Там же. С. 19–20.

[22] Там же. С. 22.

и действовала на их земле, как на территории своего государства[23]. Из слов исследователя можно понять, что Ольга действительно правила. Святослав же в основном занимался внешними войнами, а княгиня вплоть до своей смерти управляла внутренними делами. Но по какому праву вдова князя Игоря встала во главе государства? Во-первых, Святослав не был готов к правлению. Во-вторых, править государством мог только член княжеской семьи, по этой причине близкие мужи Игоря не могли претендовать на эту роль. То обстоятельство, что дружина приняла Ольгу в качестве главы государства, подтверждает, по мнению А. Рейца, версию о том, что она принадлежала к княжескому роду[24]. Историк утверждает, что Ольга владела собственным городом Вышгородом и после подавления восстания древлян получила часть их земли. Месть Ольги А. Рейц считает делом обычным, поскольку в те времена это было даже похвально[25]. Исследователь пишет о невозможности определения оснований, на которых в некоторых землях Ольга устраивала погосты. Под погостами историк понимает поселения, в которых княгиня останавливалась погостить и собрать подати[26].

Подводя итог всему вышесказанному, по вопросу мести княгини Ольги древлянам и ее последующих преобразований у отечественных историков не сложилось единого мнения. В период с XVIII в. по 1-ю пол. XIX в. исследователи в основном опирались на известия Повести временных лет, однако уже тогда ученые начали понимать, что известия о мести Ольги носят баснословный характер. Наиболее полное исследование поставленной проблемы в данном периоде было проведено И.Ф.Г. Эверсом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985.

Арцыбашев Н.С. Повествование о России. Т. 1. М., 1838.

Гагеймейстер Ю.А. Разыскания о финансах древней России. СПб., 1833.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 1. СПб., 1818.

Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб., 1766.

Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. М., 1997.

Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836.

---

[23] *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 20.

[24] Там же. С. 21, 23.

[25] Там же. С. 27, 57.

[26] Там же. С. 48.

Татищев В.Н. История Российская с древнейших времен. Кн. 2. М., 1773.

Шлецер А.Л. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке. СПб., 1809.

Щербатов М.М. История российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.

Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835.

K.K. Vahrusheva
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

"REVENGE TO THE DREVLYANS" AND THE REFORMS OF PRINCESS OLGA IN THE WORKS OF DOMESTIC RESEARCHERS 18th — 1 HALF OF 19th CENTURIES

The article examines the study of the problem of "revenge on the Drevlyans" and the reforms of Princess Olga in the national historiography of the 18th – 1st half of the 19th centuries. Various opinions of researchers on the main controversial issues in the study of this topic are given: motives of the princess's actions; the ratio of concepts such as "urok", "pogost", "tribute", etc .; the degree of prevalence of Olga's innovations on the territory of the state. Historians are mentioned in chronological order. The sources on which the researchers relied when studying this problem are indicated. Based on the above opinions of historians, a conclusion is drawn about the nature of the research of this period.

Keywords: historiography, Princess Olga, Igor, urok, pogost, Drevlyans.

А.Н. Бахрамова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

МЕСТО РУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В СИСТЕМЕ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ТРАКТОВКЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 2-й ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI в.

В статье анализируется новейшая отечественная историография проблемы места и роли русских земель в политической системе Золотой Орды. Исследуются взгляды историков 2-й пол. XX — нач. XXI в. на характер политической зависимости русских княжеств, анализируется дискуссия по вопросу входили или нет завоеванные русские земли в состав Золотоордынского государства.

Ключевые слова: историография, Золотая Орда, русские княжества, вассалитет, иго.

Проблема ордынского ига на Руси традиционно вызывает повышенный интерес исследователей. Одним из наиболее спорных является вопрос о месте русских земель в системе золотоордынской государственности. Большое влияние на историографию вопроса оказала монография Б.Д. Грекова и А.Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение». В ней Б.Д. Греков обосновал точку зрения, согласно которой русские земли не вошли в состав Золотой Орды и обладали политической автономией, но в то же время находились в вассальной зависимости от ханов[1].

Мнение Б.Д. Грекова на долгое время возобладало в отечественной исторической науке. Например, крупнейший исследователь проблемы русско-ордынских отношений, В.В. Каргалов, писал, что завоеванная монголо-татарами Русь не стала частью Золотой Орды, а сохранила свой политический и общественный строй, хотя и попала в вассальную зависимость от хана[2]. По его мнению, одной из причин почему Русь не вошла в состав Орды, было то, что на начальных этапах становления ига завоеватели встретили сильное сопротивление со стороны Руси, многие крупные центры уцелели и сохранили свой военный и экономический потенциал (Новгород,

[1] *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М., 1950. С. 220–221.
[2] *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966. С. 105.

Псков, Смоленск, Белоозеро). Также важную роль играло географическое расположение Руси (зона тайги, междуречье Оки и Волги, Русский Север), где не было природных условий для постоянного пребывания больших масс ордынской конницы и по этой причине хан использовал имеющуюся на Руси государственную систему, ограничиваясь контролем за деятельностью русских князей и карательными походами в случае любого неповиновения[3].

В.Л. Егоров так же акцентировал внимание на том, что природные и растительные особенности географического пояса, где располагались русские земли, не соответствовали привычным нормам ведения кочевого хозяйства[4]. Однако автор выделяет еще т.н. «буферные зоны», ограничивавшие русские пределы с юга. Инициаторами создания подобных зон, по его мнению, были монголы, с целью эксплуатации русского населения, сохранившегося в порубежных районах. Буферные зоны не представляли непрерывной полосы, тянувшейся вдоль южной кромки русских княжеств. Каждая из них являлась замкнутым владением, власть в котором находилась в руках золотоордынских феодалов или откупщиков[5].

Особое место в изучении рассматриваемого вопроса занимает точка зрения Л.Н. Гумилева, согласно которой Русь монголами не была ни подчинена, ни покорена[6]. Имели место союзнические отношения, выражавшиеся в виде защиты монголами русских городов за некоторую плату. В ответ и русские помогали монголам, предоставляя им военные силы[7].

В постсоветской историографии сложилась сложная ситуация. Ряд последователей развивают идеи Б.Д. Грекова, но с учетом некоторых отговорок. Например, А.А. Горский считает, что Русь не вошла в состав Орды, а осталась под властью своих князей, которые, в свою очередь, находились в зависимости от хана. Автор отказывается от определения ордынского господства над Русью как «ига» и употребляет термин «зависимость», которая выражалась в утверждении ханами князей на столах посредством грамот-ярлыков на княжение, выплате дани-выхода и ряда других поборов, обязанности оказывать монголам военную помощь[8].

Идею Б.Д. Грекова о вассальной зависимости Руси от Орды развивают современные исследователи Т.Р. Галимов, Р.Ю. Почекаев, А.А. Майоров, В.Н. Рудаков. Так В.Н. Рудаков писал о зависимости русских земель от Ор-

---

[3] *Каргалов В.В.* Русь и кочевники. М., 2008. С. 192–193.

[4] *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М., 1985. С. 122.

[5] Там же. С. 23.

[6] *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 313.

[7] *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. М., 1992. С. 132–133.

[8] *Горский А.А.* Русское Средневековье. М., 2010. С. 135–136.

дынского хана и о серьезных изменениях, с течением времени, этой зависимости[9]. Т.Р. Галимов подчеркивал, что после вторжения монголов на Русь вскоре оформляется вассальная зависимость Руси от Орды[10]. По мнению Р.Ю. Почекаева, ханская юрисдикция действовала исключительно на территории Золотой Орды, не распространяясь на русские княжества. Русские князья прибегали к ханскому суду лишь в случаях споров между правителями отдельных княжеств или между претендентами на княжеский стол в рамках одного княжества, иногда ханы сами призывали на суд своих вассалов, в которых могли сомневаться; вассалов, нарушавших свои обязательства, ханский суд иногда приговаривал к смерти, что походит на отношения «вассал-сюзерен»[11].

А.А. Майоров, касаясь организации системы властвования Орды в Черниговской земле, утверждал, что после Батыева разорения, здесь во 2-й пол. XIII в. возникли административно-государственные образования, правители которых признавали сюзеренитет Монгольской империи и наследовавшего ей в Восточной Европе Улуса Джучи. Князья утверждались на своих столах монгольской администрацией на правах вассалов[12].

Особую позицию среди современных исследователей занимает Ю.В. Кривошеев, попытавшийся соединить концепции Л.Н. Гумилева (о союзнических отношениях Руси и Орды) и И.Я. Фроянова (о городах-государствах). При этом хронологию существования городов-государств исследователь распространяет и на монгольский период русской истории, отмечая большую роль городских общин, мнение которых учитывали ханы при выдаче княжеских ярлыков[13].

В то же время в постсоветской историографии набирает силу точка зрения, согласно которой русские земли входили в состав Золотой Орды. Так,

---

[9] *Рудаков В.Н.* Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI вв. // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25). С. 25–28.

[10] *Галимов Т.Р.* Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополичьей кафедры и Русской церкви во второй половине XIII — начала XIV вв. // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2016. С. 428–452.

[11] *Почекаев Р.Ю.* И вновь к вопросу о действии золотоордынских правовых институтов на Руси // Там же. С. 425.

[12] *Майоров А.А.* Роль Золотой Орды в формировании структур управления на севере Черниговского княжества второй половины XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 1. С. 60.

[13] *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015. С. 226–231.

по мнению Н.В. Блинова, Русь являлась частью единого государства «Золотая Орда», а князь был управляющим, лишенным всей полноты власти, поскольку это был не добровольный союз, а захват, насильственное принуждение и управление, постоянное вмешательство в хозяйственную жизнь, где княжья воля могла существовать в рамках интересов правителей Золотой Орды[14].

И.И. Назипов, рассматривая вопрос о государственной принадлежности русских земель Золотой Орде, считает, что русские земли не всегда были частью Ордынского государства. Он выделяет следующие периоды, когда русские земли входили в состав Золотой Орды: 1242–1361 гг., 1382–1395 гг., 1412–1414 гг., 1445–1461 гг., 1446–1447 гг.[15] Период суверенного статуса русских земель автор связывает с началом междоусобной войны в Орде, в ходе которой московские князья начинают активно бороться за суверенитет. Это: 1362 — сентябрь 1382 гг., 1395–1411 гг., 1415–1427 гг. В периоды 1428 – лето 1445 гг. и 1461–1480 гг. Северо-Восточная Русь признавала над собой власть ордынского хана[16].

И.Н. Данилевский, касаясь вопроса о вхождении Руси в состав улуса Джучи, считает, что все изменения, которые проводились ханом, должны были отражаться на политическом строе, социальной структуре и экономике Руси. То есть, даже сам факт получения русскими князьями ярлыков на княжение знаменовал собой изменение системы управления русскими землями. По мнению исследователя, после получения русскими князьями ярлыка на княжение, они включились в ордынскую систему жесткого вертикального подчинения, а министериальные тенденции в развитии русской государственности приобрели прекрасную питательную среду[17].

Интересные соображения по рассматриваемой проблеме высказал Ю.В. Селезнев. По его мнению, после завоевания Руси монголо-татарами большинство князей, владевших землями как разоренных Батыем, так и не подвергшихся опустошительному нашествию, признали власть хана, получив в Сарае ярлыки на свои княжества. Управленческие модели древнерусского общества оказались вовлеченными в систему восточной деспотии, которой и являлась Монгольская империя. Исследователь отмечает

---

[14] *Блинов Н.В.* Русь как улус Золотой Орды. Из истории государств // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2006. № 2 (21). С. 7–8.

[15] Там же. С. 47–49.

[16] *Назипов И.И.* Русские земли по отношению к Улусу Джучи: Это государство-вассал или часть Ордынского государства // Вестник Пермского ун-та. 2012. № 2 (6). С. 43.

[17] *Данилевский И.Н.* Русские земли в правовой системе улуса Джучи // Труды по Россиеведению. Вып. 6. М., 2016. С. 217.

особенное, полузависимое положении Новгородской земли, объясняя это тем, что Новгород не был завоеван Батыем и затем после закрепления его за Владимирским великим княжеством все отношения Новгорода с ханами осуществлялись посредством великого князя Владимирского, который считался и великим князем Новгородским. Таким образом, Новгород не был подчинен хану, который не отправлял наместников в этот город и не назначал там должностных лиц, что позволило Новгороду развивать собственную управленческую модель, которая продолжилась и усилилась с ослаблением центральной власти в Орде в 1360–1380-е гг.[18]

Таким образом, в отечественной историографии 2-й пол. XX — нач. XXI в. отсутствует единый взгляд на вопрос о месте русских земель в системе золотоордынской государственности. Большинство исследователей придерживаются мысли, что Русь не входила в состав Орды, а находилась по отношению к ней в вассальной зависимости: Б.Д. Греков, В.Л. Егоров В.В. Каргалов, В.Н. Рудаков, Т.Р. Галимов, Р.Ю. Почекаев, А.А. Майоров; с некоторыми оговорками — А.А. Горский. Мнение о том, что русские земли входили в состав Золотой Орды отстаивают Н.В. Блинов, И.И. Назипов и И.Н Данилевский. Особую позицию занимают Л.Н. Гумилев и Ю.В. Кривошеев, которые преуменьшают степень зависимости русских земель от Орды и акцентируют внимание на союзнических отношениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Блинов Н.В. Русь как улус Золотой Орды. Из истории государств // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2006. № 2 (21).

Галимов Т.Р. Влияние Орды на каноническо-правовой статус митрополичьей кафедры и Русской церкви во второй половине XIII — начала XIV вв. // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2016.

Горский А.А. Русское Средневековье. М., 2010.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.

Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М., 1992.

Данилевский И.Н. Русские земли в правовой системе улуса Джучи // Труды по Россиеведению. Вып. 6. М., 2016.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь. М., 1966.

Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.

[18] *Селезнев Ю.В.* Новгородская земля в системе Ордынской государственности // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2011. № 63. С. 59–60.

Майоров А.А. Роль Золотой Орды в формировании структур управления на севере Черниговского княжества второй половины XIII в. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7. № 1.

Назипов И.И. Русские земли по отношению к Улусу Джучи: Это государство-вассал или часть Ордынского государства // Вестник Пермского ун-та. 2012. № 2 (6).

Почекаев Р.Ю. И вновь к вопросу о действии золотоордынских правовых институтов на Руси // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. Вып. 6. СПб., 2016.

Рудаков В.Н. Концепция ордынского «ига» и отношения с Ордой в русском общественном сознании второй половины XIII–XVI вв. // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 4 (25).

Селезнев Ю.В. Новгородская земля в системе Ордынской государственности // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2011. № 63.

A.N. Bakhramova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE PLACE OF RUSSIAN LANDS IN THE SYSTEM OF THE GOLDEN HORDE STATEHOOD IN THE INTERPRETATION OF THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 20th — BEGINNING OF THE 21th CENTURY

The article analyzes the latest domestic historiography of the problem of the place and role of Russian lands in the political system of the Golden Horde. Russian Russian historians views of the second half of the 20th — beginning of the 21th century on the nature of the political dependence of the Russian principalities are studied, the discussion on the question of whether or not the conquered Russian lands were part of the Golden Horde state is analyzed.

Keywords: historiography, Golden Horde, Russian principalities, vassalage, yoke.

А.Д. Байкова
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

РОЛЬ ЦЕРКВИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОМ ОБОСНОВАНИИ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОГО ЕДИНОГО ГОСУДАРСТВА В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена постсоветской отечественной историографии роли церкви в идеологическом обосновании великокняжеской власти на заключительном этапе становления Русского единого государства. Выделяются основные вопросы в изучении данной проблемы, анализируются основные подходы исследователей к их решению.

Ключевые слова: церковь, идеологическое обоснование, Русское государство, великокняжеская власть, самодержавие.

На протяжении всей истории Руси церковь как самостоятельный политический институт играла большую роль в государстве. С образованием единого Русского государства стала усиливаться светская власть и роль единодержавия, начал складываться центральный аппарат управления. В этих условиях возникла потребность в соответствующем идеологическом обосновании великокняжеской власти. Новая религиозно-политическая теория должна была укрепить положение монарха внутри страны и на международной арене, объединить разные социальные структуры, поддерживающие монарха. С помощью нового идеологического обоснования своей власти государь должен был подчинить под свою власть церковь, сформировать представления подданных о власти правителя.

Данное исследование посвящено постсоветской отечественной историографии вопроса о роли церкви в идеологическом обосновании великокняжеской власти в период правления Ивана III (1462–1505 гг.).

Своеобразным мостом от советской историографии к постсоветской стали труды Н.С. Борисова и Р.Г. Скрынникова. Оба исследователя отме-

чают, из-за того, что Иван III намерен был дать своей власти новое идеологическое обоснование, назрели конфликты между духовенством и светской властью, связанные с самодержавными устремлениями монарха, грозившими традиционным правам церкви. Но несмотря на это, у государя были и сторонники в кругу духовенства[1].

По мнению Б.А. Успенского, «новый элемент в систему русских религиозно-политических представлений вносят Флорентийская уния»[2] и падение Византии, вследствие чего «Россия оказалась единственным православным государством… а русский великий князь — единственным независимым православным монархом»[3]. Падение Константинополя приблизительно совпало по времени с окончательным свержением в России татарского господства. На Руси эти события связываются: в то время как в Византии имеет место торжество ислама над православием, в России — торжество православия над исламом. Россия занимает место Византии, а русский великий князь — место византийского василевса», что «открывает новые возможности для религиозного восприятия русского монарха»[4].

Первой монографической работой в постсоветской историографии, посвященной идеологическому обоснованию великокняжеской и царской власти в России кон. XV — нач. XVII в. стала диссертация М.Л. Шмыковой. По мнению исследовательницы, «в русской книжности конца XV — первой половины XVI в. была сформулирована идея о том, что одна из главных функций царской власти заключалась в защите веры и охране чистоты православия. В XVI в., когда Россия вышла на путь широких завоеваний, эта идея стала составной частью политической идеологии Московской Руси»[5].

К сходным выводам пришла М.Б. Плюханова. Проанализировав «Послание на Угру» архиепископа Вассиана, исследовательница отметила, что произведение содержит «идеи и формулы, превышающие требования исторического момента 1480 г. … и расширенно толкует миссию великого

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 98, 155–156; *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988. С. 125–126.

[2] *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 213.

[3] Там же.

[4] Там же.

[5] *Шмыкова М.Л.* Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV — XVII вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 18.

князя — борьбу с агарянами»[6]. Мысль о битвах с агарянами, отвоевании у турок греческой земли и принятия византийского наследства, по мнению М.Б. Плюхановой, принадлежит не самому Вассиану, а римским грекам, снаряжавшим византийскую принцессу замуж за великого князя[7].

В диссертации А.Е. Тарасова рассматривается роль церковно-политических мотивов в деятельности московских князей во 2-й пол. XV — 1-й трети XVI в. Отмечается, что серьезные изменения, явившие начало окончательного перехода преимущества государства над церковью, приходятся на 80–90-е гг. XV в. Это нашло отражение в укреплении роли государя в политике формирования высшей иерархии Русской церкви и особых идеологических обоснованиях военной составляющей деятельности Ивана III[8]. Именно с 1480-х гг. светская власть начинает активно вмешиваться в процесс формирования епископата. Вмешательство великокняжеской власти в ряд традиционных прерогатив церкви (например, прославление новых святых) часто замалчивалось официальными источниками даже по прошествии нескольких десятилетий[9]. Исследователь отмечает, что глав Русской церкви рукополагали исключительно из монастырей Владимиро-Московской митрополичьей епархии, тесно связанных с великокняжеским домом: Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Симонова. Принятие Русской церковью старой византийской традиции рукоположения предстоятелей являлось одной из составляющих обоснования своего правопреемства в качестве лидера христианского православного мира и, одновременно, обособления от Константинопольской матери-церкви, отступившей от православия в результате Флорентийской унии[10].

Т.В. Черникова рассматривает проблему идеологического обоснования великокняжеской власти в контексте женитьбы Ивана III на Софье Палеолог. По ее мнению, брак Ивана III и Софьи обуславливался внутренними причинами. Он венчал процесс длительного историософского поиска Северо-Восточной Русью формы новой «русской идеей»[11], которая должна

---

[6] *Плюханова М.Б.* «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61. СПб., 2010. С. 463.

[7] Там же. С. 463–464.

[8] *Тарасов А.Е.* Религиозные аспекты политики московских князей во второй половине XV — первой трети XVI вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2007. С. 26.

[9] Там же. С. 22.

[10] Там же.

[11] *Черникова Т.В.* Россия и Европа в XV — начале XVI вв. Точки соприкосновения // Вестн. МГИМО-Университета. 2010. № 3 (12). С. 38.

была стать «православно-вселенской»[12]. Митрополит Московский Филипп I был против брака Ивана III с Софьей, так как инициатива его заключения исходила от папы римского Павла II[13]. Согласно Т.В. Черниковой, поскольку братья принцессы отказались от греческой веры, лишь православная Софья осталась истинной наследницей византийского трона; через брак с Софьей Иван III и его потомки от Софьи приобретали династические права на Константинополь. Такое прочтение было естественным для восточно-христианских народов, попавших в османское иго и ждущих конкретной помощи от нового высшего православного покровителя[14]. По мнению Т.В. Черниковой, «государь Московский… желал, чтобы все православные поняли, "православный Рим" переместился с берегов Босфора на Боровицкий холм, и… Иван III, став законным преемником византийских императоров, занял у себя в Москве место единственного истинного наместника Бога на земле»[15].

Интересные соображения по поводу идеологического обоснования великокняжеской власти Иосифом Волоцким приводят А.В. Исаев и М.М. Кожаев. По мнению М.М. Кожаева, перейдя под власть великого князя Московского, преподобный вырабатывает теократическую теорию абсолютной власти самодержца, освящённой Богом[16]. Иосиф Волоцкий утверждал, что государь «естеством подобен всем человекам, а властью же — Богу»[17], «царь — наместник Бога на земле, поэтому глава не только государства, но и церкви»[18]. Согласно А.В. Исаеву, «безусловный приоритет светской власти над церковной с тех пор осознается в политической жизни страны как исходный принцип взаимоотношений иерархов православия с государством»[19].

А.И. Алексеев проблему идеологического обоснования великокняжеской власти затрагивает в контексте изучения ереси жидовствующих, воз-

---

[12] Там же. С. 39.

[13] *Черникова Т.В.* Московское государство в европейском геополитическом пространстве в середине XV — начале XVI в. // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13). С. 69–71.

[14] *Черникова Т.В.* Россия и Европа в XV — начале XVI в… С. 39.

[15] Там же. С. 40.

[16] *Кожаев М.М.* Философская доктрина самодержавной власти преподобного Иосифа Волоцкого // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 6.

[17] *Исаев А.В.* Роль и место Русской православной церкви в развитии государства: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1. С. 142.

[18] Там же.

[19] Там же.

никшей в условиях нарастания во 2-й четверти XV ст. эсхатологических ожиданий[20] и падения Византийской империи[21]. Резкое усиление московской Руси на фоне последовательного крушения православных государств заставляло искать обоснование своей миссии вне традиционных идей[22]. Прежде чем утвердилось учение о Москве как Втором Константинополе, великий князь мог находить опору своим политическим амбициям в апелляции к альтернативным системам летосчисления, в первую очередь, к иудейской. Зосимой было составлено «Изложение пасхалии», где впервые появлялось уподобление Москвы Константинополю, а великий князь Иван III провозглашался новым царем Константином. В «Изложении пасхалии» Зосимы содержится отрывок из «Диоптры», в котором опровергается мнение о связи между исходом 7-й тысячи лет от сотворения мира и концом света. Нет сомнений, что Иван III был знаком с этой авторитетной линией аргументации, опровергавшей эсхатологические страхи рубежа 7000 г.[23]

Таким образом, в постсоветской и современной отечественной историографии можно выделить несколько подходов к решению проблемы идеологического обоснования великокняжеской власти на заключительном этапе становления Русского единого государства. Одни историки (Н.С. Борисов, Р.Г. Скрынников, Т.В. Черникова, Б.А. Успенский) придерживаются точки зрения, согласно которой Россия является правопреемницей Византии, а великий князь Иван III воспринимается как единственный независимый православный монарх, который правит государством, превратившемся в центр сосредоточения православной веры.

М.Л. Шмыкова ведет речь о том, что основной идеологической функцией власти монарха, с образованием Русского единого государства, стала защита чистоты православия.

М.Б. Плюханова и А.Е. Тарасов анализируют данную проблему в контексте укрепления роли государя в политике формирования высшей иерархии Русской церкви и особых идеологических обоснованиях военной составляющей деятельности Ивана III.

Наконец, М.М. Кожаев, А.В. Исаев и А.И. Алексеев, рассматривают идеологическое обоснование великокняжеской власти через призму теорий:

---

[20] *Алексеев А.И.* Ересь жидовствующих в России в 1470–1510-х годах: в поисках европейских аналогий // Европейская реформация и ее возможные аналоги в России. СПб., 2017. С. 112–113.

[21] Там же. С. 113.

[22] *Алексеев А.И.* Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по русской истории: К 80-летию профессора Ю.Г. Алексеева. М.; СПб., 2006. С. 106.

[23] Там же.

М.М. Кожаев, А.В. Исаев — через учение Иосифа Волоцкого, а А.И. Алексеев — ересь жидовствующих.

Как показала история, трактовка идеологического обоснования великокняжеской власти через призму преемственности России по отношению к Византии и божественного начала прижилась. Дальнейшее развитие концепций привело к процессу абсолютизации власти великого князя над всеми сторонами жизни общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А.И. Ересь жидовствующих в России в 1470–1510-х годах: в поисках европейских аналогий // Европейская реформация и ее возможные аналоги в России. СПб., 2017.

Алексеев А.И. Заметки о религиозности Ивана III // Исследования по русской истории: К 80-летию профессора Ю.Г. Алексеева. М.; СПб., 2006.

Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII–XVII вв. М., 1988.

Долгих Н.В. Политические мысли и правовые идеи Древней Руси // Science Time. История. Исторические науки. 2014. № 7.

Исаев А.В. Роль и место Русской православной церкви в развитии государства: история и современность // Среднерусский вестник общественных наук. 2010. № 1.

Кожаев М.М. Философская доктрина самодержавной власти преподобного Иосифа Волоцкого // Известия Тульского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2010. № 2.

Плюханова М.Б. «Послание на Угру» и вопрос о происхождении московской имперской идеологии // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61. СПб., 2010.

Скрынников Р.Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991.

Тарасов А.Е. Религиозные аспекты политики московских князей во второй половине XV — первой трети XVI вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук. М., 2007.

Успенский Б.А. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

Черникова Т.В. Московское государство в европейском геополитическом пространстве в середине XV — начале XVI в. // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4 (13).

Черникова Т.В. Россия и Европа в XV — начале XVI в. Точки соприкосновения // Вестник МГИМО–Университета. 2010. № 3 (12).

Шмыкова М.Л. Идеологическое обоснование великокняжеской и царской власти в России в конце XV — XVII вв.: автореф. дис. …канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

A.D. Baykova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE ROLE OF THE CHURCH IN THE IDEOLOGICAL JUSTIFICATION OF THE GRAND DUCAL POWER AT THE FINAL STAGE OF THE FORMATION OF A RUSSIAN UNITED STATE IN ASSESSMENTS OF CONTEMPORARY DOMESTIC HISTORIOGRAPHY

The article is devoted to the post-Soviet and modern domestic historiography of the role of the church in the ideological substantiation of the grand-ducal power at the final stage of the formation of the Russian unified state. The main issues in the study of this problem are highlighted, the main approaches of researchers to their solution are analyzed.

Keywords: church, ideological rationale, Russian state, grand-ducal power, autocracy.

В.А. Грозова
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

МОДЕЛЬ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОСУДАРСТВА ВОСТОКА НА ОСНОВЕ ТРАКТАТА «О ВЗГЛЯДАХ ЖИТЕЛЕЙ СОВЕРШЕННОГО ГРАДА» АЛЬ-ФАРАБИ

В докладе исследуется трактат «О взглядах жителей совершенного града» арабо-мусульманского философа Абу Наср Ибн Мухаммеда Аль-Фараби. Автором была отмечена связь философии Аль-Фараби с античными мыслителями — Платоном и Аристотелем, и их синтез с коранической традицией власти. Автор отмечает основные тенденции развития идеального государства в теории мыслителя и приходит к выводу о гибкости политической модели, описываемой философом, и ее гуманистической направленности, отмечается влияние философии Аль-Фараби на современную арабо-мусульманскую политическую мысль.

Ключевые слова: Аль-Фараби, халифат, модель государства, Коран, власть, фальсафа.

Ислам к эпохе Арабских завоеваний не располагал единой «политической теорией» и государственно-догматическим учением, а с распространением исламской власти на немусульманские территории появилась необходимость в создании унифицированной системы управления, что повлекло создание социально-политических трактатов среди арабо-мусульманских мыслителей. Родоначальником таких трудов стал Абу-Наср Ибн Мухаммед Аль-Фараби (872–950 гг.), первый представитель восточного аристотелизма, «Второй учитель»[1]. Он был первым автором трактатов и комментариев социально-политического толка, посвященных вопросам устройства общества и государства, а его идеи заложили основу для последующих мусульманских философов. Аль-Фараби предпринял попытку создать собственную теорию политического устройства на основании синтеза моделей Платона и Аристотеля и коранической традиции власти как альтернативную

[1] «Первым учителем» историографии принято называть Аристотеля. См. также: История арабо-мусульманской философии. М., 2013. С. 91.

европейской модели средневекового государства. Изучение феномена власти средневекового арабского Востока в трудах его теоретиков, мыслителей, выстраивавших свои модели на основании современного им общества, является актуальным и может существенно восполнить понимание концепций власти, сложившихся в Средние века на Востоке и Западе.

Цель доклада — реконструкция модели государства Аль-Фараби. Для нашего доклада основополагающим его трудом является «Трактат о взглядах жителей Добродетельного (совершенного)[2] града»[3]. Важно отметить, что первые 25 глав «Трактата…» посвящены пространному исследованию о Едином Боге, космологии и философии, что говорит исследователям о всеобъемлющем характере «Трактата…», а также о попытке систематизации научного знания. В последних десяти главах речь идет о политическом устройстве государства, а центральной идеей является поиск духовного счастья в контексте политической системы общества. Аль-Фараби желал видеть совершенное, справедливое общество, в котором воцарились бы свобода, всеобщее равенство, взаимное уважение. Подобные взгляды приобретают особую актуальность в условиях создания правового гражданского общества и в современном мире.

Для достижения поставленной цели необходимо понимать контекст эпохи, в которую был создан исследуемый источник. Отечественный исследователь М.М. Хайруллаев выделяет некоторые тенденции, которые сформировали арабскую культуру IX–XII вв.[4], отображавшуюся и в политической сфере арабо-мусульманского общества. Во-первых, это стремление к светскому просвещению и попытки сопоставления истины и разума, т.е. религиозного и светского. Во-вторых, это обращение к античным культурным ценностям. Важно отметить, что философские труды неарабского происхождения при переводе на арабский язык были адаптированы учеными того времени к современным им реалиям, что находит подтверждение в высказывании Ибн Рушда: *«Древние мыслители подвергли самому полному изучению вопросы, связанные с рациональными рассуждениями, мы должны иметь под руками их книги, чтобы изучать то, что они говорили по данному предмету, и если все окажется верным, перенять у них это, а если окажется в нем что-то неверное, указать на это»*[5]. К концу периода

---

[2] Такой перевод считается наиболее правильным, поскольку слово «адыла», используемое в источнике переводится как «идеальный, совершенный».

[3] *Аль-Фараби Абу Наср Мухаммад*. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 193–364.

[4] *Хайруллаев М.М.* Фараби — Крупнейший мыслитель Средневековья. Ташкент, 1973. С. 10.

[5] *Сагадеев А.В.* Ибн-Рушд (Аверроэс). М., 1973. С. 174.

арабских завоеваний сформировалось новое направление арабо-мусульманской философии — фальсафа, восточный аристотелизм или перипатетизм, основанный на античной философии. Именно его основателем признается Аль-Фараби.

Свои рассуждения об идеальном государстве Аль-Фараби начинает с обоснования проблемы существования государства. Объединение людей обусловлено тем, что человек не может жить сам по себе, он также не может в одиночку обеспечить себя всем необходимым для жизни. Философ предлагает систему мира, в котором выделяет несколько ступеней:

1. великое общество (совокупность всех людей, проживающих на земле);

2. среднее общество (народ или государство);

3. малое общество (жители отдельно взятого города)[6].

Наиболее универсальной «единицей» по Аль-Фараби является город. Такой подход обусловлен тем, что отображение политической теории через наименьшие дефиниции государственной системы наиболее показателен и перспективен для применения, поскольку показывает систему связей не только между т.н. периферией и центром, но и между правителем и его подданным. Философ воспринимает свою теорию как идеал, теоретическую модель, существование которой невозможно в современном ему обществе в силу политических противоречий и неоднородного характера подвластного халифату населения. Аль-Фараби представляет основные механизмы существования государства, качества и образ правителя, способы его взаимодействия с подданными.

Идеальным для Аль-Фараби городом является тот, где жители помогают друг другу в обеспечении материальными и духовными благами. Общество, сформированное вокруг отдельно взятого человека должно привести его к достижению совершенства и истинного счастья. Такую же схему мы можем проследить и в отношении государства — если отдельные города в рамках одного государства соответствуют категории «добродетели», то они будут служить идее вождя или правителя. Идеи о таком государственном устройстве аль-Фараби заимствует из античной философии.

Новшество Аль-Фараби заключается в синтезе политической культуры античности и исламской государственности. Философ, таким образом, стремился определить место собственного «государства» в общечеловеческой картине мира своего времени. Первый и идеальный правитель это — Пророк, человек, который достиг высшей степени совершенства и счастья путем единения с Богом, рассуждая философскими категориями, между Правите-

---

[6] *Аль-Фараби Абу Наср Мухаммад.* Философские трактаты. Алма-Ата, 1970. С. 305.

лем и Первопричиной не существует иных посредников[7]. Он помогал жителям достичь нравственного и интеллектуального совершенства. Так, первый правитель добродетельного народа становится олицетворением образа «философа на троне», который в исламской традиции обозначается термином «имам». Аль-Фараби посвящает отдельную главу врожденным качествам, которыми должен обладать правитель, их он выделяет двенадцать[8]. Эти качества напрямую связаны с коранической традицией образа правителя мусульман (Кор. 68:10–14). Второй правитель (и последующие, приемствующие первому) — халиф, он должен быть также философом; должен знать и соблюдать законы и постановления первого правителя; он должен умело применять те законы, которые были установлены до него. Пожалуй, самым важным и отличительным для него является овладение искусством войны: «обладание телесной силой, необходимой для ведения военных дел, знание при этом военного искусства как искусства служебного и управляющего»[9]. Философ допускает возможность того, что в обществе может не найтись человека, обладающим «набором» этих качеств. Поэтому оговаривает, что государством может править неограниченное количество человек при соблюдении условия, что каждый из них будет обладать отдельным качеством.

Как мы видим, интерес Аль-Фараби имеет сугубо теоретический характер, поскольку философ не раскрывает искусство управления государством, критику современной ему «политики» или реформаторских начал. Ключевая идея его философии — существование человека в пределах города или государства и достижения им знания и счастья. Политический же контекст философии заключается в создании условий, необходимых для благополучного духовного развития. Практическим выводом из теории Аль-Фараби стало умозаключение о том, что религия необходима обществу, но она выступает лишь в качестве политического искусства[10], что подтверждается постоянным обращением философа к коранической терминологии и догматике.

Таким образом, политическая модель Аль-Фараби представляет достаточно гибкую систему, сконцентрированную на практически гуманистических началах (в их исламской интерпретации), т.е. в ее центре — человек и общество. Само же государство или город представляются лишь необходимой средой для духовного и интеллектуального развития человечества. Модель Аль-Фараби гибка и в плане формы правления, которая хоть

[7] Там же. С. 311.

[8] Там же. С. 317.

[9] Там же. С. 320.

[10] *Розентал Ф.* Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М., 1978. С. 6.

и ориентирована на кораническую и исторически сложившуюся форму теократии (халифат), допускает возможные отступления в угоду также интересам развития человека и общества. Формально, теория Аль-Фараби прямо открывает возможность демократического правления в арабском государстве путем делегирования управления государством некоему кругу «достойных» людей. Последнее является чрезвычайно актуальным для современного Востока, что находит свое подтверждение в обращении современных арабских политических партий именно к философскому наследию арабо-мусульманских мыслителей Средневековья и интерпретации их идей в своих политических программах[11].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Философские трактаты. Алма-Ата, 1970.

The constitution of the Baath Arab socialist party, 1947. URL: http://www.baath-party.org/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=307&Itemid=327&lang=en

История арабо-мусульманской философии. М., 2013.

Розентал Ф. Торжество знания. Концепция знания в средневековом исламе. М., 1978.

Сагадеев А.В. Ибн-Рушд (Аверроэс). М., 1973.

Хайруллаев М.М. Фараби — крупнейший мыслитель средневековья. Ташкент, 1973.

V.A. Grozova
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

MODEL OF THE MEDIEVAL STATE OF THE EAST BASED ON THE TRACTATE “THE VIEWS OF THE INHABITANTS OF THE PERFECT CITY” BY AL-FARABI

The report examines the tractate “The views of the inhabitants of the perfect city” by the Arab-Muslim philosopher Abu Nasr Ibn Muhammad Al-Farabi. The purpose

[11] Наиболее показательный пример — Конституция партии Арабского социалистического возрождения (1947 г.). Авторы документа неоднократно обращаются к важности культурного наследия арабского мира и духовного развития отдельно взятого человека. См.: The constitution of the Baath Arab socialist party. URL: http://www.baathparty.org/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=307&Itemid=327&lang=en

of the research is to find and reconstruct the ideal model of the state in the work of the philosopher. The report highlights the connection of Al-Farabi's philosophy with ancient authors such as Plato and Aristotle and their synthesis with the Quranic tradition of power in the context of the epoch. The author notes the main trends in the development of the ideal state in philosopher's theory and makes the conclusion about the flexibility of the political model described by the philosopher and its humanistic orientation. In addition, the influence of Al-Farabi's philosophy on modern Arab-Muslim political thought is noted.

Keywords: Al-Farabi, the Caliphate, the state model, the Koran, power, falsafa.

А.А. Сироткина
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ВЛАСТНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКОЙ КОРОЛЕВЫ НА ЗАКАТЕ АНГЛОСАКСОНСКОЙ ДИНАСТИИ

В статье выявляются и рассматриваются функции и полномочия, присущие последней деятельной королеве англосаксонской династии Эдите Уэссекской. Властные полномочия королевы Эдиты сравниваются с объемом функций и полномочий ее предшественниц. В статье рассматриваются направления деятельности королевы Эдиты в светской и церковной сферах. Также в статье делается вывод о том, что королева не играла непосредственной роли в государственной политике, из-за чего ей приходилось действовать опосредованно, через поставленных церковных деятелей.

Ключевые слова: Эдита Уэссекская, англосаксонская королева, властные полномочия, англосаксонское общество.

Эдита Уэссекская — последняя деятельная англосаксонская королева. Действительно последней англосаксонской королевой была супруга Гарольда, Эдита Мерсийская, однако она, по сравнению со своей предшественницей, не оставила такого значительного следа в истории. Благодаря тому, что сохранилось достаточное количество письменных свидетельств деятельности королевы Эдиты, можно рассмотреть, какими полномочиями обладала королева на закате англосаксонского периода английской истории.

Часть из функций, что выполняла королева, была связана с государственным управлением. Одна из таких — быть советником при короле[1]. Можно сказать, что роль советника традиционна для англосаксонских королев: одно из ранних упоминаний королевских супруг в этом амплуа встречается еще в поэме Беовульф, где в качестве советницы упоминалась Вальхтеов[2].

---

[1] *Barlow F.* The Godwins: The Rise and Fall of a Noble Dynasty. L.; N.Y., 2013. P. 49.

[2] Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 59.

Сама Эдита в Житии Эдуарда Исповедника называла свои советы мудрыми и приносящими благо королю и стране[3]. Отметим, что роль советницы не носила официального характера. Скорее всего, не предполагалось, что королева принимает участие в заседаниях Витана (Уитенагемота) — королевского совета, на котором собирались эрлы и епископы[4].

Другая функция — заверение королевских грамот. Еще одна смежная должность — публичное представление текста грамот — королевы исполняли эту функцию с X в.[5] Скорее всего, королевы и не могли самостоятельно заверять документы ранее X в. Вероятно, это связано с отсутствием подобных функций у королевской супруги.

Судя по сохранившимся свидетельским спискам королевских грамот, изданных при Эдуарде Исповеднике, положение его жены с самого начала было очень высоким. Она подписывала документы, оформляющие сделки между церковными и светскими лицами[6].

После 1046 г. и до сер. 50-х гг. подписи королевы на грамотах не встречаются[7]. Фрэнк Барлоу объясняет это тем, что Эдуард намеренно отстранил свою супругу от этой обязанности с целью ослабить влияние ее отца при дворе[8]. Скорее всего, версия Ф. Барлоу недалека от реальности, поскольку на тот момент отношения Эдуарда и эрла Годвина достигли определенной степени напряженности и виной этому непристойное поведение брата королевы Свейна. Однако подписи Эдиты возвращаются с сер. 1050 гг. и приобретают регулярный характер[9].

Еще одна государственная обязанность, исполняемая королевой — участие в официальных приемах. Для этого был изготовлен отдельный трон[10]. Право восседать на троне наравне с королем показывало высокий статус королевы к концу англосаксонского периода. Такое положение дел было не всегда — в более раннем по времени источнике — Житии Альфреда Великого — указывалась невозможность занятия королевской супругой

---

[3] *Barlow F.* Edward the Confessor. Berkeley, 1970. P. 293.

[4] *Barlow F.* The Feudal Kingdom of England 1042–1216. L., 1961. P. 44.

[5] *Mate M.* Women in Medieval English Society. Cambridge, 1999. P. 6.

[6] Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography. L., 1968. № 1038, 1240, 1241. P. 337, 361.

[7] *Barlow F.* Edward the Confessor. P. 93.

[8] Ibid.

[9] *Болдырева И.И.* Проблемы образа и статуса Эдиты Уэссекской в Житии Эдуарда Исповедника // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9. С. 199.

[10] Там же. С. 198.

трона рядом с королем[11]. Однако в Житии Эдуарда Исповедника особо отмечалось, что Эдита на официальных мероприятиях предпочитала сидеть в ногах мужа, выражая так свою покорность и уважение[12].

Другая функция, исполняемая Эдитой — управление своими земельными владениями. Женщины в XI в. могли владеть землей, законодательно это было закреплено еще Кнутом Великим[13]. Встречаются грамоты, сообщающие о передаче Эдите земельного имущества. Часть из них с формулировкой «на время жизни»[14]. Тогда подобная форма владения земельного имущества была распространена именно для женщин. Они могли наследовать земли своего супруга или отца, но лишь на время своей жизни, без прав свободного распоряжения и передачи своим наследникам[15]. Однако встречаются также грамоты, сообщающие о передаче Эдитой своих собственных земель в пользу монастырей[16]. Это означает, что была часть земельного имущества, которой Эдита владела самостоятельно и полноправно.

По данным Книги страшного суда земельные владения Эдиты оцениваются в 900 фунтов, тогда как владения Эдуарда — 5000 ф., эрла Мерсии — 1300 ф., а совокупные владения старших сыновей Годвина — 4000 ф.[17] Таким образом, Эдита являлась одним из самых обеспеченных землевладельцев в стране.

Значительную роль королева также играла в церковной сфере. Королевская чета являлась защитницей и покровительницей института церкви, а сфера заботы о монастырских владениях четко разделялась на мужскую и женскую — так король объявлялся покровителем и защитником мужским обителей, а королева, соответственно, женских[18].

Королевы активно одаривали монастырские обители землями. Особенно в достатке жили женские монастыри Западно-Саксонского княжества[19].

---

[11] *Ассерий.* Жизнь Альфреда Великого. 849–888 гг. (в 893 г.) // История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.). СПб., 2001. С. 228.

[12] *Richard L.* H. Lives of Edward the Confessor. L., 1858. P. 415.

[13] Законы Кнута. Ст. 73 // История государства и права средневековой Англии VI–XII вв. URL: http://www.rummuseum.ru/lib_t/angl13.php

[14] Anglo-Saxon Charters. № 1038. P. 337.

[15] *Болдырева И.И.* Женщина как наследница и завещательница в англосаксонской правовой практике IX–XI вв. // КЛИО. 2014. № 5. С. 25.

[16] Anglo-Saxon Charters. № 1241. P. 361.

[17] *Barlow F.* Edward the Confessor. P. 74.

[18] Ibid. P. 19–20.

[19] Ibid.

Среди них был и монастырь Уилтон — место, в котором воспитывалась Эдита Уэссекская[20]. В годы правления Эдуарда Исповедника, благодаря Эдите, монастырь расцвел и стал одним из самых сильных и обеспеченных в Англии. По настоянию королевы деревянный монастырь Уилтона был перестроен в каменный[21]. Также Эдита могла ставить своих людей на епископские должности, об этом нам сообщает Иоанн Вустерский[22].

Можно говорить о том, что церковь являлась для королевы важным институтом, с помощью которого она опосредовано влияла на государственную политику, ведь поставленные Эдитой епископы принимали участие в заседании Витана и транслировали там интересы своей покровительницы. Видимо, лишь опосредованные пути влияния на политику были доступны королевским женам. Эдита Уэссекская, несмотря на свои выдающиеся качества, не стала исключением.

Подводя итог, отметим, что у Эдиты был достаточно широкий спектр полномочий, однако не такой обширный, как у короля или эрла. Королевы не принимали участия в собраниях королевских советников, практически не отвечали за внутреннюю и внешнюю политику. Единственное, что они могли, так это влиять на состав действующего епископата. Лишь через выбранных епископов Эдита могла влиять на государственную политику.

Исходя из того, какие функции Эдита Уэссекская выполняла при дворе и какую роль она сыграла, можно по праву считать ее одной из самых влиятельных женщин англосаксонской истории. В предыдущие века, за исключением Эммы Норманнской, мы не встречали такую же деятельную королеву. Королевские супруги ранее не заверяли документы самостоятельно. Также они не восседали на троне рядом с супругом-королем. Однако, несмотря на все заслуги королевы Эдиты, она не могла играть какую-либо важную и официальную роль при дворе.

Нельзя однозначно сказать, почему к XI в. стали возможны такие изменения в положении королевы при дворе и почему количество ее полномочий увеличилось. Возможно, это связано с естественным процессом укрепления положения англосаксонской королевы, в котором не последнюю роль сыграла церковь, а, возможно, решающими моментами были характер и влияние самой Эдиты. Скорее всего, мы не можем отрицать оба фактора и утверждать о превалировании значения одного над другим.

---

[20] *Cutler K.* Edith, Queen of England, 1045–1066 // Medieval Studies. 1973. № 35. P. 225.

[21] *Barlow F.* Edward the Confessor. P. 230.

[22] The Chronicle of Florence of Worcester. L., 1854. P. 161.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ассерий. Жизнь Альфреда Великого. 849–888 гг. (в 893 г.) // История Средних веков: От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.). СПб., 2001.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

Законы Кнута // История государства и права средневековой Англии VI–XII вв. URL: http://www.rummuseum.ru/lib_t/angl13.php

Anglo-Saxon Charters: an Annotated List and Bibliography. L., 1968.

Richards L.H. Lives of Edward the Confessor. P., 1858.

The Chronicle of Florence of Worcester. L., 1854.

Болдырева И.И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX – середины XI вв.: дис. …канд. ист. наук. Воронеж, 2009.

Болдырева И.И. Женщина как наследница и завещательница в англосаксонской правовой практике IX–XI вв // КЛИО. 2014. № 5.

Болдырева И.И. Проблемы образа и статуса Эдиты Уэссекской в Житии Эдуарда Исповедника // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 9.

Barlow F. Edward the Confessor. Berkeley, 1970.

Barlow F. The Feudal Kingdom of England 1042–1216. L., 1961.

Barlow F. The Godwins: The Rise and Fall of a Noble Dynasty. L.; N.Y., 2013.

Culter K. Edith, Queen of England, 1045–1066 // Medieval Studies. 1973. № 35.

Mate M.E. Women in Medieval English Society. Cambridge, 1999.

Stafford P. Queens, nunneries and reforming churchmen: gender, religious status and reform in tenth- and eleventh-century England // Past & Present. 1999. № 163.

A.A. Sirotkina
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

THE POWERS AND FUNCTIONS OF THE ENGLISH QUEEN AT THE END OF THE ANGLO-SAXON DYNASTY

In the article, the functions and powers of the last active queen of the Anglo-Saxon dynasty, Edith of Wessex, are identified and examined. The powers of Queen Edith have been compared with the scope of functions and powers of her predecessors. In the article, the areas of activity of Queen Edith in secular and ecclesiastical spheres are examined. Also, the article author concludes that the queen did not play a direct role in public policy and due to that she had to act indirectly, through the appointed bishops.

Keywords: Edith of Wessex, Anglo-Saxon Queen, Power, Anglo-Saxon Society.

Н.Ю. Лапаев
г. Москва (Россия)
Гос. академический ун-т гуманитарных наук

ОБРАЗ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В РОМАНАХ КРЕТЬЕНА ДЕ ТРУА

В статье рассматривается образ королевской власти в романах Кретьена де Труа. В результате исследования было выявлено, что образ короля, несмотря на его значительную роль как сакрального центра порядка в королевстве, верховного судьи и защитника, достаточно пассивен и реализация его функций во многом принадлежит рыцарям.

Ключевые слова: рыцарство, Кретьен де Труа, куртуазность, королевская власть, рыцарские романы, Артуровский цикл.

В данной статье будет рассмотрено представление об образе королевской власти в романах Кретьена де Труа. Исследование мира романов актуально для понимания идеологии рыцарства и его ценностей. Данный вопрос еще не был в российской историографии предметом отдельного исследования.

Роль правителя в средневековом обществе была многомерна. Особенно важным представлялась личность правителя. Он должен был быть хорошим христианином, обладающим рядом качеств: справедливостью, благоразумием, твердостью, милосердием к слабым[1]. Затем к ним добавилась ученость, а также рыцарские качества и куртуазность[2]. В высокое Средневековье появилась идея об отделении личности короля от его королевства взамен представления о схожести между королевством и собственностью короля[3].

Сакрализация власти усиливала авторитет короля и делала защиту правопорядка угодной не только людям, но и Богу[4]. Легитимация также под-

---

[1] *Бойцов М.А.* Власть правителя // Словарь Средневековой культуры. М., 2003. С. 82.

[2] Там же.

[3] *Бойцов М.А.* Указ. соч. С. 82.

[4] *Макглинн Ш.* Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне. IX–XVI вв. Смоленск, 2011. С. 84.

утверждалась разнообразными артефактами, а также легендами и преданиями[5]. Фундаментальным отличием короля от остальных светских властителей является помазание при коронации, которое ставит его вне простого светского мира, усиливает его связь с Богом, придает его власти легитимность[6].

Элементы этого мистического восприятия мы видим и в романах Кретьена де Труа. Например, Король-рыбак из романа «Персеваль», получив страшную рану, не может свободно двигаться и управлять своим королевством[7]. Его недуг приводит к тяжким последствиям для королевства: его землям суждено зачахнуть, девам овдоветь, многим рыцарям погибнуть[8]. Королевство оказывается связано с телом короля.

Однако положение дел, описанное в романе, несколько противоречит вышеописанной картине мира. Идеализируется связь короля и рыцарства. Их равенство настолько очевидно, что Персеваль, прибывший ко двору Артура, даже не отличает короля от других рыцарей[9]. Король находится на втором плане, при всем уважении к королевской особе, в какой-то степени в тени рыцаря-героя. Н.В. Забабурова отмечает, что Артур выполняет роль некоего символа абсолютной справедливости, достоинства и центра куртуазного порядка[10], нежели реального правителя, при этом оказываясь парадоксально беззащитен перед насилием, грубостью, наглой силой[11]. Доменик Бартелеми отмечает слабость фигуры Артура, который остается в ходе сюжета бледным и даже беспомощным[12]. В большинстве конфликтных ситуаций с участием короля, Артур занимает пассивное положение и оказывается зависим от действий своих рыцарей. В «Ланцелоте» отвечает на вызов Мелеагана Кей. Спасать королеву из беды отправляются Гавейн и Ланцелот, при этом королева надеется лишь на помощь последнего. Ланцелот также становится спасителем подданных Логра из плена. В «Персевале» король также неспособен защитить своих владений от Алого Рыцаря и даже отомстить за оскорбление королевы, несмотря на то, что та готова наложить на себя

---

[5] *Бойцов М.А.* Указ. соч. С.83.

[6] *Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. СПб., 2001. С. 22.

[7] *Кретьен де Труа.* Персеваль, или Повесть о Граале. М., 2014. С. 133.

[8] Там же. С. 172.

[9] Там же. С. 37.

[10] *Забабурова Н.В.* Ланцелот в поисках любви и славы // Кретьен Де Труа. Ланцелот, или рыцарь телеги. М., 2013. С. 292.

[11] *Забабурова Н.В.* Кретьен де Труа и неразгаданные тайны Грааля // Кретьен де Труа. Персеваль… С. 359.

[12] *Бартелеми Д.* Рыцарство: от древней Германии до Франции XII в. СПб., 2012. С. 440.

руки. Именно рыцарство находится на авансцене романов Кретьена де Труа, тогда как король, в основном, выступает как уважаемая всеми положительными персонажами, но статичная фигура.

«Зеркальным отражением» Артура, по выражению Н.В. Забабуровой, является правитель королевства Горр Бадмагю. Он, несмотря на то, что является правителем царства Горр, чей сын похитил Гвиневру и чьими пленниками являются многие люди Логра, предстает как положительный персонаж. Кретьен описывает его разными лестными эпитетами: благочестивый государь, вершивший всегда справедливо дела[13], он чужд предательства, подлости[14]. Наиболее ценными являются его советы сыну, злодею Мелиагану: он призывает того быть куртуазным и вернуть Гвиневру[15], не прослыть «невежей» и «самодуром», проявлять уважение к другим. Бадмагю учит сына, что «скромность — признак благородства»[16], что рыцарю недолжно кичиться своей доблестью и быть в плену у ненависти[17]. Однако эти советы касаются скорее рыцарской доблести, нежели управления государством, политики.

Еще одной важной функцией, которая присуща в романах только королю, является отправление правосудия. В роли судей выступают Артур и Бадмагю. С.К. Цатурова пишет, что «миссия короля-судии по образу Бога на земле обосновывается сакральной концепцией правосудия и покоится на… постулатах Священного писания»[18]. Во Франции, откуда родом был Кретьен де Труа, эта «миссия короля», будет исключительно важна для формирования централизованного государства[19]. В целом, для средневекового общества было характерно делегирование охраны общественного порядка королю и для поддержания закона и порядка на короля, по выражению Шона МакГлинна, была «возложена тягостная обязанность наказания виновного»[20], для чего общество, порой, одобряло самые жесткие меры.

Именно за «правым судом» к Бадмагю обращается Мелиаган, обвиняя Гвиневру в любовной связи с сенешалем Кеем[21]. Интересно, что при этом он

---

[13] *Кретьен де Труа.* Ланцелот… С. 118.

[14] Там же. С. 122.

[15] Там же. С. 120.

[16] Там же. С. 231.

[17] Там же.

[18] *Цатурова С.К.* Священная миссия короля судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти М., 2006. С. 79.

[19] *Кретьен де Труа.* Ланцелот… С. 78.

[20] *МакГлинн Ш.* Указ. соч. С. 86.

[21] Там же. С. 178.

апеллирует к тому, что Кей предал своего господина Артура, а, значит, должен быть осужден Бадмагю, поскольку нарушил клятву верности сеньору и нарушил общественный порядок.

Вторым примером роли короля-судьи является разрешение Артуром спора между двумя сестрами Шипороз из-за отцовского наследства в «Ивейне или Рыцаре со львом». Младшая сестра, обделенная старшей, желающей забрать все наследство себе и не дать младшей ни «бугра… ни выгона для скота», прибывает ко двору Артура просить заступничества. Артур, сочувствуя обездоленной младшей, пытается уговорить старшую сестру, но безуспешно. В итоге, спор должен был решиться путем поединка. В данном случае король как бы несколько устранился от роли судьи, однако остался распорядителем — он определяет время, за которое необходимо найти защитника. В ходе поединка к старшей сестре еще несколько раз обращаются с предложением мирового соглашения: сначала младшая сестра, затем Гвиневра с придворными с предложением присудить четверть или треть наследства младшей, но старшая каждый раз отказывается, показывая свое злоречие и неразумность[22]. Поединок двух друзей, Гавейна и Ивейна, каждый из которых представлял спорящие стороны, прекращается. Артур вновь берет правосудие в свои руки («согласно божьему суду, я сам раздел произведу»[23]) и встает на сторону младшей девицы, дабы пресечь «злоупотребления»[24]. При этом он объявляет, что если старшая сестра вновь будет упорствовать, то он признает Гавейна проигравшим, хотя, по словам Кретьена, «подобное решенье заведомо исключено»[25]. Справедливость королем была восстановлена, а это главное, несмотря на то, что короля с трудом можно назвать «беспристрастным», так как он не скрывает симпатии к младшей сестре, но с ним солидарен весь двор и это не вызывает осуждения.

Еще одной функцией короля была роль воина. Она была наиболее важной для короля, а хорошие полководческие таланты были необходимы для успешного правления. Король нуждался в подкреплении силой своих прав, иначе его правление едва ли можно было назвать успешным[26]. Так или иначе, большинство монархов были вовлечены в военную деятельность, они воспитывались в военном духе и многие из них лично участвовали в сражениях. Умение защитить свои права и государство внушало уважение подданным и способствовало успеху короля в политической сфере, создавало

---

[22] *Кретьен де Труа.* Ивейн… С. 138.

[23] Там же. С. 143.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] *МакГлинн Ш.* Указ. соч. С. 116.

ему «политический капитал»[27] и также было связано с его судебной функцией — сильный король был способен защитить не только от врагов извне, но и от нарушителей мира внутри государства.

Роль короля-защитника подробно раскрывается в романе «Ивейн или рыцарь со львом». Девица, обращаясь к своей госпоже Лодине, потерявшей от рук Ивейна мужа, убеждает ее повторно вступить в брак, аргументируя свою позицию тем, что ее владениям необходим защитник[28]. Без предводителя рыцари их королевства разбегутся. Посему «девица» утверждает, что едва ли они будут против брака королевы и доблестного Ивейна, поскольку больше заботятся о своей жизни. Ивейн в данном сюжете выступает как мужчина, доказавший свою доблесть и силу, также он благороден, и свадьба Лодины с ним фактически является способом спасти королевство от наступающей армии Артура. Ивейн обещает Лодине оберегать таинственный источник от «всех воителей земли», также он получает одобрение вассалов «своей наружностью счастливой, своей осанкой горделивой»[29]. Они восхищаются Лодиной, которая смогла найти государству защитника[30].

Тем не менее, Ивейн вскоре покидает свою жену и королевство. Кратковременное отлучение (на год) не осуждается, наоборот, оно необходимо, чтобы он показал свою доблесть и честь, дабы не прослыть неженкой[31]. В дальнейшем, отсутствие Ивейна приводит королевство к бедствиям, поскольку вассалы неспособны защищать источник[32]. Несмотря на то, что Ивейн женится на Лодине, он остается в ее глазах и в глазах других персонажей, да и самого автора, в первую очередь рыцарем. Его успех обусловлен несколькими факторами. Во-первых, его личной храбростью и доблестью, а также харизмой. Во-вторых — знатностью рода. Ну и, наконец, благоприятными обстоятельствами. Однако нельзя сказать, что при этом его фигура обретает то благоговейное уважение, которое испытывают рыцари к королю Артуру.

Подытоживая, мы можем сказать, что фигура короля находится несколько в тени своих рыцарей. Он уважаемый человек, однако, не участвующих в приключениях. Всю деятельность вне его двора берут на себя рыцари, даже если речь идет о спасении его жены, освобождении его людей из плена и защиты его владений. Рыцари остаются верны королю и испытывают к нему уважение и личную приязнь. В то же время, авторитет короля как носителя правосудия, как персоны уважаемой не ставится под сомнение.

---

[27] Там же. С. 117–118.

[28] *Кретьен де Труа.* Ивейн… С. 71.

[29] Там же. С. 76.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 87.

[32] Там же. С. 148.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кретьен де Труа. Ивэйн, или Рыцарь со львом: роман в стихах // Средневековый роман и повесть. М., 1974.

Кретьен де Труа. Персеваль, или Повесть о Граале. М., 2014.

Кретьен де Труа. Ланселот, или рыцарь телеги. М., 2013.

Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998.

Бойцов М.А. Власть правителя // Словарь Средневековой культуры. М., 2003.

Забабурова Н.В. Кретьен де Труа и неразгаданные тайны Грааля // *Кретьен де Труа*. Персеваль или Повесть о Граале. М., 2014.

Забабурова Н.В. Ланселот в поисках любви и славы // *Кретьен де Труа*. Ланцелот или Рыцарь телеги. М., 2013.

Макглинн Ш. Узаконенная жестокость: правда о средневековой войне. IX–XVI вв. Смоленск, 2011.

Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X–XIII веков. СПб., 2001.

Цатурова С.К. Священная миссия короля судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006.

N.U. Lapaev
Moscow (Russia)
The State Academic University for the Humanities

THE IMAGE OF ROYALTY IN THE NOVELS OF CHRÉTIEN DE TROYES

The article examines the image of royalty in the novels of Chrétien de Troyes. As a result of the study, it was revealed that the image of the king, despite his significant role as a sacred center of order in the kingdoms, the supreme judge and protector, is rather passive and his implementation of his functions largely belongs to the knights.

Keywords: chivalry, Chrétien de Troyes, courtesy, royal power, chivalrous novels, Arthurian cycle.

Д.Т. Керимова
г. Феодосия (Россия)
Феодосийский техникум строительства и курортного сервиса

КОРОЛЬ АНГЛИИ РИЧАРД III В ИНОСТРАННЫХ ЗАПИСКАХ И ХРОНИКАХ

В статье рассматриваются работы иностранных авторов, оставивших о Ричарде III записи в виде отдельных глав в хрониках или воспоминаний в путевых заметках. Главным отличием используемых в статье источников от других хроник является то, что их авторы — современники Ричарда. Интерес представляет отношение авторов как представителей другого государства к английскому королю. Выделяются причины положительного или негативного отображения Ричарда III в их работах.

Ключевые слова: Англия, Ричард III, хроники, Доминик Манчини, Диего де Валера, Жан Молине, Джон Мейджор, Никлас фон Попплау.

При упоминании Ричарда III перед глазами традиционно всплывает образ страшного злого горбуна, описанного Уильмом Шекспиром. Завистливый узурпатор трона, убийца племянников, собственной жены, ужасный телом и душой — именно так описывали Ричарда во времена правления династии Тюдоров, первый представитель которой, Генрих VII, в бою победил Ричарда и надел на себя корону Англии.

Писали о Ричарде не только его соотечественники, но и авторы из других государств, в частности, Франции. Интересным представляется то, как именно они изображали Ричарда в своих работах, а также причины такого описания.

Сведения о Ричарде III можно найти не только из работ его соотечественников, но и у зарубежных авторов. Большинство работ посвящено истории их собственных стран. В них затрагиваются вопросы внешней политики своих государств, но не упоминается о ситуации внутри зарубежных стран. Однако имелись и работы, посвященные правлению Ричарда III, написанные еще при его правлении, заслуживающие особое внимание. Через призму того, как авторы писали о правителе другой страны, можно сделать выводы о внешнеполитическом курсе их собственного.

Одним из ранних иностранцев, который писал о Ричарде, является итальянский монах и историк Доминик Манчини. Он посетил Англию в 1482–1483 гг. и стал очевидцем прихода Ричарда III к власти. После возвращения из Англии, он написал работу De Occupatione Regni Anglie per Riccardum Tercium («Оккупация трона Англии Ричардом Третьим»)[1]. Важно отметить, что Манчини никогда не встречался с Ричардом лично. Он не знал английского языка, а потому пользовался услугами переводчика, в роли которого выступил доктор Джон Арджентайн[2]. Арджентайн был не просто врачом, лечившим Эдуарда V, но и тем, кто последним видел принца живым. Он не был верен до конца Ричарду III, а, возможно, и вовсе не был его сторонником, так как после его смерти был назначен врачом сына Генриха VII, принца Артура[3].

Некоторые исследователи отмечают, что труд Манчини — наиболее объективный рассказ о прошедших событиях, так как, будучи итальянцем, ему не было смысла занимать чью-либо сторону, Ричарда или Вудвилей, и пробыл он в Англии меньше года, и вряд ли бы его деятельность существенно изменила расстановку сил. Единственный недостаток его произведения лишь в том, что он не знал языка страны, в которой пребывал, а потому мог неверно истолковать слова очевидцев, или вовсе получить заведомо ложные сведения[4].

Действительно, Манчини ни разу не упоминает о каком-либо содеянном Ричардом преступлении. Даже по поводу возможной смерти принцев, детей Эдуарда IV, он высказывался следующим образом: «После того, как казнили Гастингса, всем слугам короля [Эдуарда V] был закрыт к нему доступ. Он с братом был переведен в достойные для них внутренние апартаменты Тауэра; с каждым днем они появлялись все реже, пока их не перестали видеть совсем. Доктор Арджентайн… рассказывал, что молодой король, как жертва, обреченная на гибель, стремился получить отпущение грехов ежедневной исповедью и покаянием, поскольку верил, что смерть стоит за его плечами… Однако разделались ли с ним и какого рода смерть он принял, я пока не выяснил»[5].

Про самого же Ричарда Манчини пишет следующее: «Он очень редко появлялся при дворе. Он оставался в своих владениях и старался завоевать

---

[1] *Weir A.* The princes in the tower. N.Y., 1994. P. 2–3.

[2] *Ross C.D.* Richard III. Berkeley, 1981. P. 88.

[3] Ibid. P. 43.

[4] *Браун Е.Д.* Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М., 2016. С. 313.

[5] *Mancini D.* The usurpation of Richard the Third: Dominicus Mancinus ad Angelum Catonem De occupatione regni Anglie per Ricardum Tercium. Oxford, 1936. P. 113.

преданность своих людей любезностью и справедливостью. Он заслужил доброе имя своей частной жизнью и общественной деятельностью, за что его почитали даже не знакомые с ним люди. Он был известен своими военными успехами, и всякий раз, когда приходилось решать трудную и опасную задачу, руководство и командование поручались ему. Своими умениями Ричард приобрел расположение народа»[6].

Манчини пишет о Ричарде довольно противоречивые вещи. Однозначно нельзя сказать, что он является стопроцентно положительным или отрицательным персонажем. Он, скорее, тот, кто действовал, исходя из обстоятельств. В своем завещании, по словам Манчини, Эдуард «завещал королевство Эдуарду, старшему [сыну]. Король желал, чтобы его второй сын, который был герцогом Йоркским, был доволен своим положением в правление своего брата. Люди говорят, что в своей последней воле он также назначил Протектором его детей и королевства его брата Ричарда, герцога Глостера». Потому, Ричард всеми силами пытался сохранить то положение вещей, которое сложилось после смерти его брата.

П. Кендалл высказал мнение, что именно с работой Манчини ознакомился Гильйом де Рошфор, канцлер Франции, перед своим выступлением на заседании Генеральных штатов[7]. Рошфор заявил тогда: «Взгляните на то, что происходит на этой земле после смерти короля Эдуарда. Взгляните на то, как его дети, уже взрослые и возмужавшие, были безнаказанно убиты, а корона передана благоволением народа их убийце»[8]. Некоторые исследователи связывают это с тем, что в то время во Франции на троне находился малолетний король Карл VIII, которому в 1483 г. было всего 13 лет, и таким образом де Рошфор хотел предупредить всех тех, кто осмелится пойти против него и попытается ограничить его во власти[9].

Так же жестко по отношению к Ричарду III высказывался испанский писатель и историк Диего де Валера. Сам он в Англии не был, однако общался с одним испанским наемником на службе короля Ричарда, Хуаном де Салазаром, после чего направил правителям Испании письмо, в котором указал, что «вашим королевским величествам хорошо известно, что сей Ричард убил двух невинных племянников, которым, после смерти его брата, должно было принадлежать королевство… Говорят, что он убил их ядом»[10].

---

[6] Ibid. P. 73.

[7] *Kendall P.M.* Richard III. L., 1955. P. 468.

[8] *Masselin J.* Journal des Etats Generaux de France tenus a Tours en 1484. P., 1835. P. 38–39.

[9] *Браун Е.Д.* Указ. соч. С. 314.

[10] *Nokes E.M., Wheeler G.* A Spanish Account of the Battle of Bosworth // The Richardian journal of Richard III society. Vol. 2. L., 1972. P. 2.

По всей вероятности, де Валера просто преувеличил слухи, которые ему сообщил Салазар, выдав их за неопровержимую истину. Ведь если он действительно был детоубийцей, стоит задать вопрос: зачем Салазар сражался за него в битве при Босворте? Можно было бы предположить, что, как и любой другой наемник, Салазар смотрит лишь на количество денег, которое ему платят, однако он сам отзывается о Ричарде как о храбром воине, который не уходит с поля боя. Он писал Диего, что во время сражения, когда ситуация стала критичной, Салазар лично обратился к Ричарду с просьбой отступить. На что король ответил ему: «Салазар, не даст мне Бог отступить хоть на шаг. Сегодня я выиграю или погибну, но сделаю это как король». После чего Ричард «сражался с большой энергией, делясь ею с теми, кто был ему верен»[11]. Крайне сомнительной после такого заявления является версия о том, что Салазар был готов простить своему работодателю все что угодно, даже убийство племянников, исключительно ради денег.

В таком же ключе, как и предыдущие авторы, о Ричарде III пишет Жан Молине. Молине — французский поэт и хронист. В 1463 г. он поступил на службу к бургундскому герцогу Карлу Смелому. К концу своей жизни издал работу «Хроники», охватывающие временной промежуток 1474–1507 гг. В своей работе автор описывает события, происходившие не только во Франции и Бургундии, но и в других странах, например, Англии[12].

Впервые Глостер появляется в «Хрониках» во время описания похода во Францию его брата, Эдуарда IV. Автор отмечает, что в то время Ричард уже прославился как тот, кто возглавил группу недовольных возможным союзом с Францией, чем также завоевал симпатию бургундцев (у которых также были разногласия с Францией)[13]. После этого Ричард на время исчезает из повествования Молине.

В следующий раз Глостер появляется, когда Молине переходит к рассказу о смерти его брата. Образ Ричарда, данный Молине, не отличается от того, какой дали другие авторы. Ричард — «гордый, но жестокий… Хитрость — верный атрибут этого короля, который воспользуется ею, чтобы атаковать членов партии Вудвилей и таким образом захватить власть»[14].

После коронации своего племянника (которой, стоит отметить, Эдуард V так и не дождался, однако Молине косвенно указывает на то, что она была), Ричард запер его и совершил государственный переворот. Даже если не лично Глостер приложил руку к их смерти, «герцог Ричард заставил

---

[11] Ibid.

[12] *Grosjean A.* Les rois d'Angleterre dans les Chroniques de Jean Molinet, indiciaire bourguignon (1474–1506) // Le Moyen Age. T. 118. P., 2012. P. 524.

[13] Ibid. P. 531–532.

[14] Ibid. P. 533.

их умертвить»[15]. Для того, чтобы снять с себя ответственность за это преступление, по словам Молине, Ричард обвинил в этом герцога Бэкингема, а затем казнил его[16], при этом игнорируя тот факт, что Бэкингем был казнен за вооруженное восстание против короля[17].

Интересна также такая деталь как нарочное игнорирование Молине того, что Ричард являлся рыцарем Ордена Подвязки. Он указывает на то, что таковыми были Эдуард IV, Генрих VII и даже принц Эдуард, однако упускает из этого списка Глостера, вероятно, для того, чтобы принизить его, как рыцаря и воина.

Также интересно то, что Молине фактически выдумал образ Ричарда-гонителя христиан. Эта идея является частью подведения итогов правления Ричарда III. Автор пишет, что среди недостатков Ричарда было то, что он нападал на церкви. Это являлось серьезным преступлением для Молине, который был ее служителем. В связи с этим он даже противопоставляет Ричарду Людовика XI, которого Молине прощает за все злодеяния, совершенные против Бургундии, ведь французский король «умер по-католически»[18].

Свою смерть Ричард нашел на Босвортском поле в сражении с Генрихом VII, и это, как пишет Молине, был божий суд, на котором Ричард снискал свою кару за все совершенные им преступления[19].

Еще одним иностранцем, который упоминал Ричарда в своей работе, был Джон Мейджор, шотландский философ и историк. Мейджор — один из последних средневековых философов-схоластов, за что еще при жизни он завоевал значительный авторитет в вопросах теологии. Наиболее значительной является его работа «История Великой Британии» (1521 г.), в которой впервые высказана идея объединения Англии и Шотландии, исходя из географической и исторической близости[20].

В его работе Ричард также описан в качестве отрицательного персонажа. Впервые он упоминут, когда автор рассказывает о смерти Генриха VI. Напрямую Мейджор Глостера не обвиняет, однако пишет, что «очень многие говорили, что Ричард, герцог Глостер, брат короля Эдуарда, был автором его смерти»[21].

Но уже напрямую обвиняет автор Ричарда в убийстве племянников: «Когда он [Эдуард IV] собирался покинуть свою плоть, он вверил своих

---

[15] Ibid. P. 534.

[16] Ibid.

[17] *Браун Е.Д.* Указ. соч. С. 261.

[18] *Grosjean A.* Op. cit. P. 538.

[19] Ibid.

[20] *Ott M.* Jonn Major // The Catholic encyclopedia. Vol. 10. Mass Music-Newman. N.Y., 1913. P. 90.

[21] *Major J.* The Greater Britain // A history of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburgh, 1892. P. 392.

детей и свое королевство своему брату Ричарду, с молитвой о том, чтобы тот посадил на трон старшего, Эдуарда. После смерти Эдуарда Ричард был объявлен регентом Англии, и применил все мастерство, чтобы забрать королевство себе. Чтобы он мог править, он приказал казнить трех прекрасных сыновей Эдуарда; и при этом у него не было своих детей»[22].

Непонятно, откуда Мейджор берет троих сыновей Эдуарда IV, ведь у него их было двое, Эдуард и Ричард, и непонятно, почему он пишет о том, что у Ричарда не было детей, ведь у него был сын, тоже Эдуард. Возможно, он не знал об этом, ведь сын Ричарда умер еще ребенком, при дворе он появлялся мало, из-за того, что часто и сильно болел. А, возможно, он просто по ошибке приписал сына Ричарда к детям Эдуарда, ведь сын Ричарда умер в 1484 г., через год после предполагаемой смерти детей Эдуарда IV. После совершенного Ричардом, по словам Мейджора, англичане «стали призывать Генриха, графа Ричмонда»[23].

Это все, что сообщает Мейджор о Ричарде и событиях тех лет. Однако данное повествование отображает позицию автора, который, хоть и в таком сжатом изложении произошедшего, обвинил Ричарда в преступлениях, которые ему приписывали ходившие о нем слухи.

Один из тех, кто совершенно по-другому писал о Ричарде, был силезский дипломат Никлас фон Попплау. Он прибыл в Англию в 1484 г. для службы королю Ричарду и был тепло принят англичанами. Пока Попплау был гостем короля, он каждый день обедал с ним за королевским столом, и даже получил подарок лично от Ричарда, когда отправлялся домой. О своей первой встрече с королем Попплау пишет так: «На следующий день [после приезда] он [Ричард III] милостиво дал мне аудиенцию в присутствии всех князей, графов, советников и всей его власти. Я говорил с ним на латыни. Король был очень поражен моим красноречием, хотя оно было не очень великим. Я передал Его Величеству Королю рекомендательные письма от Его Императорского Величества и герцогини Бургундии. Его Величество король принял их очень любезно, с большим удовольствием. Прочитав их, король сам подошел ко мне, взял меня за руку и отвел меня в сторону. Он ответил мне через переводчика на латинском языке — хотя и довольно простыми словами — что Его Величество Король сделает все, что я захочу, и все, что может сделать для Его Императорского Величества Принца Бургундии, а также для меня, из уважения к моей эрудиции и красноречию, чего он не ожидал от меня, и не поверил бы, если бы сам этого не услышал. Доброжелательно готовый подумать о моем благополучии, он сказал мне три раза — как это обычно делается в Англии, перед тем как я покинул Его

[22] Ibid.

[23] Ibid. P. 393.

Величество Короля: “Я доброжелателен к вам, и вы очень доброжелательны ко мне”»[24].

Высказывался Попплау и по поводу принцев, племянников Ричарда III, также как и предыдущие авторы. Он написал, что ходят слухи: король убил своих племянников, «однако многие люди говорят — и я с ними согласен — что они все еще живы»[25]. Таким образом, видно, что Попплау не был тем, кто склонен доверять безосновательным обвинениям.

Во время обсуждения внешнеполитических дел Попплау обмолвился, что с границы с Венгрией были изгнаны турки. Он пишет, что Ричард был этим доволен, а затем добавил, что, будь он королем страны, граничащей с Турцией, он бы «одним своим народом, без помощи других королей, принцев или лордов, должным образом расправился бы не только с турками, но и всеми врагами». Это высказывание очень понравилось Попплау, и он написал: «О Боже, какого великодушного господина я узнал в короле»[26].

О щедрости и доброжелательности Ричарда также говорит следующее: когда Попплау покидал Англию, король дал ему патентные письма для него и всех его подданных, что позволило бы Попплау и его спутникам безопасно путешествовать по воде и суше, когда бы он ни захотел навестить Ричарда.

Рассмотрев работы, которые, так или иначе, затрагивают описание личности и правления Ричарда III (будь то письма знакомым или хроники), можно отметить следующее. Авторы, которые ни разу лично не встречались с Ричардом III, отзываются о нем отрицательно и руководствуются лишь ходившими в обществе слухами и рассказами о событиях из жизни других людей. Наиболее отчетливо это можно заметить в работе Жана Молине, который даже не был в Англии, но при этом писал о событиях, происходивших в другой стране. Те же, кто видел и общался с Ричардом III, например, Никлас фон Попплау, совершенно по-другому описывают Ричарда. У данной группы авторов Ричард — доброжелательный король. Особенно сильно данная тенденция прослеживается в работе Диего де Валеры. Автор, пользуясь письмами своего друга Хуана де Салазара, в которых Ричард описан как храбрый воин, не покидающий поля боя даже в тяжелый момент, воспринимал факты как ничем не обоснованные слухи.

Оценка Ричарда также зависела от того, из какой страны происходил автор, писавший о нем. Традиционно обвиняли во всевозможных преступления английского короля французы, Гильйом де Рошфор и Филипп де Коммин. Это было вызвано, скорее, опорой на непроверенные данные, особенно

[24] *Visser-Fuchs L.* What Niclas Von Popplau really wrote about Richard III // The Richardian journal of Richard III society. Vol. 11. L., 1999. P. 526.

[25] Ibid. P. 529.

[26] Ibid. P. 528.

в «Мемуарах» Коммина. Общей тенденцией стало изображение английского монарха в невыгодном свете. Тем более что французы достаточно активно поддерживали Генриха Тюдора во время его изгнания, и, по сути, именно войско французов разгромило английскую армию в битве при Босворте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Браун Е.Д. Ричард III и его время. Роковой король эпохи Войн Роз. М., 2016.

Grosjean A. Les rois d'Angleterre dans les Chroniques de Jean Molinet, indiciaire bourguignon (1474–1506) // Le Moyen Age. T. 118. Paris, 2012.

Kendall P.M. Richard III. L., 1955.

Masselin J. Journal des Etats Generaux de France tenus a Tours en 1484. P., 1835.

Major J. The Greater Britain // A history of Greater Britain as well England as Scotland. Edinburgh, 1892.

Mancini D. The usurpation of Richard the Third: Dominicus Mancinus ad Angelum Catonem De occupatione regni Anglie per Ricardum Tercium libellus. Oxford, 1936.

Nokes E.M., Wheeler G. A Spanish Account of the Battle of Bosworth // The Richardian journal of Richard III society. Vol. 2. L., 1972.

Ott M. Jonn Major // The Catholic encyclopedia. Vol. 10. Mass Music-Newman. N.Y., 1913.

Ross C.D. Richard III. Berkeley, 1981.

Visser-Fuchs L. What Niclas Von Popplau really wrote about Richard III // The Richardian journal of Richard III society. Vol. 11. L., 1999.

Weir A. The princes in the tower. N.Y., 1994.

D.T. Kerimova
Feodosia (Russia)
Feodosia College of Construction and Resort Service

KING OF ENGLAND RICHARD III IN FOREIGN NOTES AND CHRONICLES

The article examines the works of foreign authors such as, who left records about Richard III in the form of separate chapters in chronicles or memoirs in travel notes. The main difference from other chronicles is that all the authors mentioned in the article are contemporaries of Richard. Of interest is the attitude of the authors to the English king, as representatives of another state. The reasons for the positive or negative reflection of Richard III in their works are highlighted.

Keywords: England, Richard III, chronicles, Dominic Mancini, Diego de Valera, Jean Molynet, John Major, Niclas von Popplau.

Д.Э. Базяева
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЖЕНСКОЙ СВЯТОСТИ В АНГЛОСАКСОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА ЮДИФИ)

В статье рассматривается формирование образа святой в англосаксонской литературе на примере образа ветхозаветной героини Юдифи. На основе литературной традиции автор исследует различные интерпретации образа святой и изучает представления писателей и проповедников о женской святости и героизме.

Ключевые слова: святость, раннее Средневековье, библейский сюжет, англосаксонская литература, Юдифь.

В период раннего Средневековья происходит формирование концепции святости, в том числе и женской. В подобном контексте образы женщин, о которых повествует Священное Писание, становятся особенно актуальными. Поскольку, размышляя о женской природе, патристика стремилась именно через истории о женщинах библейских направить на путь истинный «смертных женщин», которые были осквернены еще с рождения, так как являлись дочерями Евы — причины грехопадения.

В связи с этим интересно рассмотреть представления о святости, а также то, какие критерии отделяют Святую женщину от «смертной». Культурные памятники раннего Средневековья неразрывно связаны с Библией и экзегезой. Обращаясь к хорошо знакомым образам и сюжетам Священного Писания, многие средневековые авторы пытались через эти книги осмыслить окружающую действительность. И Юдифь, как благочестивая вдова, спасшая свой город, пользовалась особым авторитетом в средневековой Европе. На ее примере мы рассмотрим процесс превращения в святую исторической героини, поставленной в итоге практически в один ряд с такими почитаемыми христианскими святыми, как Дева Мария или Мария Магдалина. Книга

Юдифи — это история о молодой вдове, спасшей родной город Ветилую от осаждающих его войск Олоферна[1].

Некоторые вехи развития литературы первых пяти веков христианства проливают свет на то, как Юдифь стала образцом христианской духовности. Отцы Церкви и древние христианские богословы обращали внимание в этой книге особенно на нравственные характеристики Юдифи. Первое упоминание о ней встречается еще в Римский период, при Клименте (35–99 гг.), третьем епископе Рима. Климент использовал Юдифь как образец христианской любви и стойкости в «Первом послании к Коринфянам». Он писал: «И пошла она, подвергая себя опасности из любви к своему отечеству и народу осажденному, и Господь предал Олоферна в руки женщины»[2]. К IV в. в Апостольских Постановлениях, в раннехристианском руководстве по доктрине и практике вероучения, Юдифь описывается как «премудрая» и «известная целомудрием» благочестивая вдова, которая молится, постится и всегда беседует с Богом[3].

В христианской доктрине Юдифь типологически связана с Девой Марией, которая являлась каноном образа «целомудренной девы» и некой идеальной моделью женщины в религиозном контексте[4]. Римский христианский поэт IV в. Аврелий Пруденций (348 — после 405 гг.) в произведении «Психомахия», которое в дальнейшем оказало влияние на средневековую поэзию, связывал Юдифь с Марией и аллегорически использовал Юдифь как образ целомудрия, утверждая мысль о том, что она является прообразом нравственной силы[5]. Тут стоит отметить, что, по мнению Отцов Церкви, было три вида целомудрия: девственность, вдовство и супружество[6].

Культурный авторитет Книги Юдифи на Западе исходит из ее включения в Вульгату, переведенную на латынь в нач. V в. Св. Иеронимом версию Библии. Можно сказать, что влияние Иеронима было определяющим в развитии вопроса о месте Юдифи в Христианском богословии. Юдифь была им признана как святая и образец для других религиозных женщин (и мужчин):

---

[1] Ветхий Завет. Книга Иудифи. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/iudif.html

[2] *Климент Римский*. Послания к Коринфянам. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/poslanija-k-korinfjanam

[3] *Климент Римский.* Апостольские постановления. URL: http://mstud.org/library/c/CA/3CA.htm

[4] *Букатова Д.М.* Библейские образы Евы, Девы Марии и Марии Магдалины и их роль в формировании гендерных идеологий средневекового Запада. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Bukatova_Biblical-Images

[5] *Аврелий Пруденций Клемент.* Сочинения. М., 2012. С. 34.

[6] *Амвросий Медиоланский.* О девстве и браке. Казань, 1901. С. 68.

«Примите вдову Юдифь, образчик целомудрия»[7]. Именно данную интерпретацию и унаследовала литературная традиция англосаксов. Для того, чтобы понять, на основе чего происходило формирование образа святой в отношении Юдифи для англосаксов, как и в связи с чем изменилась интерпретация библейской героини, мы обратимся к двум письменным памятникам данного периода: к проповеди по библейской книге «Юдифь» аббата Элфрика Эншемского, крупного религиозного писателя рубежа X–XI вв., и к манускрипту Cotton Vitelius A XV, который написан на старо-английском языке и датирован X в. (манускрипт содержит эпическую поэму «Беовульф», поэму «Юдифь» и различные прозаические произведения).

К X в. англосаксы были знакомы с христианством довольно продолжительное время, так как римское христианство было представлено им еще в 597 г. В X ст. осмысление образа Юдифи в англосаксонской литературе было неразрывно связано с целомудрием, на что, скорее всего, повлиял именно Св. Иероним, Юдифь которого служила прообразом Юдифи для произведений англосаксонских поэтов, живших в период столкновения англосаксов с норманнами. Тут, как никогда, для англосаксов актуален подвиг Юдифи, которая не только спасла народ от захватчиков, но и сохранила свою честь и целомудрие. Таким образом, посредством Вульгаты и той исторической ситуации, в которой актуализировался образ «освободительницы», Юдифь и укореняется в образе святой.

В своей адаптации истории Юдифи Элфрик Эншемский следует Вульгате[8], утверждая мысль о том, что героиня представляет собой оплот целомудрия и идеальный образец для монахинь. Но нужно отметить, что Элфрик избегает акцента на насилии, преподнося сцену убийства так, как если бы у Юдифи не было другого выбора[9]. Так автор заявляет, что умысел героини явно заключался не в кровопролитии, а в желании не иметь греха. На первый план выходит духовная сторона подвига библейской святой. Особенно важно то, что Юдифь не гордится своей победой, а посвящает ее Богу и возносит Ему хвалу. Юдифь Элфрика — это целомудренная вдова, преданная Богу и ведущая праведный образ жизни. Таким образом, автор на первый план выдвигает добродетели героини, которые и формируют в его проповеди концепцию святости в отношении Юдифи.

---

[7] *Иероним Блаженный.* Прологи к книгам Ветхого Завета. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/prologi-k-knigam-vethogo-zaveta

[8] *Болдырева И.И.* Ветхозаветное предание о Юдифи в книжной традиции раннесредневековой Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2014. № 2. С. 49.

[9] *Aelfric.* Homilies on Judith, Esther, and Maccabees. URL: http://users.ox.ac.uk/~stuart/kings/main.htm

Но в манускрипте Cotton Vitelius A XV анонимного автора трактовка Юдифи несколько отличается от текста Вульгаты, равно как и от проповеди Элфрика. Сюжет по своей структуре похож на предыдущие, но имеет несколько особенностей. Если Юдифь Элфрика — это образец христианки-англосаксонки, то Юдифь анонимного поэта отклоняется от этого образа. Данное различие в интерпретациях может объясняться тем, что анонимный автор в большей степени испытал влияние германских традиций, которые существовали в англосаксонском обществе X ст. наряду с христианством. На основе этого и происходит некая переработка сюжета и образа библейской святой. Во-первых, сцена обезглавливания в англосаксонской поэме, безусловно, жестока: «Хватила зломыслого изверга заклятого дева с заплетенными косами мечем окровавленным, рассекла ему выю до половины»[10]. Во-вторых, сцена битвы между солдатами Олоферна и еврейскими солдатами более наглядна и описательна, чем в предыдущих версиях. Да и сама Юдифь, действуя по канонам героики, командует соотечественниками, получает военные трофеи[11]. В этой версии анонимный автор подчеркивает то, что в поведении Юдифи не выходило на первый план в предыдущих книгах — храбрость, мужество, т.е. воинские характеристики, которые вполне были типичны именно для германской традиции. Но наряду с этим Юдифь по-прежнему опирается на веру в Бога. Именно вера помогла ей преодолеть все трудности, именно вера сподвигла ее сражаться за свой народ. Бог является источником силы для героини. Вознося ему молитву, она просит защитить ее, а на месте убийства умоляет его о быстром завершении. Как только она совершит поступок, поэт снова напоминает нам о том, Бог сыграл непосредственную роль в ее успехе: «Добыла днесь в схватке Юдифь Господом дарованную славу величайшую»[12]. Таким образом, вмешательство Бога, который даровал мужество героине для спасения своего народа, служит для англосаксов наглядным напоминанием о христианской святости Юдифи. Но несколько иная интерпретация образа Юдифь создает иную модель святости — святая воительница, освободительница своего народа от язычника-ассирийца.

Как мы видим, представления о Святости и о самой Юдифи отличаются у двух англосаксонских поэтов: Элфрика и анонимного поэта. Такое расхождение в интерпретации, скорее всего, основывается на личных взглядах авторов на историческую ситуацию на тот момент. Дело в том, что в конце X в. англосаксам пришлось столкнуться со своими собственными

---

[10] Англосаксонская поэма Юдифь. URL: http://britanniae.ru/poem/OE_Judith.htm

[11] Там же.

[12] Там же.

«ассирийскими» врагами в облике норманнов. Аббат Элфрик, который был хорошо знаком с трудами западных отцов и Вульгатой, пытался привлечь своих современников к борьбе против скандинавов, делая акцент на целомудрии Юдифи, подчеркивая ее святость именно духовной стороной подвига, поскольку, по его представлению, именно отсутствие праведности послужило источником бедствий англосаксов[13]. Иная картина предстает в поэме анонимного автора, который сочетает идеалы христианства с героическим прошлым англосаксов. Здесь в образе Юдифи святость героизируется, появляются мотивы воинственности. Так автор вдохновляет англосаксов быть такими же храбрыми, как Юдифь, чтобы защитить свою землю от любых захватчиков.

В заключении необходимо отметить, что образ Юдифи оставил существенный след в культуре раннего Средневековья. Ее подвиг, описанный в Священном Писании, служил для деятелей церкви образцом поведения для религиозной женщины наряду с Девой Марией. И проводя параллели между целомудрием и благочестием Марии и Юдифи, апостолы и религиозные поэты таким образом формировали концепцию святости в отношении Юдифи, которую в дальнейшем и унаследовала литературная традиция англосаксов с опорой на Вульгату Св. Иеронима. И несмотря на некую творческую переработку текста англосаксонскими авторами, оба этих образа объединяет одно — это непоколебимая вера героини в Бога. Таким образом, благодаря близким отношениям Юдифи с Богом, уважению Его воли и ее героизму в англосаксонской литературе и утверждается место Юдифи среди святых женщин.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аврелий Пруденций Клемент. Сочинения. М., 2012.

Амвросий Медиоланский. О девстве и браке. Казань, 1901.

Англосаксонская поэма Юдифь. URL: http://britanniae.ru/poem/OE_Judith.htm

Ветхий Завет. Книга Иудифи. URL: http://www.my-bible.info/biblio/biblija/iudif.html

Иероним Блаженный. Прологи к книгам Ветхого Завета. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ieronim_Stridonskij/prologi-k-knigam-vethogo-zaveta

Климент Римский. Апостольские постановления. URL: http://mstud.org/library/c/CA/3CA.htm

Климент Римский. Послания к Коринфянам. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kliment_Rimskij/poslanija-k-korinfjanam

Aelfric. Homilies on Judith, Esther, and Maccabees. http://users.ox.ac.uk/~stuart/kings/main.htm

[13] *Болдырева И.И.* Указ. соч. С. 52.

Болдырева И.И. Ветхозаветное предание о Юдифи в книжной традиции раннесредневековой Англии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2014. №2.

Букатова Д.М. Библейские образы Евы, Девы Марии и Марии Магдалины и их роль в формировании гендерных идеологий средневекового Запада. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Bukatova_Biblical-Images

D.E. Bazyaeva
Kazan (Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

FORMATION OF THE CONCEPT OF WOMEN'S HOLINESS IN THE ANGLOSAXON LITERATURE OF THE EARLY MEDIEVAL (ON THE EXAMPLE OF THE IMAGE OF JUDITH)

The article examines the formation of the image of the Saint in Anglo-Saxon literature on the example of the Old Testament heroine Judith. Based on the literary tradition, the author explores various interpretations of the image of the Saint and examines the ideas of writers and preachers about female holiness and heroism.

Keywords: holiness, early middle ages, biblical story, Anglo-Saxon literature, Judith.

Э.Э. Отакулов
г. Новосибирск (Россия)
Новосибирский нац. исслед. гос. ун-т

SANCTUS JACOBUS VEL SANCTUS DIONISIUS? «ФРАНЦУЗСКАЯ» НАПРАВЛЕННОСТЬ ПРОПАГАНДЫ КРЕСТОНОСНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСПАНИЮ В HISTORIA KAROLI MAGNI ET ROTHOLANDI НА ПРИМЕРЕ ЭПИЗОДА СОБОРА КАРЛА ВЕЛИКОГО В СЕН-ДЕНИ

Статья рассматривает развитие идеи крестоносного движения на Иберийском полуострове и пропаганды этой идеи в Historia Karoli Magni et Rotholandi, четвертой книге в Codex Calixtinus, также известной как хроника Псевдо-Турпина. Сравнивая два перекликающихся эпизода хроники и обращая внимание на ее французское происхождение, автор делает выводы о направленности пропаганды в хронике именно на французскую аудиторию, с целью принятия последней креста и вмешательства в локальную борьбу испанцев против господства сарацин.

Ключевые слова: Хроника Псевдо-Турпина, пропаганда, крестовые походы, Испания, Франция, Святой Дионисий.

26 ноября 1095 г. с выступления папы Урбана II на окончании заседаний Клермонского собора берет свое начало эпоха Крестовых походов. Первоначально крестоносное движение являлось паломничеством с целью освобождения Святой земли от мусульманского гнета, однако впоследствии христианская экспансия меняла свое направление, и помимо Святой земли целью новых походов становились христианизация Прибалтики, подавление альбигойской ереси и даже освобождение Иберийского полуострова от мавров.

Историю противостояния христиан мусульманской экспансии на Иберийском полуострове принято связывать, в первую очередь, именно с реконкистой, начавшейся еще в 1-й пол. VIII в. Однако три столетия реконкиста представляла собой скорее процесс сопротивления всепоглощающей мощи халифата с целью сохранения жизненного пространства, и только во 2-й пол. XI в. в связи с распадом Кордовского халифата и установлением

тайфы сформировалась идея «отвоевания»[1]. Реконкиста уже в 1062–1085 гг., период понтификата Александра II и Григория VII, вошла в сферу интересов папства, которое привлекало европейское рыцарство к освобождению Испании[2], гарантируя участникам прощение грехов, из-за чего поход на Барбастро в 1064 г. называют «крестовым походом до крестовых походов»[3]. С провозглашения первого крестового похода в 1095 г. реконкиста постепенно приобретала черты, характерные для крестоносного движения, и Папский Престол, не желая оттока сил из Испании в Левант, оказывал поддержку испанским феодалам, например, заменяя участие в походе в Святую землю на возможность продолжения локального сопротивления с получением за это тех же благ, что были обещаны и крестоносцам[4]. В свою очередь, на Иберийском полуострове развивалась идея священной войны, о чем свидетельствует существование milicia confraternitas Cesaraugustane, также известного как братство Бельчите, созданного Альфонсо I Воителем в 1122 г.[5]

Идея крестоносного движения на Иберийский полуостров активно развивалась в период папства Каликста II. В тексте одиннадцатого канона Первого Латеранского собора, созванного в 1123 г., защитники Испании, как и защитники Иерусалима, также принимают крест на одежды свои, имеют ту же правовую защиту и получат прощение грехов[6]. В письме епископу Таррагоны Олегару папа Каликст II призывал всех не закрывать глаза на мучения испанской земли под гнетом сарацин, а тем, кто принял крест для защиты Испании и не позаботился исполнить свой обет, грозило отлучение от церкви[7]. Одновременно шел процесс популяризации Пути Св. Якова и Сантьяго-де-Компостела, который в 1120 г. получил статус архиепархии[8], ставший своеобразным развитием идеи, что крестовый поход является паломничеством.

---

[1] *O'Callaghan J.F.* Reconquest and Crusade in Medieval Spain. Philadelphia, 2004. P. 18.

[2] Ibid. P. 24.

[3] См., напр.: *Menéndez Pidal R.* The Cid and His Spain. Routledge Library Editions: Muslim Spain. L., 2016. P. 83.

[4] *Purkis W.J.* Crusading Spirituality in the Holy Land and Iberia, C.1095 — C.1187. Woodbridge; Rochester, 2008. P. 123.

[5] Ibid. P. 133.

[6] Les conciles oecuméniques. T. 2. Les décrets. Vol. 1. Nicée à Latran V. dir. G. Alberigo. Les Éditions du Cerf. P., 1994. P. 419–421.

[7] *Mansi J.D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Venetia, 1776. Vol. 21. Col. 217–218.

[8] *Robert U.* Bullaire du pape Calixte II (1119–1124): Essai de restitution. T. 2. P., 1891. P. 216.

Отражением проповеди крестоносного движения на Иберийский полуостров и стала Liber Sancti Jacobi, известная также как Codex Calixtinus. Кодекс, предположительно, был скомпилирован в период 1138–1145 гг.[9] и состоит из пяти книг. Особенно примечательны для рассмотрения пропаганды крестоносного движения и популяризации Сантьяго-де-Компостела и культа Св. Иакова четыре из них: De miraculis sancti Jacobi (II книга), Liber de translatione corporis sancti Jacobi ad Compostellam (III книга), Historia Karoli Magni et Rotholandi (IV книга) и Iter pro peregrinis ad Compostellam (V книга). Вторая и третья книги посвящены Св. Иакову и содержат агиографию апостола. Интересно, что даже в ней Иаков часто представлен как воин и всадник, что также служит формированию образа воина Христова. Четвертая книга содержит хронику, написанную от лица архиепископа Вьена Турпина, повествующего об Испанском походе Карла Великого. Пятая книга является гидом для паломников по Пути Св. Иакова.

Особенно популярна в Средневековье была Historia Karoli Magni et Rotholandi или хроника Псевдо-Турпина, имевшая хождение более чем в ста латинских списках и нашедшая отражение во французской, испанской, германской и итальянской эпических традициях. Именно эта хроника воспринималась как единственная правдивая история о Карле Великом в Испании, о Ронсевальской битве и о гибели племянника Карла Роланде. И этому способствует даже сама форма хроники, как передачи событий от непосредственного участника, который видел все своими глазами, в течение четырнадцати лет сопровождая войско Карла Великого, а после записал в своем письме другу Леопранду, настоятелю Ахенского собора.

Хроника посвящена деятельности Карла в Испании и Карл предстает в ней как король и воин, выбранный самим Богом и призванный Св. Иаковом на защиту Сантьяго-де-Компостела, места его упокоения. Так начинается повествование о походе Карла, однако хроника не оканчивает описание событий на торжественном соборе в Сантьяго-де-Компостела, и на смену Св. Иакову приходит Св. Дионисий.

В главе «De concilio Karoli et profectione eius ad sanctum Jacobum»[10] Карл Великий созвал собор в Сантьяго-де-Компостела, на котором передал собору Св. Иакова статус «Apostolica Sedes», так как в нем покоился Св. Иаков, и отдал ему в подчинение все земли Галисии и остальной Испании. Жители этих земель, обладающие собственностью, ежегодно должны были уплачивать по четыре монеты в его пользу, а епископский посох или ко-

[9] *Purkis W.J.* Op. cit. P. 140.

[10] *Meredith-Jones C.* Historia Karoli Magni et Rotholandi ou Chronique de Pseudo-Turpin. Textes et revues publiés d'après 49 manuscrits. P., 1936. P. 168–175.

ролевская корона должны приниматься только из рук епископа Сантьяго-де-Компостела. Хронист выстраивает иерархию апостольских престолов, выдвигая на второе место, после римского, именно престол апостола Иакова. На третьем месте, что примечательно, оказался Эфес и младший брат Св. Иакова, Иоанн Богослов. Таким образом, христианский мир делится на две части между сыновьями Зеведея, находящимися под предводительством Св. Петра, главы всех апостолов.

В свою очередь, в главе «De concilio quod ad sanctum Dionisium Karolus fecit»[11] по возвращении в Галлию Карл Великий созывает собор в базилике Сен-Дени. Подобно Сантьяго-де-Компостела Карл передал Сен-Дени всю Францию «in praedio» (в собственность). Жители, обладающие недвижимостью, были обязаны выплачивать по четыре монеты ежегодно в пользу церкви и ни один король не мог быть коронован, ни один епископ не мог быть рукоположен без совета пастора Сен-Дени. Эпизод кончается молитвой Карла, обращенной к Св. Дионисию, и его явлением во сне Карла. Дионисий дарует прощение грехов всем участникам испанского похода, а также гарантирует прощение всем, кто, вдохновившись деятельностью Карла, умрет в борьбе с сарацинами в Испании.

Существование этих двух перекликающихся между собой эпизодов является следствием особенности запутанного генезиса данной хроники. Можно было бы предположить, что два варианта имели хождение на разных территориях — о Иакове в Испании, о Дионисии во Франции. Однако Liber Sancti Jacobi, хранящийся в Сантьяго-де-Компостела, содержит оба эпизода. Манускрипт в Сантьяго-де-Компостела после 1139–1140 гг. принес французский священник Эмери Пико[12], имя которого значится в гимне «Ad honorem regis summi», а также в «охранной грамоте» папы Иннокентия II[13]. Назвать Эмери автором манускрипта и входящей в него хроники нельзя, так как он вполне мог быть компилятором или переписчиком с более ранней редакции, которая, как предполагают Андре Мандаш и Пьер Давид, могла находиться в аббатстве Сен-Дени[14]. Данная теория не имеет убедительного подтверждения, однако, даже если отмести возможность авторства Эмери Пико, список, легший в основу хроники о походе Карла Великого, был написан неизвестным клириком именно во Франции.

---

[11] Ibid. P. 216–221.

[12] *Moisan A.* Aimeri Picaud de Parthenay et le «Liber sancti Jacobi» // Bibliothèque de l'école des chartes. 1985. T. 143. Liv. 1. P. 5.

[13] *Moisan A.* Le livre de Saint Jacques ou Codex Calixtinus de Compostelle. Etude critique et littéraire. Genève, 1992. P. 61–63.

[14] *Moisan A.* Aimeri Picaud de Parthenay et le «Liber sancti Jacobi»… P. 13.

«Французские корни» Historia Karoli Magni et Rotholandi объясняют наличие Св. Дионисия и собора в Сен-Дени, а данный эпизод в хронике несет в себе двойную функцию. Во-первых, он служит элементом борьбы аббатства Сен-Дени за привилегии, описанные в хронике, в современный для автора период, выполняя функцию «Карлова дара». При этом привилегии, описанные в хронике, перекликаются с грамотой Сен-Дени, отстаиваемой в 1147–1149 гг. аббатом Сугерием, но непосредственное влияние Хартии на данный сюжет опровергается[15]. Во-вторых, эпизод с собором в Сен-Дени развивает пропаганду крестоносного движения на Иберийский полуостров «извне», а именно, из Франции. Поэтому автор вкладывает речь о прощении грехов всем, кто погибнет в Испании, сражаясь против сарацин, в уста Св. Дионисия.

Явившись отражением пропаганды крестоносного движения на Иберийский полуостров, Historia Karoli Magni et Rotholandi, как хроника, корнями уходящая во Францию, идейно направлена именно на французскую публику, пропагандируя принятие креста французским воинством и привлечение в локальную борьбу в Испании сил извне, со стороны северных соседей, о чем достаточно ярко свидетельствует композиционное противопоставление двух взаимосвязанных сюжетов со Св. Иаковом и Св. Дионисием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Les conciles oecuméniques. T. 2. Les décrets. Vol. 1. Nicée à Latran V. dir. G. Alberigo. Les Éditions du Cerf. P., 1994.

Mansi J.D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Vol. 21. Venetia, 1776.

Meredith-Jones C. Historia Karoli Magni et Rotholandi ou Chronique de Pseudo-Turpin. Textes et revues publiés d'après 49 manuscrits. P., 1936.

Robert U. Bullaire du pape Calixte II (1119–1124): Essai de restitution. T. 2. P., 1891.

Menéndez Pidal R. The Cid and His Spain. Routledge Library Editions: Muslim Spain. L., 2016.

Moisan A. Aimeri Picaud de Parthenay et le «Liber sancti Jacobi» // Bibliothèque de l'école des chartes. 1985. T. 143. Liv. 1.

Moisan A. Le livre de Saint Jacques ou Codex Calixtinus de Compostelle. Etude critique et littéraire. Genève, 1992.

O'Callaghan J.F. Reconquest and Crusade in Medieval Spain. Philadelphia, 2004.

Purkis W.J. Crusading Spirituality in the Holy Land and Iberia, C.1095–C.1187. Woodbridge; Rochester, 2008.

[15] *Meredith-Jones C.* Op. cit. P. 329–333.

E.E. Otakulov
Novosibirsk (Russia)
Novosibirsk State University

SANCTUS JACOBUS VEL SANCTUS DIONISIUS? "FRENCH" DIRECTION OF PROPAGANDA FOR CRUSADE IN SPAIN BY THE EXAMPLE OF CHARLEMAGNE'S COUNCIL EPISODE IN THE BASILICA OF SAINT-DENIS

The article deals with the development of the idea of crusade on the Iberian Peninsula and the propaganda of this idea in Historia Karoli Magni et Rotholandi, the fourth book of the Liber Sancti Jacobi (Codex Calixtinus), also well-known as the Chronicle of Pseudo-Turpin. Attempts were made to analyze two similar episodes. Paying attention to the French origin of this chronicle, the author drew the conclusion that the chronicle of Pseudo-Turpin was destined to the French audience and was aimed at inciting people to take the cross and to enter the local war between Spaniards and Saracens.

Keywords: The Chronicle of Pseudo-Turpin, propaganda, crusades, Spain, France, Saint Denis.

В.Е. Климова
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ЖАН ЛЕ ФЕВР ДЕ РЕССОН: У ИСТОКОВ «ПЛЯСКИ СМЕРТИ» ВО ФРАНЦИИ

В статье поднимается вопрос о происхождении французского текста «Пляски смерти». Рассматриваются наиболее древние из дошедших до наших дней манускрипты, содержащие «Пляску смерти», а также произведение «Respit de la Mort», где «пляска смерти» впервые упоминается. Ставится задача проанализировать имеющиеся тексты с целью выявления авторства первого французского текста «Пляски смерти».

Ключевые слова: Средние века, Пляска смерти, макабр, средневековая литература, Жан ле Февр, смерть.

В контексте христианского мировоззрения, особенно в эпоху Средневековья, тема смерти и ее восприятие представляли собой плодотворную почву для художественной интерпретации. Сюжеты «Триумф смерти», «Легенда о трех мертвых и трех живых», «Смерть, играющая в шахматы», «Пляска смерти» — яркие примеры такого осмысления, представленные в виде фресок и литературных произведений и распространенные почти по всей территории Европы. «Пляска смерти», в свою очередь, является одним из наиболее интересных и требующих анализа сюжетов. Начиная со 2-й пол. XIV в. до современности, этот сюжет трансформировался и переосмыслялся, вызывая исследовательский интерес у зарубежных историков.

В отечественной историографии, тем не менее, данная тема на данный момент не является разработанной во всей своей полноте: «Пляска смерти», как правило, рассматривается отечественными исследователями лишь как элемент целого пласта разнообразных источников, связанных с темой смерти. В частности, вопрос о происхождении источников остается открытым для анализа. Этим и обуславливается актуальность нашей работы.

Целью данного исследования является анализ нескольких манускриптов (Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 314, Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Latin 14904, Bibliothèque nationale

de France. Département des Manuscrits. Français 994) для выявления авторства французского текста «Пляски смерти».

Исследователями предполагается, что изначальная версия «Пляски смерти» была написана на латинском языке, представляя из себя текст, состоящий из четырехстрочных стихов. Впоследствии этот текст переводился на национальные языки, трансформировался и усложнялся. Сам латинский протограф до нас не дошел, однако мы имеем в распоряжении тексты, которые совмещают в себе два языка: так, например, «Пляска смерти» Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 314[1] написана на латинском и на немецком языках. В этом источнике видно, что латинский текст является первичным по отношению к немецкому. Необходимо обратить внимание так же и на то, что внутри этого текста не используется словосочетание «пляска смерти» или другая его вариация — это свойственно для всех текстов, которые мы считаем наиболее ранними.

Название «Пляска смерти» или «dance macabre» пришло из французского языка. Наиболее древним манускриптом, содержащим французскую «Пляску смерти», является Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Latin 14904, который по-разному датируется исследователями, но, в целом, мы можем говорить о том, что он относится к 1-й пол. XV в. Так, Эмиль Маль писал о том, что один из текстов, содержащихся в манускрипте, датируется 1429 г., и, вероятно, «Пляска смерти» была написана не значительно раньше этой даты[2]. Это также подтверждается и другими фактами. Во-первых, автор — Жан Жерсон — умер в 1429 г., соответственно, позже этой даты текст не мог быть написан. Во-вторых, в самом манускрипте мы видим следующую строку: «La dance macabre prout habetur apud sanctum innocentium»[3], говорящую нам о том, что данная «Пляска смерти» представляется читателю такой, какой она была на кладбище Невинных. В свою очередь, нам известно, что фреска с «Пляской смерти» на кладбище Невинных в Париже была начата в августе 1424 г. и закончена в следующем году на великий пост[4]. Таким образом, «Пляска смерти» из данного манускрипта не могла быть написана раньше 1425 г. и позже 1429 г. Из этого также следует, что текст французской «Пляски смерти» уже существовал до текста, написанного Жан Жерсоном, поскольку он присутствовал

[1] Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 314. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg314

[2] *Mâle E.* L'art religieux de la fin du moyen âge en France. P., 1908. P. 363.

[3] Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Latin 14904. F. 1r. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9077897g

[4] *Gandouin J.-M., Giffart P.-F.* Memoires pour servir à l'histoire de France et de Bourgogne. P., 1729. P. 103.

на кладбище Невинных. Кто же был автором французского текста «Пляски смерти», который безусловно отличался от латинского оригинала?

Впервые само словосочетание «пляска смерти» или «dance macabre» встречается у Жана ле Февра в его произведении «Respit de la Mort», так же известном как «L'Orologe de la mort»:

«Je fis de macabre la dance
Qui toutes gens maine a la tresche
Et a la fosse les adresce»[5].

Данный источник, дошедший до нас в нескольких списках, самым древним из которых является Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 994, датировать можно достаточно точно, поскольку автор напрямую сообщает эту информацию читателю: «Lan mil.ccc.soixante seize»[6] — «год тысяча триста семьдесят шестой». «Respit de la Mort» идейно схож с «Пляской смерти», однако же ею не является; «Respit de la Mort» стилистически, скорее, представляет собой исповедь отдельно взятого человека.

Таким образом, перед нами встает вопрос: какой смысл Жан ле Февр вкладывал в свою фразу «Je fis de macabre la dance» и почему словосочетание «dance macabre» впоследствии использовалось для названия текстов другого сюжета? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, важно понимать, что интерпретировать данную фразу можно несколькими способами. В первую очередь необходимо отметить, что происхождения слова «macabre» до конца не было определенно и исследователи, как правило, расходятся во мнениях, предлагая несколько версий. Французский исследователь средневековой литературы Гастон Пари в своей статье «La dance macabré de Jean le Fèvre» связал «macabre» с библейским именем Маккавей («Maccabaeus»), которое, по его теории, в средние века стало обычным именем и принадлежало неизвестному художнику, изобразившему «Пляску смерти», которая, в свою очередь, вдохновила Жана ле Февра[7]. Гидеон Юэ, в свою очередь, отмечает, что данная интерпретация критиковалась многими историками, которые отдавали предпочтение версии о том, что «macabre» имеет арабское происхождение: «maqābir» — «кладбище»[8]. Эмиль Маль также обращался к библейскому сюжету о Маккавеях, но, в отличии от Гастона Пари, отрицал возможность того, что «macabre» могло быть

[5] Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 994. F. 19r. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8451102x

[6] Ibid. F. 1r.

[7] *Paris G.* La Dance Macabré de Jean Le Fèvre // Romania. 1895. № 24. P. 132.

[8] *Huet G.* La Danse Macabré // Le Moyen Âge. 1917. № 29. P. 149.

именем художника. Он писал о том, что в католической церкви была практика зачитывать отрывки из второй книги Маккавеев на мессах, которые проводились в память о мертвых[9].

Все эти версии, так или иначе, дают нам основание считать, что словосочетание «danse macabre» в поэме Жана Ле Февра — это неустойчивое выражение, существовавшее в рассматриваемую нами эпоху, оно не встречается в других источниках, а сам термин «macabre» до кон. XIV в. не мог иметь ту смысловую нагрузку, которую он несет в настоящий момент. Поэтому для того, чтобы определить, что именно подразумевалось автором, необходимо рассмотреть словосочетание в имеющемся контексте:

Слово «fis» (глагол «faire»), может означать следующее:

1. «Я **исполнил** пляску смерти» в значении, что он, автор, находился в предсмертном состоянии. Данная интерпретация сомнительна с точки зрения того, что мы уже выяснили: «danse macabre» в XIV в. не могло быть устойчивым выражением и означать процесс умирания как таковой. Можно также предположить, что автор в действительности исполнял некий танец или же был участником какого-либо представления, однако никаких источников, подтверждающих это, мы не находим. Кроме того, эта версия не отвечает на вопрос, почему «danse macabre» стало использоваться как название для ряда текстов и изображений.

2. «Я **создал** пляску смерти». Этот вариант подразумевает, что Жан ле Февр написал еще одно произведение, которое он назвал «macabre la dance».

Как уже упоминалось, французская «Пляска смерти» представляла собой значительно переработанный латинский текст. Жан ле Февр был не только писателем, что давало ему возможность для собственной интерпретации, но и переводчиком с латинского языка. Так, например, он являлся переводчиком с латинского на французский «Disticha Catonis» — двустиший Катона, а также «Ecloga Theoduli» — эклога Феодола, автором которого был немецкий богослов Готшальк из Орбе. Поэтому нам представляется вполне вероятным то предположение, что Жан ле Февр мог быть знаком с латинским текстом «Пляски смерти», написанным на территории Германии, и впоследствии создать текст на французском языке.

Таким образом, основываясь на всем выше изложенном, мы можем говорить о том, что Жан ле Февр мог быть автором первого текста «Пляски смерти» на французском языке, несмотря на то, что сам текст не сохранился до нашего времени. Разумеется, этот вопрос требует дальнейшего исследования и подтверждения другими источниками, которые, если и не будут содержать текст «Пляски смерти», то, по крайней мере, будут на него ссылаться или упоминать в каком-либо ключе.

[9] Ibid. P. 151.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Bibliothèque nationale de France. Département des manuscrits. Latin 14904. Traités de Jean de Gerson, Nicolas de Clémangis et Vincent Ferrier. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b9077897g

Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Français 994. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8451102x

Gandouin J.-M., Giffart P.-F. Memoires pour servir à l'histoire de France et de Bourgogne. P., 1729.

Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Pal. germ. 314. URL: https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg314

Huet G. La Danse Macabré // Le Moyen Âge. 1917. № 29.

Mâle E. L'art religieux de la fin du moyen âge en France. P., 1908.

Paris G. La Dance Macabré de Jean Le Fèvre // Romania. 1895. №24.

V.E. Klimova
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

JEAN LE FÈVRE DE RESSONS: AT THE ROOT OF THE DANCE OF DEATH IN FRANCE

The paper explores question of the origin of the French text of the Dance of Death. The most ancient extant manuscripts containing the Dance of Death are considered, as well as the work "Respit de la Mort", where "the dance of death" is first mentioned. The paper purpose is to analyze the available texts in order to identify the authorship of the first French text of the Dance of Death.

Keywords: Middle Ages, the Dance of Death, macabre, medieval literature, Jean le fèvre, death.

Д.В. Образцов
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В «ХРОНИКЕ» САЛИМБЕНЕ ДЕ АДАМ КАК ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИЕМ

В статье анализируется описание в «Хронике» природных явлений. Их упоминание зачастую обрывочно, и в случае описания непогоды служит причиной тем или иным встречам или остановкам персонажей «Хроники». Более редкие природные явления — землетрясения, затмения и снегопады — упоминаются отдельно. Каждое из них вызывает у автора свои эмоции. Особо Салимбене де Адам выделяет снега — их описание сопровождается перечислением причиненного ими вреда, и используется для более яркого восприятия читателем горестей, сопровождавших народ Италии во времена гражданской войны.

Ключевые слова: Салимбене де Адам, «Хроника», природные явления, орден францисканцев, средневековая Италия.

Одним из самых интересных литературных памятников Италии XII–XIII вв. можно назвать «Хронику» Салимбене де Адам. Данное произведение вызывало интерес исследователей с самого своего обнаружения и до сих пор многие ее элементы досконально не изучены. Целью данной работы является определение тех целей, которые ставил перед собой Салимбене де Адам, включая в текст «Хроники» те или иные упоминания природных явлений. Исходя из поставленной цели, в процессе данной работы должны быть решены следующие задачи: нахождение и систематизация описаний погодных явлений; анализ данных отрывков.

Основным источником в работе является многократно издававшаяся «Хроника» Салимбене де Адам, также переведенная на русский язык. Описывая в ней события, происходящие на территории Италии и соседних областей, автор освещает многочисленные стороны религиозной, социальной, политической и культурной жизни того времени, и потому данное произведение интересно многим ученым-медиевистам. В первый раз «Хронику» опубликовали в 1587 г. Сделал это Франсиско де ла Пенья, но первая научная публикация «Хроники» увидела свет лишь в 1905–1908 гг. под редакцией

Освальда Хольдера-Эггера, и ей предшествовала его статья, посвященная созданию «Хроники». Последняя научная публикация состоялась в 1966 г. под редакцией Дж. Скалия. На русском языке «Хроника» увидела свет в 2004 г. под редакцией О.Ф. Кудрявцева.

За свою жизнь Салимбене много путешествовал. Он родился в Парме, а приняв постриг, жил в свое время в Лукке и Сиене. Также он бывал во Франции, а после возвращения в 1249 г. в Италию жил в Ферраре, Модене и Болонье. Путешествуя по разным землям, наблюдая различные ландшафты, Салимбене постоянно сталкивался с какими–либо природными явлениями. То, что он обращал на них внимание, можно связать с особенностью его ордена — ведь и сам Франциск Ассизский испытывал к природе трепетное отношение и видел в ней отражение ее Создателя. Однако упоминания в «Хронике» оказались достойны далеко не все явления природы, из чего можно предположить, что, описывая их, Салимбене преследовал определенные цели.

Основное внимание в данной работе будет уделено погоде, но де Адам описывал не только ее. Он описывал и странное поведение животных, как например, скворцов в главе «О множестве скворцов в год сражения войска Карла с войском Конрадина». Причиной данного внимания, вероятно, служила всего лишь необычность происходящего. Описывая стаи скворцов, заслоняющих небо, Салимбене признавался: «если бы я сам не видел, то вряд ли смог бы поверить рассказывающему такое»[1]. Гораздо более глубокий смысл несет описание в «Хронике» погоды.

При анализе текста сразу же становится очевидным, что Салимбене не интересовала обычная погода, свойственная Италии. Не интересовала настолько, что читатель не найдет в «Хронике» пространных описаний солнечных и теплых дней — разве что мимолетные упоминания. «Я же тихо сказал моему товарищу: “Я рассудил, что, поскольку у нас важные письма, было бы хорошо завершить наше путешествие, пока нам благоприятствует погода”»[2] — и здесь видно, что упоминание погоды происходит лишь в качестве причины продолжения путешествия, и, следовательно, повествования.

Стоит отметить также, что, часто путешествуя, Салимбене склонен относиться к погоде прагматически. Приведенный выше пример ярко демонстрирует оценочный взгляд де Адам, и приятная погода устраивает его не своей красотой, а удобством. Именно с такой точки зрения Салимбене упоминает и о непогоде — как о факторе, замедляющим чье-то передвижение и потому приводящим к неким встречам, диалогам и т.д. «Тогда же появи-

[1] *Салимбене де Адам.* Хроника. М., 2004. С. 522.

[2] Там же. С. 353.

лись еще два брата-проповедника, возвращавшиеся из Парижа со своего генерального капитула… здесь они ждали подходящей для плавания погоды, ибо в этом краю у них не было своей обители»[3].

Таким образом, можно определить, что упоминание в «Хронике» погоды является средством объяснить те или иные встречи и перемещения. Так, однажды де Адам и брат Уго столкнулись с двумя братьями–проповедниками, которым «не повезло с погодой для плавания»[4], что привело к диалогу между ними и хоть и краткому, но привычному для «Хроники» и Салимбене мягкому нравоучению.

Но в «Хронике» присутствуют и отдельные природные явления, важные для Салимбене настолько, что он решил посвятить им целые главы. Таким крупных явлений три — снегопады, затмения и землетрясения, и все они имеют как общие причины нахождения в «Хронике», так и уникальные. Все эти природные явления удивительны и достаточно редки — иначе на них не обращали бы внимание. Исходя из данного аргумента, можно судить, что каждое из этих природных явлений каким–либо образом влияет на жизнь людей, ее бытовую или духовную сторону.

Теперь стоит обратиться к каждому явлению по отдельности. Землетрясения описываются у Салимбене куда более скупо, чем другие два природных явления: «Также в том году, в сентябре месяце, ближе к вечеру, случилось большое землетрясение»[5]. Даже более того — ни сам де Адам, ни другие персонажи «Хроники» не обращают на землетрясения сколь либо серьезного внимания. Так, по словам Салимбене жители Брешии, например, «так привыкли к… землетрясению, что, когда падала кровля с какой-нибудь башни или дома, они смотрели и громко смеялись»[6]. Как можно наблюдать, это природное явление не имеет особой функции и упоминается в основном рядом с другими, более важными для де Адам событиями: «А в Лионе скончался патриарх Антиохийский… и был он епископом в Брешии во время великого землетрясения»[7]. И даже в этом отрывке землетрясение служит развитию повествования: «И когда он, будучи там епископом, на крик некоего брата-минорита, находившегося при нем, вышел из своих покоев, то они рухнули тотчас же по его выходе»[8].

Немногим большее значение Салимбене придает и затмениям, в чем и признается: «затмений, как солнечных и лунных, так и звездных, да будет

[3] Там же. С. 259.

[4] Там же. С. 275.

[5] Там же. С. 363.

[6] Там же. С. 42.

[7] Там же. С. 197.

[8] Там же.

вам известно, я повидал немало с тех пор, как вступил в орден братьев-миноритов»[9] а также замечает, что «то и дело происходят и солнечные, и лунные затмения, и землетрясения»[10]. Однако к затмениям де Адам относится более уважительно, и даже посвящает им главу «О солнечном и лунном затмении и о том, что говорится об этом в Писании». Написание этой главы он объясняет так: «если кому-нибудь доведется проповедовать, и у него вдруг не окажется под рукой темы на данный предмет, то он попадет в затруднительное положение»[11]. Лишь одно (первое в жизни) затмение поразило Салимбене настолько, что он не только посвятил этому главу «О большом солнечном затмении», но и красочно описал: «Произошло солнечное затмение, во время которого солнце померкло страшно и ужасно, и появились на небе звезды… и казалось, что наступила темная ночь; и все мужчины и женщины пребывали в великом страхе и ходили обезумевшие от большого горя и ужаса»[12]. Из лунных же затмений Салимбене отдельно отметил лишь то, которое «пришлось на первый год понтификата папы Григория X, в мае, когда перед утреней на диске луны появился знак креста»[13].

Однако и затмения не могут сравниться с теми чувствами, которые испытывал де Адам, описывая снегопады. Прежде чем снова обратиться к тексту, для лучшего понимания личности Салимбене стоит отметить, что этот францисканский проповедник очень любил Италию. Он искренне горевал о происходящей в то время войне между итальянскими городами, сражавшимися друг с другом из-за споров Папы Римского и германского императора Фридриха Барбароссы. «Хроника» изобилует описаниями постоянных взятий городов, военных столкновений и сопровождавших все это горестей простых людей. На фоне этого с особенной грустью и искренней печалью Салимбене говорит о снегах: «В лето Господне 1234 в течение всего января месяца было так много снега и льда, что обледенели виноградники и все плодовые деревья. И погибли от мороза звери лесные. И волки ночью входили в города, и днем их ловили, убивали и вешали на городских площадях. И деревья от слишком сильного мороза трескались от верхушки до корня, и многие деревья совсем потеряли крону и засохли из-за упомянутого мороза»[14]. Как можно видеть из этого отрывка, Салимбене больше всего волнует вредоносное влияние снегопадов на земледелие и связанный с этим

[9] Там же. С. 633.
[10] Там же. С. 598.
[11] Там же.
[12] Там же. С. 183.
[13] Там же. С. 633.
[14] Там же. С. 97.

голод: «И в том же году в горных краях были великие снегопады, больше обычного, и в некоторых горных местностях снег лежал больше обычной глубины, достигая пяти локтей, а кое-где больше шести локтей. И продолжались вышеназванные снегопады много месяцев в вышеназванном году и в следующем. И был в вышеназванных горных местностях величайший падеж свиней и другого скота от голода, ибо не было ничего, чем можно было бы кормить вышеназванный скот, а для кормления свиней запаривали сено и отжимали виноград»[15]. Почти постоянно при упоминании снегов Салимбене использует описания более яркие, чем в случае с землетрясениями или затмениями: «Весь день и ночь шел снег великий. Под тяжестью снежного покрова многие фруктовые деревья в садах, в том числе миндаль и гранаты, рухнули или сломались»[16]. Вероятно, снегопады причиняли столько бед, что их отсутствие де Адам буквально считал чудом: «И случилось великое чудо, ибо в том году, когда они пришли, не было ни холода, ни мороза, ни гололедицы, ни снега, ни грязи, ни дождей, и дорога была прекраснейшей, безопасной и приятной, как если бы был месяц май»[17], хоть и связывал это в данном отрывке с убийством французами сына Фридриха Манфреда (снова видно внимание Салимбене к тем, кто, по его мнению, помогал или мешал нормализовать положение в Италии).

Таким образом, при упоминании в «Хронике» погодных явлений Салимбене желал не просто украсить повествование, но выразить через эти упоминания свои определенные мысли или же объяснить чьи-либо поступки. Хорошая или плохая погода останавливает персонажей «Хроники» или же помогает им продолжать путь, что приводит к определенным событиям и диалогам, в которые де Адам вкладывает свои поучения и советы. Землетрясения служат дополнительным способом обозначить тот или иной момент — они упоминаются в контексте при упоминании какого-либо другого события. Затмения, как явление на небе, вызывают у Салимбене большее внимание — он даже делится с читателем своими искренними эмоциями, которые испытывал, в первый раз видя солнечное затмение. Также де Адам осознает их возможную важность для проповедников, в связи с чем также не забывает упомянуть о затмениях. Снегопады же Салимбене описывает с целью лишний раз описать бедствия итальянского народа, страдающего в гражданской войне. Именно снега почти при каждом упоминании в «Хронике» содержат в себе описание их вредоносного воздействия.

---

[15] Там же. С. 536.

[16] Там же. С. 599.

[17] Там же. С. 511.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Салимбене Де Адам. Хроника. М., 2004.

D.V. Obraztsov
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

NATURAL PHENOMENA IN THE CHRONICLE OF SALIMBENE DE ADAM AS A LITERARY RECEPTION

The article analyzes the description in the “Chronicle” of natural phenomena. Their mention is often fragmentary, and in the case of a description of bad weather, it is the reason for one or another meeting or stopping of the characters of the Chronicle. More rare natural phenomena — earthquakes, eclipses and snowfalls — are mentioned separately. Each of them evokes in the author his own emotions, among which the snow stands out — their description is accompanied by a description of the harm they caused, and is used for a more vivid perception by the reader of the sorrows that accompanied the people of Italy during the civil war.

Keywords: Salimbene de Adam, “Chronicle”, natural phenomena, the Franciscan order, medieval Italy.

С.С. Грозов
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ЖИВОТНЫЙ МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЛАТИНСКОГО БЕСТИАРИЯ

В докладе рассматриваются описания животных Ворксоповского бестиария. Поднимается вопрос о реконструкции восприятия животного мира в мировоззрении средневекового человека путем выявления отдельных его элементов. Автор приходит к выводу о существовании трех наиболее важных элементов (степени схожести с человеком, иерархичности и географического положение) определявших восприятие животного мира как части природы в представлениях средневекового человека.

Ключевые слова: бестиарий, Ворксоповский бестиарий, картина мира, животные, средневековая литература.

Средневековые латинские бестиарии не раз попадали в поле зрения историков, однако, изучив множество аспектов ментальности, исследователи обошли вопрос реконструкции животного мира в воображении творцов и читателей бестиариев. Аналогичным образом, исследователи Возрождения XII в., на который и приходится время создания большинства сохранившихся бестиариев, крайне мало внимания уделяют им и животному миру, в частности. Тем не менее, именно бестиарий предоставляет возможность увидеть животный мир и его место в мировоззрении средневекового человека, чем и обуславливается новизна и актуальность нашего доклада.

Цель нашего исследования — выявить элементы картины мира средневекового человека для реконструкции восприятия животного мира в рамках XII–XIII вв. на основании средневекового латинского бестиария.

Учитывая специфический характер цели исследования, мы считаем необходимым основываться на одном источнике — Ворксоповском бестиарии, созданном в 1185 г. в Англии. Выбор источника обусловлен как его отличной сохранностью, так и потенциальной возможностью верификации через близкую по тексту и изображениям рукопись — Санкт-Петербургский бестиарий.

Стоит оговориться, что под животным миром мы понимаем всю категорию животных, осознаваемую средневековым человеком как единую, отдельную от человека общность (последнее оправдывается сохранением концепции Аристотеля[1]).

Для достижения поставленной цели нам кажется важным выявить ключевые элементы в текстах и изображениях, которые позволят нам реконструировать общее восприятие животного мира, зафиксированное в бестиариях. Такие элементы, закладываемые в описания зверей, оставались в памяти читавшего и могли репродуцироваться на окружающую действительность.

Итак, самым очевидным элементом, в данном контексте являющимся качеством существа, по нашему мнению, представляется его «человечность». Это проявляется не только в облике, зафиксированном в миниатюрах, но и в повадках, описываемых в тексте. Поиски «человечности» в бестиарии неизбежно идут бок о бок с поисками «антропоморфности», и в каком-то смысле ей противопоставлены. Так, человечность — то есть некая сходность моделей поведения или поступков — присуща не многому числу животных и служит цели показать наиболее «достойных» животных в животном мире, например, лошадь. В источнике отмечается следующее: *«За убитого, как и умершего хозяина лошади проливают слезы. Говорят, что только лошадь плачет по людям и испытывает чувство горя из-за них»*[2].

Качество «антропоморфности» не добавляет животным благородства, скорее наоборот, это подается несколько порочным, неестественным и притворным, гибридным (что само по себе, особенно в иконографической традиции, подавалось как маркер демонического[3]). Антропоморфных зверей значительно больше человечных, часть из них имеет человеческий голос (гиена, левкрота, мантикора); иные выглядят человекообразно или имеют человеческие части тела (обезьяна, сатир, онтокентавр, сирены, мантикора).

К примеру, мантикора сочетает в своем образе и человеческую голову (в миниатюрах изображается голова, причем, в шапке; в тексте — лицо), и возможность подражать человеку. «*Есть в Индии зверь, называемый*

---

[1] Подробнее см.: *Oelze A.* Animal Rationality: Later Medieval Theories 1250–1350. Leiden; Boston, 2018. P. 235.

[2] Worksop bestiary. Pierpont Morgan Library. MS M.81. fol. 44v–45r (здесь и далее перевод с лат. автора).

[3] Подробнее см.: *Ковригина И.В.* Гибридность как свойство демонического (на примере иконографической традиции позднего Средневековья) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №3. С. 279–285.

мантикорой… У мантикоры человеческое лицо, глаза серые, схожее со львом тело кроваво-красного цвета, а хвост с жалом, словно у скорпиона. Голос его словно у сибиллы…»[4]. Конечно, мантикора — хищник-людоед, к тому же абсолютно демонизированный, но все же для средневекового читателя — реальный, а потому его антропоморфность могла дополнительно придавать страха его образу. Другой представитель этой группы — обезьяна — вызывает не страх, а, скорее, смех или пренебрежение, но называется единственной со схожим человеку *rationes*: *«Обезьяны так названы simie по латыни в обиходе, потому что сходство между их разумом и человеческим ощущается»*[5].

Вторым важным элементом выступает внутренняя иерархия животных в бестиарии — выделение определенной системы главенствования в рамках природных «царств». Так стартовой точкой повествования бестиария традиционно был лев, демонстрируемый как «царь зверей», *fortissimus bestiarium,* поставленный на это место еще Исидором Севильским (Isid. Ethymol. XII. II)[6]. Отметим, что лев был всего лишь первым среди диких зверей (*bestiae*), но не среди всех животных. Помимо него в бестиарной «семиотической» системе можно выделить еще несколько «ключевых» фигур повествования: пантера, собака, лошадь, медведь и вепрь; из птиц — орел; из рыб — серра; из змей — дракон. Список поддается корректировке — медведь и вепрь намеренно скрыты и замещены львом[7].

Что касается остальных «ключевых» животных, то они, так или иначе, демонстрируются или «во главе» своих групп, или в рамках значимости для человека. Если со львом и драконом все вполне очевидно, то, к примеру, за пантерой «повсюду следуют другие звери, слыша ее зов»[8]. Собака и лошадь поданы как «исключительные» для человека животные. Орел фактически занимает место, аналогичное львиному. Серра же представляется важным маркером «неизведанности» водной стихии, огромнейшей рыбой, описываемой как чудовище — *belua.*

Третий элемент, предоставляющий нам взаимосвязь текста с действительной картиной мира автора и читателя бестиария — это география. Стоит оговориться, что в бестиариях география представлена крайне фрагментарно: локусы одного и того же существа в разных манускриптах могут раз-

[4] Worksop bestiary. fol. 39r.

[5] Ibid. fol. 19v–20r.

[6] Из Этимологий Исидора Севильского // Одиссей. 1998: Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999. С.317.

[7] *Пастуро М*. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2017. С. 62.

[8] Worksop bestiary. fol. 21r.

ниться, что отсылает к определенному имажинальному географическому пространству. Топографические данные крайне редко встречаются в описаниях животных, однако если они присутствуют, то распределяются не абстрактно, а в определенной среде их гипотетического обитания (часто перекочевывающих из более ранних источников). Заметим также, что географические описания даны преимущественно диковинным «мифическим» существам — это достаточно логично, поскольку привычные животные в указывании ареала не нуждались.

Одним из первых животных с конкретным локусом, которое встречал средневековый читатель в бестиарии, был анталоп (или антилопа). В его описании отмечается, что «*испытывая жажду, он отправляется к реке Евфрату*»[9]. Кроме него географические привязки имеет также мантикора и слон (Индия), парандрус (Эфиопия), феникс (Арабия) и верблюд (Арабия и Бактрия), боннакон (Азия) и проч. На основании лишь бестиария говорить о степени понимания этих зон мы не можем, но сам факт присутствия географических номинаций не может быть выпущен из внимания. Перечисленные земли, разумеется, трудно определяемы только с опорой на бестиарий, однако часть из них, в особенности — Индия[10], привлекает особенное внимание. Индия (а не другие указанные территории) населена, согласно тексту бестиария, наибольшим количеством видов «мифических» существ. Все это вновь отсылает к дискурсу о признании за такими диковинными животными статуса «реальных, но географически отдаленных», т.е. формально привычных для иных территорий. И именно в этой замысловатой связке география проявляет себя важным маркером, оставляющим след в мировосприятии человека. Иными словами, представляя *orbis terrarium,* читатель бестиария невольно населял отдаленные территории, о которых есть лишь фрагменты знаний, диковинными для него «мифическими» существами.

Суммируя, мы можем заключить, что существует, как минимум, три элемента картины мира средневекового человека, позволяющих нам реконструировать восприятие животного мира в рамках XII–XIII вв.:

1. Человечность (и как его антипод — антропоморфность). Этот элемент, оседая в памяти человека, невольно мог продуцироваться (и продуцировался) не только на отношение к тем или иным существам, но и на изменение традиции аристотелевской системы разделения животных и человека, что привело к постановке вопросов о животной душе и ее природе; судебным процессам над животными и т.д.

---

[9] Ibid. fol. 9v.

[10] Подробнее о концепции трех Индий см.: *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002. С. 175.

2. Иерархичность. Этот элемент проявляет себя до сих пор благодаря клише о льве как «царе зверей». Возникает же он и наиболее ярко проявляет себя в стремлении репродуцировать общественную структуру и на животный мир.

3. География. Этот элемент фиксировался в памяти, связывая существ и территории — в средневековых бестиариях животные населяют не абстрактные пространства, а вполне реальные, но малоизвестные территории. Безусловно, часто эти территории имеют прямое отношение к областям «имажинальной географии», как в случае с Индией — terra incognita[11] — одновременно и реальной местностью, и территорией чудес, населенной диковинными существами, но вполне «реальными». Аналогичным образом, и «морские монстры» помещались средневековым воображением в рамки теоретически доступного человеку мира, что неоднократно подтверждается даже агиографической литературой, например, «Путешествием Св. Брендана».

Таким образом, эти элементы воссоздают, к сожалению, лишь небольшой фрагмент картины мира, однако даже он способен продемонстрировать, насколько многогранным и неоднородным было восприятие природы в Средние века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Из Этимологий Исидора Севильского // Одиссей. 1998: Личность и общество: проблемы самоидентификации. М., 1999.

Worksop Bestiary. Pierpont Morgan Library. MS M. 81. URL: https://www.themorgan.org/collection/worksop-bestiary

Ковригина И.В. Гибридность как свойство демонического (на примере иконографической традиции позднего Средневековья) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. №3.

Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург, 2002.

Пастуро М. Символическая история европейского средневековья. СПб., 2017.

Райт Дж К. Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1998.

Oelze A. Animal Rationality: Later Medieval Theories 1250–1350. Leiden; Boston, 2018.

[11] Подробнее см.: *Райт Дж. К.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1998. С. 244.

S.S. Grozov
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ANIMAL WORLD THROUGH THE PRISM OF THE MEDIEVAL LATIN BESTIARY

The paper explores animal descriptions of Worksop bestiary. Author analyses question of a reconstructing the perception of the Animal world in the medieval world-view through its separate elements. Also, author concludes that there are three most important elements (the measure of similarity with a human, inner hierarchy and geographical position) that determined the perception of the animal world as part of nature in the imagination of medieval people.

Keywords: bestiary, Worksop bestiary, animals, medieval literature.

Э.Э. Хамидуллин
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

ОБРАЗ ВРАГА КАК ИНСТРУМЕНТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В САГЕ О СВЕРРИРЕ: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается один из аспектов формирования образа власти монарха в Саге о Сверрире. Осуществляется анализ приемов, используемых автором в репрезентации сторон конфликта. Устанавливается роль боевых действий в создании идеологической структуры саги.

Ключевые слова: потестарная имагология, королевские саги, Норвежское королевство, эпоха гражданских войн в Норвегии, Сага о Сверрире.

При раскрытии символических и идейных особенностей образа власти того или иного монарха важным моментом является обозначение идейного поля, в рамках которого складывается имагология власти. Так и в нарративных, а особенно в биографических источниках, нам важен контекст, те события, в которых жил и действовал главный герой — потестант. Именно в конфликтных ситуациях наиболее ярко проявляются личностные особенности персонажей, а описание их поступков должно вызвать симпатии и антипатии у читателей. Сам жанр саги построен на конфликте, что дает достаточный материал для изучения политической истории Скандинавии данного периода.

Сага о Сверрире — первая записанная королевская сага, дошедшая до наших дней. Она повествует об эпохе гражданских войн в Норвегии, и поэтому изобилует противостоянием различных политических сил в периоде 1177–1202 гг. Главный герой[1] на пути к власти и в течение своего правления столкнулся со множеством врагов, и конфликты с ними стали одним из оснований репрезентации власти.

Можно выделить три основных аспекта репрезентации сторон конфликта: военно-организационный, морально-этический, и религиозно-политический. Несомненно, они переплетены между собой и создают сложную

[1] Сверрир Сигурдссон Магнус (1145[1151]–1202 гг.) — король Норвегии в 1184–1202 гг.

идеологическую конструкцию в контексте саги. В данной статье будет подробно разобран именно военно-организационный аспект и как он использовался в формировании образа власти Сверрира.

Первым противником выступают бонды и горожане, то есть непрофессиональные военные.

Бонды показаны как слабо организованные воины, которым свойственна трусость. Данный образ автор транслирует на протяжении всей саги. Вначале берестенниками[2] были разгромлены бонды и горожане Гаудаля, которые превосходили их числом. А уже после победы над Магнусом зимой на них напали бонды Вёрса, Аустрея и Северного Хёрдаланда. Можно привести следующий отрывок для иллюстрации этого столкновения: «Несдобровать тому, кто боится войска бондов… когда бонды увидели высоко поднятый стяг конунга, их охватил страх» (гл. 49). Какое бы количество бондов не выступало против берестенников, победа оказывалась на стороне берестенников.

Но были и исключения, на чем автор заостряет внимание. По прошествии времени, берстенники вышли к Нидаросу — центру Трандхейма, северной области. Сверрир предложил взять город хитростью: послать отвлекающий отряд, а когда горожане пойдут за ним, занять город. Однако берестенники пошли против конунга и решили напасть «в лоб». Сверрир предсказал, что они будут повержены. В конечном итоге бой был проигран (гл. 28).

Будучи ограниченным жанровыми законами саги, автор не может писать лишь о победах Сверрира, иначе он говорил бы «неправду». Однако описание данного эпизода с одной стороны отмежевывает Сверрира от проигрыша, и с другой — показывает его интеллектуальное превосходство.

В конечном счете бонды ставятся автором в более низкое положение, по сравнению с берестенниками. Хотя на момент первых сражений брестенники занимали нижестоящее место, будучи «бандой разбойников». Трусость бондов не может не вызывать антипатии у читателя саги. На контрасте с этим выдвигается руководящая роль Сверрира. Пусть даже бонды являются недееспособным противником, без руководства Сверрира берестенники проиграют даже им.

Несомненно, главными врагами выступают конунг Магнус[3], ярл Эрлинг[4] и архиепископ Эйстейн. Магнуса поддерживал весь народ, его отец

---

[2] Берестенники — политическая партия, поддержавшая Сверрира. Название получили из-за своей бедности, из-за чего им приходилось носить обувь из бересты.

[3] Магнус V Эрлингссон (1156–1184 гг.). Король Норвегии с 1162 г. до своей гибели в битве при Согнафьорде.

[4] Эрлинг Скакке (Кривой) (1115–1179 гг.). Ярл, зять Сигурда I Крестоносца, фактический правитель страны при своем сыне Магнусе до своей гибели в битве при Кальвскиннете.

ярл Эрлинг был могущественен и крепко держал власть в стране. Противники существующего правления были лишь на Севере, и то там правил Эйстейн — архиепископ, который поддерживал Магнуса.

Однако для них, как следует из текста саги, была характерна неверная оценка противника. У бондов не выражается определенное отношение к берестенникам, как к военной группе. Хоть для них это и «банда разбойников», они собираются и сражаются «по силам», хоть и незначительным. Эрлинг прямо выражает пренебрежительное отношение: «Сверрир же не посмеет напасть на нас здесь, когда мы так хорошо приготовлены встретить его» (гл. 34). Однако это была роковая ошибка. Плащевики напились и Сверрир застал их врасплох. Магнусу и Эрлингу удалось собрать часть людей, все же они были разбиты при Кальвскиннете в 1179 году (гл. 37). Погиб ярл Эрлинг, Магнус бежал, много кто утонул или был убит при бегстве.

Нельзя недооценивать момент смерти Эрлинга, его можно назвать поворотным в Саге. Автор художественными средствами подчеркивает значимость смерти Эрлинга. Она описана в эпической традиции: прямо в момент, когда перерубили древко знамени Эрлинга, он получает смертельный удар копьем в живот[5]. Изменяется тон в отношении сторонников Мануса — появляется пренебрежительное прозвище — плащевики[6]. Происходит нивелирование врагов: прозвищем плащевики они как бы превращаются из собрания знатных мужей в такую же группировку, как незнатные берестенники. Вместе с этим и возрастает положение берестенников: они больше не кучка нищих повстанцев, имеющих своей целью лишь грабеж, они политическая сила, которая также может бороться за власть.

Знатные люди, которые раньше боялись Эрлинга, могли теперь перейти к Сверриру. Поэтому и нивелирование между плащевиками и берестенниками стало возможным de facto, а не на интеллектуальном уровне. Более того, плащевики ставятся ниже берестенников. В речи перед последующей битвой Сверрир говорит, что плащевики не способны к сражению: «они годятся лишь в дружки на свадьбу» (гл. 47).

Далее продолжается борьба только с Магнусом, архиепископ Эйстейн не принимает какого-либо участия в рамках повествования вплоть до смерти Магнуса. В формировании образа Магнуса сыграли главную роль определенные моменты, о которых речь пойдет дальше.

---

[5] *Успенский Ф.Б.* Под мухой победы. Конунг Сверрир и его знамя // Polystoria. Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М., 2017. С. 87–108.

[6] Предположительно, прозвище возникло из-за того, что их поддержало духовенство. Однако в саге дается иная трактовка: они разграбили имущество покойной женщины, которое представляло собой горсть серебра, зашитую в старый плащ. См. примечания к главам 30, 41.

Следует отметить, что на стороне Магнуса было преимущество в виде народной поддержки, именно на его стороне были самые экономически развитые области страны. При наличии такой большой ресурсной базы он изображается некомпетентным ее распорядителем. Военные хитрости не удавались, засады не организовывались, постоянные бегства от противника разрушали его образ, как защитника государства. Так, во время кампании 1180 г. плащевики попытались построить заграждения, которые не дали бы выйти в открытое море берестенникам, однако им этого не удалось. Автор подытоживает их действия таким образом: «много было у них и других замыслов, которые не были выполнены» (гл. 46).

В военных действия следующего года примечательна битва при Норднесе. Магнус был ранен и упал, поскользнувшись на доске. Этого было достаточно, чтобы плащевики пришли к выводу: «решилось, кто будет править страной». И когда Магнус встал и начал кричать, что он не погиб, и чтобы никто не убегал, «его как будто никто не слышал» (гл. 56). Его образ контрастирует с образом Сверрира, данный прием в саге используется не раз. Магнуса как будто никто не слышал, когда он пытался остановить бегство, в это же время Сверрир мелькал между кораблями на струге и поддерживал своих воинов речами (гл. 54). Сверрир и Магнус меняются местами в репрезентации. В начале Сверрир нужен был берестенникам лишь как инструмент для реализации политических интересов, берестенники прямо ему заявили, что, если он не согласится стать их конунгом, его убьют. Теперь Сверрир несомненно является лидером и его подчиненные говорят, что они доверяются ему, так как его решения всегда оправдывались (гл. 9, 47). В свою очередь Магнус готов отказаться от трона, хотя он был легатом папы. Магнус не против принять лен от конунга Дании, однако его приближенные говорят, что нужно продолжать борьбу (гл. 84). И только появилась неподтвержденная весть о гибели Магнуса, так в тот же момент плащевики перестали бороться и впали в бегство, а на речи Магнуса не обращали внимания.

Плащевики же все более и более изображаются похожими на бондов своим отсутствием хитрости, инициативы и трусостью. Несомненно, войско Магнуса имело немалое количество ополчения в своих рядах, состоящее из бондов и горожан. Однако неспособность дружины выделиться на фоне ополчения и постоянные проигрыши в прямых столкновениях с берестенниками, а также попадания в засады полностью нивелируют дружинников Магнуса и бондов или горожан. Конечно, в тексте плащевики не превращаются в бондов. В течение противостояния описываются случаи, где плащевики сражаются доблестно, либо автор просто комментирует, что плащевики достойно сражались (гл. 54). Но на исход конфликта это не возымело значительного эффекта. В саге прямо говорится о замещении плащевиков берестенниками. Вот слова Свиного Пэтра жителям Бергена: «Магнус конунг мертв и все его войско погибло… Забудьте конунга, который погубил себя… Нет больше Сверрира,

который шел войной на многие города, нет больше и берестенников, которые шастали по городу и загребали себе добро из ваших сундуков. Теперь придут с нашим конунгом смирные и степенные дружинники, которые будут замкóм и ключом мира и свободы в этом и других городах» (гл. 96). То есть на смену плащевикам придут такие же добропорядочные люди, только более умелые воины. В целом, можно проследить эволюцию образа плащевиков в Саге от подавляющей силы до «пережитка прошлого» а также моменты и техники, на которые опирался автор при формировании образа врага.

Таким образом, наиболее значимыми можно считать следующие моменты: гибель ярла Эрлинга, после которой берестенники могли поставить себя наравне с плащевиками, и бегство Магнуса из страны, благодаря которому берестенники могли уже поставить себя выше плащевиков, гибель Магнуса являлась лишь логическим завершением данной эпопеи. Наполнение между этими моментами, будь то удачи Сверрира или неудачи Магнуса, служит лишь для усиления значений, которые Сверрир закладывал в своих речах, комментируя данные события.

В целом описание действий сторон находится внутри идеологической парадигмы, заданной первой частью саги «Gryla» — «Страшилище», что символизирует устрашающе растущею мощь Сверрира[7].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Сага о Сверрире. М., 1988.

Гуревич А.Я. Сверрир в саге и в истории // Сага о Сверрире. М., 1988.

Успенский Ф.Б. Под мухой победы. Конунг Сверрир и его знамя // Polystoria. Зодчие, конунги, понтифики в средневековой Европе. М., 2017.

E.E. Khamidullin
Kazan (Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

THE IMAGE OF THE ENEMY AS A TOOL FOR REPRESENTING POWER IN THE SVERRIS SAGA

The article discusses one aspect of reign's representation forming in the Sverris saga. Author had analyzed techniques were used in representation of political parties in Norwegian civil war. The role of hostilities in creating the ideological structure of Sverris saga was established by the author.

Keywords: potestary imagology, royal sagas, the Norwegian kingdom, the era of civil wars in Norway, Sverris saga.

[7] *Гуревич А.Я.* Сверрир в саге и в истории // Сага о Сверрире. М., 1988. С. 192.

Е.А. Шишка
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

«ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ДРУГОГО»: МОНГОЛЬСКИЕ ЗАВОЕВАТЕЛИ НА МИНИАТЮРАХ АНДРЕ ИЗ ИПРА

Данная статья представляет собой исследование визуальной традиции европейских средневековых книжников XV в. На примере книжных миниатюр парижского художника Андре из Ипра (называемого также, как «Мастер канцлера Гийома де Жувенеля») в работе анализируется, каким инструментарием пользовались французский художники для обозначения иноверцев и инородцев, в частности, монгольских завоевателей. Автор приходит к выводу, что в качестве таких визуальных символов могли выступать цветовые обозначения, корреляции во внешности, различные атрибуты и формы визуализации людей.

Ключевые слова: монголы, Средневековье, книжные миниатюры, имагология, Чингисхан.

В настоящее время популярность набирает новое научное направление — имагология, которая подразумевает изучение формирования представлений народов друг о друге. Это связано в первую очередь с тем, что на фоне ускорения процессов глобализации происходит обострение этнических проблем[1]. Фундаментальное значение для раскрытия специфики любой культуры и ее самосознания имеет оппозиция «свои-чужие», которая была присуща человеческому сознанию во все эпохи. Роль образа «Другого» и формирование собственной идентичности на разных исторических этапах исключительно важна. Ведь познание чужой культуры и самопознание — явления одного порядка. Только в контактах с чужой культурой происходит осознание специфики культуры собственной[2].

---

[1] *Зайцев И.* Без гнева и пристрастия. Татары и русские в зеркале взаимного восприятия // Родина. 2005. № 8. С. 100.

[2] *Лучицкая С.И.* Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. С. 5.

Восприятие «другого» можно изучать по письменным, устным и изобразительным источникам. Анализ визуального дискурса инаковости может выявить некоторые механизмы функционирования идеологии в средневековом обществе. В отношении изображения монголов европейскими миниатюристами можно сказать, что миниатюры европейских манускриптов являются одними из менее изученных на сегодняшний день исторических источников. Если в изучении христианских представлений о монголах историческим и литературным произведениям и уделялось определенное внимание, то иконографические документы зачастую использовались лишь как иллюстрации к тексту и рассматривались как нечто второстепенное.

На наш взгляд, изучение визуальной информации, содержащейся в средневековых книжных миниатюрах, дает возможность воссоздать систему ценностей и представления людей, живших в рассматриваемое нами время, а также понять, как функционировала модель «свой-чужой» в рамках взаимоотношений Запада и Востока. Как в свое время отмечала С.И. Лучицкая: «Миниатюры — те “окна”, через которые можно совсем по-новому посмотреть в мир Средневековья»[3].

В центре нашего внимания находится иллюстрированное произведение доминиканца Джованни Колонна «Mare historiarum канцлера де Жувенеля» (Johannes de Columna Mare historiarum de Jouvenel des Ursins), в котором повествуется история мира с момента его сотворения и до 1250 г. Первая редакция рукописи была написана в 1-й. пол. XIV в. Миниатюры создавались в Париже предположительно в 1447–1455 гг. художником Андре из Ипра (называемый также «Мастер канцлера Гийома де Жувенеля»)[4]. Немецкий историк искусств Эберхард Кениг пишет том, что в создании миниатюр принимали участие также такие видные книжники того времени, как Аделаида Савойская, мастер Женевского Боккача и мастер Боэция[5]. Рукопись была создана по заказу короля Франции (провозглашен в 1422 г., коронован в 1429 г.) из династии Валуа Карлом VII «Победителем». По другой версии — канцлером Франции Гийомом Жувенель дез Юрсеном (Guillaume Jouvenel des Ursins)[6]. В любом случае рукопись впоследствии вошла в королевские собрания, о чем свидетельствуют упоминания в канцелярских описях с 1518 г.[7]

---

[3] *Лучицкая С.И.* Указ. соч. С. 322.

[4] *Avril F., Reynaud N.* Les manuscrits à peintures en France, 1440–1520. P., 1993. P. 109–110.

[5] *König E.* “Le Maître du Boccace de Genève”, dans Marc-Édouard Gautier, Splendeur de l'enluminure. Le roi René et les livres. Angers, 2009. P. 134–137.

[6] *Avril F.* Jean Fouquet, peintre et enlumineur du XV-e siècle. Catalogue de l'exposition. P., 2003. P. 414.

[7] *Walther I., Wolf N.* Chefs-d'œuvre de l'enluminure. P., 2005. P. 312.

Книга состоит из 444 фолиантов больших размеров (44,5 × 32,5 см). Рукопись разделена на семь частей, называемых «книгами». В начале каждой «книги» находится большая миниатюра, занимающая почти всю страницу. Каждая книга состоит из довольно коротких глав, занимающих примерно одну страницу. Главе предшествует миниатюра, всего их 730. Маленькие миниатюры занимают треть или четверть столбца, часто в левом верхнем углу. За каждой из этих миниатюр следует надпись, не редко красиво оформленная.

На 4 миниатюрах изображены сцены с монгольскими завоевателями: избрание монгольского хана на престол[8], его похороны[9], празднование после битвы при Кесе-Даге[10] и дипломатическая встреча Байджу и посланников Папы Римского[11]. На первой миниатюре отражен процесс избрания монгольского хана — курултай (съезд кочевой знати). Монголы изображены, как европейские вельможи, облаченные в одеяние золотого цвета. Сам хан, изображенный как европейский король, в красном облачении. Рядом с ним двое мужчин в одежде синего цвета.

Важно заметить, что символический смысл цвета чрезвычайно важен в контексте дискурса об инаковости. Красный цвет средневековыми художниками использовался как противоположность белому. Это был цвет ада, греха, язычества и смерти. Синий цвет ассоциировался с традициями рабства. Поэтому двое мужчин в синем облачении, стоявшие рядом с ханом, могут быть идентифицированы как слуги. Золотой цвет также имел негативную коннотацию — он символизировал гордыню[12]. Такими же цветовыми обозначениями миниатюрист пользовался и во время создания трех других изображений. Цвет не столько способ подчеркнуть этническую инаковость, сколько средство обозначить моральный и социальный статус. Поэтому золотистый цвет вполне мог также указывать и на высокий статус монгольской знати.

Изображение монголов соответствует христианскому иконографическому канону, то есть все персонажи на миниатюрах выглядят примерно одинаково. К тому же художник изображает события и людей, современником которых он не был. Нет поводов утверждать, что книжник лично бывал на

---

[8] Johannes de Columna Mare historiarum de Jouvenel des Ursins // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Latin 4915. Fol. 392v.

[9] Ibid. Fol. 393.

[10] Ibid. Fol. 409v.

[11] Ibid. Fol. 410.

[12] *Волошинов А.В., Руденко М.А.* Образ Востока в изобразительном искусстве Европы эпохи средневековья // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 4. С. 210.

Востоке и видел выходцев из бывших улусов Монгольской империи. Поэтому миниатюрист, изображая монголов, пытался передать свои представления о них путем различных символов.

Визуальная корреляция проявляется в изображении монгольскими ханов бородатыми стариками. На европейских средневековых миниатюрах иноверцы всегда с густой бородой. Так французский художник подчеркивал, что монголы исповедовали язычество. Остальные монголы изображены с уродливыми лицами[13]. Уродство в средневековой символике есть признак зла. Согласно средневековым представлениям, все, что отстоит от нормы, связано с грехом. В Средние века существовала определенная эстетическая и моральная дихотомия. Уродливость лиц «иноверцев» отражала уродливость их душ.

Помимо цветовых обозначений и корреляций во внешности, можно выделить и другие этнические и социальные маркеры. Например, на двух миниатюрах у монгольского хана на голове корона наподобие той, которую носили французские короли XV в.[14] Это, безусловно, один из главных символов власти. По мнению исследователей, своему происхождению «корона» обязана так называемому венку или венцу, и его разновидностям. Венец Христа — это символ царской власти, символ богоизбранности и легитимности власти. Монгольские ханы подобных корон не носили, а ее изображения может лишь указывать на высокий статус персонажа.

Еще одним таким символом было положение людей и предметов на миниатюре. Фронтальная форма была средством выражения сакрального и трансцендентного. Оно обозначала тему покоя. Анфас изображались короли и сакральные персонажи. На двух миниатюрах французского художника именно в таком положении изображены монгольские правители — Чингисхан[15] и Байджу[16]. В первом случае — во время положения захоронения; во-втором — во время дипломатической церемонии. Остальные же персонажи изображены в профиль.

Таким образом, на основе вышесказанного, можно сделать вывод о том, что рассмотренные в данной статье книжные миниатюры являются важным источником по истории восприятия монголов европейскими, в частности, парижскими книжниками XV в. Анализ визуального дискурса инаковости свидетельствует об использовании различных этнических и социальных маркеров, которыми миниатюристы, в рамках христианской иконографии, пользовались для обозначения иноверцев и инородцев, в частности, мон-

---

[13] Johannes de Columna Mare historiarum de Jouvenel des Ursins. Fol. 392v, 393.

[14] Ibid. Fol. 392v, Fol. 410.

[15] Ibid. Fol. 393.

[16] Ibid. Fol. 410.

гольских завоевателей. Нам удалось установить, что в качестве таких визуальных символов могли выступать цветовые обозначения, корреляции во внешности, различные атрибуты и формы визуализации людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Johannes de Columna Mare historiarum de Jouvenel des Ursins // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. Latin 4915. Fol. 392v, 393, 409v., 410.

Волошинов А.В., Руденко М.А. Образ Востока в изобразительном искусстве Европы эпохи средневековья // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 4.

Зайцев И. Без гнева и пристрастия. Татары и русские в зеркале взаимного восприятия // Родина. 2005. №8.

Лучицкая С.И. Образ Другого. Мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.

Avril F., Reynaud N. Les manuscrits à peintures en France, 1440–1520. P., 1993.

Avril F. Jean Fouquet, peintre et enlumineur du XV-e siècle. Catalogue de l'exposition. P., 2003.

König E. "Le Maître du Boccace de Genève", dans Marc-Édouard Gautier, Splendeur de l'enluminure. Le roi René et les livres. Angers, 2009.

Walther I., Wolf N. Chefs-d'œuvre de l'enluminure. P., 2005.

E.A. Shishka
Saint Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University

"VISUALIZING THE OTHER":
MONGOL CONQUERORS ON MINIATURES BY ANDRE OF YPRES

This article is a study of the visual tradition of European medieval scribes of the 15th century. Using the example of book miniatures by the Parisian artist Andre of Ypres (also called "Master of the Chancellor Guillaume de Jouvenel"), the paper analyzes the tools used by French artists to identify non-believers and foreigners, in particular, the Mongol conquerors. The author comes to the conclusion that such visual symbols could be color symbols, correlations in appearance, various attributes and forms of visualization of people.

Keywords: Mongols, middle ages, portrait miniatures, kalologie, Genghis Khan.

И.А. Симонов
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ОБРАЗ БАТЫЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В статье рассматривается становление, развитие, трансформация образа Батыя в русских письменных источниках XIII–XVI вв. Выявляются факторы, так или иначе повлиявших на эти процессы, анализируются точки зрения современных исследователей, предпринимается попытка реконструкции образа Батыя в общественно-историческом сознании средневековой Руси.

Ключевые слова: монголо-татары, Батый, Русь, христианство, общественное сознание, Орда.

В XIII в. погрязшую в междоусобных войнах Русь потрясло нашествие монголо-татар под предводительством Батыя. Русские летописи описывают все ужасы, устроенные завоевателями, с точки зрения православного человека, терпящего бедствия от безбожных кочевников. Совершенно естественно, что ответственность за те злодеяния будет нести именно предводитель, в данном случае, Батый. Поэтому возникает вопрос: как русский человек воспринимал монголо-татар в лице их хана Батыя?

В историографии существует не много исследований, посвященных конкретно личности Батыя. В дореволюционной науке его рассматривали как предводителя варварских племен монголов, разрушивших множество городов и завоевавших множество стран. В советский период, в основном, исследования велись о составе, численности войска, а также о взаимоотношениях покоренных русских княжеств с Золотой Ордой. Историки давали лишь оценку роли Батыя в тех или иных событиях, не рассматривая хана как личность в полном объеме. В современной историографии личность Батыя все больше притягивает внимание исследователей. Появилось несколько крупных работ[1], посвященных ордынскому хану, включающих анализ ис-

[1] *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2006; *Карпов А.Ю*. Батый. М., 2011; *Пензев К.А.* Русский Царь Батый. М., 2006.

пользованных источников (записей путешественников, рукописи восточных хронистов, русские летописи). Цель настоящей статьи — реконструкция образа Батыя в общественно-историческом сознании Древней Руси.

Обратимся к летописному материалу. Наиболее древними являются Новгородская Первая (*Далее* — Н1Л) старшего и младшего изводов, Лаврентьевская (*Далее* — ЛЛ) и Ипатьевская (*Далее* — ИЛ) летописи. Описывая монгольское нашествие на Русь 1237–1238 гг., Н1Л и ЛЛ не упоминают имен предводителей монголов, завоеватели обозначаются общим названием «татары». Только ИЛ указывает на Батыя, кроме того перечисляет ряд темников хана[2]. В ЛЛ имя Батыя почти не упоминается. Батый фигурирует в ЛЛ под более поздними годами, уже после завоевания Руси. Он уже полновластный правитель, и к нему ездят князья за ярлыком. Примечательно то, что летописец в целом воспринимает Батыя сравнительно в позитивном ключе. Ордынский хан пожаловал многих князей (в летописи идет ряд известий примерно в такой формулировке: «Батъıи же почтивъ ѿ честью достоиною и w̃пустивъ»[3]). Однако стоит рассмотреть отдельно конкретные сюжеты, поскольку по таким упоминаниям проблематично составить полноценный образ.

Батый упоминается в летописях при описании поездок к нему князей за ярлыком. Представляет интерес рассказ ИЛ о поездке в ставку Батыя Даниила Романовича Галицкого. Что характерно, приехал он в Сарай лишь после ханского вызова, звучавшего как угроза. Своей поездкой Даниил Романович признавал себя улусником ордынского хана. Летопись довольно подробно описывает милостивый и радушный прием, оказанный князю ордынским ханом. И здесь наблюдается противоречие двух культур. Батый предлагает Даниилу черный кумыс, ханский напиток, чем оказывает великую честь галицкому князю[4]. Но пить кумыс православному человеку не позволялось[5]. Преодолевая себя и свои религиозные чувства, Даниил согласился пить кумыс. Возможно, Батый не знал об этой особенности христианской религии. Однако позднее он прислал Даниилу вино, ссылаясь на то, что оно ему привычнее, нежели кумыс[6]. Что мог подумать князь в этой ситуации? Или Батый специально заставлял Даниила следовать татарским обычаям, или он проявляет к нему благосклонность. В любом случае, религиозные чувства

---

[2] Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 785.

[3] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 470.

[4] Там же. Стб. 807.

[5] *Юрченко А.Г.* Кумысная церемония при дворе Бату-хана // Монголика-VII. СПб., 2007. С. 65–66.

[6] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 807.

были задеты, и это не считая того, что Даниил, как и все его предшественники, проходил тот самый злополучный обряд «поклонения огню и кусту»[7]. Все же, несмотря на перенесенные унижения, галицкий князь добился своей цели — ярлыка на Галичину и Волынь, вдобавок получив поддержку хана[8]. Кем же видится здесь могущественный хан? Как раз в этом эпизоде показано именно безграничное могущество Батыя. По его велению православный человек, могущественный князь, пренебрегает религиозными предписаниями, терпит унижение, чтобы получить ханскую милость. Как русский человек того, да и последующего времени должен воспринимать Батыя, читая этот рассказ? Не иначе как в негативном ключе. Это подтверждают и слова летописца, давшего оценку всему произошедшему: «злѣе зла честь Татарьскаѧ».

В 1246 г. в Орде были убиты по приказу Батыя Черниговский князь Михаил Всеволодович и боярин Федор. Описывая случившееся, Н1Л младшего извода сообщает, что «Батыи възъяряся велми»[9]. ИЛ указывает, что «Батыи же ѧко свѣрпъи звѣрь возъѧрилсѧ»[10], а в ЛЛ имя хана в данном сюжете вовсе не фигурирует, есть только известие о непоклонении огню и дальнейшем его убийстве[11]. Батый приказывал приезжающим к нему князьям и сопровождающим их лицам проходить унизительный, как считали русские, обряд «поклонения огню и кусту». Предшественники Михаила Всеволодовича проходили его и попадали на прием к хану. Черниговский князь же отказался кланяться, по его мнению, идолу, и даже под угрозой смерти не изменил своего решения[12]. Описанный выше обряд имеет символическое значение для монголо-татар (прохождение между двух огней очищало пришедшего к хану, чтобы тот не принес какого-либо зла[13]), которое было не совсем понятно для православного человека, например, составителю летописи. Одни и те же движения, жесты в разных культурах часто приводят к недопониманию и даже конфликтам их носителей. Так случилось и с Михаилом Всеволодовичем, который не выполнил приказ и за это был убит, даже не смотря на то, что князь выразил свою покорность хану. Однако

---

[7] Там же. Стб. 808.

[8] Там же.

[9] ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 300.

[10] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 796.

[11] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 523.

[12] Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 228–235.

[13] *Карпини Иоанн Плано.* История Монголов; *Рубрук Вильгельм.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 8–9, 157–158.

в глазах русского православного человека Батый предстает кровожадным убийцей, противником христианства, хотя прямые обвинения в расправе в адрес хана отсутствуют.

«Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра» включает в себя эпизод поездки Александра Ярославича в ставку ордынского хана. Автор рассказывает, что князь сумел впечатлить Батыя и снискать его милость: «И видѣвъ его царь Батый и подивися и рече велможамъ своимъ: “Во истинну ми повѣдаша нѣсть подобна ему князя во отечествiи его”. И отпусти его съ великою честью»[14]. Судя по всему, монголы ценили мужскую красоту и силу, внешний вид Александра был весьма внушительным (ростом он был выше других людей)[15]. Интересно то, что в «Повести» нет негативных оценок Батыя, поскольку она была составлена в 80-е гг. XIII в., когда еще не было и речи об антиордынских настроениях[16]. Но в более поздних редакциях, созданных в XVI в., Александр отказывается проходить монгольские обряды поклонения, и его мужество по достоинству оценивает Батый[17]. Исходя из этих фактов, можно сделать вывод, что ордынский хан уважал храбрость и мужество русских людей (о чем так же пишет Н.М. Карамзин[18]), однако с другой стороны это не спасло от смерти Михаила Всеволодовича.

Таким образом, ордынский хан воспринимается как кровожадный убийца, принесший много зла на Русь. Он является властным и даже властолюбивым правителем, по одной лишь своей прихоти готовый убить или же помиловать и одарить. Батый заставляет пренебрегать христианскими заветами, исполнять языческие обряды и принимать непозволенную пищу и питье. Вместе с тем он уважает мужество и храбрость русских людей и, иногда, восхищается их подвигами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Житие Александра Невского // *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913.

Карпини Иоанн Плано. История Монголов; *Рубрук Вильгельм.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.

Сказание о убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981.

[14] Житие Александра Невского // *Мансикка В.* Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913. С. 7.

[15] Там же. С. 2.

[16] *Карпов А.Ю.* Батый. М., 2011. С. 212.

[17] Там же.

[18] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 2–3. М., 1991. С. 507–514.

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998.

ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Гастев М.С. Рассуждение о причинах, замедливших гражданскую образованность в русском государстве до Петра. М., 1832.

*Иванин М.И.*О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. СПб., 1875.

Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2–3. М., 1991.

Карпов А.Ю. Батый. М., 2011.

Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Л., 1987.

Мансикка В. Житие Александра Невского: Разбор редакций и текст. СПб., 1913.

Пензев К.А. Русский Царь Батый. М., 2006.

Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2006.

Юрченко А.Г. Кумысная церемония при дворе Бату-хана // Монголика-VII. СПб., 2007.

I.A. Simonov
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE IMAGE OF THE FATHER IN THE SOCIAL AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS OF ANCIENT RUSSIA

The article discusses the formation, development, transformation of the image of Batuon the basis of Russian written sources of the 13th–16th centuries. There is a search for reasons and factors that somehow influenced these processes, the opinions of modern researchers are presented, the image of Batu is being reconstructed in the socio-historical consciousness of medieval Russia.

Keywords: Mongol-Tatars, Batu, Russia, Christianity, public consciousness, Horde.

А.В. Смирнов
г. Краснодар (Россия)
Кубанский гос. ун-т

ОСОБЕННОСТИ РУССКО-ОРДЫНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1384–1386 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕТОПИСЕЙ

В статье на основе сравнительного анализа различных дошедших до нас русских летописей рассматриваются взаимоотношения основных русских княжеств и Золотой Орды в период 1384–1386 гг. После нашествия Тохтамыша на Москву в 1382 г. ордынская власть над Русью была, в целом, восстановлена. Чтобы увеличить покорность русских князей, ордынский хан забрал в свою столицу их наследников. Также именно Тохтамыш раздает ярлыки на княжения, а в Москве после весьма долгого перерыва вновь с почетом принимают ордынского посла. Однако восстановление такой зависимости было весьма непрочным, что стало проявляться как раз в анализируемые в работе годы.

Ключевые слова: Золотая Орда, ордынское иго, Тохтамыш, Тамерлан, летописи.

Одним из главных вопросов в признании власти Золотой Орды над русскими княжествами был момент выплаты дани. Это являлось весьма острой проблемой, ведь Тохтамыш требовал выхода и за то время, когда в Орде правил Мамай, и Русь не платила дани хану.

Поэтому неспроста в летописях эти возобновившиеся выплаты характеризуются с большой печалью: «великая дань тяжелая… всякому без отдатка, со всякие деревни по полтине», собиралась весной 1384 г.[1] По поводу размеров дани среди ученых нет единого мнения. А.Н. Насонов считал, что это была «единовременная» дань выше обычных платежей[2], Г.В. Вернадский —

[1] Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 49; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1921. Стб. 149.

[2] *Насонов А.Н.* Монголы и Русь: История татарской политика на Руси. М.; Л., 1940. С. 138.

выплата дани возобновилась по ставкам времен Джанибека, которые были выше, чем при «великой замятне»[3], об этом же восстановлении «изначальной грабительской дани» говорил А.Г. Кузьмин[4]. А.А. Горский думал, сравнивая ордынский выход в нач. 20-х гг. XIV в. Тверского княжества с Московским при Тохтамыше, что «дань с великого княжения уступала в размерах той, что выплачивалась до “замятни” в Орде»[5].

На наш взгляд, если бы дань была ниже обычной, к которой привыкли за время Узбека и Джанибека, то летописи не преминули бы это отметить. А.Г. Кузьмин подчеркивал: «1 рубль — это почти предел платы, которую мог получить работник за год»[6]. Больший размер дани Тохтамыш едва ли стал бы требовать с разоренной Руси, но и на меньшую, чем было при законных ханах Золотой Орды, не согласился бы. К тому же, описывая дань, летописцы говорили: «тогда же и златом даваша в Орду»[7], хотя выход всегда выплачивался серебром[8], и достать золото на Руси, где своей добычи драгоценных металлов в тот период не велось, было еще сложнее.

Тохтамыш не спешил отпускать Василия Дмитриевича Московского из своей ставки. Однако сын Дмитрия Донского смог сбежать. По данным большинства летописей, это произошло в 1385 г., причем дается точная дата — 26 ноября[9], или «в Филипово говение, в Юрьев день»[10] (это то же 26 ноября). Особняком тут стоят известия Никоновской летописи и Тверского сборника, где написано, что побег случился в 1386 г.[11] Однако в Никоновской сентябрьское новогодие, и событие, случившееся поздней осенью (а в ней также упоминается, что побежал Василий в Юрьев день), логично относится к 1386, а не 1385 г. С Тверским сборником сложнее: под

---

[3] *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997. С. 274.

[4] *Кузьмин А.Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2004. С. 375.

[5] *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 110.

[6] *Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 375.

[7] ПСРЛ. Т. 8. С. 49; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 149.

[8] См.: *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.: дис. …канд. ист. наук. Воронеж, 2002. С. 55.

[9] ПСРЛ. Т. 8. С. 49; ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 130; ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 212.

[10] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151; ПСРЛ. Т. 18. Летопись Симеоновская. СПб., 1913. С. 136; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 429.

[11] ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. С. 90; ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863. Стб. 444.

одним, 6894 г., упоминается и про побег, и про то, что юный князь «прииде на Москву», то есть здесь наблюдается довольно сильное смешение событий, и полностью доверять конкретно этой записи нет возможности. Итак, за дату побега следует принять все же кон. 1385 г.

И.Б. Греков считал, что Василий был отпущен Тохтамышем в связи с переменой направления политики Орды в Восточной Европе: после сближения Литвы и Польши хан начал оказывать поддержку Москве[12]. Н.Е. Веденеева возражала ему — «никаких сообщений, подтверждающих данное замечание ученого, мы в летописях не нашли»[13]. Однако в источниках такая информация присутствует — мы говорим о некоторых летописях новгородского цикла и Архангелогородском летописце, где говорится, что в 1387 г. Василий Дмитриевич вышел от Тохтамыша[14] и «ста на Москве 19 января»[15]. Действительно, сын Донского пришел в Москву 19 января, но при исследовании летописей севера Руси нужно помнить, что их, чаще всего, составляли люди, не слишком вовлеченные в тонкости московско-ордынских отношений, а при переписывании и сведении данных разных летописей в один свод тем более могли быть допущены некоторые ошибки. Это можно увидеть на примере Софийской I летописи, где под 1386 г. мы видим запись: «прибеже из Орды князь Василей, сын великого князя Дмитрея Ивановича»[16], а под 1387 г. уже цитированное нами предложение: «князь Василей Дмитреевич прииде изо Орды от царя Тохтамыша, и ста на Москве месяц генваря 19»[17]. Возможно, тут произошла путаница с Василием Дмитриевичем Кирдяпой, сыном Дмитрия Суздальского, который с 1382 г. был в Орде, а в 1387 г. был отпущен ханом на Русь. Думается, Василий Московский совершил именно побег, так как едва ли Тохтамыш так просто бы отпустил главный залог верности Дмитрия Донского.

Василий Кирдяпа в 1386 г. также попытался бежать из Орды, но его встретил и поймал ордынский посол, и князь «прият от татар за то великую истому»[18]. В том же году к хану пошел Борис Константинович, вскоре он вернулся обратно. А.А. Горский связывал эти два события, считая, что ви-

[12] *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 179.

[13] *Веденеева Н.Е.* Василий I Дмитриевич (1389–1425). Опыт политической биографии: дис. …канд. ист. наук. Саратов, 2005. С. 97.

[14] ПСРЛ. Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841. С. 94.

[15] ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848. С. 95; ПСРЛ. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851. С. 242–243.

[16] ПСРЛ. Т. 5. С. 239.

[17] Там же. С. 242–243.

[18] ПСРЛ. Т. 8. С. 50; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 151.

зит Бориса преследовал цель способствовать нейтрализации племянника[19]. Борис, по всей видимости, все же чувствовал себя на княжеском столе не слишком уверенно и пытался заручиться как можно большей поддержкой со стороны хана.

В 1386 г. Тохтамыш отпустил сына тверского князя Михаила — Александра, который пришел из Орды осенью[20], некоторые источники добавляют, что вместе с послом[21]. Возможно, хан, опасаясь побега еще и этого князя, решил сам его отпустить, чтобы лишний раз заручиться поддержкой Твери. Опасность побега сыновей русских князей существовала, это показывает сообщение о бегстве сына рязанского князя Олега — Родослава, зимой 1386 г.[22] Все эти побеги свидетельствуют, что Тохтамыш уже не мог полностью контролировать ситуацию даже в своем государстве, на что были веские причины.

Тохтамыш стал ханом Золотой Орды благодаря обширной помощи могущественного среднеазиатского правителя Тамерлана. Почти сразу после воцарения в Орде Тохтамыша между ним и его патроном началась непримиримая вражда, которая окажет очень большое влияние на судьбу Орды, а косвенно и на Русь. Впервые ордынский хан выступил против Тамерлана в кон. 1384 – нач. 1385 гг., когда его войска захватили Тебриз после долгой осады. Следующий поход на владения Тимура на Кавказе Тохтамыш предпринял в 1386 г., но он оказался неудачен — ордынские отряды были разбиты[23]. Уже первые неудачи посеяли раздоры в самой Орде. В Никоновской летописи под 1386 г. присутствует запись: «Того же лета князи Ординстии меж собою заратишася»[24], а Тохтамыш в том же году убил «свою царицу» Товлунбеку[25]. Орду начали сотрясать междоусобные споры, а престол под Тохтамышем зашатался. В этой ситуации он уже не мог оказывать такое же жесткое давление на Русь, как это было сразу после его нашествия на Москву.

Таким образом, всего за два года мы видим резкую смену тенденций в русско-ордынских отношениях. Если до нач. 1385 г. Тохтамыш, в целом, контролировал своих русских «улусников», то уже с конца этого

---

[19] *Горский А.А.* Указ. соч. С. 114.

[20] ПСРЛ. Т. 8. С. 50.

[21] ПСРЛ. Т. 11. С. 90; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 444.

[22] ПСРЛ. Т. 11. С. 91; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 153; ПСРЛ. Т. 18. С. 137.

[23] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 110.

[24] ПСРЛ. Т. 11. Указ. соч. С. 89.

[25] *Приселков М.Д.* Указ. соч. С. 430; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 152.

года он стал терять контроль над ситуацией. Всего за полтора года хан лишился почти всех сыновей основных русских князей, которые были ему гарантией верности их отцов. Некоторые сбежали, некоторых он отпустил сам в надежде улучшить свои связи с Тверью и Суздальско-Нижегородским княжеством в противовес набиравшей силу Москве. Связаны эти изменения, главным образом, с началом борьбы Тохтамыша против своего бывшего покровителя, среднеазиатского правителя Тамерлана: все ордынские силы были направлены на это, а в отношении Руси хан вынужден был действовать осторожно, чтобы сохранить прочный тыл своей державы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 3. Новгородские летописи. СПб., 1841.

ПСРЛ. Т. 4. Новгородская и Псковская летописи. СПб., 1848.

ПСРЛ. Т. 5. Псковская и Софийская летописи. СПб., 1851.

ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Пг., 1921.

ПСРЛ. Т. 18. Летопись Симеоновская. СПб., 1913.

ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941.

Веденеева Н.Е. Василий I Дмитриевич (1389–1425). Опыт политической биографии: дис. …канд. ист. наук. Саратов, 2005.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000.

Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975.

Кузьмин А.Г. История России с древнейших времен до 1618 г.: в 2 кн. Кн. 1. М., 2004.

Насонов А.Н. Монголы и Русь: История татарской политика на Руси. М.; Л., 1940.

Селезнев Ю.В. Русско-ордынские отношения в конце XIV — первой трети XV вв.: дис. …канд. ист. наук. Воронеж, 2002.

A.V. Smirnov
Krasnodar (Russia)
Kuban State University

FEATURES OF RUSSIAN-HORDE RELATIONS IN 1384–1386 ON THE MATERIALS OF THE CHRONICLES

The article based on comparative analysis of various extant Russian Chronicles examines the relationship between the main Russian principalities and the Golden Horde in the period 1384–1386. After the invasion of Moscow by Tokhtamysh in 1382, the Horde power over Russia was generally restored. To increase the submission of the Russian princes, the Horde Khan took their heirs to his capitals. It is also Tokhtamysh who gives out labels for reigns, and in Moscow, after a very long break, the Horde Ambassador is again received with honor. However, the restoration of this dependence was very fragile, which began to manifest itself just in the years analyzed in the work.

Keywords: Golden Horde, Horde yoke, Tokhtamysh, Tamerlane, Chronicles.

А.Л. Новосёлов
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

КАК ПОБЕДА В КУЛИКОВСКОЙ БИТВЕ СТАЛА ЧУДОМ МИТРОПОЛИТА ПЕТРА В НИКОНОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

В статье рассматривается история текста Киприановской редакции Сказания о Мамаевом побоище, представленного в Никоновской летописи. Основное внимание уделено тому, как изменяется объяснение победы Дмитрия Ивановича в борьбе с Мамаем. Доказывается, что в зависимости от политической среды, из которой выходит та или иная редакция Сказания, победа в Куликовской битве приписывается соответствующему святому. Так, в ранних вариантах помощь в войне с Мамаем приписывается святым покровителям князей Борису и Глебу, позднее их место занимает митрополит Петр.

Ключевые слова: Никоновская летопись, митрополит Петр, чудеса, Куликовская битва, Сказание о Мамаевом побоище.

Никоновская летопись (*Далее* — Н.) является уникальным историческим источником общественно-политической жизни Московского государства в 20-е гг. XVI в. На примере свода прослеживается формирование церковных идеологических взглядов: незыблемость земельных владений церкви, гармония светской и духовной власти, осуждение ересей. Достигается все это весьма тонкой литературной переработкой предшествующих произведений. Ярким подтверждением тому служит «Сказание о Мамаевом побоище», вошедшее в состав Никоновского свода.

«Сказание о Мамаевом побоище» в Н. представлено в Киприановской редакции. Б.М. Клоссом достоверно установлено, что новый вариант «Сказания о Мамаевом побоище» был создан митрополитом Даниилом[1], составителем Н., в 1526–1523 гг.

Исследователями отмечается ряд особенностей Киприановской редакции, вошедшей в состав Н. Так, обращает на себя внимание ярко выражен-

[1] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 2018. С. 132–133.

ный церковно-религиозный характер событий, изложенных под 1380 г.: большая роль митрополита Киприана, покровительство митрополита Петра, перечисление святых в заглавии[2].

Л.А. Дмитриевым установлено, что Даниил при создании своего варианта «Сказания о Мамаевом побоище» опирался на основную редакцию этого произведения, которую при этом подверг сильной переработке. Кроме того, автор Киприановской редакции использует пространную летописную повесть о событиях 1380 г., которую также видоизменяет в соответствии со своими потребностями[3]. Наконец, Даниил включает в текст новые оригинальные сведения: рассказ о поставлении Киприана на митрополию, участие в Куликовской битве Ивана Всеволодовича Холмского, имя противника Пересвета Темир-мурзы[4].

Существует Летописная редакция «Сказания о Мамаевом побоище», представленная в Вологодско-Пермской летописи. Летописная редакция сказания, датируемая временем создания Вологодско-Пермской летописи (кон. XV — нач. XVI вв.), также как и Киприановская опирается на основную редакцию, но включает ряд изменений и переработок[5].

Важной особенностью Киприановской редакции «Сказания о Мамевом побоище», представленной в Н., является то, что уже в заголовке подчеркивается связь победы над татарами с чудесной помощью святых: «Повесть полезна бывшаго чюдеси, егда помощию Божиею и пречистыя Его Матери Богородицы, и угодника Ихъ святаго чюдотворца Петра митрополита всея Руси, и преподобнаго игумена Сергия чюдотворца, и всехъ святыхъ молитвами князь велики Дмитрей Ивановичь… прогна Волжскиа орды гордаго князя Мамая…»[6].

В заглавии Основной редакции сказания, на которую опирается текст Н., под 1380 г. также подчеркивается факт божественной помощи Дмитрию Ивановичу в изгнании Мамая, но ни Петр, ни Сергий не упоминаются[7].

---

[2] *Дмитриев Л.А.* Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4615

[3] *Дмитриев Л.А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 336.

[4] Там же. С. 336, 404–406.

[5] *Дмитриев Л.А.* Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4615

[6] Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 11. Летописный сборник именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897. С. 48.

[7] Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25.

То же наблюдаем в Летописной редакции, содержащейся в Вологодско-Пермской летописи[8].

Во всех рассматриваемых вариантах Сказания (Пространная летописная повесть, Основная редакция, Летописная редакция по Вологодско-Пермской летописи и Киприановская редакция по Н.) чудо победы над Мамаем сводится непосредственно к вмешательству небесного воинства в решающий бой 8 сентября на Куликовом поле. Чтобы выделить особенности этого чуда в Н., важно сопоставить его описание с другими редакциями.

В наиболее раннем варианте, в Пространной летописной повести, чудо 1380 г. сводится к следующему. По свидетельству повести, «видиша бо вернии, яко в 9 часъ бьющеся ангели помагають крестьяном и святых мученикъ полкъ, воина Георгиа и славнаго Дмитриа и великих князей тезоименитых Бориса и Глеба, в них же бе воевода свершеннаго полка небесных вой архистратиг Михаил»[9]. Из чего можно предположить, что чудесная победа приписывается русским святым Борису и Глебу. Это вполне соответствует традиции воинских чудес, которые часто встречаются в летописях, вышедших из среды удельных и великих князей.

В Основной редакции роль Бориса и Глеба в исходе войны с Мамаем уточняется и расширяется. Сообщается, что накануне битвы некому Фоме Кацибею явилось видение: «от полуденныя же страны приидоша два юноши, имуща на себе светлыи багряница, лица их сиающа, аки солнце, въ обоихъ руках у них острые мечи, и рекуще плъковником: “Кто вы повеле требити отечесъство наше, его же намъ господь дарова?”. И начаша их сещи и всех изсекоша, ни единъ от них не избысть»[10]. После рассказа Фомы о своем видении князь Дмитрий Иванович обратился с молитвой к Борису и Глебу[11]. Далее, дважды подчеркивается, что помощью святых Бориса и Глеба была одержана победа[12].

В Пространной летописной повести, как и в Основной редакции, помимо Бориса и Глеба, важное место отводится Сергию Радонежскому. И.Н. Данилевский связывает появление сюжета о благословении Сергием Дмитрия Иванович перед войной с Мамаем со стремлением церкви в 70–80 гг. XV в. к подчеркиванию своей роли в борьбе с Ордой[13]. Несмотря на это,

---

[8] ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., Л., 1959. С. 125.

[9] Пространная летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 21.

[10] Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 41.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 45.

[13] *Данилевский И.Н.* Казус Сергия Радонежского // Историческая текстология: учеб. пособие. М., 2018. С. 480–482.

основания для предписания чуда победы над Мамаем в 1380 г. Сергию Радонежскому в упомянутых источниках не встречаются.

В Основной редакции появляется упоминание чудотворца Петра. Как и в случае с Сергием, причины этого можно видеть в событиях 70–80 гг. XV в., когда создавалось «Сказание о Мамаевом побоище». В частности, конфликт Ивана III с митрополитом Геронтием в конце 1470-х гг. подтолкнул церковь к более твердому отстаиванию своих позиций, в частности, через обращение к примерам прошлого. Так, в Сказании изображена сцена истовой молитвы Дмитрия Ивановича у гроба митрополита Петра перед началом войны с Мамаем[14]. Петр в этом отрывке назван «стражем крепким от супротивных нападений»[15]. Далее, непосредственно перед Куликовской битвой, князь Дмитрий Иванович обращается с молитвой к чудотворцу Петру, «надеясь на его милость»[16]. Наконец, после битвы Дмитрий Донской произносит, что «враги наши побеждены» «пособием и молитвами» Бориса и Глеба, Петра, Сергия и всех святых[17]. На первое место в этом варианте Сказания поставлены именно Борис и Глеб, что подчеркивает их первостепенную роль в произошедшем чуде.

Летописная редакция Сказания, читаемая в Вологодско-Пермской летописи кон. XV — нач. XVI в. в объяснении чуда 1380 г. в точности следует Основной редакции. Победа объясняется чудесной помощью Бориса и Глеба[18]. В перечислении святых в благодарственной молитве после Куликовской битвы, Борис и Глеб также предшествуют Петру и Сергию Радонежскому[19].

Совершенно иная картина в объяснении чудесной победа над Мамаем представлена в Киприановской редакции, читаемой в Н. Как уже говорилось ранее, в заголовке этого произведения митрополита Даниила события 1380 г. названы чудом митрополита Петра, Сергия и всех святых. Но центральное место, в тексте Даниила отводится именно чудотворцу Петру. Об этом косвенно свидетельствует частота упоминания Петра: на протяжении всего текста Сказания в Н. чудотворец Петр упоминается 15 раз, Сергий Радонежский 9, Борис и Глеб дважды.

Как и в предыдущих редакциях, в Н. под 1380 г. Дмитрий Иванович обращается с молитвой к митрополиту Петру перед началом войны с Ма-

---

[14] Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 32.

[15] Там же.

[16] Там же. С. 39.

[17] Там же. С. 46.

[18] ПСРЛ. Т. 26. С. 142.

[19] Там же. С. 143.

маем[20] и в заключительной благодарственной молитве[21]. При этом порядок упоминания святых в благодарности Дмитрия Ивановича изменен: на первом месте оказывается «великий чудотворец Петр», далее следует «чудотворец Сергий», Борис и Глеб и все святые. Содержание самого чуда остается прежним: «яко невидимою Божиею помощию побежени быша Измалитяне и на насъ милость Божиа возсиа»[22].

Автор Киприановской редакции для дополнительного акцента на роли чудотворца Петра добавляет несколько не встречавшихся ранее молитвенных обращений князя Дмитрия Ивановича к митрополиту Петру: князь «возложил печаль свою на святого чудотворца Петра и всех святых» перед тем как узнал о готовящемся нашествии Мамая[23], перед переправой через Дон он помолился «великому чудотворцу Петру и всем святым»[24].

Митрополит Даниил в своем изложении Сказания дополняет и видение Фомы Кацибея. Так, некие Василий Капица и Семен Антонов, по сообщению Н., видели накануне битвы, как митрополит Петр своим жезлом отгоняет «множество ефиопъ»[25]. При этом по объему видение с митрополитом Петром описано подробнее, чем видение Кацибея с Борисом и Глебом.

Из всего этого можно заключить, что в интерпретации составителей Н. победа над Мамаем — чудо, в первую очередь, митрополита Петра. Вероятнее всего, причины подобной трансформации объяснения чуда 1380 г. связаны с личностями составителей[26]. Митрополит Даниил мог преследовать сразу несколько целей, прославляя покровительство чудотворца Петра в войне с Мамаем: выпячивание роли церкви в победе, прославление Москвы, укрепление общерусского почитания Петра. В контексте Н. Даниилу важно было доказать своим оппонентам нестяжателям, что Петр — великий чудотворец и его вмешательство в исход важнейшей войны Московского государства не подлежит сомнению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 11. Летописный сборник именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1897.

---

[20] ПСРЛ. Т. 11. С. 53.

[21] Там же. С. 62–63.

[22] Там же.

[23] Там же. С. 51.

[24] Там же. С. 56.

[25] Там же. С. 58.

[26] См.: *Азбелев С.Н.* Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015. С. 322–323.

ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., Л., 1959.

Пространная летописная повесть // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Азбелев С.Н. Об уникальных известиях Никоновской летописи // Академик А.А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого. СПб., 2015.

Даниелевский И.Н. Казус Сергия Радонежского // Историческая текстология: учеб. пособие. М., 2018.

Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Дмитриев Л.А. Сказание о Мамаевом побоище // Словарь книжников и книжности Древней Руси. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4615

Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 2018.

A.L. Novoselov
Kazan (Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

HOW THE VICTORY IN THE BATTLE OF KULIKOVO BECAME A MIRACLE OF METROPOLITAN PETER IN THE NIKONOV CHRONICLE

The article discusses the history of the text of the Kiprianov's version of the Tale of the Battle of Mamaev, presented in the Nikonov Chronicle. The main focus is on how the explanation of Dmitry's victory in the fight against Mamaev is changing. It is proved that, depending on the political environment from which this or that version of the Tale comes out, the victory in the Battle of Kulikovo is attributed to the appropriate saint. Thus, in the early versions, help in the war with Mamaia is attributed to the saint patrons of Princes Boris and Gleb, later their place is taken by Metropolitan Peter.

Keywords: Nikon's Chronicle, Metropolitan Peter, Miracles, Battle of Kulikovo, Tale of the Battle of Mamaev.

Ю.Е. Вершинина
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ПОМИНОВЕНИЕ УМЕРШИХ РОДСТВЕННИКОВ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ РОДСТВА В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ

В настоящей работе рассматривается связь практик поминовения умерших (коммеморации) с переживанием родства в обществах раннего Средневековья. Цель работы — выявление круга родственников, включенных в практики поминовения, а также особенности репрезентации этих практик в различных по происхождению текстах.

Ключевые слова: родство, коммеморация, поминовение, смерть, родственники, раннее Средневековье, Григорий Турский, Беда Достопочтенный, Павел Диакон.

Поминовение умерших считается одним из проявлений феномена *memoria*. «Латинским термином *memoria* историки обозначают понятие “память” во всех проявлениях этого многослойного явления. *Memoria* как способность удержать знание о пережитом, о людях, умерших или отсутствующих, есть свойство человеческого знания (*mneme*). Но это еще и само воспоминание, точнее, вспоминание (*anamnesis*) — воспроизведение в сознании (в мыслях, рассказах) событий и образов прошлого, а также те социальные действия, в которых это воспоминание манифестируется»[1].

Родство, наряду с *memoria*, было одним из важнейших группообразующих факторов в период раннего Средневековья[2]. Более того, одной из причин зарождения данного феномена О.Г. Эксле называет обычай поми-

---

[1] *Арнаутова Ю.Е.* Meroria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 19.

[2] См. об этом: *Эксле О.Г.* Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 256–257.

новения умерших родственников[3]. Таким образом, данная практика может рассматриваться как одна из форм переживания родства, когда образы покойных родичей актуализировались в свете заботы о духовном спасении, а также с целью демонстрации единства родственного коллектива.

Задачей данной работы является выявление круга родственников, принимавших участие в ритуалах и практиках, связанных с поминовением/памятованием, целей, которые они могли при этом преследовать и особенностей репрезентации этих практик в различных по происхождению текстах. Для этого мы обратимся к сведениям, содержащимся в исторических нарративах трех крупнейших раннесредневековых авторов — Григория Турского, Беды Достопочтенного и Павла Диакона. В рассматриваемых нами источниках («Истории франков», «Церковной истории народа англов», «Истории лангобардов» и «Деяниях мецких епископов») содержатся упоминания о различных коммеморативных практиках, причем некоторые из них, судя по изображению наших авторов, различались у различных групп населения[4].

Необходимо отметить, что во всех рассматриваемых нарративах чаще всего речь идет о поминовении близких родственников: родителей и детей[5], братьев и сестер[6], мужей и жен[7]. Реже упоминаются более дальние родичи — племянники и дядья[8], бабушки, дедушки и внуки[9], и т.д. В основном памятование изображается как процесс, осуществляемый группой родственников/близких/любимых, без точного указания на степени

---

[3] Там же. С. 236.

[4] Об изменениях античных практик памятования умершего под влиянием распространения христианства см., напр.: *Vuolanto V.* Children and the Memory of Parents in the Late Roman World // Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010. P. 173–194.

[5] *Gregorii Episcopi Turonensis.* Historiarum Libri X (*Далее — Greg. Tur.* Hist.) // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores (*Далее* — MGH SS) rer. Merov. V. 1.1. Hannoverae, 1951. P. 74–74, 100–101, 106–107, 128–129, 135, 174, 200–203, 238–241, 245–247, 304–306, 378–379; *Bede.* Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum (*Далее — Bede* Hist. Eccles.) // The Complete Works of Bede. Delphi Classics, 2015. P. 613–614, 650–552; *Pauli.* Historia Langobardorum (*Далее — Pauli.* Hist. Lang.) / MGH SS rer. Lang. Hannoverae, 1878. P. 45–219 P. 61–62, 136, 156, 185–187.

[6] *Greg. Tur.* Hist. P. 76–78; 106–107; 135, 139, 154, 187–190, 328, 365–366; *Bede.* Hist. Eccles. P. 635–636, 692–694; *Pauli.* Hist. Lang. P. 57–59.

[7] *Greg. Tur.* Hist. P. 125–126; 160–161; 455–457; *Bede.* Hist. Eccles. P. 724–729.

[8] *Greg. Tur.* Hist. P. 376–377; *Pauli.* Hist. Lang. P. 185–187.

[9] *Greg. Tur.* Hist. P. 117–120; *Pauli.* Hist. Lang. P. 170–171.

родства его участников[10]. Однако вышесказанное позволяет предположить, что в их число, скорее всего, также входили родственники, не далее третьей степени родства по прямым и боковым линиям, прежде всего, члены нуклеарной семьи.

Среди причин активного поминовения членов именно нуклеарной семьи можно указать, прежде всего, на сильную эмоциональную связь с ними. Учитывая изменения, которые христианство внесло в восприятие смерти и посмертного бытия, коммеморативные практики давали возможность «реального» общения с ушедшим близким человеком, а также могли помочь ему «лучше устроиться» в потустороннем мире. Переживание потомком подобной «близости» с давно умершим предком представляется маловероятной. С другой стороны, осуществление памятования в различных формах служило также способом подтверждения родства с покойным тогда, когда это могло требоваться для получения наследства, отстаивания чести семьи/рода и т.д. Наконец, коммеморация членов нуклеарной семьи могла осуществляться под давлением общества, которое требовало от человека определенного поведения в случае смерти родственника под угрозой санкций[11].

Наши авторы сообщают и о памятовании более дальних родственников, но значительно реже[12]. Возможно, это было связано с тем, что сохранение памяти о предках далее третьего колена могло быть характерно лишь для семей знати и/или королевских родов[13]. С другой стороны, ни одна из рассматриваемых «Историй» не имела задачи прославления конкретного знатного рода, в отличие, например, от «Деяний мецких епископов», которые, как отмечает А.И. Сидоров, являлись отражением официальной каролинг-

---

[10] *Greg. Tur.* Hist. P. 200–203, 286–287, 346–349, 384–385, 387–388, 406–407, 432–434, 445–446, 515–517, 519–520; *Bede.* Hist. Eccles. P. 650–652, 692–694, 716; *Pauli.* Hist. Lang. P. 74, 156, 175–176.

[11] Так, второй и третьей причиной, может объясняться тот факт, что короля Сигиберта хоронит его брат Хильперик, который в момент смерти находился с ним в состоянии войны, чья жена, по сведениям Григория Турского, организовала убийство Сигиберта (см.: *Greg. Tur.* Hist. P. 187–190).

[12] *Greg. Tur.* Hist. P. 258–263, 371–372; *Bede.* Hist. Eccles. P. 563–564, 589–594; *Pauli.* Hist. Lang. P. 132.

[13] В качестве доказательства своего тезиса о том, немецкая родовая знать не существовала как таковая до XII в., М. Блок приводил довод об отсутствии до этого времени у представителей знати интереса к своим предкам и стремления возвеличить их, т.е. они не осуществляли их памятование (цит. по: *Freed J.B.* Reflections on the Medieval German Nobility // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 3. P. 554–555).

ской идеологии и особенно превозносили епископа Арнульфа, который был родоначальником Пипинидов-Каролингов, всячески подчеркивавших свое родство с ним[14].

В качестве основной причины поминовения предков нашими авторами представляется желание возвеличить свою семью в связи с родством с тем или иным человеком (реальным или мифическим), фигура которого остается значимой независимо от дальности родства с ним. Другой причиной могло быть желание подтвердить единство рода, преемственность между предками и потомками, право последних на унаследованное положение и владения. Например, Григорий Турский ссылается на родство со Св. Григорием Лангрским[15]. Каролинги, по причине отсутствия предков королевского рода, акцентируют свое родство со Св. Агилульфом, и более туманно с царями Трои[16]. Англосаксонские короли, по свидетельству Беды Достопочтенного, считали своим предком языческого бога Одина (Водана).

Однако число ситуаций в жизни человека или коллектива родственников, когда возникала необходимости подобного поминовения, не могло быть велико. Поэтому либо коммеморация более дальних родственников осуществлялась как часть поминовений близких (например, при совместном

---

[14] *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 39–40. Возможно, наличие святого-предка было своего рода «компенсацией» отсутствующего предка-короля и должно было подтверждать их права на престол. Отчасти они могли подражать в этом Меровингам, которые старались устроить свои усыпальницы в местах, где были похоронены святые. Например, в базилике св. Петра и Павла, кроме короля Хлодвига, его жены, дочери и внуков была погребена Св. Генувейфа (см.: *Greg. Tur.* Hist. P. 135). Король Хлотарь и его сын Сигиберт сами построили базилику для мощей св. Медарда, где позже были похоронены (см.: *Greg. Tur.* Hist. P. 139, 154, 187–190). Насколько распространено было подобное «глубинное» памятование установить достаточно сложно. Сам Павел Диакон упоминает еще только одного родственника в четвертом колене — своего прадеда, и только в «Истории лангобардов» (см.: *Pauli.* Hist. Lang. P. 137). Григорий Турский также вспоминает только своего собственного прадеда — епископа Григория Лангрского (см.: *Григорий Турский.* История франков. М., 1987. С. 120).

[15] *Greg. Tur.* Hist. P. 200–203.

[16] *Павел Диакон.* Деяния мецких епископов // Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 292.

А.И. Сидоров считает, что Павел Диакон по своей инициативе исказил имя младшего сына св. Арнульфы (см.: *Павел Диакон.* Деяния мецких епископов. С. 292. Прим. 24). Однако он с таким же успехом мог зафиксировать интерпретацию, бытующую у самих Каролингов.

захоронении), либо реализовывалась в рамках нетрадиционных практик (в качестве примера можно рассмотреть «Деяния мецких епископов»), либо становилась частью ритуала, а, возможно, и представляла собой преимущественно частную практику памятования в виде устной традиции, передаваемой из поколения в поколение, использующейся, например, при воспитании новых членов рода. Вполне вероятно именно такую форму и функции имела «родовая легенда» Каролингов до записи ее Павлом Диаконом в «Деяниях мецких епископов», «история» рода Флоренциев, к которому принадлежал Григорий Турский, или история семьи Павла Диакона.

Таким образом, поминовение умерших родственников играло важную роль в переживании родства. Во всех наших источниках чаще всего речь идет о поминовении родичей не далее третьего колена. Сохранение же памяти о более дальних родственниках, скорее всего, также имело место, но было ограниченно и представляется более характерным для семей знати и королей. Что касается причин участия родственников в мемориальных практиках, то они отличались для близких и дальних родичей. Близких родственников поминали, прежде всего, с целью актуализации эмоциональной связи с ними, подтверждения родства с целью получения наследства и / или под давление общественных устоев. Памятование более дальних родичей могло быть связано со стремлением возвеличить себя, через утверждение родства со знатным / великим предком или желанием подчеркнуть преемственность между предками и потомками.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Григорий Турский. История франков. М., 1987.

Павел Диакон. Деяния мецких епископов // Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006.

Bede. Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede. Delphi Classics, 2015.

Gregorii Episcopi Turonensis. Historiarum Libri X // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Merovingicarum. V. 1.1. Hannoverae, 1951.

Pauli. Historia Langobardorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Langobardicarum et Italicarum VI–IX. Hannoverae, 1878.

Арнаутова Ю.Е. Meroria: «тотальный социальный феномен» и объект исследования» // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003.

Эксле О.Г. Memoria и мемориальная традиция в раннее Средневековье // Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007.

Freed J.B. Reflections on the Medieval German Nobility // The American Historical Review. 1986. Vol. 91. No. 3.

Vuolanto V. Children and the Memory of Parents in the Late Roman World // Memory and Family Identity in Roman Culture. Oxford, 2010.

Yu.E. Vershinina
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

DEAD KIN COMMEMARATION AS ONE OF THE ASPECTS OF KINSHIP EXPERIENCE IN EARLY MEDIEVAL HISTORICAL NARRATIVES

The paper examines the connection between the practice of the dead commemoration and the kinship experience in the early Middle Ages. The purpose of the work is to identify the circle of relatives involved in the practice, as well as to discern the distinctive features of its representation in the texts of different descent.

Keywords: kinship, commemoration, death, relatives, early Middle Ages, Gregory of Tours, Venerable Bede, Paul the Deacon.

А.М. Волкова
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

СУИЦИДАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В EXAMPLES И VISIONES ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Данная статья посвящена описанию суицидальных практик в examples и visiones XI–XIII вв. Рассматривается как сам феномен данного жанра, так и специфика текста и мировоззрения человека высокого Средневековья, а также восприятие данного явления через проповеди. К исследованию привлечены такие источники, как «Dialogus Miraculorum», «Erzählungen des mittelalters» и «Anecdotes historiques, légendes et apologues».

Ключевые слова: примеры, видения, суицидальные практики, Средневековье.

Суицидальные практики известны человечеству с самых ранних этапов истории и, начиная с двадцать первого века до новой эры, находили отражение во множестве различных по форме и характеру источниках. Упоминания суицида встречаются практически у всех народов, существовавших в разные эпохи. Отношение к данным практикам менялось с течением времени: некоторые случаи сохранялись в истории как подвиг, иные, наоборот, осуждались. В Средние века монополией на формирование нравов и морали обладала Церковь, и ей же принадлежит подавляющее большинство источников, касающихся явления суицида: от «примеров», фиксируемых при монастырях, до решений соборов.

Новизна исследования заключается в том, что на данный момент не существует отечественных работ, посвященных изучению проблемы суицидальных практик как таковых, и их отражение в неюридических источниках.

Цель исследования — выявить особенности описания суицидальных практик в «примерах», решив следующие задачи: выявить «примеры» с упоминанием суицидальных практик, провести анализ текстов, определить основную специфику текста.

Вопрос суицида в контексте истории Западного Средневековья российскими авторами отдельно не изучался. Единственной работой, в которой рассматриваются «примеры» и «видения», является книга А.Я. Гуревича

«Культура и общество средневековой Европы глазами современников», привлеченная к написанию статьи. В качестве вспомогательной литературы, объясняющей контекст эпохи и психологический аспект, использовались следующие работы: «Suicide in the Middle Ages» А. Мюррея в двух частях, «Самоубийство: Социологический этюд» Э. Дюркгейма, статья Е.Б. Любова и П.Б. Зотова «К истории отношения общества к суициду» и др.

«Примеры» и «видения» относятся к периоду с XI по XIII вв. Данная группа источников крайне неоднородна и не специализируется на самоубийствах и смерти в общем, однако, описания подобных практик встречаются. В статье используются следующие сборники «примеров» и «видений»: «Anecdotes historiques, légendes et apologues», «Dialogus Miraculorum» и «Erzählungen des mittelalters».

«Examples» и «visiones» записывались монашеством и являлись частью проповеди[1], а их истинность не ставилась под сомнение. С XIV в. жанр не пополнялся, но использовался в качестве назиданий для прихожан вплоть до XVI в., и хранился уже в качестве наследия[2], ибо подлинность рассказов вызывала сомнения. Для «видений» общий сюжет заключается в посещении рассказчиком загробного мира, которое происходит во сне или же в результате смерти, которая непременно заканчивалась воскрешением: временным или же до следующего срока. «Примеры» имеют зачастую мистический сюжет, близкий, тем не менее, к бытовым, повседневным сценам и имеет более «житейский» характер. Разделить их в некоторых случаях представляется затруднительным.

«Примеры» и «видения» являлись одним из факторов, создающим представления человека о праведной смерти, под определение которой суицид не подходил. Влияние духовенства на паству было колоссально. Страх являлся едва ли не естественным, а то и желаемым для проповедников состоянием. Известны «примеры», в которых упоминаются люди, доведенные проповедями до самоубийства[3].

Однако «священный ужас» охватывал не только паству. В «Dialogus Miraculorum» Цезария Гейстербахского содержится рассказ о благочестивом монахе-конверсе, который утратил веру в Спасение и кинулся в растопленную печь, сказав, что больше не может «бороться против Бога»[4]. Или пример о монахине, которая, «под воздействием духа зла» также усомнилась

---

[1] *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 22.

[2] *Гуревич А.Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С 55.

[3] Там же. С. 69.

[4] *Strange J.* Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis cisterciensis Dialogus Miraculorum. Coloniae; Bonnae; Bruxellis, 1951. P. 210–211.

в вере, вследствие чего стала отказываться от причастия и называла себя «погибшей душой». Приор предупредил монахиню, что тогда ее захоронят в поле, ибо отчаяние является одним из тяжелейших грехов. Его предостережение оказало обратное воздействие и побудило монахиню предпринять попытку покончить с собой, прыгнув с моста, но в итоге она была спасена неравнодушными людьми[5]. Также в сборнике Этьена Бурбонского (в разделе «Дар силы») был зафиксирован «пример» о новиции, который из-за «проделок дьявола» усомнился в существовании не только собственной души, но и Бога и всего мира. Новиций также был спасен в последний момент — его удалось отговорить[6].

Мотив утраты веры, тем не менее, фигурирует не только в «примерах», действующими лицами которых выступает духовенство. Существует «пример» о женщине, которая назвала себя «худшей из еретиков» и просила сжечь ее за сомнения в христианской вере и сакраменте, ибо не могла этого вынести. Ее успокоили[7].

Стоит отметить, что жизнь в монастыре была фактором риска; известны случаи массовых самоубийств, приводящих к вымиранию обителей[8]. Согласно мнению некоторых исследователей, в монастыри нередко уходили люди с расстройствами и тягой к суициду[9]. Однако, судя лишь по «примерам», нельзя говорить о том, что в монастырях суицидальные практики были распространены больше, чем где-либо еще: данный тип источников ввиду происхождения касается именно описания случаев из жизни духовенства.

Сцены самоубийств также можно увидеть в «примерах», посвященных еврейским погромам. Иудеи, которые противились крещению, убивали свои семьи и затем сами кидались в огонь[10].

Существует, по меньшей мере, один связанный с темой суицида анекдот о скорбящем мужчине, чьи жены, одна за другой, вешались на дереве. К нему пришел сосед с просьбой поделиться побегами от этого дерева, чтобы остальные мужчины могли посадить их и избавиться от надоедливых супруг. Анекдот же восходит рассказу из «Gesta Romanorum»[11], где дере-

---

[5] Ibid. P. 209–210.

[6] *De La Marche L.* Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon, Dominicain du XIIIe siècle. P., 1877. P. 196–197.

[7] Ibid. P. 196.

[8] *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994. С. 170.

[9] *Любов Е.Б., Зотов П.Б.* К истории отношения общества к суициду // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4. С. 15.

[10] *Гуревич А.Я.* Указ. соч. С. 307.

[11] Там же. С. 311.

во символизирует крест, а жены соответствуют грехам — гордыне, вожделению тела и вожделению зрения, и поэтому не может расцениваться как «случай». Проповедники не объясняли значений образов, что постепенно трансформировало «моралите» в анекдот о групповом суициде через повешение.

В «примерах» и «видениях» о суициде также встречается весьма популярный для жанра мотив милосердия Девы Марии. Богородица традиционно изображается помогающей людям, сбившимся с пути, как, например, вдова, убившая троих детей от прелюбодейства со своим родственником и неудачно пытавшаяся закончить жизнь самоубийством. Богоматерь согласилась спасти ее душу, если она раскается во всех своих грехах (среди которых был и неудавшийся суицид в том числе)[12].

Грех самоубийства упоминается в «видении» больного, который в свои последние дни испытывал ужасную агонию и разгневался на Бога из-за своих страданий. Тогда к нему явился ангел с вестью, что через два года болезнь отступит. Больной ответил, что лучше он покончит с собой, чем будет это терпеть. Ангел предложил ему вместо двух лет болезни два дня в Чистилище, и мужчина охотно согласился. Но те два дня для него были как вечность, и больной взмолился, чтобы ангел вернул его обратно, ибо теперь был готов выносить страдания «хоть до Страшного суда», но в земном мире[13].

Тема самоубийства затрагивается и в «примерах», посвященных борениям плоти, и, как правило, суицидальное поведение является манипуляцией и маркером грешника. К монаху воспылала страстью монахиня, которая к тому же угрожала, что убьет себя, если ее отвергнут. Монах согласился, но лишь для того, чтобы показать, что тело его гноится от ран от шерстяной робы[14]. Когда капеллан попросил рыцаря удалить развратную девушку из семьи, та заявила, что капеллан ее домогался, и его просьба — мщение за отказ. Ей не поверили. Тогда она пригрозила, что сожжет себя. Ситуация разрешилась тем, что вину блудницы доказали: капеллан предложил возлечь с ним на соломе, и, когда ложе подожгли, пламя не затронуло его[15].

Суицидальные практики, также как и прочие деяния, входящие в понятие греха, нередко понимались как наваждение дьявола и нечистых сил, как и сами видения. В «Ars moriendi», одном из самых главных источников по исторической танаталогии, самоубийству отведен отдельный эпизод.

---

[12] *Klapper J.* Erzählungen des mittelalters in deutscher übersetzung und lateinischem urtext, herausgegeben von Joseph Klapper. Breslau, 1914. P. 318–319.

[13] Ibid. P. 305.

[14] *Strange J.* Op. cit. P. 273–274.

[15] Ibid. P. 241–242.

Дьявол протягивает умирающему человеку кинжал, и приказывает: «Убей себя сам» (в ряде редакций: «Ты убил сам себя»). Искушение легкой смертью — испытание, от которого зависит судьба души в загробном мире. Дьявол перечисляет грехи умирающего, чтобы тот впал в грех уныния, а затем и в грех самоубийства. По другую сторону ложа изображен ангел, который напоминает умирающему о милосердии Бога, но не создает противовес Дьяволу. Он оценивает не чистоту души, а прочность веры[16]. Изображение это содержит атрибуты как «видения», так и «примера».

Таким образом, можно сделать вывод, что в «примерах» и «видениях» частым мотивом суицидального поведения была запятнанная репутация, отчаяние и нарушение картины мира, а также попытка шантажа, и в любом случае оно называется страшным грехом. То, что в примерах нередко участвуют духовные лица, объясняется происхождением источника, и эти данные не имеют статистической ценности. Описанию суицидальных практик посвящен сравнительно небольшой пласт видений и примеров. Как правило, упоминаются лишь попытки, если самоубийство совершено, то описание его не детально — отголосок табуированности темы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд. М., 1994.

Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001.

Любов Е.Б., Зотов П.Б. К истории отношения общества к суициду // Суицидология. 2017. Т. 8. № 4.

De La Marche L. Anecdotes historiques, légendes et apologues, tirés du recueil inédit d'Étienne de Bourbon, Dominicain du XIIIe siècle. P., 1877.

Strange J. Caesarii Heisterbacensis monachi ordinis cisterciensis Dialogus Miraculorum. Coloniae; Bonnae; Bruxellis, 1951.

Klapper J. Erzählungen des mittelalters in deutscher übersetzung und lateinischem urtext, herausgegeben von Joseph Klapper. Breslau, 1914.

Murray A. Suicide in the Middle Ages. Vol. 1. The violent against themselves. Oxford, 1998.

Murray A. Suicide in the Middle Ages. Vol. 2. The Curse on Self-Murder. Oxford, 2011.

[16] *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992.

A.M. Volkova
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

SUICIDAL PRACTICES IN EXAMPLES AND VISIONES OF HIGH MEDIEVAL

This article is devoted to the description of suicidal practices in examples and visiones of the 11th–13th centuries. Both the phenomenon of this genre itself and the specificity of the text and worldview of a person of the High Middle Ages are considered, as well as the perception of this phenomenon through sermons. Sources such as «Dialogus Miraculorum», «Erzählungen des mittelalters» and «Anecdotes historiques, légendes et apologues» are involved in the study.

Keywords: examples, visions, suicidal practices, the Middle Ages.

А.М. Харина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРИРОДНЫЕ БЕДСТВИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКЕ ЧЕЛОВЕКА ДРЕВНЕЙ РУСИ XI–XIV вв.: К МЕТОДОЛОГИИ ВОПРОСА

Статья посвящена проблеме выбора методологии для проведения исторического исследования при написании выпускной квалификационной работы. Данная статья строится на разборе методов, которые могут применяться при рассмотрении темы: «Социальные и природные бедствия в социокультурной практике человека Древней Руси XI–XIV вв.». Также текущая работа может служить для ознакомления с социально-антропологическими методами исторического исследования.

Ключевые слова: методология, историческое исследование, социальная антропология, Клиффорд Гирц, Макс Вебер, школа «Анналов».

Методология исследования важный элемент в любой научной работе, поэтому первоочередная задача исследователя это правильный выбор концепций, принципов и подходов. Исходя из этого, необходимо рассмотреть некоторые методики на примере темы: «Социальные и природные бедствия в социокультурной практике человека Древней Руси XI–XIV вв.».

В рамках исследования будет рассматриваться отношение древнерусских людей к таким бедствиям как: мор или болезни, голод, войны и смерть. Все эти явления приводили к кризису как материальному, так и духовному. Люди искали защиты и помощи, пытались предотвратить бедствия или же найти выход из складывающихся ситуаций. Реальность формировала устойчивые социокультурные стереотипы, общественные представления и поведенческие паттерны, которые, собственно, и являются основным объектом нашего изучения. Однако методологические подходы к этой работе могут быть разными. Арсенал методов довольно широк. Рассмотрим основные подходы.

Школа «Анналов». Подход, к которому прибегали представители школы «Анналов» предполагает рассмотрение бедствий как совокупность факто-

ров и их последствий. Следуя ему исследователь, погрузившись в источники, воссоздает систему мировоззрения древнерусских людей и восстанавливает события в рамках общей картины, не разделяя сферы жизни.

Концепции школы «Анналов» направлены на обнаружение смысла явлений и понимание событий, для этого при работе с источником ставится вопрос, а после предпринимаются попытки углубления в материал и раскрытия его внутренних ресурсов.

Также представители школы «Анналов» призывали выходить за рамки одной науки и обращаться к междисциплинарным подходам для более полной картины исторических событий. Как пишет А.Я. Гуревич: «Это было сделано в противоположность традиционной французской историографии, замыкавшейся в унаследованных узких цеховых рамках»[1].

Подход Макса Вебера. Обращаясь к междисциплинарным подходам, следует выделить работы немецкого социолога Макса Вебера. Как пишет А.И. Кравченко: «Социология должна стремиться, прежде всего, к пониманию не просто человеческого поведения, а его значения и делать это на базе разработки формальных моделей, или идеальных типов, которые создаются методом кросскультурного и трансисторического сравнения»[2]. А поскольку при рассмотрении общества, взаимосвязей и совместно предпринимаемых действий, история тесно переплетается с социологией, эта цитата верна и в рамках исторического исследования.

Не стоит забывать, что при изучении темы смерти историк может узнать о мыслях и чувствах лишь в «переложении» конкретного автора того или иного средневекового памятника[3]. Та же проблема встречается и при изучении отношения людей к другим кризисным ситуациям, выйти из этого обстоятельства помогает концепция, которую Макс Вебер выделил в своих социологических исследованиях — концепция «идеального типа»[4]. Данное понятие предполагает создание обобщенного образа какого-либо социального явления или портрета индивида. Макс Вебер предлагал рассматривать это в категориях личностей, например идеальный купец или идеальный воин, но данный подход позволяет заимствовать идею подобного познавательного способа описания реальности и для явлений общественной жизни.

---

[1] *Гуревич А.Я.* «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста) // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М., 1985. С. 101.

[2] *Кравченко А.И.* Основные принципы веберовской методологии // Вестник Моск. университета. Сер. 18. Социология и Политология. 2011. № 4. С. 154.

[3] *Донской Г.Г.* Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): дис. …канд. ист. наук. М., 2012. С. 6.

[4] *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 9.

В таком ключе суть этого подхода будет заключаться в создании некой «идеальной»[5] реакции людей на бедствия, что позволит нам обобщить и утверждать: так реагировали все, и такая реакция была правильной[6]. Естественно в реальном мире существование подобной реакции невозможно, ведь будут влиять множество факторов: разница в архетипах людей, отличие социальных групп и размеров нанесенного ущерба — для здоровья или материального, и многое другое. Но, тем не менее, появится возможность сгладить влияние личного мировоззрения автора на текст источника. Для применения концепции «идеального типа» необходимо изучить несколько источников, выделить повторяющиеся сюжеты и реакции, после чего проанализировать их и придти к определенным выводам. Минус применения такого подхода в том, что теряется индивидуальность каждого конкретного автора, что недопустимо для некоторых исследований, но не в рамках заявленной работы.

Например, идеальная в мировоззрении древнерусского человека смерть: довольно долгое время она не должна была являться событием неожиданным. В идеальном обществе человек предчувствовал приближение смерти заранее, болезнь же в такой картине мироощущения становилась вестником смерти и зачастую предупреждением, поводом задуматься над своей жизнью и последней возможностью искупить грехи. Таким образом, неожиданная смерть порицалась авторами житий и летописей, как нечто выдающее нечестивого и грешного человека.

Подход Клиффорда Гирца. Также в рамках междисциплинарных подходов стоит рассмотреть исследования социального антрополога Клиффорда Гирца.

Подход, разработанный Гирцем — метод насыщенного описания, применим и при интерпретации письменных источников. Следует уточнить, что антропологическую направленность данных исследований стоит воспринимать с точки зрения западного понимания данного направления. Западная антропология подразумевает не просто описание исторических фактов, но более детальное погружение в контекст происходящего и разбор всех событий с точки зрения мотивов и смысла вкладываемого в каждое действие. Именно это является насыщенным описанием человеческого поведения, с помощью него действие приобретает смысл, понятный для окружающих[7].

---

[5] Там же. С. 495–499.

[6] *Ростиславлева Н.В.* Концепция «Идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 9. С. 125.

[7] *Geertz C.* The interpretation of culture. N.Y., 1973. P. 3–30.

Например, прочитав отрывок из Новгородской летописи, мы можем выделить такой факт, как каннибализм: «Яко инии простая чадь рѣзаху люди живыя и ядяху, а инии мьртвая мяса и трупие обрѣзающе ядяху…»[8].

Наша задача в том, чтобы определить насколько такие ситуации были распространены в древнерусском обществе и нормальны для сознания людей. Прибегнув к подходу Клиффорда Гирца, становится возможным установить насколько далеко поедание человечины находится от этих границ.

Проведя разбор данного отрывка из летописи можно выявить, что летописец не поощряет подобное поведение, но и жесткой критики в его словах нет, это скорее сострадательное понимание ситуации и того почему люди были вынуждены прибегнуть к подобному. Из чего мы можем сделать вывод, что нормой каннибализм в древнерусском обществе не считался, но голод в 1230 году не оставлял многим людям другого выбора, поедание трупов практиковали не ради забавы и не несло в себе сакрального смысла, первопричиной такого поступка являлось исключительно желание выжить.

Таким образом, при использовании подходов представителей школы «Анналов», концепции Макса Вебера и Клиффорда Гирца появляется возможность воссоздать и детально изучить мировоззрение и отношение древнерусского человека к таким бедствиям, как мор, голод, войны и смерть. На приведенных в источниках фактах построить более глубокую и полную картину мира Древней Руси.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Гуревич А.Я. «Новая историческая наука» во Франции: достижения и трудности (критические заметки медиевиста) // История и историки: историографический ежегодник. 1981. М., 1985.

Донской Г.Г. Переход в «иной мир» в духовной культуре средневековой Руси (XIV–XVI вв.): дис. …канд. ист. наук. М., 2012.

Кравченко А.И. Основные принципы веберовской методологии // Вестник Моск. университета. Сер. 18. Социология и Политология. 2011. № 4.

Ростиславлева Н.В. Концепция «Идеальных типов» Макса Вебера как полидисциплинарный проект // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 9.

Geertz C. The interpretation of culture. N.Y., 1973.

[8] Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 70.

A.M. Kharina
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

SOCIAL AND NATURAL DISASTERS IN HUMAN SOCIOCULTURAL PRACTICE OF ANCIENT RUSSIA 11th–14th CENTURIES: TO THE METHODOLOGY QUESTION

The article is devoted to the problem of choosing a methodology for conducting historical research when writing the final qualifying work. This article is based on the analysis of methods that can be applied when considering the topic: “Social and natural disasters in the socio-cultural practice of man in Ancient Russia 11th–14th centuries”. Also, the current work can serve to familiarize with the socio-anthropological methods of historical research.

Keywords: Historical method, Social anthropology, Clifford Geert, Max Weber.

Д.А. Бессуднов
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

ИЗМЕНЧИВАЯ ПРЕРОГАТИВА: КОНЦЕПЦИЯ ПОКРОВИТЕЛЬСТВА НАД РИЖСКИМ ДИОЦЕЗОМ КАК ПРИМЕР ДЕЛЕГИРОВАННОГО ПРАВА XIV–XVI вв.[*]

Статья посвящена рассмотрению рижского протекторства как примера фактического применения делегированного права, дает представление о причинах его появления, а также — что вызывает наибольший интерес — области применения в условиях динамично изменяющихся политических условий внутри сложноструктурированной системы имперских земель.

Ключевые слова: Империя, Польша, Ливония, Карл IV, Сигизмунд II, Альбрехт Бранденбургский.

Ливония — характерный пример «сложного» субъекта Священной Римской империи. Формально являясь ее частью, Ливония находилась на периферии и пользовалась автономией, весьма условно находясь в рамках имперского правового поля. С самого основания внутри конфедерации не утихала борьба за главенство между епископами и магистрами Ордена. Сопротивляясь расширению власти магистров, духовенство во главе с архиепископом Риги Фюнфгаузеном (1348–1369 гг.) жаловалось папе, требуя защитить их от Ордена. И в 1349 г. в ходе очередного судебного разбирательства между прелатами и Орденом папа Клемент VI обратился к сторонним государям, призвав Карла IV Люксембурга и Магнуса Шведского встать на защиту прав и привилегий архиепископа, объявив их «сохранителями» Рижской епархии[1]. Однако, когда уже его преемник, Иннокентий VI, инициировал переход диоцеза в личное папское владение, он натолкнулся на противодействие Карла IV, резонно отметившего, что права на эти земли были уступлены ему Клементом еще в 1349 г. Став императором, он официально переутвердил привилегии

[*] Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 19-18-00-183.

[1] Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae (*Далее* — CDPL). T. 5. № 55. S. 75–78; *Jähnig B.* Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst // Nordost-Archiv. Bd. 7. Luneburg, 1998. S. 47–63.

Рижской епархии, но уже от своего лица[2]. Таким образом, право покровительства, делегированное папами в целях защиты прав подчиненного, сменило источник права и было направлено уже против расширения папской власти.

В 1366 г. юридическое содержание этого права было закреплено в акте, согласно которому рижской церкви назначались «сохранители» и «исполнители» из числа соседей Ливонии[3]. Этим документом Карл IV делегировал часть прерогатив сюзерена государям, обязанным сохранять привилегии и имущество епархии. Передача права, как видится, была обусловлена самим характером власти императора — не имея в своем распоряжении развитого аппарата управления, систем государственных институтов в центре и на местах, он зачастую пользовался уже сложившимися на местах и существующими за счет местных ресурсов структурными связями[4]. Карл IV, оставив за собой роль формального сюзерена, делегировал прерогативы в отношении Рижского диоцеза сторонним государям, среди которых стоит отметить польско-литовского монарха и магистров Ордена в Пруссии. Впоследствии привилегия неоднократно переиздавалась, а статус протектора обрастал полномочиями[5], однако сами покровители не проявили особой активности в реализации своих прав[6]. И, казалось бы, политико-правовому концепту протекторства так и суждено было остаться без внятной реализации, однако с изменением условий был сформирован и новый запрос в его отношении.

С приходом XVI в. ситуация в Прибалтике оказалась осложнена распространением Реформации. В 1525 г. магистр Альбрехт Бранденбургский (1511–1568 гг.) провел секуляризацию Ордена в Пруссии, принял лютеранство, титул герцога и принес присягу польскому королю Сигизмунду I (1506–1548 гг.)[7]. Тем самым он разрывал институциональные связи с Империей

---

[2] Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (*Далее* — LECUB). T. 1 (2). Reval, 1855. № 965. S. 625–627.

[3] CDPL. № 55. S. 75–78.

[4] *Бойцов М.А.* Германский император XIV в.: инструменты реализации власти (к постановке проблемы) // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. С. 106–107.

[5] CDPL. № 79, 99. S. 134, 175–178; Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung. Bd. 1. Dorpat; Riga, 1833. № 733, 853, 932, 971. S. 176, 197–198, 212, 220; Monumenta Livoniae Antiquae (*Далее* — MLA). Bd. 5. Riga; Leipzig, 1847. № 1. S. 127–129.

[6] *Ilariene I.* Kilka Zrodel dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Vilnius, 2007. S. 235–236.

[7] *Jähnig B.* Albrecht von Brandenburg-Ansbach und die Säkularisation des Deutschen Ordens in Preußen // Vorträge und Forschungen. Münster, 2011. S. 90–99.

и Орденом в Ливонии. И уже в 1526 г. бургомистры Риги вспомнили о том, что экс-магистр некогда был признан властями города протектором, и теперь они, также являясь протестантами, ждут помощи, указывая на то, что его права как протектора более весомы, нежели у других[8]. Понимая достоинства подобного альянса, избранный в 1528 г. архиепископ Шонинг поддержал для выдвижения в должности своего коадъютора (т.е. заместителя и преемника) брата Альбрехта, Вильгельма Бранденбургского, имперского князя, связанного родством не только с немецкой знатью, но и с домом Ягеллонов.

В 1529 г. Альбрехт, выступая как протектор епархии, заключил с Шонингом оборонительный союз[9]. Согласно договору протектор исполнял функции, аналогичные функциям средневекового государя — защиту подданных и гарантию привилегий. Источником права по-прежнему являлся император, однако реализовывать свою власть Альбрехт мог лишь с согласия других протекторов — и в том же 1529 г. польский король Сигизмунд I, апеллируя к своему статусу протектора, публично одобрил кандидатуру и призвал ливонские сословия поддержать назначение Вильгельма сначала коадъютором[10], а затем архиепископом. Приняв сан, Вильгельм продолжил сближение с Польшей-Литвой, используя покровительство Сигизмунда II в борьбе с противодействием сословий[11].

Укрепление Ягеллонов в Прибалтике оказалось форсировано выдвинутым в 1554 г. требованием царя Ивана IV (1547–1584) об уплате «юрьевской дани». Параллельно с угрозами и территориальными претензиями выступил и Сигизмунд II, требуя возвращения захваченных Орденом земель на границе. В 1554 г. Сигизмунд направил к капитулу Риги посольство с требованием назначить новым коадъютором урожденного князя Кристофа Мекленбургского. В ответ на указание, что подобное назначение не соответствует рецессам ландтага 1546 г., Сигизмунд объявил эти постановления недействительными, т.к. их утверждение не было согласовано с протектором. Вопреки ливонским законам, Кристоф был избран, что привело к политическому кризису, оголившему противоречия между сословиями. В итоге внутренняя война, начавшаяся с ареста Вильгельма и Кристофа, завершилась войсками Сигизмунда на ливонской границе[12]. Орден был вынужден признать поражение, архиепископ и коадъютор получили реституцию, а факт легитимизации

---

[8] Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Herzog Albrecht, Herzoglichen Briefarchiv XX. № 16, 41.

[9] MLA. № 8. S. 144–146.

[10] MLA. № 2. S. 130–131.

[11] *Quednau H.* Livland im politischen Wollen Herzog Albrechts. Leipzig, 1939. S. 20–23.

[12] *Попов В.Е., Филюшкин А.И.* «Война коадъюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Studia Slavica et Bal-canica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6). С. 151–184.

вмешательства в ливонское законодательство был дополнен прецедентом применения силы со стороны польско-литовского монарха. Впоследствии с началом Ливонской войны право протекторства сыграло роль правовой базы для частичного (1559 г.), а затем и для полного подчинения Ливонии Сигизмунду II (1561 г.), выступившему в качестве защитника ливонских земель от общего врага, полностью перестроившись в отношения подданства[13].

Подводя итог, вернемся к тезису об изменчивой прерогативе. Древнее право покровительства над Рижским диоцезом, дарованное папой императорам, было спустя полтора века применено прусским герцогом для продвижения брата на одну из ключевых должностей в Ливонии, а впоследствии стало для польского короля способом обхода законодательства Ливонии, основанием для вмешательства в войну коадъюторов и, наконец, было трансформировано в отношения подданства при инкорпорации Ливонии. Этот «послужной список» протекторства как делегированного права красноречиво иллюстрирует ряд особенностей правового поля в ту эпоху. С одной стороны, сознание людей Нового времени сохранило средневековые черты, наиболее характерной из которых была обращенность в прошлое: давно минувшее прошлое воспринималось неким идеальным состоянием, а потому древность того или иного права была одним из главных аргументов в пользу его правомочности[14]. И даже сама возможность реализации власти императора через посредников, как видится, базировалась на популярной в Средние века концепции «translatio imperii», перехода самой идеи государства в географическом и временном плане. Однако в совокупности с позднесредневековыми представлениями о власти, где фигура монарха (в данном случае — императора) играла роль некого центра, удерживающего в равновесии различные сословия и группы, его полномочия оказываются полностью деперсонифицированы и уже не связываются с личностью государя, открывая тем самым возможность к переосмыслению правовых концепций в угоду текущему политическому запросу местных государей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Codex diplomaticus regni Poloniae et magni ducatus Lituaniae. T. 5. Vilnae, 1764.

Geheimen Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz. Herzog Albrecht, Herzoglichen Briefarchiv XX.

[13] *Бессуднов Д.А.* Патерналистские начала польского протектората в отношении ливонских земель // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 1 (53). С. 1–8.

[14] *Gagner S.* Studien zur Ideengeschichte der Gesetzgebung. Uppsala, 1960. S. 288–366; *Caenegem R.* Das Recht im Mittelalter // Entstehung und Wandel Rechtlicher Traditionen. Freiburg; München, 1980. S. 619.

Index corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae oder Kurzer Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung. Bd. 1. Dorpat; Riga, 1833.

Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten. T. 1 (2). Reval, 1855.

Monumenta Livoniae Antiquae. Bd. 5. Riga; Leipzig, 1847.

Бессуднов Д.А. Патерналистские начала польского протектората в отношении ливонских земель // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 1 (53).

Бойцов М.А. Германский император XIV в.: инструменты реализации власти (к постановке проблемы) // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992.

Попов В.Е., Филюшкин А.И. «Война коадъюторов» и Позвольские соглашения 1557 года // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2009. № 1/2 (5/6).

Caenegem R. Das Recht im Mittelalter // Entstehung und Wandel Rechtlicher Traditionen. Freiburg; München, 1980.

Gagner S. Studien zur Ideengeschichte der Gesetzgebung. Uppsala, 1960.

Ilariene I. Kilka Zrodel dotyczacych protektoratu Wielkiego Księstwa Litewskiego nad arcybiskupstwem Ryskim // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Vilnius, 2007.

Jähnig B. Albrecht von Brandenburg-Ansbach und die Säkularisation des Deutschen Ordens in Preußen // Vorträge und Forschungen. Münster, 2011.

Jähnig B. Der Deutsche Orden und die livländischen Bischöfen im Spannungsfeld vom Kaiser und Papst // Nordost-Archiv. Bd. 7. Luneburg, 1998.

Quednau H. Livland im politischen Wollen Herzog Albrechts. Leipzig, 1939.

D.A. Bessudnov
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

A VOLATILE PREROGATIVE: THE CONCEPT OF PATRONAGE OVER THE RIGA DIOCESE AS AN EXAMPLE OF DELEGATED RIGHTS 14th–16th CENTURIES

The article is devoted to the consideration of the protection of Riga as an example of the actual application of delegated law, gives an idea of the reasons for its appearance, as well as — what is of the greatest interest — the scope of application in the conditions of dynamically changing political conditions within the complex structured system of imperial lands.

Keywords: Empire, Poland, Livonia, Carol IV, Sigismund II, Albrecht von Brandenburg.

К.Ф. Ерназаров
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

ФЕНОМЕН ВОЕННОГО ЛИДЕРСТВА В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ — РЫЦАРЬ ИЛИ ПОЛКОВОДЕЦ?

В статье рассматривается проблема военного лидерства в Средние века на примере английского короля Ричарда Львиное Сердце: сущность военачальника, его поведение на поле боя.

Ключевые слова: Средние века, полководец, военачальник, король, военное лидерство, Ричард Львиное Сердце.

Для Средневековья, как и для любой другой эпохи, характерно существование военных лидеров: военачальников, полководцев. Конечно, в Средние века они были представлены в основном правителями, королями, высшей знатью. Однако суть и особенности средневекового военного лидерства до сих пор остаются спорными вопросами в исторической науке.

Часть ученых видят в средневековых военачальниках прежде всего воинов, лично ведущих в бой свои армии. К данной историографической традиции относятся Ганс Дельбрюк, Жан Флори, Джон Киган[1]. По их мнению, полководцы были крайне ограничены в возможностях командования на поле боя. С другой стороны, такие исследователи как Ян Франц Вербрюгген и Филипп Контамин настаивают на том, что средневековые военачальники могли организовывать сражения и руководить ими, и в целом были весьма компетентными и способными командующими[2]. Как видно, основные вопросы, на которые стараются ответить военные историки, следующие — участвовали ли командующие Средних веков в бою или старались руково-

---

[1] *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. Т. 3. Средневековье. СПб., 2001. С. 165; *Флори Ж.* Ричард Львиное Сердце: король-рыцарь. СПб., 2008. С. 376; *Keegan J.* The Mask of Command. L., 1987. P. 362.

[2] *Verbruggen J.F.* The art of warfare in Western Europe during the Middle Ages: from the eighth century to 1340. Woodbridge; Rochester, 1997. P. 106; *Контамин Ф.* Война в средние века. СПб., 2001. С. 247.

дить ходом боевых действий? Если да, то как часто? Могли военачальники владеть навыками стратегии и тактики? Были ли они рядовыми воинами?

Рассмотреть эту неоднозначную проблему можно сквозь призму одного, но очень яркого примера, а именно на примере английского короля Ричарда I в Третьем крестовом походе. О фигуре Ричарда Львиное Сердце у нас осталось немало источников и свидетельств.

Одна из них — хроника «Путешествие короля Ричарда» (лат. Itinerarium Regis Ricardi). Хроника написана, а точнее скомпилирована каноником церкви Святой Троицы Ричардом между 1216 и 1222 гг., как полагают ученые Ричард основывался на двух источниках, написанных участниками Третьего крестового похода[3]. Отрывок с описанием битвы при Арсуфе и при Яффе, которые нам понадобятся, относится к той части произведения, основой которой послужил текст англо-нормандского поэта Амбруаза, который сопровождал Ричарда в походе. Образ короля Ричарда в этой части произведения подобен герою «Chanson de geste», как пишет Антония Грэнсден — исследовательница английского Средневековья — он мудр, храбр, прекрасен, силен, щедр и добр, он «венец рыцарства», но в тоже время автор не следует целиком панегирическому стилю и описывает недостатки английского короля[4]. Сведения о поведении короля в походе и в битвах двойственны: с одной стороны, эти свидетельства строятся на наблюдениях очевидца событий, с другой стороны, автор создает идеализированный образ и это вынуждает с осторожностью относиться к сообщаемым фактам о действиях короля. Конечно и жанр произведения во многом влияет на изображение английского короля: Ричард предстает типичным героем рыцарского романа.

Не раз мы встретим описание его личных подвигов, например, в битве при Арсуфе: «Там король, свирепый, необыкновенный король, рубил турок во всех направлениях, и никто не мог избежать силы его руки, потому что куда бы он ни повернулся, размахивая мечом, путь, который он прорубал для себя был широк, и когда он продвинулся вперед и дал повторные удары, которые косили их [турок] как серп жнеца…»[5]. Схожим образом он описан и в битве при Яффе: «Что же все же можно было думать о короле, который был зажат в окружении врага, один человек противостоит стольким тысячам? Рука писателя падает, когда пытается рассказать об этом, а разум читателя падает в обморок, когда слышит это. Кто-нибудь слышал о таком человеке?

---

[3] *Gransden A.* Historical writing in England, c.550 to c.1307. L., 1974. P. 214.

[4] Ibid. P. 215.

[5] Richard of Holy Thinity: Itinerary of Richard I and others to the Holy Land Translated by A Classical Scholar and A Gentleman Well-Read in Mediaeval History. Cambridge (Ontario), 2001. P. 182.

Его храбрость всегда была высочайшего порядка...»[6]. Далее рассказчик сравнивает Ричарда со знаменитыми воинами (в его понимании рыцарями) древности с Антеем, Ахиллесом, Александром Великим, но кульминация этих уподоблений — сравнение с самим Роландом: «Но король Ричард, подготовленный к битве с самых нежных лет, и для которого даже знаменитый Роланд не мог быть считаться равным, оставался непобедимым даже среди врагов, и его тело, как будто оно было сделано из латуни, было непроницаемым для любого вида оружия»[7]. И в этом сравнении Роланд — самый идеальный рыцарь — проигрывает Ричарду Львиное Сердце! Действительно, в этом произведении Ричард предстает как рыцарь и соответственно описывается в сражении как бесстрашный воин.

В целом и исследователи в подобном ключе описывают поведение английского короля на поле боя: по мнению известного медиевиста Жана Флори, Ричард Львиное Сердце представляет новый тип короля — короля-рыцаря[8]. С точки зрения автора, различия между образом Ричарда и реальным Ричардом для исследования поведения полководца несущественны, поскольку сам Ричард пытался вести себя как герой легенды и распространял «фантазии», которыми переполнены рассказы о нем[9]. Тип короля-рыцаря, с точки зрения Флори, стал практически единственной моделью для подражания в Средневековье[10]. Данная поведенческая норма подразумевает, что король (полководец) на поле боя непосредственно и активно вступает в боевые действия, как это подобает храброму рыцарю, а в качествах, приписываемым рыцарям, мы не встретим упоминания об их умениях тактиков и стратегов.

Авторы отечественного научно-популярного издания «Всадники войны. Кавалерия Европы: (От ранней античности до конца XVII в.)» излагают схожие мысли о фигуре Ричарда: «В каждой битве он всегда стоял в первом ряду своего войска. В стычках со своими соседями в юности, когда он был графом Пуату, в войне с собственным отцом Генрихом II, в Святой Земле во время Третьего крестового похода или под конец жизни, когда он пытался вернуть свои земли во Франции, отобранные Филиппом II, мы никогда не увидим Ричарда-стратега или Ричарда-политика. Только — бешеный напор Ричарда-рыцаря на коне впереди собственных вассалов»[11].

---

[6] Ibid. P. 272.

[7] Ibid. P. 273.

[8] *Флори Ж.* Ричард Львиное Сердце: король-рыцарь. СПб., 2008. С. 306.

[9] Там же. С. 525.

[10] Там же. С. 26.

[11] *Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С.* Всадники войны. Кавалерия Европы: (От ранней античности до конца XVII в.). М., 2005. С. 241.

Однако текст хроники показывает Ричарда-командира не только как воина и рыцаря: рассказчик сообщает нам, что во время марша христианской армии, непосредственно перед битвой при Арсуфе, Ричард вместе с герцогом Бургундии разъезжал и пристально наблюдал за маневрами противника, при чем король немедленно корректировал построения войск в ответ на действиях сарацин[12]. Еще один наглядный момент относится к битве при Яффе, где описано построение армии крестоносцев: «Наши люди готовились как могли, чтобы отбить их яростную атаку. Каждый фиксировал свое правое колено на земле, чтобы они [воины] могли лучше держаться вместе и сохранять свою позицию; в то время как бедро их левой ноги было согнуто, а их левая рука держала свои щиты или баклеры; в то время как в правой они держали свои копья, нижние концы которых были зафиксированы на земле, а их железные наконечники угрожающе указывали на врага. Между каждыми двумя людьми, которые были таким образом прикрыты своими щитами, король, сведущий в вооружении, ставил арбалетчика, позади него другого [арбалетчика], для того чтобы второй протянул арбалет первому как можно быстрее, чтобы человек впереди мог выстрелить, пока другой перезаряжал. Было установлено, что это [строй] очень полезно для наших людей, и очень сильно вредит врагу»[13].

Итак, первый случай раскрывает тактические способности Ричарда, которыми он владел — он грамотно следил за обстановкой на поле и своевременно реагировал на нее, второй также демонстрирует успешные действия английского короля как тактика: Ричард организовал смешенное построение копьеносцев и арбалетчиков, где пехотинцы прикрывали щитами и копьями арбалетчиков, пока один из них стрелял, а другой перезаряжал. Данное построение весьма эффективно показало себя против атак сарацин: арбалетчики отвечают на обстрел конных лучников, копейщики не позволяют кавалерии атаковать стрелковую пехоту, об успехе этого приема пишет сам рассказчик.

Оба этих описания — оригинальные — они не являются формулами, переходящими из одного произведения в другое, учитывая, что в основе текста источника лежат свидетельства очевидца событий (поэта Амбруаза), то вышеупомянутые сведения с большой вероятностью являются правдоподобными.

Несомненно, исследовать поведение средневекового военачальника сложно: в случае с Ричардом крайне трудно отделить формируемый автором образ (который соответствует жанру «Chanson de geste») от его реальных действий. И вопрос о том действительно ли сражался в бою правитель, и как

[12] Richard of Holy Thinity… P. 176.

[13] Ibid. P. 269.

часто он это делал остается открытым. Как видно, рассказчику в целом Ричард Львиное Сердце интересен как воин и рыцарь, поэтому мы не найдем у него описания короля в лице командующего, в амплуа стратега или тактика, однако такие моменты присутствуют — и при ближайшем рассмотрении показывают, что военное искусство, в его практической части не было чуждо полководцам Средневековья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Richard of Holy Thinity: Itinerary of Richard I and others to the Holy Land Translated by A Classical Scholar and A Gentleman Well-Read in Mediaeval History. Cambridge (Ontario), 2001.

Алексинский Д.П., Жуков К.А., Бутягин А.М., Коровкин Д.С. Всадники войны. Кавалерия Европы: (От ранней античности до конца XVII в.). М., 2005.

Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. 3. Средневековье. СПб., 2001.

Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001.

Флори Ж. Ричард Львиное Сердце: король-рыцарь. СПб., 2008.

Gransden A. Historical writing in England, c.550 to c.1307. L., 1974.

Keegan J. The Mask of Command. L., 1987.

Verbruggen J.F. The art of warfare in Western Europe during the Middle Ages: from the eighth century to 1340. Woodbridge; Rochester, 1997.

K.F. Ernazarov
Moscow (Russia)
Higher School of Economics

MILITARY LEADERSHIP IN THE MIDDLE AGES:
IS RICHARD THE LIONHEART A KNIGHT OR A GENERAL?

The article examines the problem of military leadership in the Middle Ages using the example of the English king Richard the Lionheart: the essence of a military leader, his behavior on the battlefield.

Keywords: Middle Ages, general, military leader, king, leadership, Richard the Lionheart.

Р.А. Лихачев
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

УЧАСТИЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ В ПОЛЬСКО-ВЕНГЕРСКОМ КОНФЛИКТЕ В 1-й ПОЛОВИНЕ XII в.

Участие русских князей в польско-венгерском конфликте свидетельствует о вовлеченности Руси в политические процессы Центрально-Восточной Европы. Основными моментами участия русских князей в конфликте являются захват русско-венгерскими отрядами польского города Вислица и участие русских в сражениях с венграми на стороне польского князя Болеслава III. Главной проблемой является определение достоверности событий, описанных в польских источниках, после 1124 г. и их датировка.

Ключевые слова: русско-польские отношения, Венгрия, Древняя Польша, Киевская Русь, средневековая внешняя политика, Восточная Европа.

В 1-й пол. 20-х гг. XII в. поляки играли активную роль во внутриполитических процессах Западной Руси[1]. На определенный момент в Волынской земле была утверждена власть Мономаховичей, новым князем Волыни стал Андрей — сын Владимира Мономаха. После чего, в 1120 г. киевский князь направляет Андрея с половцами на Польшу. В свою очередь, поляки оказывали помощь ранее изгнанному князю Ярославу Святополчичу. Главная опасность польскому двору в их восточной политике исходила от Ростиславичей, занимавших Теребовльское и Перемышльское княжества — давних противников Польши[2]. Именно Ростиславичи занимают ключевую роль в польских источниках в данное десятилетие.

Проблемой является интерпретация событий русско-польских отношений после 1124 г.: какие военно-политические события происходили в последующее десятилетие в русско-польских отношениях? Когда происходили эти события, во 2-й пол. 20-х гг. или же в 1-й пол. 30-х гг. XII в.? Являются

---

[1] Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. С. 287–288.

[2] Там же. С. 285–286.

ли достоверными известия польской хроники Вицентия Кадлубка о взаимоотношениях Ростиславичей с польским двором в вышеозначенный период?

Основной проблемой в решении данных вопросов является противоречивость известий в польских источниках и отсутствие информации в древнерусских летописях. Польская хроника Вицентия Кадлубка сохранила подробные известия и детали, которые относятся ко 2-й пол. 20-х гг. XII в., а польские рочники точную датировку сожжения города Вислица в 1135 г. Это привело к появлению разных мнений по поводу трактовки данных событий и датировок. В.Т. Пашуто относил вышеуказанные события к 30-м гг.[3], тогда как А.Б. Головко считает, что они происходили в 20-е гг. XII в.[4]

Важным моментом является определение десятилетия, в котором проистекали вышеуказанные события. Это позволит определить не только датировку, но и обозначить какие именно события проистекали в данный период взаимоотношений Руси и Польши. Из историографии точка зрения В.Т. Пашуто представляется наиболее соответствующей историческим реалиям. Участие русских полков в польско-венгерском конфликте, в частности взятие города Вислица, не могло иметь место в 20-е гг. по ряду причин.

Во-первых, участие Ростиславичей в конфликте на западных землях Руси подорвало их военно-политическую мощь. Показателен случай пленения Володаря Ростиславича польским деятелем Петром Властовичем, после чего за освобождение князя был отдан огромный выкуп. Более того, под конец событий Володарь и Василько Ростиславичи заключают перемирие с польским двором и начинают оказывать поддержку союзнику Польши Ярославу Святополчичу[5]. Некоторые исследователи видят в сближении давних противников Перемышля и Польши противодействие нарастающему влиянию Мономаховичей в западнорусских землях[6].

Во-вторых, Василько и Володарь Ростиславичи скончались в 1124 г. и не могли принять участие в данной кампании, а именно эти князья фигурируют в польских хрониках. Их смерть еще больше ослабила позиции Ростиславичей, что подтверждается началом конфликта между их сыновьями Владимиром и Ростиславом Володаревичами за передел княжеств (Ростислава поддержали Васильковичи)[7]. Уже тогда Владимир Володаревич имел хорошие связи с венграми и смог заручиться их поддержкой в вышеупомянутом конфликте. После смерти брата Владимир занимает Перемышль.

---

[3] См.: *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 152.

[4] См.: *Головко А.Б.* Древняя Русь и Польша в политический взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988. С. 68–69.

[5] ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. С. 287–288.

[6] См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 151–152.

[7] ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928. С. 202.

В-третьих, город Вислица располагается на большом расстоянии от русского пограничья, около Кракова. Для того чтобы захватить этот город надо было иметь достаточные силы. Даже при более благоприятных условиях древнерусские князя не уходили дальше Червенских городов. В этой связи стоит отметить участие венгров и обозначить их роль как важную в успешности данной акции.

В-четвертых, польский хронист связывает контекст события с 1120-ми гг., так как проводит связь с предшествующими событиями, а если быть точнее с конфликтом Ростиславичей с польским двором[8].

В-пятых, в хронике верно указанно имя Владимирка, так как Володаря уже не было в живых[9]. Хотя А.Б. Головко полагает, что это ошибка и речь идет именно об его отце Володаре Ростиславиче[10].

В-шестых, описанные польским хронистом события перекликаются с событиями 30-х гг., а именно с упоминанием Венгрии и с польско-венгерским конфликтом 30-х гг.[11]

В-седьмых, наличие источников с точными датировками. Важными являются известия, сохранившиеся в польских хрониках XIII в.: «Рочник Краковского капитула»[12] и «Рочник краткий»[13]. Захват польского города Вислица произошел в 1135 г. и это позволяет сделать заключение, что события, описанные в польских хрониках, относятся именно к 30-м гг. XII в.[14]

Вышеуказанные доводы приводят к тому, что последующие события русско-польских отношений проистекали в 30-е гг. XII в. Это ставит под сомнение известия в хронике Вицентия Кадлубка, которые описывают события 2-й пол. 20-х гг., а достоверным можно обозначить участие русских князей в польско-венгерском конфликте начала 30-х гг. XII в.

Польский князь Болеслав III проводил активную внешнюю политику в отношении соседних стран: в 20-е гг. в западнорусских землях, а после и в Венгрии, где разгорелось противостояние за венгерский престол между Борисом Коломановичем, которым был лоялен к полякам и заручился их поддержкой, и королем Белой II Слепым. В 30-е гг. XII в. возник конфликт между Польшей и блоком стран, состоящий из Венгрии, Австрии и Чехии,

---

[8] Хроника магистра Винцентия Кадлубка // *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990. С. 102–103.

[9] Там же.

[10] См.: *Головко А.Б.* Указ. соч. С. 68–69.

[11] См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 152.

[12] Рочник Краковского капитула // *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. С. 148–152.

[13] Рочник краткий // Там же. С. 156.

[14] Рочник Краковского капитула. С. 148–152.

причиной которого послужили внутриполитические процессы в Венгрии, и попытка польского двора усилить свое влияние в Венгрии[15].

Согласно венгерской хронике, в 1132 г. при битве у реки Шайо поляки потерпели поражение и вынуждены были отступить. Интересным является тот факт, что на стороне польского князя Болеслава III действовал некий русский отряд[16]. По мнению А.В. Назаренко, это могли быть киевские полки Мстислава и Ярополка Владимировичей или подмога волынского князя Андрея Владимировича[17]. Данные русские отряды, скорее всего, пребывали и принимали участие в вышеупомянутых событиях на польской стороне вплоть до заключения мирного соглашения 1135 г. между основными участниками конфликта[18].

Помимо киевских или волынских сил, в 1135 г. в конфликт вступает князь Владимир Володаревич, но на стороне Венгрии. Ключевым событием является осада и сожжение русскими войсками польского города Вислица при участии венгров[19]. В источниках сохранилась точная дата — 9 февраля 1135 г.[20] Более подробный рассказ находится в хронике Вицентия Кадлбука. Город был захвачен и разграблен войском Владимира Володаревича благодаря подкупу некого венгра-перебежчика, который поступил на службу Болеславу III и занимал важную должность в Вислице[21].

Таким образом, конфликт Ростиславичей с польским двором во 2-й пол. 20-х гг. XII в., описанный в хронике Вицентия Кадлубка, является недостоверным, а достоверным можно обозначить участие русских отрядов в польско-венгерском конфликте 30-х гг. XII в. Данные события произошли в 30-е, а не в 20-е гг. XII в., как полагают некоторые исследователи. В подтверждение вышеуказанных фактов можно привести комплекс венгерских и польских источников, более того последние содержат точную датировку. Русские полки участвовали в конфликте, как на стороне Польши, так и на стороне Венгрии. Основным итогом действий русских отрядов стал захват и разграбление польского города Вислица при участии венгров. На итоговый результат польско-венгерского конфликта русская сторона оказала несущественное влияние и не играла ключевую роль.

---

[15] См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 152.

[16] Венгерский хроникальный свод (XIV в.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники: хрестоматия. М., 2010. С. 367–369.

[17] Там же. С. 368.

[18] См.: *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 152.

[19] Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 102–103.

[20] Рочник Краковского капитула. С. 148.

[21] Хроника магистра Винцентия Кадлубка. С. 102–103.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Венгерский хроникальный свод (XIV в.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники: хрестоматия. М., 2010.

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская летопись. Л., 1926–1928.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.

Рочник Краковского капитула // *Щавелева Н.И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.

Рочник краткий // *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.

Хроника магистра Винцентия Кадлубка // *Щавелева Н. И.* Польские латиноязычные средневековые источники. М., 1990.

Головко А.Б. Древняя Русь и Польша в политический взаимоотношениях X — первой трети XIII вв. Киев, 1988.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

R.A. Likhachev
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

PARTICIPATION OF RUSSIAN PRINCES IN THE POLISH-HUNGARIAN CONFLICT IN THE FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

The participation of Russian princes in the Polish-Hungarian conflict testifies to the involvement of Russia in the political processes of Central-Eastern Europe. The main moments of the participation of the Russian princes in the conflict are the capture of the Polish city of Wislitz by the Russian-Hungarian troops and the participation of the Russians in the battles with the Hungarians on the side of the Polish prince Boleslav III. The main problem is to determine the reliability of the events described in Polish sources after 1124 and to which decade they relate.

Keywords: Russian-Polish relations, Hungary, Ancient Poland, Kievan Rus, medieval foreign policy, Eastern Europe.

Е.А. Майчак
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

МОНАШЕСКАЯ ОБЩИНА В КИЕВЕ В 1050–1100-х гг.

В статье рассматривается повседневность древнерусских монахов во 2-й пол. XI в. на примере Киево-Печерского монастыря. Описываются основные занятия монахов, дается попытка ответить на вопрос, к какому типу можно отнести устройство Киево-Печерского монастыря на начальном этапе его истории.

Ключевые слова: монастырь, общежительство, Киево-Печерский монастырь, Феодосий Печерский, монахи.

Монашеская жизнь в Древней Руси обратила на себя внимание историков в XIX в. В 1840-е гг. В.Н. Ундольским был найден Успенский сборник, в составе которого находится «Житие Феодосия Печерского» (*Далее* — ЖФП), повествующее о начальной истории Киево-Печерской обители. В качестве основного источника данной работы будет выступать как раз ЖФП — по времени создания наиболее приближенное к рассматриваемому периоду произведение.

Обширный обзор монашества на Руси дает Е.Е. Голубинский в «Истории Русской церкви». В этом сочинении он подробно останавливается на истории Киево-Печерского монастыря. В 1913 г. выходит труд[1] М.Д. Приселкова, в котором целая глава посвящена начальной истории Киево-Печерского монастыря.

Непосредственно быту и начальной социальной истории Киево-Печерского монастыря посвящены работы историков, опубликованные уже в XXI в. В 2003 г. вышла работа А.Ю. Артамонова «Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения», в которой автор подробно анализирует отношения игумена и князей[2].

---

[1] *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 2003.

[2] *Артамонов А.Ю.* Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшиие государства Восточной Европы: 2000 год: Проблемы источниковедения. М., 2003. С. 230–235.

В 2005 г. были опубликованы очерки Я.Н. Щапова[3] и М.И. Бълховой[4], освещающие разные аспекты жизни Киево-Печерского монастыря. Я.Н. Щапов концентрируется на быте и занятиях монахов, а М.И. Бълхова касается вопроса устройства монастыря.

А. Поппэ в 2011 г. опубликовал работу «Студиты на Руси. Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря»[5]. В данной работе дается альтернативный взгляд на историю Киево-Печерского монастыря: согласно Поппэ, он появился «в результате действий студитов (выходцев из византийский монастырей, следующих уставу Феодора Студиты. — *Е.М.*) из русинов»[6]. Параллельно раскрытию этой гипотезы, А. Поппэ затрагивает темы отношения игумена и князей и происхождения монахов.

Темы начальной истории Киево-Печерского монастыря касается П.С. Стефанович в статье «Боярство и церковь домонгольской Руси». В ней он приводит доказательства высокого происхождения нескольких монахов монастыря[7].

Основная тенденция исследований, затрагивающих историю Киево-Печерского монастыря — масштабность, поэтому на данный момент в русскоязычной историографии не хватает исследований, ориентированных на повседневность Киево-Печерского монастыря в XI в. Из перечисленных мною работ ближе всего к этой теме очерк Я.Н. Щапова. Тем не менее, его работа охватывает куда больший промежуток времени (XI–XIII вв.), а также оставляет открытым вопрос о том, какая форма монашеской жизни была присуща Киево-Печерскому монастырю — этот вопрос в русской историографии попрежнему остается дискуссионным. Соответственно, в данной работе будет предприняты попытки заполнить пробелы в теме повседневной жизни монашеской общины Киево-Печерского монастыря в XI в.

Освещая тему внутреннего устройства Киево-Печерского монастыря, хотелось бы выделить две подтемы: занятия монахов и вопрос общежительства. Плетение «копытьцев» и клобуков — это первое занятие монахов, не связанное с богослужениями, которое описывается в ЖФП. Я.Н. Щапов считает, что под «копытцами» и «клобуками» подразумеваются носки

---

[3] *Щапов Я.Н.* Монашество на Руси в XI–XIII веках // Монашество и монастыри в России: XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 13–24.

[4] *Бълхова М.И.* Монастыри на Руси XI – середины XIV века // Монашество и монастыри в России: XI–XX века: Исторические очерки. М., 2005. С. 25–56.

[5] *Поппэ А.* Студиты на Руси: истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011.

[6] Там же. С. 90.

[7] *Стефанович П.С.* Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 45–46.

и шапки[8]. Пряжа для этих предметов одежды тоже изготавливалась монахами: «...сядяше, прядый вълну на съплетение копытьцемъ...»[9].

Кроме того, монахи трудились в огороде и выращивали овощи: «Другоици же въ оградѣ копахуть зелиинааго ради растения...»[10]. Также они мололи зерно и пекли хлеб: «И братии же на опочители суще, блаженый же възьмъ раздѣленое жито и когождо часть измълъ и поставляше на своемь мѣстѣ»[11]. При Феодосии в монастыре появляется отдельная пекарня и монахи-пекари: «Се бо пакы бысть пакость творящемъ бѣсомъ въ храмѣ, идеже хлѣбы братия творяху...»[12]. Монахи регулярно заготавливали дрова и носили воду: «Отьць же нашь Феодосий... бяше бо и тѣлъмь благъ и крѣпъкъ и съ поспѣшьствъмь всѣмъ служаше, и воду нося и дръва из лѣса на своею плещю...»[13]. В рубке дров участвовали все монахи, у каждого был собственный топор: «И възятъ къждо сѣчиво свое, таже тако приготоваша дръва, якоже тѣмъ довольномъ имъ быти на многы дьни»[14]. За тем, чтобы монахи исполняли свои хозяйственные обязанности, следил келарь, но часто он сталкивался с проблемой отсутствия свободных людей, готовых работать: «Тъ же, шедъ, повѣда блаженууму отьцю нашему Феодосию, яко нѣсть къто воды нося»[15]. Другой фрагмент, в котором келарь приходит к Феодосию с тем, чтобы он нашел монахов, готовых заниматься хозяйственными делами: «...шедъ же келарь Феодоръ къ блаженууму Феодосию глаголя, яко да повелиши единому от братия, сущюуму праздьну, да, въшедъ, приготовить дръва, еже на потребу»[16]. Отлынивание монахов от выполнения хозяйственных дел подразумевает обход ими соблюдения основного принципа общежительства — совместного труда.

Отдыхали монахи днем, так как ночью они молились и служили службы в церкви: «Отьць же нашь Феодосий бѣаше сице запретилъ вратарю, да по отъѣдении обѣда не отврьзаеть вратъ никомуже... яко да полудьнию сущю почиють братия нощьныихъ ради молитвъ и утрьняго пѣния»[17]. Из этого же фрагмента можно выяснить, что существовала должность «вратаря» — привратника.

---

[8] *Щапов Я.Н.* Указ. соч. С. 17.

[9] Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 376.

[10] Там же.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 382.

[13] Там же. С. 376.

[14] Там же. С. 390.

[15] Там же.

[16] Там же.

[17] Там же. С. 384.

В Киево-Печерском монастыре создавали книги. Книгописцем был Никон: «Мъногашьды же пакы великууму Никону сѣдящю и дѣлающю книгы...»[18]. Еще один книгописец монастыря — Иларион: «И се пакы тъ же чьрньць Иларионъ съповѣда ми. Бяше бо и книгамъ хытръ псати...»[19]. Книги в монастыре не только переписывали, но также переплетали — в ЖФП упоминается, как Феодосий плел нитки для переплета книг: «...и блаженууму въскраи того сѣдящю и прядущю нити еже на потребу таковууму дѣлу»[20].

До сих пор является предметом дискуссий вопрос о типе Киево-Печерского монастыря. Я.Н. Щапов считает, что в монастыре сочетались две традиции, существовавшие параллельно, — отшельническая и общежительная[21]. Действительно, поначалу монастырь Антония (создателя монастыря) был отшельническим. Во-первых, Антоний вернулся с Афона, где была сильна именно традиция отшельничества; во-вторых, он обосновался вдали от других монастырей, что является желательным условием для отшельничества[22]. Но уже во время игуменства Антония монастырь начал проявлять черты общежительного. Одна из таких черт — прием в монастырь человека независимо от его благосостояния[23], и Феодосий был принят в монастырь Антонием, не внеся вклада. После сложения с себя обязанностей игумена Антоний решил продолжить жить в комфортном для него отшельническом режиме в другой пещере, но, как видно из последующих событий, он активно участвовал в политической жизни Киева, что противоречит принципам отшельничества.

Во время игуменства Варлаама общежительных черт в устройстве монастыря стало больше: начало совместного труженичества монахов, о котором я писала ранее, пришлось именно на этот период. Феодосий Печерский считается основателем общежительства в Древней Руси, так как он принимает Студитский устав, о чем рассказывается и в ЖФП, и в «Сказании» (рассказы об этом событии различаются). В ЖФП Феодосий посылает в Константинополь одного монаха с тем, чтобы через него получить от Ефрема текст устава: «По сихъ же посла единого отъ братия въ Костянтинь градъ къ Ефрему скопьцю, да вьсь уставъ Студийскааго манастыря, испьсавъ, присълеть ему»[24]. Откуда сам Феодосий узнал про этот устав, не раскрывается. В «Сказании» рассказывается, что Феодосий стал искать монашеский устав и встретил приехавшего

[18] Там же. С. 390.

[19] Там же. С. 394.

[20] Там же. С. 390.

[21] *Щапов Я.Н.* Указ. соч. С. 16.

[22] *Бълхова М.И.* Указ. соч. С. 33.

[23] *Синицына Н.В.* Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. Специальный том. М., 2000. С. 305–324.

[24] Житие Феодосия Печерского. С. 378.

из Византии монаха Студитского монастыря Михаила, от которого и узнал Студитский устав. Впоследствии, Феодосий переписал его тоже с помощью Михаила. Про помощь Ефрема в «Сказании» не упоминается.

Несмотря на то, что устав контролировал почти все сферы жизни, необходимость игумена часто проверять кельи братии наталкивает на мысль о том, что монахи были склонны нарушать устав, держали неразрешенные вещи в кельях.

Таким образом, форма монашеской жизни в Киево-Печерском монастыре представляла собой синтез отшельничества и общежительства. Об этом позволяет говорить то, что черты общежительства ярко проявились уже в период игуменства Варлаама, несмотря на то, что Антоний мыслил свой монастырь скорее отшельническим. Также, несмотря на то, что во время игуменства Феодосия был принят Студитский устав, который подразумевал общежительство, монахи, нарушали его принципы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997.

Артамонов Ю.А. Житие Феодосия Печерского: проблемы источниковедения // Древнейшиие государства Восточной Европы: 2000 год: Проблемы источниковедения. М., 2003.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901.

Монашество и монастыри в России. XI–XX века: Исторические очерки. М., 2002.

Поппэ А. Студиты на Руси: Истоки и начальная история Киево-Печерского монастыря. Киев, 2011.

Православная энциклопедия. Специальный том. М., 2000.

Стефанович П.С. Боярство и церковь в домонгольской Руси // Вопросы истории. 2002. № 7.

E.A. Maichak
Moscow (Russia)
Higher School of Economics

THE MONASTIC COMMUNITY IN KYIV IN THE 1050s — 1100s

The article examines the everyday life of ancient Russian monks in the second half of the 11th century using the example of the Kyiv Monastery of the Caves. The main occupations of the monks are described, an attempt is made to answer the question of what type can be attributed to the structure of the Kiev-Pechersk Monastery at the stage of its initial history.

Keywords: monastery, cenobitic monasticism, Kyiv Monastery of the Caves, Theodosius of the Caves, monks.

Е.С. Иванов
г. Минск (Беларусь)
Белорусский гос. ун-т

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ХРИСТИАНИЗАЦИИ В СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ

В статье рассматриваются особенности процесса христианизации в трех странах Скандинавии: Дании, Норвегии, Швеции. Выделяются общие и отличные черты в процессе евангелизации стран Северной Европы.

Ключевые слова: христианство, Скандинавия, христианизация, эпоха викингов, язычество.

Процесс христианизации Скандинавии, который начался с нач. VIII в. в виде неудачной проповеднической миссии Виллиборда, и продолжившийся в IX в., был завершен к сер. XII в. Датировка этого процесса мотивирована тем, что к 1164 г. все скандинавские королевства получают свои архиепископские кафедры (в Дании архиепископство было заложено в 1104 г., в Норвегии в 1154 г., в Швеции в 1164 г.). Стоит отметить Уппсальское архиепископство, основанное на территории Швеции, в задачи которого входила проповедническая миссия среди финских племен. Таким образом, в сер. XII в. скандинавы сами переходят к проповеднической деятельности.

Первые организованные христианские миссии в Данию, за исключением миссии Виллиборда, которая не имела ни успеха, ни своего продолжения, были предприняты в 20-х гг. IX в. архиепископом Реймса Эббоном и будущим архиепископом Гамбурга Ангсгарием. Деятельность этих двух проповедников, а также политическая борьба между представителями датской знати привели к тому, что в 826 г. один из ютландских конунгов Харальд Клак принимает христианство, дабы заручиться поддержкой франков в своей борьбе. В скором времени Харальд Клак, потерпев поражение покидает страну, однако благодаря дипломатичности Ансгария, который договаривается с последующими датскими правителями, проповедь христианства в Дании продолжается. После смерти Ансгария в 865 г. активная проповедническая деятельность в Дании приостанавливается. Это можно связать с общим упадком, связанным с распадом империи Каролингов, а также с усилением

экспансии викингов-язычников. Об укреплении положения христианства в Дании можно говорить только в связи с укреплением Германского королевства. В ходе похода короля Германии Генриха Птицелова в Данию в 934 г. на юге Ютландии была создана Датская марка, которая была передана под духовную опеку Гамбург-Бременскому архиепископству, а в 960-х гг. в ходе военного похода Оттона I христианство принял датский конунг Харальд Синезубый. Навязывая христианство населению, он вызвал недовольство, что привело к восстанию с последующим изгнанием и смертью этого конунга. Главной причиной этого бунта была установка памятного камня, по ходу которой конунг использовал принудительный труд. Кроме того, Харальд разрушает языческое капище в Еллинге и на его месте строит церковь[1]. После Харальда Синезубого все датские конунги были христианами. При этом уже при сыне Харальда Свейне Вилобородом наблюдаются попытки датских конунгов сделать церковь в Дании более независимой от Гамбург-Бременского архиепископства. Во многом это делалось за счет привлечения в страну англосаксонских миссионеров. Особенно заметно это становится во время правления Кнуда Великого (1016–1035 гг.), который был главой государства, в которое входили Англия, Дания и Норвегия. Политика датских королей вызывала недовольство Гамбургского архиепископата и те, в свою очередь, требовали от них и от приглашенных священников признания верховенства Гамбург-Бремена. В связи с развернувшейся борьбой за инвеституру между Папой Римским и Германским императором, устанавливаются прочные связи между Латераном и датскими королями. Итогом этих связей является основание архиепископства в датском городе Лунде в 1103–1104 гг.

В Норвегию христианство проникает во времена конунга Хакона Доброго (935–961 гг.), сына Харальда Прекрасноволосого. Воспитанный при дворе короля Уэссекса Этельстана, Хакон по вероисповеданию был христианином. При нем в Норвегии был основан ряд церквей, однако активной проповеднической деятельности Хакон не проводил в своем королевстве, однако сам оставался ревностным христианином. После его гибели в 961 г. власть в Норвегии вернулась к язычникам. В 995 г. конунгом Норвегии стал Олаф Трюггвасон. Олаф долгое время был викингом, грабившим побережье Англии и Ирландии. В 986 г. Олаф был крещен ирландским монахом Бернардом. За недолгий срок своего правления (995–1000 гг.) Олаф достиг больших успехов в христианизации Норвегии, действовал он, однако, весьма радикально. Прибывая в определенную область Норвегии, конунг ставил перед местным тингом вопрос о принятии христианства, в случае отказа

[1] Роскилльская хроника // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 328.

от крещения Олаф применял военную силу. Так, например, была крещена область Тренделаг. Олаф отказался приносить жертвы богам, разрушил святилище Тора, расправился с ярыми сторонниками язычества, а также основал в Тронхейме церковь в честь Св. Климента[2]. Конунг Олаф Харальдсон (1015–1028 гг.), который позже будет канонизирован, также придерживался курса на христианизацию жестокими методами. После гибели Олафа в битве при Стикластадире в 1030 г. Норвегия попала в зависимость от Дании. В период зависимости от Дании (1030–1035 гг.) в Норвегии начинает формироваться культ погибшего конунга. Магнус, сын конунга Олафа, пользуется культом своего отца для укрепления собственного авторитета и легитимности. Олаф Святой стал первым скандинавским конунгом-святым. О его канонизации было объявлено епископами Гримкелем и Эйнаром еще в 1031 г.[3] В дальнейшем и в других скандинавских странах появятся свои святые короли-покровители: для Дании этим королем является Кнуд IV, для Швеции — Эрик IX.

Церковь в Норвегии, как и в Дании, также находилась в подчинении у Гамбург-Бременского архиепископства, однако степень этого подчинения была гораздо меньше, нежели в Дании. Это объясняется тем, что основные усилия по христианизации Норвегии предпринимали англосаксонские священники, а также географической отдаленностью Норвегии от центра архиепископата, таким образом церковь долгое время находилась под контролем скандинавских конунгов. Архиепископ Гамбург-Бремена Адальберт (1043–1072 гг.) потребовал от норвежского конунга Харальда III Хардрады запретить проповедь священников, не рукоположенных или не признавших верховенство Гамбург-Бременского архиепископа в регионе. Харальд оставил эти требования архиепископа без внимания, и даже требование Папы Римского подчиниться архиепископу Адальберту не произвели на Харальда должного эффекта. С 1067 по 1095 гг. конунгом Норвегии был Олаф III Тихий. При нем в стране началось активное строительство церквей и соборов (в городах Тронхейм, Берген), а также был закреплен раздел страны на епископства. Вопрос о создании в Норвегии собственного архиепископства возник вскоре после заложения архиепископской кафедры в датском Лунде. Во время своего военного похода в Палестину в 1107–1110 гг. конунг Сигурд на встрече с иерусалимским королем Балдуином I дал обет заложить в Норвегии архиепископство[4]. Свой обет конунг не сдержал, тем не менее, участие в крестовом походе

---

[2] *Willson B.* History of the Church and State in Norway from the tenth to the sixteenth century. L., 1903. P 49.

[3] Ibid. P. 93.

[4] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. С. 486.

представляло Норвегию в качестве полноценной христианской страны, достойной иметь свою архиепископскую кафедру. В 1151 г. тронхеймский епископ Рейдар получил от Папы Иннокентия II архиепископский палий, однако епископ умирает по пути в Норвегию, не успев вступить в должность. В 1153 г. Папа отправляет в Норвегию своего легата Николаса Брейкспира, который в следующем году закладывает архиепископскую кафедру в Тронхейме. Примечательным является то, что Норвегия в этот период находится в состоянии гражданской войны, участники которой будут предпринимать попытки заручиться поддержкой архиепископа, что приведет к росту авторитета последнего.

Швеция является страной, в которой процессы христианизации заняли наиболее долгий промежуток времени. Первым христианским миссионером был уже упоминаемый выше Ансгарий, который в 830-х гг. посетил Бирку. При своей жизни Ансгарию удалось основать там епископскую кафедру, которая существовала при поддержке местных конунгов. В результате народных волнений, а также из-за ослабления миссионерской деятельности со стороны Гамбург-Бременского архиепископства, о причинах которой упоминалось выше, эта кафедра прекращает свое существование. Первым конунгом-христианином в Швеции стал Олаф Шетконунг (995–1022 гг.). Он принял крещение около 1008 г. от английского священника Сигфрида, и вместе с тем крестил всю южную область Швеции — Геталанд. Северная область страны — Свеаланд была оплотом язычества. Религиозный дуализм Швеции вынуждал ее правителей, большинство из которых были христианами, идти на компромиссы с язычниками. Так, например, попытка Олафа Шетконунга разрушить языческое святилище в Уппсале встретило сопротивление местного населения, в результате чего конунг отказался от своих намерений. На сильные позиции язычников в стране указывает также гонения, которые претерпели христиане во время войны между Эриком Язычником и Эриком Стенкильссоном. Этот конфликт представляет собой борьбу за шведский престол между претендентом из христианского Геталанда и языческого Свеаланда, что придает этой войне и религиозный характер. Попытки жесткой христианизации, которую проводил конунг Инге, привела к восстанию в Свеаланде под руководством Блот-Свена, который считается последним в Швеции конунгом-язычником. Несмотря, однако, на активное сопротивление язычества, христианство постепенно распространяется в Швеции. В 1138 г. был разобран языческий храм в Упссале, материалы которого пошли на возведение церкви. В 1152–1154 гг. Швецию посещает Николас Брейкспир, с целью основания в ней архиепископства, однако видя, что свеоны и геты не могут договориться между собой о том, кто будет архи-

епископом, он решает отложить этот вопрос на время. В 1164 г. Николас, ставший уже Папой Римским Адрианом IV, все-таки основал в Уппсале епископство.

Таким образом, можно выделить следующие общие черты христианизации скандинавских стран:

1. На первоначальном этапе христианизации скандинавские конунги не препятствовали деятельности проповедников, а иногда даже и поддерживали их, сами, при этом, христианства не принимая.

2. Все страны Скандинавии находились в конфессиональном подчинении Гамбург-Бременскому архиепископству, при этом в регионе наиболее активно действовали англосаксонские миссионеры, которые не всегда признавали власть саксонского архиепископа.

3. В Дании, Норвегии и Швеции был хотя бы единожды применен вариант насаждения христианства особо жестокими методами.

4. По всей Скандинавии наблюдается практика постройки христианских храмов на месте языческих святилищ.

В то же время можно выделить и ряд отдельных черт, характерных для становления христианства в каждой отдельно взятой стране; так, для Дании характерно:

1. Относительно спокойное течение процесса христианизации. Это обусловлено тем, что попытка христианизации страны, силой предпринятая Харальдом Синезубым, потерпела поражение, кроме того, близость Дании к Германскому королевству, данником которого оно себя признавало, требовало хотя бы формального следования христианству.

2. Сильное влияние Гамбург-Бременского архиепископства, обусловленное, географической близостью Дании к архиепископии и к Германскому королевству.

3. Датские конунги раньше всех остальных скандинавских правителей проявили интерес к созданию собственного архиепископства.

Для Норвегии характерны следующие отличительные черты:

1. Христианизация страны проходила в основном насильственными методами.

2. В Норвегии впервые в Скандинавии сформировался свой локальный культ короля-святого — культ Св. Олафа.

3. Создание архиепископской кафедры в Норвегии проходило в условиях ослабления светской власти.

Для процесса христианизации Швеции характерны следующие черты:

1. В Швеции христианизация заняла наибольший промежуток времени.

2. Наличие сильной языческой оппозиции в области Свеаланд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Роскилльская хроника // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.

Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980.

Willson B. History of the Church and State in Norway from the tenth to the sixteenth century. L., 1903.

E.S. Ivanov
Minsk (Belarus)
Belarusian State University

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CHRISTIANIZATION PROCESS IN SCANDINAVIAN COUNTRIES

The article examines the features of the Christianization process in three Scandinavian countries: Denmark, Norway, Sweden. Highlighted common and distinct features in the process of evangelization of the Nordic countries.

Keywords: Christianity, Scandinavia, Christianization, Viking Age, paganism.

Р.С. Киселев
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

К ВОПРОСУ О ДВОЕВЕРИИ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ XI–XIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛЕТОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ПАМЯТНИКОВ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА)

В статье рассматривается феномен двоеверия в Новгородской земле по материалам летописных источников и памятников канонического права. Автор статьи предпринимает попытку доказать, что даже спустя столетие после приятия христианства дохристианские архаические традиции никуда не исчезли из повседневной жизни новгородцев, а лишь органично вписались в общую канву христианской религиозной доктрины, став ее неотъемлемой частью.

Ключевые слова: Новгородская земля, христианство, язычество, двоеверие, синкретизм, архаические традиции, повседневная жизнь.

Одним из проявлений архаических традиций в духовной жизни Древней Руси XI–XIII вв. было т.н. двоеверие, система воззрений, в которой сочетались разные пласты двух культур: народной, уходящей своими корнями в язычество, и утверждавшейся церковно-христианской. Понимая, что в рамках данной статьи невозможно объять необъятное, вкратце остановимся на основных этапах изучения этого вопроса.

Начало изучения феномена новгородского двоеверия было положено еще в XVIII в. Так, М.В. Ломоносов, называл крещение в 1037 г. останков дядьев Ярослава Мудрого — Ярополка и Олега, суеверием, потому что «после смерти не может быть не только крещения, но и покаяния»[1]. Того же мнения придерживается и М.М. Щербатов в своей работе, считая причиной события малое просвещение «в законе Христианском»[2].

Большинство историков XIX в. (Н.М. Карамзин, М.П. Погодин,

---

[1] *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого. СПб., 1766. С. 138.

[2] *Щербатов М.М.* История российская с древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. С. 319.

Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев, А.П. Щапов, М.М. Забылин, С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский) отмечают, что с принятием новой веры архаические пережитки, обряды и суеверия, в том или ином виде, сохранялись в течение целых десятилетий, а то и столетий[3].

В XX в. дальнейшая специализация отечественной исторической науки привела к росту интереса историков к средневековому Новгороду, в том числе и проявлениям религиозного синкретизма в его жизни. Так, о двоеверии в Новгородской земле пишет авторитетнейший советский историк 30–40-хх гг. Б.Д. Греков[4]. Я.Н. Щапов, исследовавший такой важный источник по истории церкви, как княжеские уставы XI–XIV вв., обращал внимание на «особенности становления церковной организации в Новгороде и довольно позднее распространение христианства, сочетавшееся с язычеством соседних неславянских народов и длительным сохранением древних и нецерковных культов»[5].

О.Н. Рапов, не отрицая наличие двоеверия в новгородском обществе в эпоху раннего феодализма, обращает внимание, что «двоеверие проявлялось в Новгородской земле… не только в XI–XII вв., но и в XIX, и даже в XX веке»[6]. С.Э. Цветков упоминает о средневековых новгородских преданиях, где один из главных богов славянского языческого пантеона Волос представлен в виде ящера-«каркадила», прячущегося под мостом или камнем от грозной молнии Перуна[7].

Отметим, что новгородское двоеверие вызывало интерес не только у отечественных историков. Американская исследовательница И. Левин, изучив комплекс новгородских берестяных грамот XI–XIV вв., приходит к выводу, что если в них и проявляется религиозность, то это все же христианство,

---

[3] *Карамзин Н.М.* Полная история государства Российского в одном томе. М., 2016. С. 113; *Погодин М.П.* Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871. С. 82; *Иловайский Д.И.* Становление Руси. М., 2003. С. 190; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1959. С. 262; *Щапов А.П.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1906. С. 42; *Забылин М.М.* Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990. С. 200–201; *Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. Ч. 1. М., 1994. С. 87; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. М., 2005. С. 165.

[4] *Греков Б.Д.* Культура Киевской Руси. М.; Л., 1944. С. 36.

[5] *Щапов Я.Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 46.

[6] *Рапов О.Н.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1998. С. 258.

[7] *Цветков С.Э.* Русская земля. Между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава. М., 2012. С. 384.

а не язычество. Одно или два упоминания русалий в качестве дат земледельческого календаря, — вот и все, в чем можно видеть хоть какой-то намек на сохранение язычества[8].

***

Важнейшим письменным источником, в котором мы можем найти свидетельства параллельного бытования христианской и языческой религиозных традиций, является новгородское летописание. Для начала вспомним, что именно Новгород в противовес Киеву отличился тем, что здесь процесс христианизации принял насильственный характер. Уже в описании событий, данных В.Н. Татищевым по Иоакимовской летописи, упоминается о том, что не желавшие принимать новую религию новгородцы «церковь Преображения господня разметаша и домы христиан грабляху»[9]. Оставим в стороне вопрос о достоверности сведений, содержащихся в вышеназванном источнике, это тема для отдельного научного исследования. Но факт остается фактом, к моменту крещения в 990 г. в Новгороде уже была христианская община. Б.А. Рыбаков, подчеркивая доминирующее положение язычества, пишет, что «в момент введения христианства волхвы возглавили народ и в открытую вели бои с правительственными войсками»[10]. По нашему мнению, именно в кон. X в. и следует искать истоки новгородского двоеверия.

Далее обратим внимание еще на два важных эпизода из новгородского летописания. Во-первых, это избиение в 1015 г. новгородцами варягов в отместку за чинимые ими насилия, когда «Ркоша новгородци: “сего мы насилья не можемъ смотрити”; и собрашася в нощъ, исѣкоша Варягы в Поромонѣ дворѣ»[11]. Во-вторых, это уже ответные действия Ярослава, вероломно отомстившего зачинщикам антиваряжского выступления, «обольстивъ ихъ, исѣче, иже бяху Варягы ти исѣклѣ»[12]. По мнению А.А. Горского, эти эпизоды достаточно четко дают нам понять, что «даже после принятия христианства в нач. XI ст. в области морально-нравственных норм даже верхушка общества (в нашем примере это князь Ярослав) продолжала руководствоваться дохристианскими нормами поведения и морали»[13].

---

[8] *Левин И.* Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004. С. 57.

[9] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. 1. История Российская. Ч. 1. М., 1994. С. 112.

[10] *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 300.

[11] ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 174.

[12] Там же.

[13] *Горский А.А.* Русь от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 124.

Важнейший эпизод, связанный с двоеверием, произошедший в Новгороде описан в Повести временных лет под 1071 (6579) г. На наш взгляд именно он стал в некотором роде маркером религиозной ситуации во втором по значению городе Древней Руси. Читаем в летописи: «Сице бѣ волхвъ въсталъ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ… глаголашеть бо, яко провѣде вся, и хуляшеть вѣру крестияньску, и тако глаголаше, яко “преиду по Волхову пред всѣми людьми”»[14]. Новгородцы, «прельстившиеся» речами волхва, поддержали его и даже хотели убить епископа Федора. Но тот оказался не робкого десятка, а вышел в полном облачении к толпе со словами: «аще хощете вѣру няти волхву, тои за него да идет; аще ли вѣрует къ кресту, да идетъ к нему»[15].

Показательно то, что «людие вси» встали на сторону волхва. Это ли не свидетельство того, что христианская вера была еще слишком слаба, и большинство жителей Новгорода, формально будучи крещеными, на самом деле придерживались прежних, т.е. языческих верований? И даже поступок князя Глеба, принявшего сторону епископа (и в его лице всей христианской церкви) явственно показывает стойкость архаических убеждений. Прилюдно (да еще и с помощью обмана) убив волхва-смутьяна, князь решил проблему с позиции силы, что вполне соответствует архаическим традициям, а не с позиции убеждения, как поступил бы истинный христианин. Об этом событии упоминали в своих трудах В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Н.П. Карамзин, М.П. Погодин, Н.М. Гальковский[16], а также историки церкви Е.Е. Голубинский и А.В. Карташев[17].

В советской историографии существовали разные точки зрения касательно новгородского «восстания волхвов» 1071 г., в целом же оно считалось замыкающим звеном цепи выступлений городского населения Древней Руси в XI в., о чем писали М.Н. Тихомиров, В.Л. Янин и А.С. Хорошев[18].

Новые трактовки новгородского «восстания» 1071 г. появились в историографии, начиная с 80-х гг. XX в. К ним можно отнести, например, точки

---

[14] ПСРЛ. Т. 3. С. 196.

[15] Там же.

[16] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. 2. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 87; *Щербатов М.М.* История российская с древнейших времен. Т. 2. СПб., 1771. С. 19; *Карамзин Н.М.* Полная история… С. 167; *Погодин М.П.* Древняя русская… Т. 1. С. 304; *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 132.

[17] *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 213; *Карташев А.В.* История русской церкви. М., 1993. С. 152.

[18] *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975. С. 128; *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 42; *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 20.

зрения Б.А. Рыбакова, И.Я. Фроянова, Н.С. Гордиенко, А.Ю. Дворниченко[19], которые отмечают сохранение языческих обычаев в Новгороде вплоть до XIII в. и даже позже.

Новгородский архиепископ Илья упоминает в своем Поучении, датированным 1166 (6674) г. о епитимьи, накладываемой на тех, кто «възболѧть, или къ вълхвамъ несоуть, а не къ попови на молитвоу»[20]. А под 1227 (6735) г. в Новгородской I летописи читаем: «Того же лѣта сожьгоша волхвовъ 4, творяхут ихъ потворы дѣюще, а то богъ вѣсть; и сожгоша ихъ на Ярославлѣ дворѣ»[21]. Более подробный рассказ об этих трагических событиях есть в Никоновской летописи: «Въ лѣто 6735. Явишася вѣ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны, потворницы, и многая волхвованіа, и потворы и ложная знаменіа творяху, и много зла содѣваху, многихъ прелщающе. И собравшееся Новогородци изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископъ дворъ, и се мужи княже Ярославли въступишася о нихъ; Новогородци же ведоша волхвовъ на Ярославль дворъ, и съкладше огнь велій на дворѣ Ярославли, и связавше волхвовъ всѣхъ, и вринуша во огнь, и ту згорѣша вси»[22].

В отличие от череды выступлений волхвов XI в. новгородские события 1227 г. в отечественной историографии до XX вв. не привлекали особого внимания. Хотя впервые упоминали о них еще В.Н. Татищев и Н.М. Карамзин[23].

В советской историографии эпизоду с сожжением волхвов в Новгороде в 1227 г. придавалось во многом социально-политическое значение[24]. Однако, существовала интерпретация, рассматривавшая события 1227 г. как свидетельство того, что в Новгороде в 1-й четверти XIII в. по-прежнему были сильны дохристианские архаические верования (см. работы М.Н. Никольского, Я.Н. Щапова, Б.А. Рыбакова, И.Я. Фроянова)[25].

---

[19] *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 300; *Фроянов И.Я.* Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М., 2012. С. 118; *Гордиенко Н.С.* «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1986. С. 84; *Дворниченко А.Ю.* Древнерусское общество и церковь. Л., 1988. С. 9.

[20] Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. СПб., 1908. Стб. 60.

[21] ПСРЛ. Т. 3. С. 270.

[22] ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. С. 94.

[23] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. 3. История Российская. Ч. 2. М., 1995. С. 221; *Карамзин Н.М.* Полная история… С. 364.

[24] Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 267; Хорошев А.С. Указ. соч. С. 48.

[25] *Никольский М.Н.* История русской церкви. Минск, 1990. С. 100; *Щапов Я.Н.* Указ. соч. С. 48; *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 300; *Фроянов И.Я.* О событиях 1227–

В современной историографии также нет единого мнения по поводу характера событий 1227 г. О.Н. Рапов замечает, что «появление языческих жрецов в Новгороде спустя несколько столетий после крещения его населения свидетельствует о том, что они находили благоприятные условия для своей пропаганды… По-видимому, на периферии Новгородской земли, в глухих залесненных районах язычники чувствовали себя более свободно, там они могли открыто исповедовать старую веру, не боясь преследований со стороны княжеской администрации и новгородских епископов»[26]. А.А. Кузнецов считает, что «огненная казнь четырех волхвов в 1227 г. на "Ярославли дворе" в Новгороде вероятно, была связана с актом крещения карел. Вина волхвов заключалась в том, что "творяхуть е потворы деюще, а богъ весть"»[27].

***

Настало время подвести некоторые итоги. Во-первых, отметим, что нельзя рассматривать вопрос о двоеверии в Новгородской земле XI–XIII вв. вне общерусского контекста. Противостояние язычества и христианства здесь было лишь одним из фрагментов сложнейшего и длительного процесса, протекающего в Древней (а затем и в Удельной) Руси. Упоминания о языческих верованиях новгородцев, неоднократно встречаются как в новгородском летописании, так и в летописях, созданных в других частях земли Русской (киевское, владимирское летописание).

Во-вторых, отметим длительное бытование языческих традиций в Новгородской земле, причем не только на периферии (Заволочье, Югра), но и в самом Новгороде. На первый взгляд, это выглядит несколько странным, учитывая, что новгородцы были крещены буквально через год-два после киевлян. На наш взгляд, тому есть вполне объективные причины:

1. Географические. Это и удаленность от Киева, ставшего «рассадником» христианства, и огромные территории Новгородской земли, которые в значительной степени затрудняли проникновение христианства и способствовали «консервации» архаических обычаев, в том числе и язычества.

2. Этнические. В Новгородской земле проживало значительное количество финского населения, твердо сохранявшего обычаи своих предков. Многие народности (корела, емь, пермь и т.д.) окончательно были христианизированы лишь в XIII, а то и в XIV вв.

1230 гг. в Новгороде // Новгородский исторический сборник. 1984. Вып. 2 (12). С. 110.

[26] *Рапов О.Н.* Указ. соч. С. 257.

[27] *Кузнецов А.А.* Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. // Новгородский исторический сборник. 2015. Вып. 15. С. 76.

3. Политические. Длительное сохранение язычества на протяжении XI в. могло выступать для новгородцев одним из элементов противопоставления центральной киевской власти (как, например, налоговые льготы, данные Ярославом). В XII–XIII вв. с падением роли Киева архаические традиции вполне могли остаться в роли некоего рудимента самобытности. Хотя здесь нельзя не согласиться с мнением тех историков, кто говорит о сохранении в это время лишь обрядовой, т.е. внешней стороны язычества.

В заключении отметим, что отдельные случаи, которые можно трактовать как двоеверие, проявляются в жизни Новгорода и в более позднее время. Ю.В. Крянев и Т.П. Павлова обращаются к такому источнику, как «Послание» новгородского архиепископа Василия Калики, написанное им в 1347 г. Они считают, что, рассуждая о местонахождения материального Рая на Земле, в своем «Послании» этот высокопоставленный клирик отражал именно новгородскую, притом народную точку зрения. Представления Василия Калики о земном рае и земном же аде сложились под очевидным влиянием языческих представлений[28]. Но, поскольку эта тема очень обширна, в рамках данной статьи мы лишь наметили путь для дальнейших изысканий, сознательно указав в качестве верхней хронологической границы XIII в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI–XV в. СПб., 1908.

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 10. СПб., 1885.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т.1. Харьков, 1916.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901.

Гордиенко Н.С. «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов. Л., 1986.

Горский А.А. Русь от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953.

Греков Б.Д. Культура Киевской Руси. М.; Л., 1944.

Дворниченко А.Ю. Древнерусское общество и церковь. Л., 1988.

Забылин М.М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990.

Иловайский Д.И. Становление Руси. М., 2003.

[28] *Крянев Ю.В., Павлова Т.П.* Двоеверие на Руси // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 314.

Карамзин Н.М. Полная история государства Российского в одном томе. М., 2016.

Карташев А.В. История русской церкви. М., 1993.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. М., 2005.

Крянев Ю.В, Павлова Т.П. Двоеверие на Руси // Как была крещена Русь. М., 1989.

Кузнецов А.А. Новгородская политика владимирских князей в 1220-е гг. // Новгородский исторический сборник. 2015. Вып. 15.

Левин И. Двоеверие и народная религия в истории России. М., 2004.

Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого. СПб., 1766.

Никольский М.Н. История русской церкви. Минск, 1990.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории: в 2-х ч. Ч.1. М., 1994.

Погодин М.П. Древняя русская история до монгольского ига. Т. 1. М., 1871.

Рапов О.Н. Русская церковь в IX — первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1998.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1959.

Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Т.1. История Российская. Ч. 1. М., 1994.

Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Т. 2. История Российская. Ч. 2. М., 1995.

Татищев В.Н. Собрание сочинений: в 8-ми т. Т. 3. История Российская. Ч. 2. М., 1995.

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII веков. Народные движения. Княжеская и вечевая власть: учебное пособие. М., 2012.

Фроянов И.Я. О событиях 1227–1230 гг. в Новгороде // Новгородский исторический сборник. 1984. Вып. 2 (12).

Хорошев А.С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.

Цветков С.Э. Русская земля. Между язычеством и христианством. От князя Игоря до сына его Святослава. М., 2012.

Щапов А.П. Сочинения: в 3-х т. Т. 1. СПб., 1906.

Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972.

Щербатов М.М. История российская с древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770.

Щербатов М.М. История российская с древнейших времен. Т. 2. СПб., 1771.

Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

R.S. Kiselev
Saint Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University

TO THE QUESTION OF DOUBLE FAITH IN NOVGOROD LAND 11th–13th CENTURIES (ACCORDING TO THE MATERIALS OF CHRONICLES AND MONUMENTS OF CANONICAL LAW)

The article deals with the phenomenon of dual faith in the Novgorod land based on the materials of annalistic sources and monuments of canon law. The author of the article attempts to prove that even a century after the adoption of Christianity, pre-Christian archaic traditions have not disappeared from everyday life of Novgorodians, but only organically fit into the common canvas of Christian religious doctrine, becoming an integral part of it.

Keywords: Novgorod land, Christianity, paganism, dual faith, syncretism, archaic traditions, everyday life.

Н.А. Пронин
г. Пермь (Россия)
Пермский гос. национальный исследовательский ун-т

РОЛЬ МЕЧА В СОЦИО-КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ СКАНДИНАВОВ VIII–XI вв.: НА ОСНОВАНИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

В статье представлены результаты исследования семантического значения образа меча в социо-культурном дискурсе скандинавов в эпоху викингов. Целью исследования становится определения степени влияния утилитарного применения меча на социальные и культурные аспекты жизни скандинавов. В качестве основного источника используются исландские саги и Старшая Эдда. Данные источники анализируются с применением метода контент-анализа. В ходе исследования выявляется существенная значимость образа меча в социальных взаимодействиях и мифологическом комплексе скандинавов.

Ключевые слова: Ранее средневековье, викинги, исландские саги, меч.

Меч функционально в период эпохи викингов с 793 по 1066 гг. продолжает сохранять классический вид, основная форма меча основывается на римской спате, что характерно для большей части Европы[1]. Нередко использовались мечи франкского производства[2]. Они попадали на территорию скандинавов вследствие актов дарения, торговли и грабежа. Территории, заселенные скандинавами, на тот момент изобиловали только болотным железом, что приводило к существенному отставанию качества мечей викингов в сравнении с франкскими мечами[3]. Экспорт был настолько существенным, что во многих франкских городах вводились ограничения на торговлю данным видом вооружения[4].

---

[1] *Oakeshott R.E.* The Archaeology of Weapons, Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. N.Y., 1996. P. 55.

[2] *Hampton V.D.* Viking Age Arms and Armor Originating in the Frankish Kingdom // The Hilltop Review. 2011. Vol. 4. № 2. P. 36.

[3] Ibid. P. 42.

[4] Ibid. P. 37.

В письменных источниках также встречаются упоминания об импорте вооружения[5]. В тексте «Круга Земного» зарубежные мечи обозначаются как «вальская сталь» (такое словосочетание встречается в тексте три раза). Атрибут «вальский» обозначал, что иностранное вооружение воспринималось скандинавами как технически более совершенное.

Недостаток качественного металла на территории проживания скандинавов подтверждается отрывками из «Саги о Вёльсунгах». Качественный меч мог быть подвергнут переплавке в случае сильной поломки, но качество переплавленного меча не воспринималось как уступающее оригинальному мечу[6]. В отдельном случае, с мифологическим мечом Граммом, переплавленный меч описывается как тот, которому «равных никогда не будет»[7]. Подобные упоминания указывают не только на острую нехватку качественной стали у скандинавов, но и на то, что бывшее в употреблении сырье не воспринималось ими как теряющее в качестве.

Текст «Старшей Эдды» сообщает, что на мечи наносились декоративные элементы[8]. При перечислении сокровищ Фавнира в Гнитахейде мы находим данный вид оружия в одном экземпляре и с именем «Хротти»[9], данный клинок находится вместе с золотой броней и «грудой сокровищ», что указывает на его высокую ценность.

Меч фигурирует как часть наследия[10] и как часть дара[11]. При этом в качестве подарка фигурируют либо «роскошно отделанные мечи»[12] и «дорогие мечи»[13], либо мечи отделанные золотом[14], последние в текстах источника встречаются заметно чаще в составе подарка. В связи с этим возникает вопрос: почему при явном недостатке стали в оружейном производстве скандинавов, в тексте источников фигурируют подобные подарки? Логичным при самостоятельной ценности меча было бы его использование в обычных актах дарения без привлечения дополнительных элементов, увеличивающих стоимость оружия. Можно найти два объяснения данному феномену. Первое — несмотря на то, что меч являлся относительно дорогим видом вооружения, уровень его распространенности позволял произвести статус-

---

[5] *Стурлусон С.* Круг Земной. М., 1980. С. 52.

[6] Сага о Волсунгах. М.; Л., 1934. С. 102.

[7] Там же. С. 142.

[8] Старшая Эдда. М., 1975. С. 217.

[9] Сага о Волсунгах. С. 158.

[10] Старшая Эдда. С. 351.

[11] *Стурлусон С.* Указ. соч. С. 281.

[12] Там же. С. 205.

[13] Там же. С. 281.

[14] Там же. С. 320.

ную дифференциацию за счет декорирования драгоценными металлами или сложными гравировками. Второе объяснение кроется в том, что в подавляющем большинстве случаев речь идет об актах дарения от конунга к дружине, что может искажать репрезентацию подарков для усиления эффекта богатства конунга или ценности предоставляемого им дара. Важно подчеркнуть, что в контексте дара конунга дарение меча можно рассматривать и как политический жест, связанный с дачей присяги[15], и как плату за оказанные услуги[16]. В целом конунг в текстах источников чаще называется «кольцедарителем», но важно подчеркнуть, что операции статусного делегирования связаны с мечом, а не с кольцами. В этом же контексте можно сказать об использовании меча в качестве вергельда[17] и в качестве дипломатического дара в отношениях между конунгами[18] в «Саге о Вёльсунгах».

Вследствие такой высокой стоимости меча он является наследуемым видом вооружения, фрагмент подобного наследия мы можем найти в тексте «Языка Поэзии»[19] и в тексте «Саги о Вёльсунгах». В связи с подобной практикой формируется традиция реликвизации мечей и дарования им имени. В тексте «Круга Земного» мы встречаем такие мечи как Жернорез[20], Фетбреид[21], Ногорез[22], Хнейтир[23]. В «Саге о Вёльсунгах» фигурирует вышеупомянутый меч Грамм, а в «Языке поэзии» мы встречаем меч Хротти и меч Ревиль[24]. Некоторые из названных мечей обладали особыми свойствами: меч Жернорез был способен разрубить жернов, а меч Грамм был дарован Одином. В каждом случае мы имеем дело с мифологизацией меча, что прослеживается в сюжетах о вышеупомянутых мечах или о мече Олава Святого, который магическим образом возвращался на поле битвы, где был утерян[25].

У скандинавских богов мечом были вооружены три божества. Оружием Сурта — правителя огненных великанов из Муспельхейма, который в конце Рагнарёка должен будет уничтожить оставшихся богов и сжечь

---

[15] Там же. С. 45.
[16] Там же. С. 189.
[17] Сага о Волсунгах. С. 211.
[18] Там же. С. 217.
[19] Младшая Эдда. Л., 1970. С. 86.
[20] *Стурлусон С.* Указ. соч. С. 65.
[21] Там же. С. 84.
[22] Там же. С. 479.
[23] Там же. С. 551.
[24] Младшая Эдда. С. 74.
[25] *Стурлусон С.* Указ. соч. С. 551.

мир — является огненный меч[26]. Хотя возникновение культа божества относится к раннему периоду (можно ставить его в один ряд с Имиром), данный образ может быть поздней вставкой, связанной с христианизацией культуры скандинавов[27]. Статус достоверности архаичности образа огненного меча Сурта — спорный. Поскольку между Суртом и архангелом, охраняющим врата Эдема, есть два ключевых сходства. Оба данных персонажа принимают важное участие в эсхатологических событиях каждой из мифологий, а также каждый из них вооружен огненным мечом.

У Фрейра — бога плодородия и лета — обнаруживается «самобьющийся» меч[28], мечом вооружен сын Одина Видар, бог возмездия[29]. В «Языке поэзии» мечи называют «огнем Одина»[30], что говорит о том, что меч имел важное значение в восприятии битв в религиозном ключе.

Подобная интеграция меча в мифологию скандинавов не могла не повлиять на его ритуализацию. Меч использовался как орудие ритуального самоубийства, о чем говорится в «Круге Земном»[31] и в «Саге о Вёльсунгах»[32]. Меч мог выступать и как символ брака[33], что продолжало германскую традицию упоминаемую в труде Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии»[34].

Параллельно с участием меча в ритуальных действиях складываются и магические практики, связанные с самим мечом. Меч может выступать в качестве талисмана. В «Саге о Вёльсунгах» после того, как Один ломает Грамм Сигмунда, его владельца покидает удача. В данном случае утверждение о мече как о чем-то, что приносит удачу, спорное, поскольку неудача могла постигнуть конунга и по причине потери божественного «покровительства». Но кроме данного отрывка, из текста саги нам становится известно, что на мечи наносили руны, которые могли приносить «победы»[35]. Подобные руны встречаются, например, в «Старшей Эдде»[36], но в данном случае проговаривается, что их нанесение должно производится совместно

---

[26] Младшая Эдда. С. 15.

[27] *Orchard A.* Dictionary of Norse Myth and Legend. L., 1999. P. 52.

[28] Младшая Эдда. С. 36.

[29] Старшая Эдда. С. 189.

[30] Младшая Эдда. С. 85.

[31] *Стурлусон С.* Указ. соч. С. 40.

[32] Сага о Волсунгах. С. 206.

[33] Там же. С. 186.

[34] *Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm

[35] Сага о Волсунгах. С. 162.

[36] Старшая Эдда. С. 285.

с двойным произнесением имени Тюра, сына Одина и покровителя войн. Подобный факт в очередной раз говорит о тесном переплетении мифологии с ритуальной практикой скандинавов в отношении оружия.

Вместе с рунами в текстах скандинавских источников начинает фигурировать магия, действующая в отношении мечей, в «Речах Сигрдривы» отмечается, что «ведьмы воинам тупят смелость и меч»[37], подобное заклинание фигурирует и в «Речах Высокого», но направлено уже на все холодное оружие.

Мы можем говорить о сильной интеграции оружия в жизнь скандинавов. Меч приобретает важную роль при делегировании социального статуса, отвечает за принесение присяги, может выступать как плата за службу или выступает как часть дипломатических жестов. Но кроме интеграции в социальную жизнь индивидов, меч наделяется ритуальным значением, он участвует в актах ритуальных самоубийств, заключения брака и погребальных процессиях. Подобные изменения приводят к мифологизации меча, он предстает в текстах скандинавских саг как реликвия и часть наследства, обладающая особыми свойствами. Мы находим развитый мифологически и ритуальный аппарат в отношении данного вида вооружения, отдельные руны, отвечающие за успешность данного вида вооружения в глазах скандинава. Подобные роли меча во всех аспектах социо-культурной жизни скандинавов, скорей всего, вызваны активной военной деятельностью племен и высокой стоимостью производства. Этот же фактор влияет на феномен импортного оружия: скандинавы формируют настолько высокую потребность в вооружении, что не способны самостоятельно покрывать ее, что и приводит к формированию целого вида мечей, получивших отдельное место в скандинавском социокультурном дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Сага о Волсунгах. М.; Л., 1934.

Стурлусон С. Круг Земной. М., 1980.

Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/tacit.htm

Hampton V.D. Viking Age Arms and Armor Originating in the Frankish Kingdom // The Hilltop Review. 2011. Vol. 4. № 2.

Oakeshott R.E. The Archaeology of Weapons, Arms and Armour from Prehistory to the Age of Chivalry. N.Y., 1996.

Orchard A. Dictionary of Norse Myth and Legend. L., 1999.

[37] Там же. С. 287.

N.A. Pronin
Perm (Russia)
Perm State National Research University

THE ROLE OF THE SWORD IN THE SOCIO-CULTURAL DISCOURSE OF THE SCANDINAVIANS OF THE 8th–9th CENTURIES: BASED ON WRITTEN SOURCES

This study examines the problem of the semantic meaning of the image of the sword in the socio-cultural discourse of the Scandinavians during the Viking Age. An important goal of the study is to determine the degree of influence of the utilitarian use of the sword on the social and cultural aspects of the life of the Scandinavians. The Icelandic sagas and the older Edda are used as the main source. These sources are analyzed using the method of content analysis.

Keywords: earlier Middle Ages, Viking, Icelandic sagas, sword.

В.А. Якунина
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

«ALSS NA LUBESSCHEM RECHTE»: К ВОПРОСУ О СУДЕБНЫХ ФУНКЦИЯХ МАГИСТРАТА НАРВЫ В XV в.*

Средневековая Нарва действовала на основе любекского права и обладала собственным магистратом, выполняющим административные и судебные функции. На протяжении всего XV в. магистрат был вынужден делить свои полномочия во многих сферах с представителями власти Ливонского ордена — фогтами. При этом в отличии от многих других городов Ливонии, мы наблюдаем удивительное единодушие в действиях орденской и городской администрации, а также тесное сотрудничество при решении важных вопросов. В судебной сфере на протяжении большей части XV в. приоритет принадлежал орденской администрации, однако в кон. XV в. заметно усиление участия городских структур, тогда как фогты занимались рассмотрением дел, в первую очередь, касающихся интересов Ордена. Полный переход судопроизводства в сферу деятельности магистрата в XVI в. можно объяснить развитием города в экономическом и политическом плане, а также ростом его административного потенциала, что делало ненужным активную поддержку со стороны орденской администрации.

Используя материалы Таллиннского городского архива (TLA, f. 230, BD 8 (II), BB 52 I), автор на конкретных примерах показывает динамику расширения магистратом Нарвы полномочий в судебной сфере, а также особенности взаимоотношений городских и орденских властей.

Ключевые слова: Ливонский орден, Ревель, Нарва, магистрат, фогт, суд.

Порядок судопроизводства средневековой Нарвы представлял собой различные формы сотрудничества сеньориальной и муниципальной администрации, что наиболее ярко проявляется в тяжбах, касающихся торгово-предпринимательской активности горожан и их семейных связей, и за-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19–18–00183.

служивает отдельного внимания. Однако в исторической науке в большей степени изучаются вопросы русско-ганзейской торговли и участия в ней Нарвы (Н.А. Казакова, А.Л. Хорошкевич, И.Э. Клейненберг, М.Б. Бессуднова, П. Йохансен, Э. Тиберг, Н. Ангерманн), разные аспекты отношения Ревеля и Нарвы в сфере торговой и военно-политической (А. Флётман, С. Вееде), а также вопрос об участии орденской администрации в торговых делах (Б. Яниг, Ю. Крем). В небольшой степени вопроса судоустройства Нарвы касается в своей диссертации Ю. Кивимяэ[1], а также в некоторых работах В. Эбель[2].

В 1345 г. Нарва при посредничестве Ревеля была включена в регион любекского права[3], что обеспечивало городу статус «коммуны» с присущим самоуправлением в виде выборного магистрата[4]. По утверждению историка права В. Эбеля некоторые из городов, наделенных любекским правом, имели города-филиалы, т.е. города получившие от них городское право[5]. Примерами таких городов для Ревеля он называет Нарву и Раквере. На сегодняшний день Ю. Кивимяэ убедительно доказал, что говорить о филиальной зависимости Нарвы от Ревеля не представляется верным[6]. При этом стоит отметить, что в узко правовом смысле, в сфере судоустройства Нарва занимала подчиненное положение в отношении Ревеля. Судебные дела сначала просматривались в нижнем суде (*Niedergerieht*), верхней инстанцией которого являлся магистратский суд (*Obergericht*)[7]. При этом второй судебной инстанцией, т.е. апелляционной, являлся магистратский суд Ревеля (*Oberhof*)[8]. И если апеллировать в Ревель можно было как в частном порядке[9], так

---

[1] *Кивимяэ Ю.Ю.* Нарвский вопрос в 1494–1558 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Таллинн, 1981.

[2] *Ebel W.* Lübisches Recht. Lübeck, 1971.

[3] *Kivimäe J.* Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion. Narva and the Baltic Sea Region. Narva, 2004. S. 18.

[4] *Смолокуров А.* Нарвское городское самоуправление // Сборник статей Нарвского музея. Нарва, 1999. С. 4.

[5] *Ebel W.* Der Rechtszug nach Lübeck // Hansische Geschichtsblätter. Köln, 1967. Jg. 85. S. 5.

[6] *Кивимяэ Ю.Ю.* Нарвский вопрос… С. 23–32.

[7] *Якунина В.А.* Судебно-административная деятельность орденского фогта Нарвы // Vita memoriae: теория и практики исторических исследований. Нижний Новгород, 2019. С. 57.

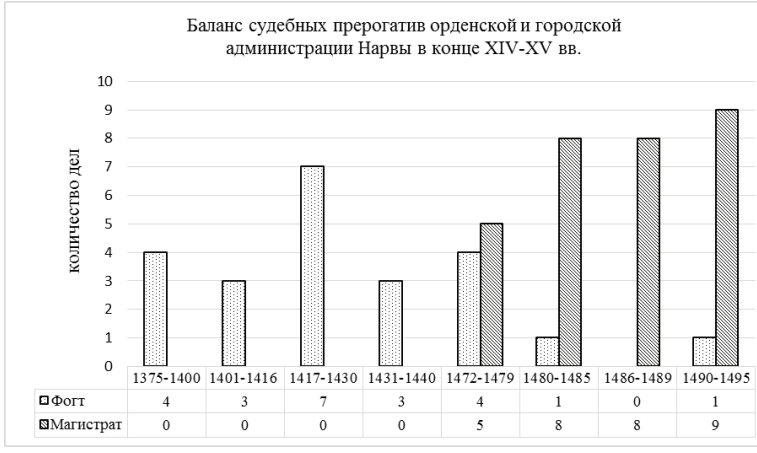
[8] *Ebel W.* Der Rechtszug nach Lübeck… S. 5.

[9] *Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch* (*Далее* – LEKUB). Abt. 2. Bd. 3. № 333.

и через магистрат Нарвы[10], то апелляции в Любек в любом случае проводились через Ревель[11].

Процесс становления судебной системы средневековой Нарвы можно условно разделить на три этапа: на первом этапе магистрат Нарвы представляет собой слабый орган и фактически не обладает силой в судебной сфере, в этот период времени решающую роль играет представитель Ливонского ордена — фогт (кон. XIV – 80-е гг. XV в.); второй этап — постепенное усиление позиций магистрата, фогт вмешивается только в дела повышенной важности (80-е гг. XV в. – 1510 г.); и третий — переход судебных полномочий в руки магистрата и фактически полное исключение фогтов из системы судопроизводства (ок. 1510 г.).

Наиболее полное представление о судоустройстве Нарвы может дать диаграмма, составленная на основе данных из Таллиннского городского архива и наглядно показывающая какое количество дел разбиралось в разные временные отрезки фогтом, а какое магистратом. При этом стоит учитывать, что период с 1440 по 1472 гг. не представлен в папке с орденской документацией (BB 52 I), как и период до 1476 г. папке магистрата (BD 8 II).



	1375-1400	1401-1416	1417-1430	1431-1440	1472-1479	1480-1485	1486-1489	1490-1495
Фогт	4	3	7	3	4	1	0	1
Магистрат	0	0	0	0	5	8	8	9

Больший интерес для нас представляет второй этап, так как именно в этот период на рубеже XV–XVI вв. в связи с развитием русской торговли Нарва получила больше прав в сфере юрисдикции. Магистрат Нарвы достиг соглашения с орденской администрацией, согласно которому представители орденских властей должны были присутствовать лишь при обсуждении

[10] См., напр.: *Tallinna Linnaarhiiv* (*Далее* – TLA), fund 230. BD 8 II, fol. 5.

[11] *Ebel W.* Der Rechtszug nach Lübeck. S. 7.

определенных дел. Подробно полномочия ордена в вопросах юрисдикции города представлены в 12 статьях, составленных магистратом Нарвы[12] ок. 1500 г., однако фактическое отдаление представителей ордена от полного контроля судебной системы начинается гораздо раньше, примерно в 80-е гг. XV в. К этому времени в ведении фогтов Нарвы остается только разбор судебных тяжб между ливонцами и иноземцами, которые могли привести к серьезным последствиям в ущерб международной торговле, а также дела, касающиеся интересов Ордена.

Механизм работы магистрата при судебных разбирательствах можно проследить, обратившись к делу, представленному в двух письмах от 1479–1480 гг. Это разбирательство между псковичом Якимом (*Jackime*), Германом Гаппе (*Hermen Happe*) и ревельцем Симоном Нюрнбергером (*Simon Norenberger*) по поводу партии недоброкачественного лука. Из первого документа мы узнаем, что Герман Гаппе продал псковичу Якиму бочку семян лука. Поскольку лук был особенным товаром, качество которого определить визуально невозможно[13], то он требовал особых условий сделки, поэтому были составлены специальные расписки, по их условиям псковичмог вернуть в течении 3 недель товар, если семена окажутся ненадлежащего качества, и Яким этим правом воспользовался. Нарвский магистрат постановил проверить качество семян и в случае, если они действительно некондиционного качества, то вернуть их Герману. Однако он отказался представлять свою расписку, затягивая дело, и подал апелляцию в Ревель[14]. Из второго письма нарвского магистрата к ревельскому от 8 февраля 1480 г.[15] мы узнаем, что Герман Геппе приобрел семена лука у ревельца Симона Нюрнбергера. В ходе разбирательства был проведен анализ пробы семян и нарвский суд признал их непригодными, на основании чего Ревель постановил вернуть семена Симону и исключить из обвинения Германа.

Таким образом, мы видим, что уже в кон. 70-х гг. разбирал обстоятельства дела, проводил экспертизу и принимал решение магистрат Нарвы. Несмотря на присутствие в деле русского, что ставит дело в разряд вопросов повышенной важности, орденский фогт не принимал участия в процессе. Более поздние письма также свидетельствуют о самостоятельности магистрата в сфере судопроизводства в последней четверти XV в.[16] В Нарве

[12] *LEKUB* Abt. 2. Bd. 1. № 893.

[13] *Клейненберг И.Э.* Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 3. Л., 1970. С. 137–139.

[14] TLA, fund 230. BD 8 II, fol. 6.

[15] TLA, fund 230. BD 8 II, fol. 12.

[16] TLA, fund 230. BD 8 II, fol. 37.

сложилась своя особенная правовая система, которая в основе хоть и была построена на любекском праве, но зависела достаточно часто от субъективных факторов и, в первую очередь, интересов Ордена. Это привело к тому, что фактически до последней четверти XV в. ведущую роль в системе судопроизводства Нарвы играл фогт. Однако с ростом торгово-экономического значения города росла и сфера полномочий магистрата, что в нач. XVI в. привело к полной самостоятельности городской администрации в судебной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Tallinna Linnaarhiiv, fund 230, BD 8 II. fol. 1–66.

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 1: 1494–1500. Riga; Moskau, 1900.

Liv-, Est- und Kurländisches Urkundenbuch. Abt. 2. Bd. 3: 1506–1510. Riga; Moskau, 1914.

Кивимяэ Ю.Ю. Нарвский вопрос в 1494–1558 гг.: дис. ...канд. ист. наук. Таллинн, 1981.

Клейненберг И.Э. Оформление договора купли-продажи и мены в ганзейской торговле Новгорода и Пскова // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 3. Л., 1970.

Смолокуров А. Нарвское городское самоуправление // Сборник статей Нарвского музея. Нарва, 1999.

Якунина В.А. Судебно-административная деятельность орденского фогта Нарвы // Vita memoriae: теория и практики исторических исследований. Нижний Новгород, 2019.

Ebel W. Der Rechtszug nach Lübeck // Hansische Geschichtsblätter. Jg. 85. Köln, 1967.

Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West // Narva und die Ostseeregion. Narva and the Baltic Sea Region. Narva, 2004.

V.A. Yakunina
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

"ALß NA LUBESSCHEM RECHTE": THE ISSUE OF THE JUDICIAL FUNCTIONS OF THE TOWN COUNCIL OF NARVA IN THE 15th CENTURY

Medieval Narva relied upon compliance with the Lübeck law and had its own town council that carried out administrative and judicial function. At the same time, over a period of the 15th century, the town council, under various circumstances, had

to divide its power and authority in many areas with the representatives of the Livonian order — the bailiffs. At the same time, unlike many other cities in Livonia, we can observe a unique unanimity in the actions of the Order and the town administration, as well as close cooperation in solving of important issues. As for the participation of the town council and bailiffs in court trials, it has to be noted that for most of the 15th century, privileges were given to the Order administration, but at the end of the 15th century there was a noticeable increase of city structures' participation, whereas bailiffs were involved in court trials primarily concerning the interests of the Order. Such strengthening of the administrative resources created optimal conditions for development of the town in every respect. The complete passing of the judicial procedures into the operative sphere of the town council in the 15th century can be explained by the economical and political development of the town and also by the increase of its administrative value that made the active support from the Order administration unnecessary.

Using the materials of the Tallinn city archive (TLA, f. 230, BD 8 (II), BB 52 I) the author shows the dynamics of the expansion of authorities of Narva's town council in judicial sphere in a specific context, and also special aspects of the relationship between the town and Order authorities.

Keywords: Livonian Order, Reval, Narva, town council, bailiff (Vogt), court.

А.В. Ушаков
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

ОКО ЗА ОКО: К ИСТОРИИ ДВУХ ОГРАБЛЕНИЙ НА НЕВЕ В 1408 г.*

Одним из основных принципов русско-ганзейских отношений была гарантия «чистого» торгового пути — возможности купцов свободно и безопасно перемещаться по предусмотренным в рамках ганзейского законодательства маршрутам. В 1408 г. новгородцы избили и ограбили шведского посла, направлявшегося с миссией из Выборга. В ответ на это шведский наместник Выборга, Торд Бонде, в землях, подвластных ордену, напал на русских купцов, изъял их товары и присвоил себе в счет возмещения потерь. В условиях ливонско-псковской войны 1406–1409 гг. ограбление, устроенное шведами, обострило отношения Ливонского ордена с Новгородом, доселе державшим нейтралитет. Магистр Конрад фон Фитингхоф поручил совету Ревеля (Таллинна) разобраться в деталях случившегося и посодействовать урегулированию конфликта. Последующее разбирательство наглядно демонстрирует специфику взаимодействия сторон в треугольнике прибалтийского «мира-экономики» Ливонский орден — Новгород — Псков, проблемы обеспечения «чистого пути» для ганзейских купцов, а также восприятие справедливости средневековым человеком.

Ключевые слова: Новгород, Ганза, Выборг, Ливонский орден, русско-ганзейская торговля, «чистый путь».

Обострение ситуации на русско-шведской границе в кон. XIV в. после нескольких десятилетий относительного спокойствия, нападения сторон на приграничные территории и вооруженные столкновения в очередной раз определили необходимость поддержания «чистого пути» — права ганзейских и русских купцов свободно и безопасно перемещаться по установленным маршрутам в рамках ганзейского торгового пространства. Два ограбления на Неве, случившиеся в 1408 г., яркое тому подтверждение. Несмотря на то, что указанные ограбления являются сюжетом из русско-шведских

* Исследование выполнено при поддержке РНФ проект № 19-18-00183.

отношений, произошли они на территории Ливонского ордена, а ответственность за безопасность купцов несли те власти, в землях которых имел место тот или иной инцидент. Стремление ливонского магистра Конрада фон Фитингхофа (1401–1413 гг.) немедленно урегулировать обозначенный конфликт подчеркивает обеспокоенность ливонской стороны возможными последствиями.

Несмотря на то, что русско-ливонские и русско-шведские отношения достаточно хорошо представлены в исторической литературе, обозначенные события упоминаются лишь в работе Н.А. Казаковой[1]. При этом ею упомянуто только одно ограбление, однако, ливонские источники, а именно деловая переписка сторон, позволяют достаточно полно воссоздать картину случившегося.

Пиратство в виде каперства в целом принималось средневековым обществом и широко использовалось, в том числе и в Ливонии. Известно, что епископ Дерпта (Тарту) в 1396 г. нанял знаменитых «виталийских братьев» для борьбы с Орденом[2], а полтора века спустя ревельцы участвовали в грабеже ганзейских купцов, направлявшихся на Восток[3]. Ганзейские правовые нормы запрещали торговлю украденным товаром[4], но купцы всячески старались скрыть его происхождение, нарушая данный запрет. Так как развитие берегового права, то есть возможность жителей прибрежных территорий присваивать выброшенные на берег товары, привело к тому, что жители береговой линии подчас сами грабили проходившие суда[5], Ганза не делала различий между ограблениями на суше и на море[6]. При этом наказанием за грабеж являлась смертная казнь[7]. Однако история ограблений на Неве 1408 г. с трудом вписывается в обозначенный контекст.

---

[1] *Казакова Н.А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI веков. Л., 1975. С. 90.

[2] *Kreem J.* Living on the edge: Pirates and the Livonians in the Medieval and Traditional Narrative // The edges of the Medieval World. Budapest, 2009. P. 73.

[3] *Bessudnova M.* Der Russlandhandel Lübecks im Pamphlet “Kurzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Liefland und Russlandt gebrauchter Sigilation, Gewerb und Hantirung” von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn // Acta Historica Tallinnensia. Tallinn, 2017. Vol. 23. S. 58.

[4] *Jahnke C., Graßmann A.* Seerecht in Hanseraum des 15. Jahrhunderts. Lübeck, 2003. S. 59; Landwehr G. Das Seerecht der Hanse (1364–1614). Vom Schiffordnungsrecht zum Seehandelsrecht. Göttingen, 2003. S. 19.

[5] *Friedland K.* Mensch und Seefahrt zur Hanseziet. Köln, 1995. S. 262.

[6] *Friedland K.* Maritime Law and Piracy: Advantages and Inconveniences of Shipping in the Baltic // Ships, Guns and Bibles in the North Sea and Baltic States (1350–1700). East Linton, 2000. P. 30–37.

[7] *Kreem J.* Op. cit. P. 71.

Рориксон Торд Бонде, наместник шведского Выборга, отправил в Новгород своего племянника в качестве посла. На того напали люди тысяцкого, избили и ограбили. В ответ на это Торд Бонде отнял товары у проезжавших новгородских купцов в счет возмещения ущерба[8]. Из письма ливонского магистра Конрада фон Фитингофа к совету Ревеля (Таллинна) от 20 сентября 1408 г. известно, что шведское ограбление случилось в землях ордена, на расстоянии одной морской мили от Нарвы. Всего товаров было четыре большие бочки и две колесные телеги с мехами. Товары до сих пор продолжали находиться в Нарве и потому магистр посчитал необходимым обратиться к нарвскому фогту с просьбой сохранить товары у себя для предотвращения убытков новгородцев, так как магистру неизвестно, когда служащие Торда заберут их. Магистр отметил обязанность ливонских властей охранять проезжавших по землям ордена купцов и выразил озабоченность случившимся, так как это могло привести к конфликту с Новгородом. В связи с этим магистр поручил совету Ревеля поскорее с этим делом разобраться и по возможности урегулировать имеющиеся разногласия[9].

Стоит отметить, что рассматриваемые события происходили в период войны Ливонии и Литвы с Псковом (1406–1409 гг.), в которой Новгород поддерживал нейтралитет[10]. Вплоть до вхождения Новгорода в состав Московского государства на Северо-Западе функционировала устоявшаяся трехсторонняя система военных, экономических и культурных контактов: Ливония — Новгород — Псков[11]. Государства связывала многовековая история сложных и запутанных взаимоотношений. Так как стороны по отношению друг к другу были примерно равны по военному потенциалу, вступление Новгорода в затянувшуюся войну на стороне Пскова для Ливонии было весьма нежелательно, ведь могло привести к ухудшению положения ордена на театре военных действий. Этим и объясняется стремление ливонского магистра прийти к скорейшему решению имеющегося конфликта.

Торд Бонде ответил совету Ревеля 29 октября 1408 г. Он сообщил, что уже жаловался магистрату по поводу того, что люди тысяцкого своим ограблением нанесли ему большой ущерб, причем данное ограбление про-

---

[8] *Бессуднова М.Б.* Русская Ганза. Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346–1521 годы. Письма и материалы (*Далее* — Русская Ганза). СПб., 2019. № 24.

[9] Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 4 (*Далее* – LEKUB 4). Reval, 1859. № 1773.

[10] *Militzer K.* Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart, 2005.

[11] *Бессуднова М.Б.* Россия и Ливония в конце XV веке. Истоки конфликта. М., 2015. С. 134.

изошло на новгородской земле. Торд подчеркнул, что своими действиями тысяцкий нарушил условия действовавшего мирного соглашения, которых он, Торд, в свою очередь, охотно придерживался. В связи с этим он посчитал справедливым задержать русских купцов и изъять их товары. Также выборгскому наместнику было известно, что в Новгород из Ревеля были направлены послы для урегулирования конфликта, о которых другие источники, например, письма Немецкого подворья, не сообщают. При успешном исходе переговоров Торд обещал посодействовать разрешению сложившейся ситуации[12].

Нельзя утверждать, что речь шла о подготовке именно этого ограбления, но в письме от 21 июля немецкие купцы сообщали ревельскому совету о том, что некой компанией готовится покушение на русских купцов в Нарве, из-за которого у купцов могут возникнуть осложнения во время пребывания в Новгороде[13]. Но в конце марта 1409 г. новгородцы все же конфисковали у немцев 11 бочек с пушниной. При этом купцы попросили магистрат, если в Ревеле есть русские товары, задержать этих до тех пор, пока меха не будут возвращены[14]. Подобная практика обоюдного захвата товаров широко применялась на протяжении всей истории русско-ганзейских отношений. Возможно, Торд Бонде также готов был вернуть товар новгородцам в обмен на утраченную партию, но из письма от 4 мая 1409 г. ясно, что в связи с завершением разбирательства по рассматриваемому делу, он просил у ревельского совета права забрать товары из Нарвы[15]. К сожалению, неизвестен ответ нарвского фогта по обозначенному вопросу и его роль в деле двух ограблений на Неве проследить невозможно.

В конце мая 1409 г. из Швеции вернулись новгородские послы, которым Торд Бонде объяснил, что забрал товары у русских из-за ограбления, устроенного тысяцким, и *«если б смог, взял бы больше»*. На вопрос послов о том, находятся ли товары все еще в Нарве, наместник ответил уклончиво, заявив, что тысяцкий может сам обратиться к магистру и ливонским городам, чтоб получить на то ответ[16]. С уверенностью можно предположить, что товары в указанный период все еще были в Нарве.

Отсутствие источников не позволяет определить, чем закончился данный конфликт. Но, по словам Янеке Хенепмоса, фогта шведского Разеборга, обратившегося осенью 1409 г. к ревельскому магистрату по делу Бернда фон

[12] LEKUB 4. № 1775.

[13] Русская Ганза. № 20.

[14] Русская Ганза. № 25.

[15] LEKUB 4. № 1791.

[16] Русская Ганза. № 24.

Вреде[17], он не мог написать напрямую к немецким купцам новгородского подворья, так как отношения шведов и новгородцев чрезмерно обострились из-за действий Торда Бонде[18].

Обеспечение «чистого пути» для ганзейских и русских купцов было одним из наиболее важных условий стабильного функционирования торговых связей. История двух ограблений, случившихся на Неве в 1408 г., подчеркивает значимость обязательств орденских властей перед Ганзой и Новгородом, в период войны стремившихся урегулировать конфликт, к которому не были причастны. Вероятность, что Новгород в военном плане или экономически поддержит Псков в боевых действиях против ордена, обуславливает стремление ливонского руководства скорейшим образом примирить русскую и шведскую стороны, а также демонстрирует специфику взаимодействия Ливонии, Новгорода и Пскова, чьи отношения были чрезвычайно переплетены и чье благосостояние зависело от успехов или неудач друг друга. Поступок Торда Бонда, задержавшего русские товары в счет нанесенных ему новгородцами потерь, определяет взгляд средневекового человека на понятие справедливости: по мнению выборгского наместника, любое преступление заслуживает равного возмездия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бессуднова М.Б. Русская Ганза. Жизнь Немецкого подворья в Новгороде, 1346–1521 годы. Письма и материалы. СПб., 2019.

Liv-, Esth- und Kurländisches Urkundenbuch. Ab. 1. Bd. 4. Reval, 1859.

Бессуднова М.Б. Россия и Ливония в конце XV веке. Истоки конфликта. М., 2015.

Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI веков. Л., 1975.

Bessudnova M. Der Russlandhandel Lübecks im Pamphlet “Kurzer Bericht undt Information der Hansischen von alters hero auf Liefland und Russlandt gebrauchter Sigilation, Gewerb und Hantirung” von 1571 aus dem Stadtarchiv Tallinn // Acta Historica Tallinnensia. Tallinn, 2017. Vol. 23.

Friedland K. Maritime Law and Piracy: Advantages and Inconveniences of Shipping in the Baltic // Ships, Guns and Bibles in the North Sea and Baltic States (1350–1700). East Linton, 2000.

Friedland K. Mensch und Seefahrt zur Hanseziet. Köln; Weimar; Wien, 1995.

Jahnke C., Graßmann A. Seerecht in Hanseraum des 15. Jahrhunderts. Lübeck, 2003.

[17] Бернд фон Вреде был немецким торговым приказчиком (geselle). В 1407 г. он совершил кредитную сделку и оставил русского партнера без оплаты.

[18] LEKUB 4. № 1811.

Kreem J. Living on the edge: Pirates and the Livonians in the Medieval and Traditional Narrative // The edges of the Medieval World. Budapest, 2009.

Landwehr G. Das Seerecht der Hanse (1364–1614). Vom Schiffordnungsrecht zum Seehandelsrecht. Göttingen, 2003.

Militzer K. Die Geschichte des Deutschen Ordens. Stuttgart, 2005.

A.V. Ushakov
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

MEASURE FOR MEASURE: ON THE HISTORY OF TWO ROBBERIES ON THE NEVA RIVER IN 1408

One of the main principles in the Hanseatic-Russian relationship was a guarantee of a "clean" trade route — the possibility for merchants to travel freely and safe across the routes as stipulated by Hanseatic legislation. In 1408, the Swedish ambassador moving from Vyborg on mission was thrashed and robbed by the Novgorodians. In response, the Swedish governor of Vyborg Tord Bonde attacked Russian merchants in the lands under the Order's power, expropriated their goods and appropriated it towards recovery of losses. Under conditions of war between Livonia and Pskov in 1406–1409 the robbery organized by the Sweden strained relations between the Livonian Order and neutral Novgorod more acute.

The Master Conrad von Vytinghove gave the directive to the Town Council of Reval (Tallinn) to get the facts straight and assist in conflict settlement. The following investigation brings into sharp focus the specific nature of the interaction of parties in the triangle of the Baltic "world-economy" the Livonian Order — Novgorod — Pskov, problems of providing a "clean trade route" for Hanseatic merchants, as well as the perception of justice by medieval people.

Keywords: Novgorod, Hanse, Vyborg, Livonian Order, Hanseatic-Russian trade, "clean" trade route.

Е.М. Попова
г. Великий Новгород (Россия)
Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого

КРАЖИ В НОВГОРОДЕ В НАЧАЛЕ XVII в. ПО МАТЕРИАЛАМ НОВГОРОДСКОГО ОККУПАЦИОННОГО АРХИВА*

Статья посвящена изучению криминальной обстановки в Новгороде в нач. XVII в. Опираясь на документы Новгородского Оккупационного архива, автор рассматривает кражи. По материалам источников удается установить, насколько частыми были преступления подобного рода, что являлось их объектом, кого можно считать пострадавшим и виновным в совершении преступлений. В результате анализа автор приходит к выводу, что в период шведского присутствия краж было не много, а заявителями о преступлении чаще всего были посадские люди.

Ключевые слова: Великий Новгород, Смутное время, Якоб Делагарди, кража, татьба.

В кон. XVI — нач. XVII вв. обстановка в России была крайне нестабильной: города и села подвергались разорениям со стороны казаков, литовских людей, иностранных войск[1]. Великий Новгород, занятый в 1611 г. шведским военным корпусом во главе с Якобом Делагарди, являлся «островком относительной стабильности», т.к. шведский военачальник обязался охранять город от нападения со стороны лихих людей[2]. Также Делагарди возглавил

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19–18–00183.

[1] *Курбатов О.А.* Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 136.

[2] См., напр.: Отписка Новгородского воеводы князя И. Одоевского и дьяка М. Мартынова дворянам А. Термону и Г.С. Обольянинову о сборе кормов и о защите крестьян села Тесова от ратных людей и разбойничьих шаек. 01.09.1614 // Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 562. Л. 1; Brev från Jakob de La Gardie till Alexander Lissowsky. 23.01.1612 // *Cordt B.* Mittheilungen aus dem Briefwechsel

административный аппарат вместе с И.Н. Большим-Одоевским, контролируя внутреннюю обстановку. Несмотря на это, в Новгородской земле возникали уголовные дела, наиболее частыми из которых были преступления против чужого имущества, что связано с желанием поправить собственное финансовое положение и выжить в реалиях военного времени[3].

К преступлениям подобного рода относятся грабежи, татьбы, кражи, в целом сходные по характеру. В рамках одной статьи сложно провести всесторонний анализ указанных преступлений, в связи с чем, нам бы хотелось заострить внимание на категории «кража» и рассмотреть, сколько краж было зафиксировано в период шведского присутствия в Новгородской земле, что именно крали, кто выступал в качестве истца и ответчика. Данное исследование будет являться составной частью более полного изучения темы, посвященной криминальной обстановке в Новгородской земле в период Смуты.

Некоторое внимание к судебной системе в России, а также к характеру уголовных преступлений уделили Н. Коллманн[4], Н.В. Стус[5], Н.Б. Безус[6], А.А. Селин[7]. Однако исчерпывающих трудов по данной проблематике обнаружить не удалось, в связи с чем наше исследование выстраивается на обращении к источникам, сохранившимся после шведского присутствия в Новгороде[8].

Документы Новгородской Приказной избы, именуемые Новгородским Оккупационным архивом (*Далее* — НОА), представлены двумя сериями: первая — административные книги (сбора судных пошлин, писцовые, банные и т.д.), вторая — отдельные следственные дела, челобитные, расспросные

---

des Grafen Jakob De la Gardie: nebst einem Anhand betreffend Correspondenzen des Grafen Johann Oxenstjerna. Leipzig, 1894. S. 15.

[3] *Попова Е.М.* К вопросу о количестве совершенных преступлений в Новгороде на рубеже XVI–XVII вв. // Множественность интерпретаций: верификация гуманитарного знания. Тюмень, 2019. С. 137.

[4] *Коллманн Н.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2012. С. 23–78.

[5] *Стус Н.В.* Источники уголовно-судебного права Московского государства (XV–XVII вв.) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28). С. 289–293.

[6] *Безус Н.Б.* Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017. С. 73–80.

[7] *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 72–75.

[8] *Нордландер И.* Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 285–289.

речи, отписки, памяти и т.д. На данном этапе документы НОА неплохо введены в научный оборот и используются исследователя для разработки их научных изысканий. Для решения поставленных задач необходимо обратиться к четырем книгам сбора судных пошлин, сохранившимся в составе первой серии НОА[9], а также к отдельным следственным делам, представленным во второй серии.

Анализируя книги сбора судных пошлин, а также документы второй серии, удалось выяснить, что в период шведского присутствия было зафиксировано около 14 краж. Т.к. в книгах основной акцент делался на сумму и характер взимаемых пошлин, чаще всего затруднительно выяснить, что именно было украдено. В тексте присутствуют имена пострадавшего и обвиняемого, причина тяжбы (в данном случае — кража), сумма общего ущерба и пошлины. Семь раз встречается формулировка «краденый» или «татиный живот»[10], что означает констатацию факта о краденом имуществе: «Октября в 18 день искал по челобитнои посацкои человек Юшка Иванов сын Скотник на иванегородскои стрелчихе на Татянке, да на Петрушки на Луковнике, да на Митке на Шересткине краденого живота своего тритцети шти рублев и десет алтын поклонного и потписного…»[11]. Не известно, и что было украдено в лавочной татьбе рядовым сторожем[12]. Дважды удалось обнаружить информацию о краже лошадей[13]. Один раз встретилась более подробная информация: митрополичий крестьянин Томилка лишился сережек, голубцов[14] и кошелька. Чтобы вернуть свое имущество или получить за него денежную компенсацию, Томилка был вынужден заплатить за повторное разбирательство: «…он платил с того своего иску судные пошлины в митрополичем дворе, а в судные избы платил пересуд и правои десяток»[15]. В документах второй серии удалось обнаружить информацию

[9] RA. NOA. Serie I: 4, 5, 64, 122.

[10] RA. NOA. Serie I: 4. Л. 17, 19, 61; Serie I: 5. Л. 21, 73, 74, 76.

[11] Ibid. Serie I: 4. Л. 17.

[12] Ibid. Serie I: 64. Л. 77.

[13] Ibid. Serie I: 4. Л. 40; Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. Сентябрь — октябрь 1616 // RA. NOA. Serie II: 165.

[14] В данном случае, вероятно, стоит понимать под голубцами ювелирное украшение в виде серег или подвески. Подробнее см.: *Бакланова И.В.* Лексика ушных украшений как источник этнокультурной информации // Gwary dziś. Aktualne problemy dialektologii slowianskiej. Poznan, 2012. № 6. С. 60.

[15] RA. NOA. Serie I: 4. Л. 70. В данном случае мы опираемся на терминологию, предложенную Н.Б. Безус: «пересуд — пересмотр дела, повторное разбирательство дела в том же суде или в высшей судебной инстанции». Подробнее см.: *Безус Н.Б.* Из истории становления процессуального права России

о краже шапки[16] и денег[17]. Не только вещи и скотина становились объектами кражи, но и продукты, так мы встречаем упоминание об украденном красном вине[18].

Чаще всего в текстах книг упоминается информация о том, что жертвой кражи становились посадские люди[19], однако иногда присутствуют уточнения по роду деятельности или социальному статусу, например, охотник[20], вдова[21]. Оставались без своего имущества и сельские жители[22]. Нередко жертвами становились монастырские и митрополичьи люди: крестьяне[23], монастырский служка, который сам в итоге был признан виновным: «И в том деле обинен Юрьевскои слушка Никитка»[24]. На стороне обвинения встречаются крестьяне[25], живущие за чертой бедности (просящий старец)[26], посадские[27], представители низшего слоя духовенства (дьячки, пономари)[28].

Подводя итог, стоит отметить, что дел, связанных с кражами обнаружено не много. Но не стоит сбрасывать со счетов, что, возможно, не все дела фиксировались, а также некоторые документы могли не сохраниться, поэтому мы располагаем лишь данными, которые удалось почерпнуть из коллекции НОА. Используемые нами документы предельно конкретны: дают информацию о пострадавшей и обвиняемой стороне, о собранных пошлинах, о причине тяжбы. К сожалению, в большинстве случаев не удается точно сказать, что именно было объектом кражи, однако встречаются документы, в тексте которых присутствуют уточнения, но их обнаружено не много. Таким образом, сохранившиеся сведения помогают частично

(на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // История государства и права. М., 2010. № 5. С. 35.

[16] Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 12.01.1615 // RA. NOA. Serie II: 47. Л. 39.

[17] Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок) // RA. NOA. Serie II: 47. Л. 52.

[18] RA. NOA. Serie I: 5. Л. 18.

[19] RA. NOA. Serie I: 4. Л. 17; Serie I: 5. Л. 73; Serie I: 64. Л. 77.

[20] Ibid. Serie I: 4. Л. 40.

[21] Ibid. Serie I: 4. Л. 19; Serie I: 5. Л. 76.

[22] Ibid. Serie I: 5. Л. 73–74.

[23] Ibid. Serie I: 4. Л. 70; Serie I: 5. Л. 21.

[24] Ibid. Serie I: 4. Л. 61.

[25] Ibid. Serie I: 4. Л. 40.

[26] Ibid. Serie I: 4. Л. 19.

[27] Ibid. Serie I: 4. Л. 70; Serie I: 5. Л. 21, 74; Serie I: 64. Л. 77.

[28] Ibid. Serie I: 5. Л. 76.

восстановить особенности криминальной обстановки в Новгороде в нач. XVII в., но для всестороннего анализа необходимо рассмотреть и иные виды преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дело о краденой шапке, слушанное в Дворцовом приказе. 12.01.1615 // RA. NOA. Serie II: 47. Л. 39.

Дело о краже денег у палача Олешки (отрывок) // RA. NOA. Serie II: 47.

Книга сбора судных пошлин. 1611/1612 // RA. NOA. Serie I: 122.

Книга сбора судных пошлин. 1612/1613 // RA. NOA. Serie I: 64.

Книга сбора судных пошлин. 1613/1614 // RA. NOA. Serie I: 5.

Книга сбора судных пошлин. 1614/1615 // RA. NOA. Serie I: 4.

Отписка Новгородского воеводы князя И. Одоевского и дьяка М. Мартынова дворянам А. Термону и Г.С. Обольянинову о сборе кормов и о защите крестьян села Тесова от ратных людей и разбойничьих шаек. 01.09.1614 // Архив СПбИИ. Кол. 124. Оп. 1. Ед. хр. 562.

Судное дело по поводу кражи лошадей из стада у конюха Радея Семенова. Сентябрь — октябрь 1616 // RA. NOA. Serie II: 165.

Cordt B. Mittheilungen aus dem Briefwechsel des Grafen Jakob De la Gardie: nebst einem Anhand betreffend Correspondenzen des Grafen Johann Oxenstjerna. Leipzig, 1894.

Бакланова И.В. Лексика ушных украшений как источник этнокультурной информации // Gwary dziś. Aktualne problemy dialektologii slowianskiej. Poznan, 2012. № 6.

Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // История государства и права. М., 2010. № 5.

Безус Н.Б. Применение норм права в Новгороде в период шведской оккупации в начале XVII в. // Столбовский мир и возвращение Новгородской земли в состав Российского государства. СПб., 2017.

Коллманн Н. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2012.

Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014.

Нордландер И. Оккупационный архив Новгорода 1611–1617 гг. // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16).

Попова Е.М. К вопросу о количестве совершенных преступлений в Новгороде на рубеже XVI–XVII вв. // Множественность интерпретаций: верификация гуманитарного знания. Тюмень, 2019.

Селин А.А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Стус Н.В. Источники уголовно-судебного права Московского государства (XV–XVII вв.) // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4 (28).

E.M. Popova
Veliky Novgorod (Russia)
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

THEFTS IN NOVGOROD AT THE BEGINNING OF THE 17th CENTURY ACCORDING TO THE MATERIALS OF THE NOVGOROD OCCUPATION ARCHIVE

The article is devoted to the study of criminal offenses in Novgorod at the beginning of the 17th century. Based on the documents of the Novgorod Occupation Archive, the author examines thefts. Based on the materials, it was possible to establish how frequent were crimes of this kind, who can be considered as responsible and guilty of committing crimes. As a result of the analysis, he comes to the conclusion that during the period of the Swedish presence there were not many thefts, and the applicants for the crime were most often townspeople.

Keywords: Veliky Novgorod, Time of Troubles, Jacob De la Gardie, theft, crime.

А.В. Митрошина
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ КАК ЭЛЕМЕНТ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Антропология детства — важный вопрос в антропологически ориентированной истории. Социализация человека происходит в самом раннем детстве. Детские игрушки являются элементом древнерусской культуры. При помощи игрушек человек осваивает социальные роли и приобретает навыки, необходимые для взрослой жизни.

Ключевые слова: детство, игрушки, древнерусская культура, славяне, древние славяне, игра, социальные отношения.

Изучение антропологии детства — важный аспект реконструкции живой картины прошлого, в центре которой находится человек в сложной взаимосвязи своих социальных отношений. Основы этого направления были заложены трудами М. Мид[1]. Исследования Мид были продолжены трудами американского психолога и историка Л. Демоза[2]. Среди отечественных историков, обращавшихся к этой теме, следует отметить Н.Л. Пушкареву[3] и В.В. Долгова[4]. Темой настоящей работы стали детские игрушки как элемент древнерусской культуры.

Следует отметить, что изготовление специальных детских игрушек — относительно позднее явление в контексте развития мировой материальной культуры. Детская игра сама по себе встречается даже у животных. Очевидно, на ранних стадиях развития человечества дети играли так же, как

---

[1] *Мид М.* Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.

[2] *Демоз Л.* Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000. С. 14–111.

[3] *Пушкарева Н.Л.* Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47–59.

[4] *Долгов В.В.* Детство в контексте Древнерусской культуры XI–XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006. № 5. С. 72–85.

маленькие зверята — тем, что попадало под руку. Среди археологических материалов каменного века нет объектов, которые однозначно трактовались бы исследователями как игрушки. Ситуация значительно меняется в эпоху возникновения древних цивилизаций. Уже в египетских коллекциях Эрмитажа можно увидеть немало предметов, которые могли быть детскими игрушками. Античные коллекции тоже содержат немало материалов подобного рода. Поскольку дети играют, как правило, копируя формы поведения взрослых, то и игрушки чаще всего являются уменьшенными копиями предметов, принятых во взрослом обиходе. Это создает определенные трудности с атрибуцией этих артефактов, ведь уменьшенными копиями в контексте современной материальной культуры могут быть не только детские игрушки, но и вещицы, изготавливаемые для взрослых как «сувениры». Здесь, пожалуй, наиболее важным фактором является тщательность исполнения предмета. «Сувенир» изготовленный для взрослого, чаще всего предстает перед нами как изящная вещица, предназначенная для созерцания. Она может иметь ювелирные украшения и сложные формы. Как правило, конструкция такой вещи не предполагает активного манипулирования — запаса прочности изначально недостаточно для того, чтобы активно играть предметом. Меж тем игрушки, бытовавшие в доиндустриальную эпоху, как правило, просты и весьма ударопрочны. Древнерусская культура в этом отношении не является исключением. При археологических раскопках в древних городах было найдено немало игрушек. Все они по своему функционалу, а иногда даже по форме похожи на современные игрушки. Это, как было сказано, чаще всего уменьшенные копии «взрослых» предметов, сделанные без особого изящества, однако качественно и прочно. Они в полной мере годились для выполнения двух главных функций детстской игрушки — развлекать и обучать навыкам взрослой жизни.

В XVI т. серии «Арехология СССР», посвященном быту и материальной повседневной культуре населения Древней Руси, целый раздел отведен для описания предметов, интерпретируемых авторами как игрушки. Далеко не все из них можно считать игрушками детскими. Например, шахматы или широко распространённая в средние века «Мельница» могли одинаково служить развлечением и для взрослых, и для детей. Хотя, конечно, для этих игр дети должны были пройти некоторую подготовку. Однако, некоторые игрушки однозначно могут быть интерпретированы как детские. Это, например, разнообразное деревянное оружие небольшого размера: мечи, кинжалы, луки и копья. Подобного рода предметы найдены при раскопках Новгорода, Старой Ладоги и пр. Понятно (прежде всего, по размеру и материалу изготовления предметов), что эти вещи изготавливались именно для детей. Миниатюрные металлические ножи могли использоваться и взрослыми. Но миниатюрный деревянный нож, несомненно, детская игрушка.

По своей конфигурации игрушечное оружие копировало аналогичное взрослое, настоящее[5].

По мнению В.В. Долгова, широкое распространение меча как детской игрушки может служить косвенным доказательством распространенности и настоящих мечей среди широких масс свободных общинников в Древней Руси[6]. Важно отметить, что деревянных мечей «взрослого» размера археологические материалы нам не дают. Это означает, что ту стадию тренировки, которая предполагала поединки на деревянных мечах, человек проходил еще в детстве. Здесь мы видим существенное отличие от практики изучения восточных единоборств, в которых деревянный меч — боккэн или бокуто (яп. 木剣) — до сих пор является весьма важным элементом подготовки самурая.

Надо сказать, что материал изготовления — дерево, не является единственным маркером «игрушечности». Мы располагаем летописными свидетельствами, что дети-князья могли носить вполне настоящие по использованным материалам исполнения мечи и даже пускать их в ход. Так, например, летописец показывает нам сцену прощания 11-летнего князя Даниила Романовича Галицкого с его матерью. Расстроенный расставанием, Даниил бросается с мечом на коня, на котором увозят его мать, и подрубает ему ноги[7]. То, что 11-летний паренек свободно орудует мечом, означает, что меч не был полноразмерным взрослым оружием. Он не был, конечно, в полной мере игрушкой, раз им можно было рубить. Но и не был настоящим, поскольку был приспособлен для ребенка, не способного сражаться наравне со взрослыми.

Помимо игрушечного оружия древнерусский ребенок имел в своем распоряжении другие игрушки военного типа. Это разного рода «лошадки». Найдены лошадки, которыми можно было играть как куклой или «солдатиком». Кроме того, в археологических материалах встречаются лошадки, основу которых составляли длинные палки с «конской головой», которые можно «оседлать» и скакать на них как бы верхом. Все эти варианты детских игрушек до сих пор можно встретить в магазине детских игрушек. Изготавливаются они теперь промышленным способом, но это не меняет их сути. Следует, впрочем, отметить, что в некотором смысле древнерусские игрушки для мальчиков лучше готовили их к предстоящей боевой жизни, поскольку техника владения деревянным мечом, фактически,

[5] Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С. 114–119.

[6] *Долгов В.В.* Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в. СПб., 2018. С. 198.

[7] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1997. Стб. 727.

ничем не отличается от техники владения мечом настоящим — те же приемы и удары. Деревянным мечом можно даже ранить, что приучает мальчишек не только правильно наносить удары, но и является хорошей тренировкой техники ухода от ударов. Современный пластмассовый или даже металлический пистолет или автомат, имея значительное сходство с оригиналом, не может быть использован для получения настоящих боевых навыков, поскольку лишен главного функционального качества — возможности стрелять.

Если игрушки мальчиков готовили к войне, охоте и производительному труду, то игрушки девочек формировали будущую хозяйку дома. Во-первых, это была миниатюрная домашняя утварь. Например, посуда. Важно, что детская посуда изготавливалась по той же гончарной технологии, что и взрослая, и имела практически ту же форму. Отличался только размер. Понятно, нельзя исключать бытование и кустарно сделанной посуды из необожжённой глины. Однако, такая посуда до наших лет по понятным причинам не сохранилась. То же, что дошло — явно продукт ремесленного производства[8]. Это означает, что изготовление игрушек было делом серьезным. Обеспеченные семьи имели возможность и вкус к тому, чтобы покупать игрушки, а значит, тратить на это ресурсы.

Помимо игрушек, являющихся уменьшенными, игровыми копиями взрослых предметов, в археологических материалах Новгорода и Старой Ладоги встречаются игрушки, предназначенные для подвижных игр, развивавших в детях ловкость и координацию: это всякого рода волчки, шары, хлопушки, санки и пр.

Итак, древнерусская материальная культура дает нам многочисленные примеры игрушек, логика использования которых базируется на фундаментальных закономерностях процесса социализации в сложном обществе. При помощи игрушек ребенок осваивал социальные роли и обретал навыки, необходимые для взрослой жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1997.

Демоз Л. Психоистория. Ростов-на-Дону, 2000.

Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в. СПб., 2018.

Долгов В.В. Детство в контексте Древнерусской культуры XI–XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006. № 5.

Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

[8] Древняя Русь. Быт и культура. С. 114–119.

Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988.
Пушкарева Н.Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5.

A.V. Mitroshina
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

CHILDREN'S TOYS AS AN ELEMENT OF ANCIENT RUSSIAN CULTURE

The anthropology of childhood is an important issue in anthropologically oriented history. Socialization of a person occurs in the earliest childhood. Children's toys are an element of ancient Russian culture. With the help of toys, a person masters social roles and acquires the skills necessary for adulthood.

Keywords: childhood, toys, ancient Russian culture, Slavs, ancient Slavs, play, social relations.

А.Д. Кузьменко
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского

ОПИСАНИЯ ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ВЪЕЗДОВ В ТРУДАХ БУРГУНДСКИХ ХРОНИСТОВ

В докладе рассматриваются фрагменты исторических трудов Оливье де Ла Марша и Филиппа де Коммина, посвященные церемониальным въездам герцогов Бургундских в нидерландские города. Ставится задача проанализировать и сравнить эти описания, выделить общие черты и специфику репрезентации въездов двумя авторами. В ходе исследования реконструированы основные компоненты коммуникативно-символического поля, оформлявшегося благодаря церемониальным въездам Филиппа Доброго в Гент (1453 г.) и Карла Смелого в Гент и Льеж (1468 г.): фиксация власти над побежденной стороной; демонстрация герцогами собственного богатства; напоминание об ущербе, нанесенном восставшими.

Ключевые слова: Бургундия, церемониальный въезды, Оливье де Ла Марш, Филипп де Коммин, восстание в Генте и в Льеже.

Церемония торжественного вступления в город представляла собой одну из универсальных и древнейших форм символического общения властителя с подвластными, возникшая во времена появления первых правителей и первых городов. Церемониальным въездом обозначалась процессия, шествие в город правителя, сопровождаемая определенной атрибутикой. Данные шествия получают широкое распространение в позднее Средневековье. Традиционно шествия рассматривались как выражение королевской власти над городским населением. Помимо этого, въезды были некими «культурными встречами» между двором правителя и городским населением, в ходе которого горожане информировали государей о своих локальных проблемах. Въезды во Франции до XVI в. были эффективным средством сокращения дистанции между провинциальной элитой и правителем. Иногда торжественные шествия проводились городским советом, который тем самым рассчитывал на финансовую поддержку со стороны правителя.

Въезды правителей в города всегда были нагружены разнообразной символикой: с их помощью государи напоминали о природе власти, отмечали

победу, утверждали политическое владычество над удаленными территориями. К примеру, въезды английского короля Генриха V в Лондон и Париж в 1415 и 1420 гг. В германских землях государь нередко въезжал в город в окружении преступников, приговоренных к изгнанию, они держались за край одежды покровителя, сбруи, седла или стремени его коня — таким образом они могли вернуться в город[1].

Говоря о церемониальных въездах, следует сказать о процедуре покаяния восставших. Примером может послужить въезд Филиппа Доброго в Гент (1453 г.), Карла Смелого в Льеж (1468 г.). Данное действие имело большое символическое значение, было призвано подчеркнуть величие и власть государя над подданными и ту дистанцию, которая их разделяла. Это было особенно важно для Бургундского принципата — из-за отсутствия внутреннего единства и центральных государственных институтов[2].

Исследуя церемониальные въезды Филиппа и Карла, следует обратиться к первоисточникам — мемуарам Филиппа де Коммина[3] и Оливье де Ла Марша[4]. Данные авторы были придворными хронистами герцогов Бургундских в XV в.

Рубеж XX–XXI вв. пробудил интерес к Бургундии вне процесса формирования французского государства. В советской исторической науке изучение дворянства, аристократии (что, собственно, являлось основой Бургундского двора) было долгое время закрыто к изучению по идеологическим причинам, и только в последнее время начали появляться работы о Бургундии. Однако исследованию культуры и церемониальных въездов герцогов Бургундских в России уделено мало внимания. В этом и заключена *актуальность исследования.*

Целью исследования является сравнительный анализ описаний церемониальных въездов в произведениях Филиппа де Коммина и Оливье де Ла Марша.

Для достижения данной цели необходимо выделить ряд задач:

1. Проанализировать описания церемониальных въездов в произведениях Бургундских хронистов.

2. Выделить ряд особенностей при описании этого ритуала.

3. Сравнить и обозначить сходства и различия.

---

[1] *Бойцов М.А.* Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009. С.46.

[2] *Асейнов Р.М.* Восстание в Генте 1452–1453 гг. в бургундской историографии XV века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2. С. 105–122.

[3] *Малинин Ю.П.* Филипп де Коммин и его «Мемуары». М., 2004.

[4] *La Marche, O.* Les mémoires de messire Olivier de la Marche. Anno, 1567.

Сравнительный анализ будет проведен на основании двух восстаний: в Генте (1452–1453 гг.) и в Льеже (1468 г.). Подробное описание подавления восстания в Генте можно найти у бургундского хрониста Оливье де Ла Марша[5]. Герцог Филипп остановился недалеко от города и расположил свое войско близь Гента. Герцог в полном вооружении восседал на раненом коне, раны которого были закрыты паклей. Это было сделано для демонстрации силы и храбрости герцога, лично участвовавшего в битве. Вместе со своей свитой он отправился к жителям Гента. Горожане предстали перед Филиппом Добрыми босыми, без головных уборов. Впереди шел аббат монастыря, 25 эшевенов, советников и капитанов; за ними — две тысячи горожан, одетых в черные рубахи. Все они преклонили колени, а аббат «молился герцогу трижды о милосердие к своему народу», говорил, что все жители Гента раскаиваются в своих проступках и просят пощады. Филипп ответил: «они были хорошими людьми, и что он будет для них хорошим принцем, и он никогда больше не вспомнит оскорбление, совершенное ими против него». Жители Гента «взяли на себя обязательство снести городские ворота, которые были закрыты для герцога, вместе с их мостами, барьерами и укреплениями», а на месте снесенных ворот они пообещали «построить часовню и проводить в ней ежедневную мессу в честь погибших в восстании»[6]. Церемония завершилась тем, что горожане сдали знамена цехов герцогу и отправились в Гент, где был устроен праздник в честь примирения.

Описание подавления восстания в Льеже у Ла Марша насыщено меньшим количеством подробностей. Герцог, подойдя к Льежу со своим войском, остановился, после чего из Льежа вышли горожане и просили пощадить их. Герцог Карл Смелый для демонстрации власти и напоминания им о содеянном «сломали их ворота и стены», после чего с победой вернулся домой.

Рассматривая описания церемониальных въездов у Филиппа де Коммина, можно наткнуться лишь на подавление Льежского восстания, так как он начал служить при дворе герцогов только в 1464 г. При описании этого восстания автор описывает то, как герцог снес 20 саженей стены, засыпал ров близь главной дороги, вошел в город с 2000 кавалеристов при всем оружии и 10000 лучниками, разодетыми в лучшие одежды. Сам он въехал верхом. Казнил несколько человек из бывших заложников, установил в городе свои законы и обычаи, обложив большим денежным побором, и сказал, что они обязаны заплатить за то, что все эти годы нарушали условия мира и другие соглашения. Снес все городские башни и стены, после чего вернулся в свои земли.

---

[5] Ibid. C. 477.

[6] *Kipling G.* Enter the King: Theatre, Liturgy, and Ritual in the Medieval Civic Triumph. Oxford, 1998. P. 48.

Рассматривая данные фрагменты, можно выделить несколько особенностей.

Во-первых, данный ритуал начинается практически всегда с демонстрации силы. Правители поступали так, чтобы напомнить людям о своих превосходящих силах. Помимо этого, необходимо было закрепить в умах горожан мысль о тщетности попыток восстания и о тяжести наказаний за предательство своего государя.

Во-вторых, церемониальный въезд служил восставшим напоминанием о содеянном, а также об ущербе, причиненом ими.

В-третьих, государям необходимо было продемонстрировать свое богатство перед побежденными. В большинстве случаев этим действием правители как бы проводили грань между богатыми и бедными, лишний раз напоминая о социальной иерархии.

Не следует забывать и о самой главной цели данного мероприятия — ликвидации беспорядка и возвращению к порядку. Это, с одной стороны, процессия, спектакль и праздник, а с другой, — акт возмездия за неповиновение и прощения восставших. При подавлении восстания герцог Филипп представлял себя как «избранный Господом наместник», которого «дыхание мирских людей не может низложить», а восставшие — «согрешили перед ним, тем самым отрезав себя от благодати Божьей»[7]. После подавления восстания одним из условий мира был марш граждан «босиком и без головных уборов — из городских ворот, чтобы встретить своего герцога на коленях, покаяться перед ним и просить прощения». Данный ритуал служит формальным, общинным актом раскаяния, направленным на заглаживание проступков и получение прощения и благодати от герцога. Фактически, играя свои роли в гражданском триумфе, герцог и его подданные стремятся восстановить идеал христианской политичности, который был уничтожен во время мятежа. Процессия предложила гражданам символические и театральные средства воссоединения главы и тела государства в их надлежащие, божественно-предопределенные отношения.

Анализируя труды Коммина и Ла Марша, можно сказать, что различия в описании присутствуют из-за разных целей повествования. Первый больше внимания уделял не описаниям событий, а межличностным отношениям и описаниям государей, их характеров и поступков, а второму свойственна большая художественность описаний военных действий.

Подводя итог, следует сказать, что церемониальный въезд — это ритуал, состоящий из множества различных важных моментов. В мемуарах Филиппа де Коммина и Оливье де Ла Марша этот ритуал описывался поразному, так как перед авторами стояли разные цели повествования. В ходе

[7] Ibid. P. 48–49.

исследования удалось установить три особенности этого ритуала. Герцоги обязательно:

1. фиксировали контроль над побеждённой стороной (снося крепостные сооружения и постройки, засыпая городские рвы и т.д.);

2. демонстрировали свое богатство (надевая лучшие одежды, драгоценности и т.д.);

3. напоминали об ущербе, нанесенном восставшими.

Без всякого сомнения, целью данного ритуала являлось укрепление власти герцога на тех или иных территориях, закрепление его роли как «вершителя судеб» своих подданных и признание этого факта ими, а также возвращение подданных под власть герцога.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Филипп де Коммин и его «Мемуары». М., 2004.

La Marche, O. Les mémoires de messire Olivier de la Marche. Anno, 1567.

Асейнов Р.М. Восстание в Генте 1452–1453 гг. в бургундской историографии XV века // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2008. № 2.

Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

Kipling G. Enter the King: Theatre, Liturgy, and Ritual in the Medieval Civic Triumph. Oxford, 1998.

A.D. Kuzmenko
Nizhny Novgorod (Russia)
N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

DESCRIPTIONS OF CEREMONIAL ENTRANCES IN THE WORKS OF BURGUNDIAN CHRONISTS

In this report considered the fragments of historical works of Philippe de Commines and Oliver de La Marche, which dedicated to ceremonial entrances of Dukes of Burgundy in the Dutch cities. The task is to analyze and compare these descriptions, highlight common features and specifics of the representation of entrances by two authors. During the research, we reconstructed the main components of the communicative-symbolic field, which shaped by the ceremonial entrances of Philip the Good to Ghent (1453) and Charles the Bold to Ghent and Liege (1468): fixing power over the defeated side; display of wealth by dukes; a reminder of the damage done by the rebels.

Keywords: Burgundy, ceremonial entrances, Oliver de La Marche, Philippe de Commines, rebellion in Gent and in Liege.

Н.Ю. Гребенников
г. Москва (Россия)
Высшая школа экономики

В ПОИСКАХ «ВАРВАРОВ»: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ПОНЯТИЯ И ВРЕМЕНИ ЕГО ВХОЖДЕНИЯ В ЛЕКСИКОН ДРЕВНЕРУССКИХ КНИЖНИКОВ 2-й ПОЛОВИНЫ XV–XVI вв.

Древнерусские книжники проводили четкую грань между населением Русской земли и иноземцами, сопровождая их описание соответствующими словами-«маркерами». С помощью них древнерусские авторы характеризовали действия других народов, поэтому анализ семантики таких понятий позволяет лучше понять самосознание средневековых людей. На примере наиболее ярких по своему содержанию литературных текстов 2-й пол. XV–XVI вв. автор предпринимает попытку выявить основные значения понятия «варвар», а также установить возможные причины его заимствования в лексикон книжников этого времени.

Ключевые слова: Московская Русь, татары, межэтнические контакты, образ «Другого», самосознание древнерусских книжников.

Понятие «варвар» относится к числу слов-«маркеров». Оно было знакомо еще летописцам домонгольской Руси, но встречается исключительно в переводных текстах. В то же время оно отсутствует в летописях вплоть до 2-й пол. XVI в. (это уже отмечалось А.А. Горским[1]).

Слово восходит к греческому βάρβαρος, которым в античной Греции называли чужеземцев, не приобщенных к греческим моральным ценностям и не говорящих на языке цивилизованных греков[2]. В христианском мире Западной Европы и в Византийской империи «варваром» называли человека, не знающего истинного Бога[3]. После Схизмы 1054 г. византийцы варварами могли

[1] *Горский А.А.* «Повесть об убиении Батыя» и русская литература 70-х годов XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001. С. 212.

[2] *Roche T.J.* The Byzantine Conception of the Latin Barbarian and Distortion in the Greek Narratives of the Early Crusades // Fighting for the Faith — The Many Crusades. Stockholm, 2018. P. 153–170.

[3] *Jones W.R.* The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. №. 4. P. 387, 388, 390.

называть христиан Западной Европы[4]. В позднее Средневековье в Европе термин уже был лишен религиозного содержания[5]. Данное исследование ставит целью рассмотреть значение слова в оригинальных древнерусских текстах.

Впервые после монголо-татарского нашествия понятие «варвар» появляется в текстах северо-восточной традиции, а именно — в «Повести об убиении Батыя» и «Повести о Темире-Аксаке». Первая составлялась в процессе создания великокняжеского свода 1477 г.[6] Текстологически ранний текст произведения сохранился в составе Московского летописного свода 1479 г.[7] (*Далее* — МС). На протяжении всего повествования термин «варвар» встречается трижды[8]. Далее понятие встречается в «Повести о Темир-Аксаке», текст которой претерпел несколько редакций[9]. Но именно в летописных сводах (Львовской летописи [*Далее* — ЛЛ] и Тверском сборнике [*Далее* — Тв. сб.]), в которых отразился текст Повести, относящийся к более поздней редакции А[10], единожды встречается исследуемое понятие[11].

Если обращаться к текстам Повестей, то в них не наблюдается серьезных расхождений в семантике понятия. В МС оно, к примеру, встречается в контексте победы венгерского короля Владислава над Батыем: «Они же въ слѣд женуще толико множство безбожных варваръ погубиша…»[12]. В «Повести о Темире-Аксаке» понятие появляется в молитве Василия I, с которой тот обращается к Богу во время нашествия Тамерлана: «…Господи,… виide безбожнаа варвара и сущихъ съ ними, дрзнувшихъ хулити святое и великое имя твое…»[13]. Текст Повестей пронизан идеей торжества

---

[4] *Shepard J.* Aspects of Byzantine Attitudes and Policy Towards the West in the Tenth and Eleventh Centuries // Byzantium and the West: c. 850 — c. 1200. Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies. Amsterdam, 1988. P. 95.

[5] *Jones W.R.* Op. cit. P. 393, 394.

[6] *Горский А.А.* Указ. соч. С. 217.

[7] *Горский А.А.* Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х г. XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4. С. 89.

[8] Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 25. Московский свод конца XV в. М., 1949. С. 140, 141.

[9] Обзор мнений в историографии: *Щенникова Л.А.* Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г. Исторический сюжет и особенности иконографии // «Ветроград многоцветный». Сборник к 80-летию Б.Н. Флори. М., 2018. С. 240–244.

[10] *Жучкова И.Л.* Повесть о Темир-Аксаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л — Я. Л., 1989. С. 284, 285.

[11] ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. СПб., 1910. Ч. 1. С. 214; ПСРЛ, Т. 15. Тверской сборник. М., 2000. Вып. 1. С. 450.

[12] ПСРЛ. Т. 25. Московский свод конца XV в. М., 1949. С. 140.

[13] ПСРЛ. Т. 15. Тверской сборник. М., 2000. Вып. 1. С. 450.

христианства в период смертельной опасности, грозившей Венгрии и Руси, поэтому с «варварами» в них ассоциируются нехристианские народы, которые стремились «разорить» христианство.

Заметное изменение в смысловом наполнении понятия происходит уже в литературе Московского царства ближе к сер. XVI в. Его смысл становится у́же, а само понятие встречается чаще. Одним из наиболее ярких текстов того времени является краткая редакция Жития Макария Желтоводского и Унженского. Она создавалась в период эскалации русско-казанского противостояния и в условиях, когда идея о богоизбранном народе и православном царе получила широкое распространение[14].

В контексте данного произведения семантика понятия «варвар» лежит непосредственно в религиозно-духовной плоскости: «варваром» признается представитель Казанского ханства исключительно с точки зрения конфессиональный принадлежности, т.е. в силу магометанского вероисповедания. В то же время, несмотря на негативное восприятие «варваров» со стороны книжника, они не обделены и положительными качествами: так, татарский воевода во время нападения на обитель старца в 1439 г. порицает своих подчиненных за неподобающие отношение к святому.

«Казанская история», создаваемая по следам взятия Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г.[15], уже распространяет понятие «варвар» на всех татар. Кроме того, автором «Истории» вводится новый контекст употребления понятия: «варварскими» называются татарские жены с детьми, захваченные во время Стояния на Угре, а хан Мухаммед-Амин ведет свое происхождение от «злого семени варварского». Наконец, текст «Истории» показывает, что отношение в Московской Руси к служилым татарам было не всегда положительным. К такому выводу нас подводят характеристика, данная автором князю Чапкуну: «Окаянный же сей варвар поганый жил в Москвѣ, служа самодержцу, пять лѣт в велицей чести и любви его, и от всѣх велмож его и князей, и боляр любимъ и почитаем, яко друг и братъ превозлюбленъ, аще и варваръ, но человѣкъ честенъ бѣ». Таким образом, несмотря на свою исправную службу царю перед изменой, московская знать помнила о его «варварском», т.е. татарском происхождении.

Подведем итоги. Понятие «варвар» представляется нам весьма многогранным. Думается, что оно постепенно входит в лексикон русских книжников с 70-х гг. XV в. и было актуальным на фоне усугубившихся отношений

[14] *Вальденберг В.Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVIII века. М., 2006. С. 231, 232, 235, 240; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 2009. С. 92–100, 103–108.

[15] *Волкова Т.Ф.* «Казанская история» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: А — К. Л., 1988. С. 451–454.

Московской Руси с Большой Ордой. Обращение книжников к понятию в контексте описании зверств и кровопролития со стороны татар усиливало в текстах антагонистическое отношение последних к христианскому вероисповеданию. С 50-х гг. XVI в. «варварами» называются казанские татары. Термин также заимствуется составителями официального летописного свода — «Летописца начала царства», который составлялся сразу после взятие Казани[16]. В нем «варварами» называются уже не только казанцы, но также и крымские татары, к примеру, в известии под 1535 г.[17] Отчетливее религиозное наполнение понятия начинает выражаться только в литературе 50-х гг. XVI в.

Проявлению внимания со стороны книжников к данному понятию в контексте произведений 2-й пол. XV–XVI вв. могла поспособствовать богословская литература и переводные греческие тексты. В причинах использования данного понятия в текстах следует, видимо, видеть отражение соответствующих представлений внутри правящих кругов. К 50-м гг. XVI в. эти настроения уже активно транслируется через тексты: Московская Русь, окруженная, с одной стороны, еретиками, а с другой — варварами, является последним оплотом истинной, «чистой» веры. Наконец, не последнюю роль играла политическая ситуация. Непрекращающиеся столкновения с Казанью в 40–50-х гг. XVI в. повлекли за собой «обновление» в книжной традиции образа врага, подобно тому, как некогда ромеи стали отождествлять с «варварами» едва ли не всех западных европейцев ввиду частых столкновений с норманнами южной Италии[18].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Житие Макария Желтоводского и Унженского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10577

Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. Вып. 1. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. СПб., 1910. Ч. 1.

ПСРЛ. Т. 25. Московский свод конца XV в. М., 1949.

ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и Великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.

---

[16] *Клосс Б.М.* Летописец начала царства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л — Я. Л., 1989. С. 20.

[17] ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и Великого князя Ивана Васильевича. М., 1965. С. 18.

[18] *Shepard J.* Op. cit. P. 96–97.

Горский А.А. Пахомий Серб и великокняжеское летописание второй половины 70-х г. XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4.

Горский А.А. «Повесть об убиении Батыя» и русская литература 70-х годов XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 3. М., 2001.

Жучкова И.Л. Повесть о Темир-Аксаке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л — Я. Л., 1989.

Клосс Б.М. Летописец начала царства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 2. Л — Я. Л., 1989.

Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2009.

Щенникова Л.А. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г. Исторический сюжет и особенности иконографии // «Ветроград многоцветный». Сборник к 80-летию Б. Н. Флори. М., 2018.

Jones W.R. The Image of the Barbarian in Medieval Europe // Comparative Studies in Society and History. 1971. Vol. 13. № 4.

Roche T.J. The Byzantine Conception of the Latin Barbarian and Distortion in the Greek Narratives of the Early Crusades // Fighting for the Faith — The Many Crusades. Stockholm, 2018.

Shepard J. Aspects of Byzantine Attitudes and Policy Towards the West in the Tenth and Eleventh Centuries // Byzantium and the West: c. 850 — c. 1200. Proceedings of the XVIII Spring Symposium of Byzantine Studies. Amsterdam, 1988.

N.Y. Grebennikov
Moscow (Russia)
Higher School of Economics

IN SEEKING OF “BARBARIANS”: ON SEMATIC OF THE TERM AND THE TIME OF ITS APPEARANCE IN LEXICON OF OLD-RUSSIAN BOOKMEN OF THE SECOND HALF 15th — THE 16th CENTURIES

The Old Rus bookmen drew a precise distinction between Rus’ people and foreigners with the special words, which they used as markers. With their help Old Rus authors characterized actions of other peoples. Therefore, for better understanding of the self-perception of medieval people the contemporary researcher must take into consideration such “markers”. According the texts of the most illustrative literature writings of the second half of the 15th — 16th centuries, the author attempts to reveal unique semantic content the term “barbarian” and give his view on the reasons, which were main for bookmen for its usage.

Keywords: Muscovite Rus’, the Tatars, inter-ethnic relationships, image of the “Otherness”, bookmen’ identity.

В.С. Ившин
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

БАСНЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1-й ЧЕТВЕРТИ XIX в.: МЕТОДИКА РАБОТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье рассматривается потенциал использования жанра российской басни в исследованиях по истории общественно-политической мысли 1-й четверти XIX в., и шире — российской политической культуры. Определяются особенности источников данного вида, а также предлагается методика работы. Делается вывод о необходимости интеграции данного жанра в ограниченный массив источников истории общественно-политической мысли обозначенного периода.

Ключевые слова: Александр I, галломания, просвещение, цензура, политическая культура.

Методологический плюрализм современной историографии обострил тенденции к поиску инструментариев исследования истории общественно-политической мысли. С появлением новых методологических оптик, позволивших по-другому взглянуть на исторический источник, в исследованиях по истории общественно-политической мысли активно вовлекаются ранее игнорировавшиеся исследователями или использовавшиеся ими лишь «косвенно» источниковые комплексы. Эту тенденцию выражает отношение исследователей к панегирической литературе XVIII–XIX вв., редко рассматривавшейся частью российской политической культуры, и лишь спустя десятилетия после работы Б.А. Успенского и В.М. Живова[1] стала вновь

[1] Подробнее см.: *Успенский Б.А., Живов В.М.* Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 110–193.

активно вовлекаться современными исследователями[2]. Между тем, данный «мейнстрим» обошел стороной массив текстов, частично обращенный к социально-политической тематике — жанр российской басни, ориентированный не столько на придворную публику, сколько на публичную сферу (с той оговоркой, что часть басен И.А. Крылова все же читали «при дворе»)[3]. Особую актуальность данный источниковый массив приобретает в контексте публичной сферы России 1-й четверти XIX вв., с количественным и качественным ростом периодической печатной продукции, а также расширением круга читателей.

Традиционно жанр басни вовлекался филологами и лингвистами в качестве демонстрации языковых средств передачи культурной информации, анималистических образов или способов перевода басен И.А. Крылова на иностранные языки[4]. Историки российской общественно-политической мысли крайне редко уделяют внимание жанру басни. Единственным исключением можно считать М.Г. Альтшуллера, посвятившего одну из глав монографии басни в кругу «Беседы любителей русского слова». М.Г. Альтшуллер все же был филологом, а его исследование выдержано в историко-филологическом ключе. Речь здесь идет лишь о функционировании басни в кругу «Беседы…», а также интересе «беседчиков» к языковым и стилистическим особенностям жанра басни[5]. М.Г. Альтшуллер все же успешно интегрировал басни И.А. Крылова и Д.И. Хвостова в более широкий контекст общественно-политических настроений российского общества 1800–1810-х гг., а также доказал, что традиция российской басни в среде «беседчиков» восходила к наследию М.В. Ломоносова и А.П. Сумарокова. Для М.Г. Альтшуллера это был интерес, прежде всего, к «гиганту» басенного творчества — И.А. Крылову и слабоизученному на тот момент творчеству Д.И. Хвостова. Басни не ограничивалась только именами Крылова и Хвостова, их писали, пусть в меньшей степени, более широкий круг авторов: Г.Р. Державин, А.С. Шишков или вовсе «малые имена», например, Г.И. Лузанов (1789–1730 гг.) и др.

---

[2] Подробнее см.: *Бугров К.Д.* Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис. ...док. ист. наук. Екатеринбург, 2017; *Парсамов В.С.* На путях к Священному союзу. Идеи войны и мира в России начале XIX века. М., 2020.

[3] *Альтшуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007. С. 248–249.

[4] *Артемьева Н.А.* Анималистические образы в баснях И.А. Крылова: дис. ...канд. филол. наук. Смоленск, 2012; *Микова С.С.* Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни: диахронический аспект исследования: дис. ...канд. филол. наук. М., 2011.

[5] *Альтшуллер М.Г.* Указ. соч. С. 180–181.

При вовлечении басен к общему массиву исторических источников следует учитывать их специфику. Басня как художественное произведение отражает настроения и мировоззренческие ценности эпохи, изображая ее зачастую карикатурный просопографический портрет. Этот жанр имеет максимальную степень авторской субъективности, увеличивающиеся за счет художественных средств выразительности. Он оперирует типизированными персонажами и ситуациями, представляя реальных героев в образах, находящихся в типизированной или известной только автору ситуации. Антагонизм между героями имеет явную трактовку в концепциях «добра» и «зла». Последнее, приобретает особую актуальность в контексте дискурса о правильном и «ложном» (философском) просвещении. Наконец, как и любому художественному произведению, в басне наличествует вымысел — литературный прием, позволяющий донести до широкой аудитории авторскую мысль. Таким образом, одним из методик работы с баснями следует признать филологический анализ, наряду с «классическими» методиками источниковедческого анализа.

Необходимо так же выделить ряд исторических особенностей функционирования жанра басни в 1-й четверти XIX в. На наш взгляд, следует отказаться от представлений о басне 1-й четверти XIX в. как об анахронизме. Этот жанр следует рассматривать через культурный европейский трансфер XVIII в., а затем адаптацию данного жанра на российской почве. Эти процессы подразумевали именно адаптацию в существовавшей российской литературной, политической культуры. Таким образом, жанр басни для России был новшеством на момент XVIII в. и не имел устоявшейся российской традиции, она сформировалась только к концу 2-й пол. XVIII в., благодаря басенному творчеству Ломоносова и Сумарокова. Отсюда басни получили широкую дидактическую и назидательную функции, что приобрело особую значимость среди современников нач. XIX в., в период «языкового» спора о «старом и новом слоге»[6], а также в борьбе с «ложным» просвещением в канун и период войны 1812 г. Именно в баснях ставилась под сомнение ценность французского просвещения. Для современников 1800–1810-хх гг. басни были своего рода развлечением для публики. Они высмеивали пороки общества и актуальные события (например «Волк на псарне» И.А. Крылова, воспевающий подвиги М.И. Кутузова)[7], а потому чтение басен всегда сопровождалось большим количеством слушателей, особенно в кругу «Беседы…».

Или иной пример отклика на актуальные события. Басня «Петух» за авторством Г.И. Лузанова — участника Отечественной войны 1812 г. и за-

[6] Подробнее см.: *Тынянов Ю.Н.* Архаисты и новаторы. М., 1929.

[7] *Альтшуллер М.Г.* Указ. соч. С. 238–240.

граничных походов[8]. Название басни являлось аллегорией на французов, проигравших в войне. Галлы (от лат. Gallus — петух) были названы так римлянами за форму шлемов, увенчанных гребнем, напоминавших гребни петухов. Данная басня представляет собой антинаполеоновский памфлет, высмеивавший Наполеона в период вступления русской армии в Париж, а главными героями данной басни предстают «хвастливый» Наполеон и «сильнейший» Александр I, одержавший победу. При этом портрет «хвастливого» поверженного императора Наполеона проецируется на всех галлов (французов): «Все Галлы — таковы! У наших петухов»[9].

Методической рекомендацией работы с жанром басни следует признать «теорию речевых жанров» М.М. Бахтина. Согласно последнему, жанр является устойчивым типом высказывания, выработанный определенной сферой использования языка. Важно учитывать, кому было адресовано высказывание, как автор представлял своих адресатов и как от этого зависит содержание и композиция высказывания. Чтобы понять басню необходимо контекстуализировать ее не только в широкий контекст (актуальных для современников событий), но также в узкий, авторский контекст. Для этого необходимо обратиться ко всему авторскому наследию (дневниковым записям, письмам и иным произведениям авторов), только в таком случае получится декодировать авторскую иносказательность басни[10].

Иносказательность и завуалированность текстов басен иногда позволяла авторам первой четверти XIX в. проходить цезуру и высказывать «эзоповым языком» недовольство властью и проводимым курсом политики. Примером может служить «Басня…» А.С. Шишкова, опубликованная в 1831 г., в заглавии которой значилось «Подражательный перевод с немецкого»[11]. Ни оригинальный немецкий текст, ни автор до сих пор неизвестны. Можно предположить, что такой заголовок служил маскировкой перед цензурой, по аналогии с другим его произведением — «Старое и новое время», в заглавии которого значился «Перевод с французского»[12]. Автором басни мог быть сам Шишков. Текст мог быть написан в канун Отечественной войны 1812 г., в период наивысшего расцвета антифран-

[8] *Лузанов Г.И.* Басня. Петух // Дух журналов. 1816. Ч. 16. С. 159–160 (725–726).

[9] Там же. С. 160.

[10] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.

[11] *Шишков А.С.* Басня (подражательный перевод с немецкого) // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14. С. 181.

[12] Подробнее см. об авторстве этого произведения: *Альтшуллер М.Г.* Указ. соч. С. 36–38.

цузских настроений в российском обществе, а также под влиянием басни «Воспитание льва» (1811 г.) И.А. Крылова, изображавшая Александра I «львом», учившим «вить гнезда» (просвещать)[13]. Шишков в своей басне высмеивает либеральную цензурную политику первых лет царствования Александра I, допустившего распространения «ложного» просвещения в российском обществе:

Такие ходят вести,
Что будто бы назад тому лет двести,
<…>
Звериный весь народ,
<…>
Был некогда учен,
Подобно людям просвещен…[14]

Здесь так же есть «лев», в котором угадывается Александр I, подписавший «либеральный» цензурный устав 1804 г. за авторством П.В. Заводовского. После чего все «козлы, лисицы, кошки, крокодилы…» (российские подданные) начали толковать о надобности просвещения:

Кому и как попало,
О круге, де его начало,
О носе комара, о действии страстей...[15]

Распространение «ложного» просвещения в басне прекращается, когда «лев» (Александр I) признал ошибку и вновь выпустил «медведя», на этот раз в образе медведя был министр просвещения А.К. Разумовский (1810–1816 гг.). Важно отметить, что А.К. Разумовский был одним из попечителей «Беседы…» и начал вполне жесткую цензурную политику в отношении распространения философско-просветительских идей. Иными словами, хронологически басню Шишкова можно атрибутировать 1810–1816 гг. Верхняя граница объясняется тем, что в 1816 г. должность министра народного просвещения занял А.Н. Голицын, которого сам адмирал недолюбливал. Таким образом, основная мораль басни заключалась в том, что «льву» необходимо было прислушиваться к советам старших и «знать, как и медведей выбирать»[16].

[13] Там же. С. 244–245.
[14] *Шишков А.С.* Указ. соч. С. 181.
[15] Там же. С. 183.
[16] Там же. С. 184.

Итак, басни как исторический источник имеют несомненный потенциал для исследователей истории общественно-политической мысли. Однако они не могут использоваться независимо (вырвано) из широких и ситуативных контекстов. Только погружая конкретную басню в определенные контексты, как жанр она может проливать свет на неоднозначные коммуникативные взаимоотношения между подданными и властью, а также служить маркером отношения современников к актуальным событиям (война, революция, галломания и т.д.). Все вышеперечисленное (особенно функционирование басни, в основном, в публичной сфере) позволяет с уверенностью интегрировать, следуя определенным методикам работы, в тот ограниченный массив источников по истории общественно-политической мысли конца 1-й четверти XIX в. и шире — российской политической культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Лузанов Г.И. Басня. Петух // Дух журналов. 1816. Ч. 16.

Шишков А.С. Басня (подражательный перевод с немецкого) // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. СПб., 1831. Ч. 14.

Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова. У истоков русского славянофильства. М., 2007.

Артемьева Н.А. Анималистические образы в баснях И.А. Крылова: дис. ...канд. филол. наук. Смоленск, 2012.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Бугров К.Д. Формирование идей республиканизма в российской общественно-политической мысли XVIII в.: дис. ...док. ист. наук. Екатеринбург, 2017.

Микова С.С. Языковые средства передачи культурной информации в тексте русской басни: диахронический аспект исследования: дис. ...канд. филол. наук. М., 2011.

Парсамов В.С. На путях к Священному союзу. Идеи войны и мира в России начале XIX века. М., 2020.

Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы. М., 1929.

Успенский Б.А., Живов В.М. Царь и бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996.

V.S. Ivshin
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

FABLES AS A HISTORICAL SOURCE ON THE RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT FIRST QUARTER OF 19th CENTURIES: METHOD OF WORK AND PROSPECTS

The paper examines the potential of using the genre of Russian fable in research on the history of socio-political thought in the first quarter of the 19th century, and more broadly in Russian political culture. The features of the sources of this type are determined, and the method of work is proposed. It is concluded that it is necessary to integrate this genre into that limited array of sources of social and political thought of the indicated period.

Keywords: Alexander I, Francophile, enlightenment, censorship, political culture.

С.Г. Кудрявцева
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ НЕДЕЛИ СЫРОПУСТНОЙ И СЮЖЕТЫ ДЬЯКОНСКИХ ВРАТ РУБЕЖА XVI–XVII вв.

В статье рассматривается тезис об интермедиальности иконографических сюжетов древнерусских дьяконских врат рубежа XVI–XVII вв. и монодических песнопений Недели сыропустной в контексте храмового пространства и богослужебного ритуала. Анализируя иконографический репертуар двери в жертвенник и художественную организацию распева, автор делает вывод о формировании посредством музыкальной и визуальной образности единого семантического поля, которое, актуализируясь в момент совершения богослужения, особым образом воздействует на человека и становится важным фактором развития культурной топики в историческом контексте рубежа XVI–XVII ст.

Ключевые слова: древнерусское певческое искусство, иконография, знаменный распев, интермедиальность, Неделя сыропустная.

В древнерусской певческой традиции сохранился обширный круг текстов, основанных на Священном Писании и Предании Церкви, объединенных покаянно-постной тематикой, которая особенно ярко раскрывается в службе Недели сыропустной — последнего воскресения перед Великим постом, когда Церковь вспоминает изгнание Адама и Евы из рая. Функционируя в древнерусской литургической традиции на протяжении многих столетий, музыкально-поэтические тексты Недели сыропустной вступали в сложное взаимодействие с другими элементами церковного ритуала и многочисленными изображениями в храмовом пространстве, в частности, с иконографическими программами древнерусских иконостасов XVI–XVII вв. Одним из примеров подобного взаимодействия является тесное семантическое единство песнопений чинопоследования и иконографии дьяконских врат, устойчивая структура которых на рубеже XVI–XVII вв. получает максимально полную художественную интерпретацию с доминированием сюжетов, объединенных темами покаяния, поста, молитвы и, прежде всего, — истории сотворе-

ния Адама и Евы, их грехопадения и покаянного плача у врат рая. Единство мотивной структуры визуального и музыкально-поэтического текстов, актуализируясь в момент богослужения, особым образом воздействует на духовную и эмоционально-образную сферы сознания человека, становясь одним из важных факторов формирования устойчивых культурных топосов.

Целью нашей работы является попытка показать непосредственную связь сюжетов древнерусских дьяконских врат и музыкально-поэтической образности монодийных песнопений Недели об изгнании Адама из рая в историко-культурном контексте рубежа XVI–XVII вв. Певческим материалом исследования послужили избранные песнопения Недели сыропустной, зафиксированные в нотированном кодексе из собрания Д.В. Разумовского (РГБ. Ф. 379. № 59) сер. XVII в., продолжающем традицию более древних музыкальных источников. Визуальный материал представлен уникальным памятником последней четверти XVI в. — иконографической программой двери в жертвенник из Богоявленской церкви с. Семеновского (ЦМиАР, КП 352)[1], в которой обнаруживаются определенные семантические параллели с музыкально-поэтическими текстами Недели сыропустной.

Историко-культурный контекст формирования развернутой программы изображений, размещавшихся на дьяконских дверях на рубеже XVI–XVII вв., обусловленный сложным политическим положением и духовным кризисом, усилившим в русском обществе эсхатологические настроения, нашел непосредственный отклик в сюжетах преимущественно назидательно-дидактического характера, напоминающих о необходимости покаяния, важности поста и молитвы. Одним из ведущих факторов формирования структуры изображений на дьяконских дверях оставалась их литургическая функция и предопределенная этой функцией символика. Северные и южные двери древнерусского иконостаса раскрывают смысл центральных врат, являющихся образом Входа в Небесный Иерусалим, и служат «наглядным напоминанием о грехе, покаянии, прощении человека, восшествии на небо и обретении им Царствия Небесного»[2]. Кроме того, дьяконские врата особым образом участвуют в богослужебной драматургии: через северные врата начинаются Малый вход на Литургии, толкуемый как пришествие в мир Спасителя, и Великий вход, символизирующий снятие Тела Христова с Креста и положение Его во гроб[3], что формирует литургическую интер-

[1] *Дьяченко О.А.* Дверь в жертвенник // Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007. С. 560–565.

[2] *Шалина И.А.* Боковые врата Иконостаса: символический замысел и иконография // Иконостас. Происхождение — Развитие — Символика. М., 2000. С. 563–564.

[3] *Афанасьева Т.И.* Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012. С. 348, 351.

претацию дьяконских дверей как отверстого для человека пути в Царствие Небесное.

Дополнительная семиотизация дьяконских врат происходит в русской среде в контексте культуры рубежа XVI–XVII в. и выражается в их специфической иконографии. Расширенный цикл сюжетов из истории первых людей, в частности, на двери в жертвенник из Богоявленской церкви с. Семеновского включает в себя ряд сцен. «Сотворение Адама», «Сотворение Евы», «Заповедь» и «Грехопадение» во втором регистре и «Насаждение винограда», «Изгнание из рая» и «Плач Адама» в третьем регистре непосредственно связаны с нравоучительными сюжетами поминальных Синодиков, ставших популярными именно в это время и сосредоточенных на напоминании человеку об утраченном райском блаженстве и о способах возвращения к нему. Библейские сцены «Пророк Даниил во рву львином», «Три отрока в пещи огненной» и образ «Души чистой», основанный на древнерусской притче «О праведной душе»[4], в четвертом регистре образуют самостоятельный комплекс сюжетов, связанный с мотивами сугубой молитвы и поста: душа, предстающая, согласно притче, как чистая девица, пожигает «всяко терние» пламенем молитвы и укрощает постом и смирением льва и змия — символы страстей. Согласно толкованию свт. Иоанна Златоуста, именно постом пророк Даниил укротил ярость львов, как и три отрока, не евшие мясной пищи со дня пленения их вавилонянами, спаслись из огня[5]. В нижнем ряду представлены сюжеты «Адские муки» (четыре круга ада) и «Зрю тя, гробе», который основан на покаянном стихе, появляющемся в рукописях в кон. XVI в.[6], и напоминает о неизбежности смерти, фиксируя в иконографической программе тему частной эсхатологии. Венчают дверь жертвенника сюжеты «Лоно Авраамово» и «Благоразумный разбойник», наиболее тесно связанные с литургической «райской» символикой жертвенника.

Выделенные в иконографии дьяконских дверей рубежа XVI–XVII вв. мотивы (скорбь о потерянном рае, покаяние и упование на милосердие Божие, постный подвиг и личная эсхатология — «память смертная» и ожидание суда над душой), можно проследить и в музыкально-поэтических текстах Недели сыропустной, избранных нами для анализа, — двух стихирах на хвалитех «Увы мне, Адамъ рыданиемъ взываше» и «Подвигъ добродетелей отверзеся» (по рукописи РГБ. Ф. 379. № 59).

---

[4] См.: Древнерусская притча. М., 1991. С. 105.

[5] Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в 12-ти томах. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1899. С. 348.

[6] *Владышевская Т.Ф., Сергеев В.Н.* Покаянный стих «Зрю тя, гробе...» в литературе, живописи и музыке XVII века // Древнерусское искусство XV–XVII веков. М., 1981. С. 108.

Первый текст представляет собой плач Адама у врат закрытого рая и коррелирует с иконографией второго и третьего ряда дверей жертвенника. Трижды в песнопении звучит возглас праотца «увы мне», насыщающий текст семантикой сожаления: устами Адама гимнограф напоминает о событиях грехопадения и изгнания из рая, далее следует сравнение благ райской жизни с последствиями грехопадения, а в заключении стихиры содержится обращение молящихся к Искупителю первородного греха. В музыкальной интерпретации трижды повторяющийся возглас Адама «увы мне» выделен одинаковой музыкальной формулой, передающей интонацию покаянного вздоха, а регулярный повтор некоторых попевочных структур поддерживает создание целостного пространства плача. Например, сочетание музыкальной формулы *рафатка* с ее выходом в высокий регистр и кадансовой формулы *долинка,* звучащей в низком регистре, создает яркий мелодический спуск в диапазоне октавы, интонацию «схождения», символизирующую падение человека и связанную с интонациями оплакивания рая в возгласе «увы мне». Особую роль в распеве играют пространные мелодические обороты: повтор одной и той же формулы (*фита душеполезная)* на лексеме «иногда» и синтагме «смертною кожею» окружает синтагму «славою бесзомертия облечено» и тем самым выделяет мотив первозданного блаженства Адама, разрушенного преступлением, и антитезу бессмертия и смерти, свойственную и иконографии дьяконской двери.

Следующая стихира того же микроцикла «Подвигъ добродетелей отверзеся», интонационно связанная с предыдущим песнопением, воспевает пост и иные добродетели, возвращающие человека в первозданное состояние, соединяя райско-покаянные и постные мотивы так же, как это происходит и в ряде сцен в иконографии двери в жертвенник. Пространные вокализирующие обороты создают новые эмфазисы. Высокая тесситура первого из них (*фита душеполезная*) отмечает синтагму «препоясавшеся добрыимо», создавая ощущение воодушевления, и звучит как призыв к началу духовного делания. Второй мелизматическим оборотом (*фита кудрявая*) выделяет синтагму «за мече посто», связанную с постной тематикой: средняя тесситура, секвентные звенья мелодии и повторяющиеся мелодические ходы создают ощущение некоторой монотонности, свойственной духовной жизни, построенной на непрерывном аскетическом труде. Столь же значим и завершающий песнопение интонационно насыщенной кадансовый оборот (*большая кулизма*) на лексеме «сужения», подчеркивающий важный для иконографии мотив личной эсхатологии — Страшного суда, на котором будет вынесен нелицеприятный приговор.

Как итог, выделение с помощью широкого спектра музыкальных средств в гимнографических текстах Недели сыропустной фрагментов с райской и постной тематикой создает яркую художественную образность, которая, перекликаясь с символикой дьяконской двери, ключевыми мотивами ее ико-

нографии, паралитургическими текстами, сопровождающими иконографические сюжеты, формирует единое семантическое поле, актуализируемое в момент богослужения, и превращается в религиозный опыт каждого участника литургического действа. Нарастание эсхатологических ожиданий, культурные сдвиги, политические конфликты рубежа XVI–XVII вв. безусловно, являлись не просто «историческим фоном» этого художественного диалога, но той средой, в которой он, собственно, и оказывался возможным, предопределяя дальнейшее развитие в культуре «райско-постного» комплекса топосов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв.: исследование и тексты. М., 2012.

Владышевская Т.Ф., Сергеев В.Н. Покаянный стих «Зрю тя, гробе...» в литературе, живописи и музыке XVII века // Древнерусское искусство XV–XVII веков. М., 1981.

Древнерусская притча. М., 1991.

Дьяченко О.А. Дверь в жертвенник // Иконы XIII–XVI веков в собрании Музея имени Андрея Рублева. М., 2007.

Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста: в 12-ти т. Т. 2. Кн. 1. СПб., 1899.

Шалина И.А. Боковые врата Иконостаса: символический замысел и иконография // Иконостас. Происхождение — Развитие — Символика. М., 2000.

S.G. Kudriavtseva
Saint Petersburg (Russia)
N.A. Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory

OLD RUSSIAN CHANTS OF THE CHEESEFARE SUNDAY AND SUBJECTS OF THE DEACON'S DOORS AT THE TURN OF THE 16th–17th CENTURIES

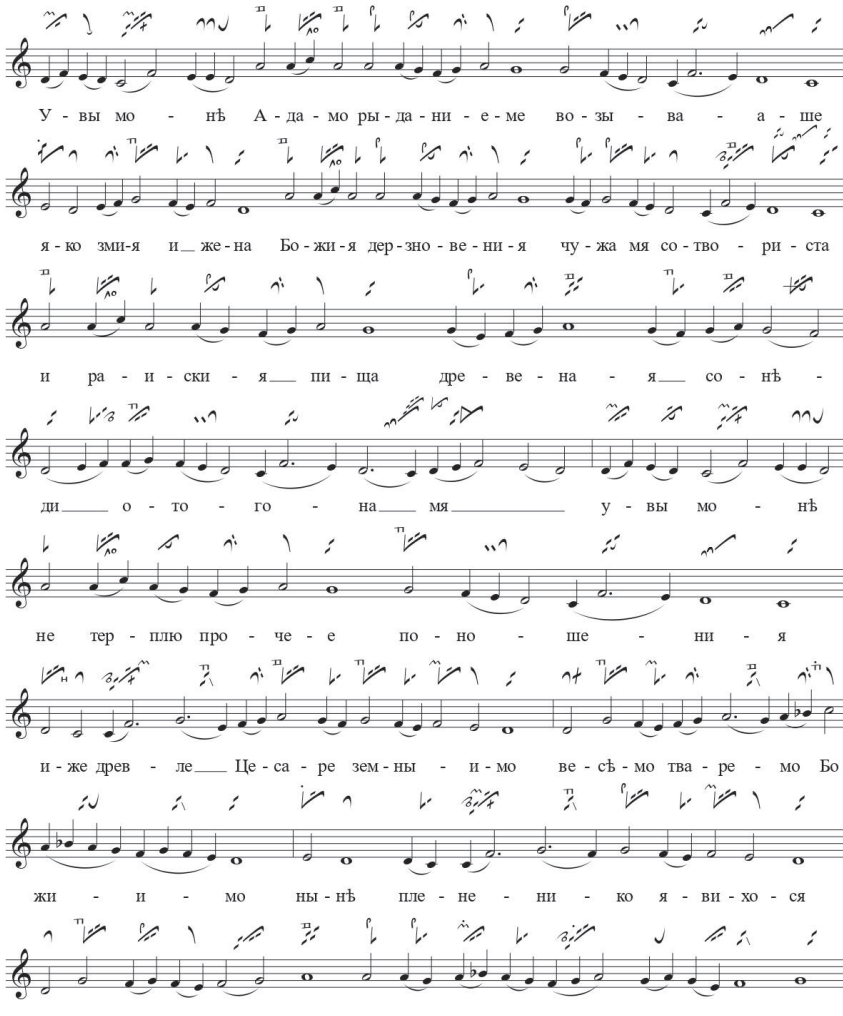
The article examines the thesis about the intermediality of iconographic subjects of the Old Russian deacon's doors at the turn of the 16th–17th centuries and monodic chants of the Cheesefare Sunday in the context of the temple space and liturgical ritual. Analyzing the iconographic repertoire of the door to the side-altar and the artistic organization of the chant, the author concludes that, through musical and visual imagery, a single semantic field has been formed, which, being actualized at the time of the service, affects a person in a special way and becomes an important factor in the development of cultural topics in the historical context of the turn of the 16th–17th centuries.

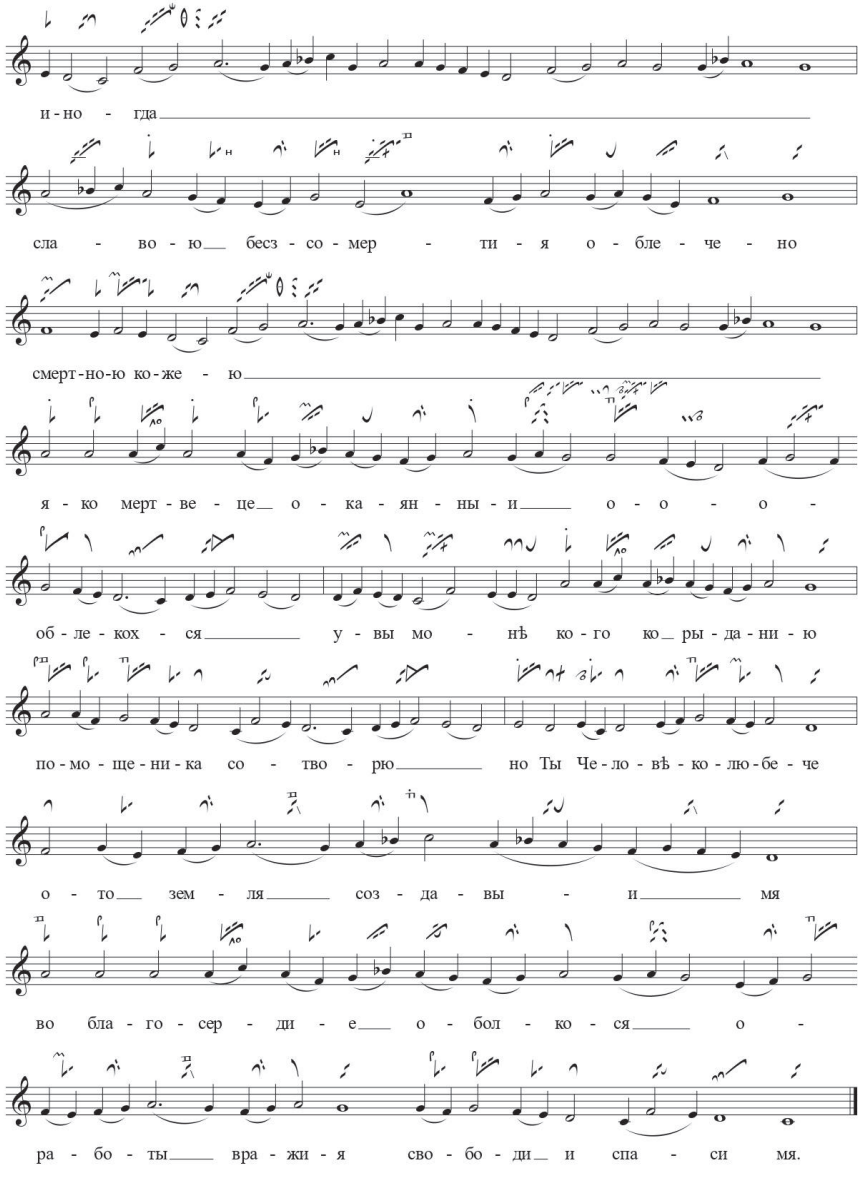
Keywords: Old Russian singing art, iconography, znamenny chant, intermediality, Shrove Sunday.

Увы мне

Неделя сыропустная.
Глас 5, стихира на хвалитех

РГБ, ф. 379 №59, л. 30
Расшифровка Серафимы Кудрявцевой

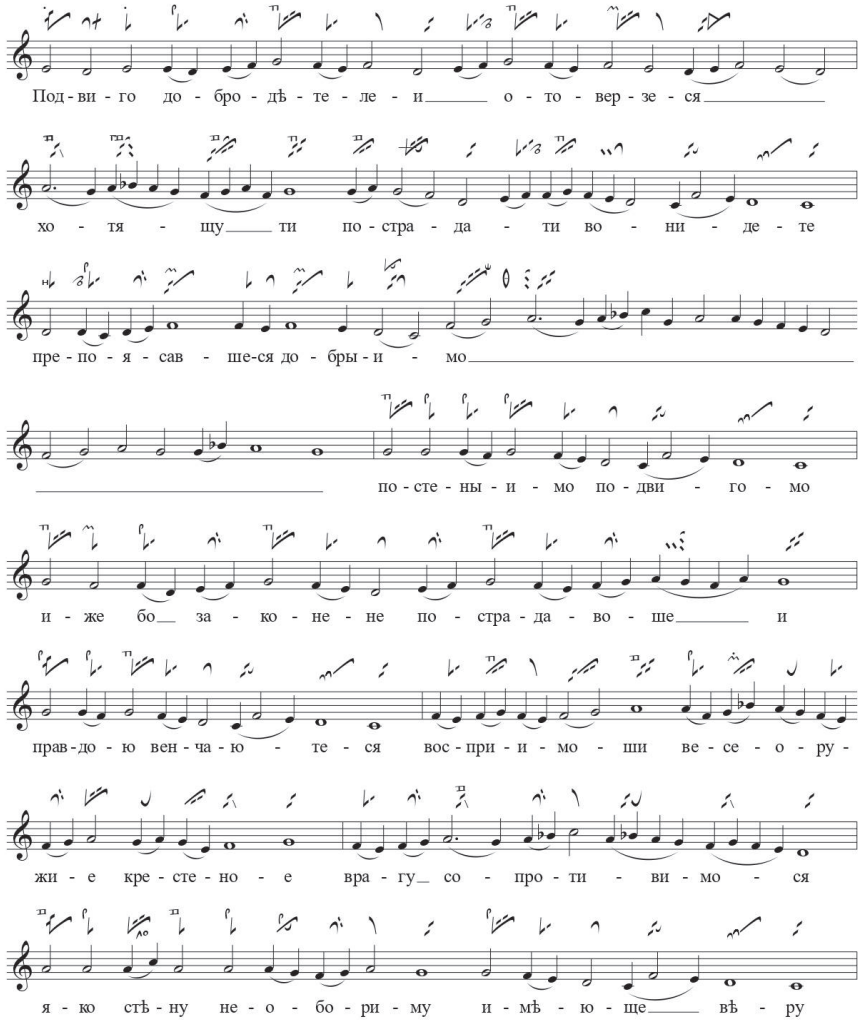


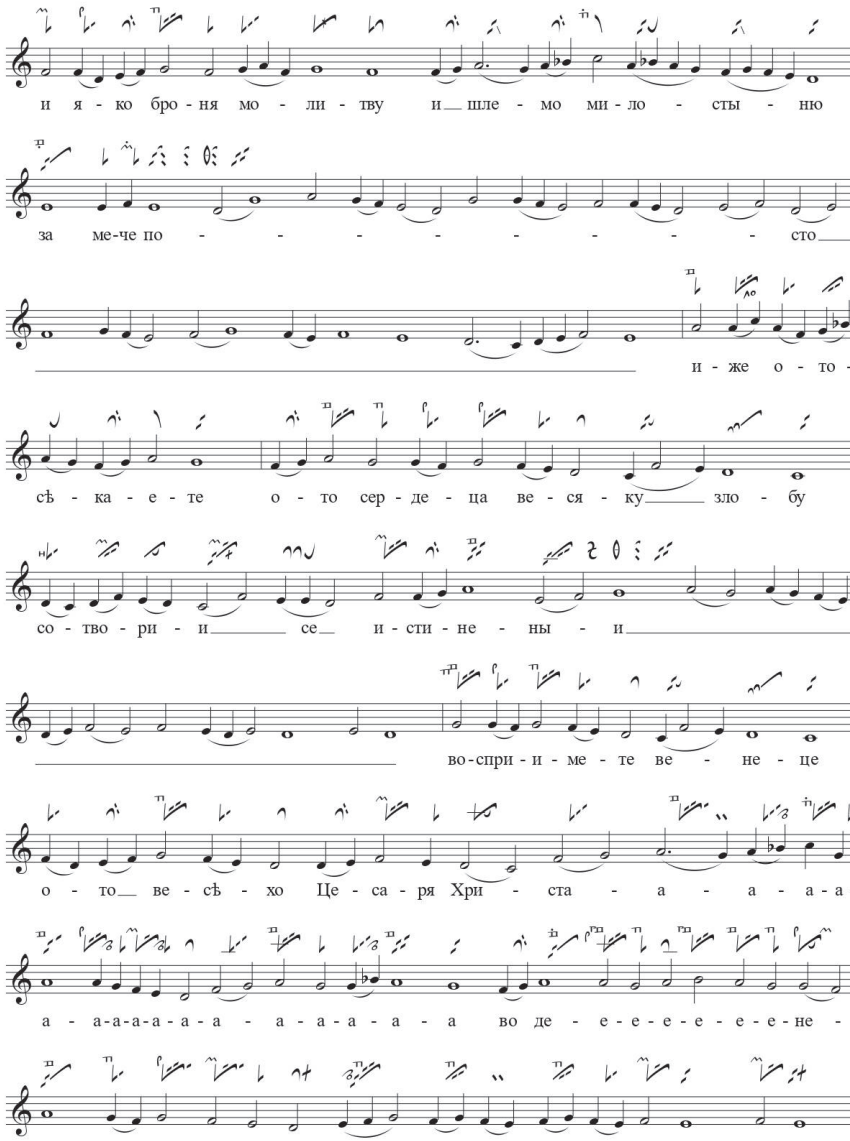

и - но - гда
сла - во - ю бесз - со - мер - ти - я о - бле - че - но
смерт-но-ю ко-же - ю
я - ко мерт - ве - це о - ка - ян - ны - и о - о - о -
об - ле - кох - ся у - вы мо - нѣ ко - го ко ры - да - ни - ю
по - мо - ще - ни - ка со - тво - рю но Ты Че - ло - вѣ - ко - лю - бе - че
о - то зем - ля соз - да - вы - и мя
во бла - го - сер - ди - е о - бол - ко - ся о -
ра - бо - ты вра - жи - я сво - бо - ди и спа - си мя.

Подвиг добродетелей отверзеся

Неделя сыропустная.
Глас 5, стихира на хвалитех

РГБ, ф. 379 №59, л.30 об.
Расшифровка Серафимы Кудрявцевой




и я - ко бро - ня мо - ли - тву и шле - мо ми - ло - сты - ню
за ме-че по - - - - - - - - - сто
и - же о - то -
сѣ - ка - е - те о - то сер - де - ца ве - ся - ку зло - бу
со - тво - ри - и се и - сти - не - ны - и
во-спри - и - ме - те ве - не - це
о - то ве - сѣ - хо Це - са - ря Хри - ста - а - а - а - а -
а - а-а-а-а-а-а - а-а-а-а - а во де - е-е-е-е-е-е-е-не -
е су - у - у - у - же - е - ни - и - и - и-я-а-а - а - а.

И.С. Агафонов
г. Москва (Россия)
Российский гос. гум. ун-т

ПАМЯТНИКИ МЕСТНОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ XVI в. В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»

В статье рассматриваются перспективы использования принципов теоретическо-методологического направления «новой локальной истории» для изучения исторических произведений XVI в., созданных за пределами Москвы и крупных книжных центров, подчиняющихся ей. Установлено, что большинство исследований памятников местного историописания, или сосредотачиваются лишь на источниковедческой стороне работы, или ограничиваются разработкой лишь нескольких источников. Сделан вывод о необходимости проведения комплексного исследования, итоги которого будут способны создать комплексную картину социокультурной обстановки и интеллектуальной жизни регионов Российского государства XVI в.

Ключевые слова: историография, Московское государство, новая локальная история, XVI век, местное историописание.

Начиная со 2-й пол. XX в. внимание многих исследователей стали привлекать микроисторические процессы, интерес к которым оказался обусловлен неэффективностью макроподходов к изучению прошлого. Узкий разброс ведущих тенденций и неполнота выводов толкала ученых к изучению малых, более компактных, форм организации жизни общества[1]. Интерес к комплексному изучению менее масштабных процессов и явлений давал ученым возможность реализовать проект тотальной истории в миниатюре. Одним из теоретико-методологических направлений, с помощью которого это стало возможно, была «новая локальная история».

Начав свое развитие в русле британской традиции историописания 1960-х гг., «новая локальная история» к настоящему времени смогла преодо-

[1] *Репина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть 2 // Социальная история России: Ежегодник 1998–1999. М., 1999. С. 8–12.

леть не только территориальные рамки, сдерживавшие ее, но и прямую зависимость от национальной истории. А опора на принцип контекстуализма и использование компаративного анализа вместе с фронтальным отбором местных источников, позволяют обращаться к комплексному изучению отдельных общностей и индивидов[2]. Одним их объектов исследования данного направления являются локальные культурные представления людей. И в отдельных случаях изучение последних не является проблематичным, однако обращение к периоду позднего Средневековья и раннего Нового времени сопряжено с определенными трудностями.

На протяжении долгого времени отечественные ученые обращали внимание на крупные литературные памятники эпохи, такие как Хронограф 1512 г., Никоновскую летопись, Степенную книгу, Лицевой летописный свод, послания Ивана IV[3]. Выводы, сделанные после их изучения, позволили составить определенные представления об образе мышления, предпочтениях и интересах лишь отдельных представителей политической и интеллектуальной элиты. И выход за пределы исследования узкой прослойки общества, оказывается возможен только в случае отказа от изучения центральных памятников эпохи в пользу более компактных произведений, производившихся за пределами больших городов руками людей, для которых историописание не было основной задачей.

Исследования в области изучения русского летописания, проведенные А.А. Шахматовым, М.Д. Приселковым, А.Н. Насоновым, М.Н. Тихомировым и другими исследователями, позволили существенно расширить корпус доступных источников[4]. Открыв для науки не только крупные, но и менее масштабные памятники историописания, они обеспечили исследовательский интерес на долгие годы вперед. Многие ученые и сейчас продолжают находить новые источники пополняя базу общерусских и провинциальных рукописей. Такие произведения, как Вологодско-Пермская, Усть-Вымская и Устюжская летописи, Соловецкий и Пинежский летописцы, Сказание о Спасо-Каменном монастыре и Повесть о Псково-Печорском монастыре являются отражением взглядов и интересов регионального книжника, который мог иметь собственное мнение о ситуации в стране, мире или регионе. Памятники подобного рода привлекают к себе внимание ученых, разрабатывающих проблемы их происхождения, авторства, условий составления и хронологии. Не пытаясь назвать поименно всех исследователей, кто занимался

[2] *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011. С. 194–195.

[3] *Усачев А.С.* События прошлого глазами русских писцов XVI века // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 343.

[4] *Вовина-Лебедева В.Г.* Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С. 43–47.

изучением локальных исторических произведений, можно лишь акцентировать внимание на деятельности М.Н. Тихомирова, А.Н. Насонова, В.И. Охотниковой, М.В. Кукушкиной, К.Н. Сербиной, А.И. Плигузова, Г.М. Прохорова, О.Л. Новиковой, Н.А. Охотиной-Линд, Г.Я. Солодкина, О.В. Панченко.

Несмотря на то, что ученые сосредоточены на решении своих авторских задач в связи с исследованиями конкретных памятников, «закрепления» за тем или иным ученым лишь одного источника, не происходит. Изучение провинциальных рукописей, пересекающихся между собой через авторов, книжные центры и протографы, побуждает исследователей к активной дискуссии посредством статей и монографий. Так вопрос об авторстве Соловецкого летописца кон. XVI в., поднятый М.Н. Тихомировым еще в 1950-х гг., продолжается до сих пор. Утвердившаяся в историографии мысль о принадлежности летописца перу Соловецкого игумена Иакова, чья деятельность четче всего прослеживалась в памятнике, была подвергнута сомнению В.И. Корецким, заявившем об участии в создании летописца монастырского келаря Петра Ловушки[5]. С этой позицией также выразила свое согласие Р.П. Дмитриева. Дальнейшее развитие дискуссии происходило уже в 1990-е гг., когда к ней подключились О.Л. Новикова и О.В. Панченко и Я.Г. Солодкин, каждый из которых старался развить выводы предшественников. Так Я.Г. Солодкином была высказана мысль о том, что автором летописца был ученик Иакова, хорошо его знавший, с чем согласилась О.Л. Новикова[6]. А О.В. Панченко, практически параллельно с ними, старался вновь вернуть доверие к изначальной версии о ведущей роли самого игумена[7].

Подобные дискуссии, происходящие вокруг памятников местного историописания, закрепляют успехи отечественной исторической науки на микроуровне, предполагающем источниковедческий разбор отдельных источников и подробное изучение их специфических черт. Однако, несмотря на это, нерешенным остается вопрос об обобщении сделанных учеными выводов и их использовании в более широком контексте. Высказанные в свое время В.И. Савицким и С.И. Маловичко мысли о расхождениях между краеведением и «новой локальной историей» могут иметь место и в случае изучения малых источников[8]. Теория и методы, позволяющие

---

[5] *Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 224.

[6] *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 32.

[7] *Панченко О.В.* Памятники летописания Соловецкого монастыря. Статья 1. Соловецкие летописцы XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 63. СПб., 2014. С. 273.

[8] *Савицкий И.В.* Микроистория и краеведение: сравнительный анализ / Народ и власти: исторические источники и методы исследования. М., 2004. С. 324;

вывести исследования на иной уровень и создать общую картину местного историописания, остаются без внимания со стороны большинства ученых. Немногие исследования открыто говорят об использовании принципов «новой локальной историй» для изучения особенностей исторического сознания и интересов провинциальных книжников из разных регионов[9].

Изучение местных памятников историописания обладает большим потенциалом не только в связи с углублением знаний об отдельных книжных центрах, но и для выведения подобных исследований на макроуровень. Для оформления более полной социокультурной картины региональной интеллектуальной жизни необходимо задавать вопросы об авторе, его интересах и формах изложения материала не для одного источника, монастыря или города, а для всех сразу. При этом обозначенные Л.П. Репиной два подхода к «новой локальной истории», отталкивающиеся от локальности социальной среды и индивида соответственно, применительно к изучению памятников местного историописания оказываются в равной степени важными[10]. Поскольку установить точное авторство отдельных источников, как и специфику внутренней организации социальной среды, в которой эти авторы находились, не всегда возможно, объединение этих подходов позволит избежать необходимости дробить исследовательские усилия на изучение одной конкретной стороны вопроса.

Вычленяя общие и характерные черты различных местных памятников XVI в. и их авторов, можно будет понять степень интереса и отношение книжников не только к официальной власти в целом, правителям и их деятельности, но и к происходящим в стране политическим и социокультурным процессам. Крупные литературные памятники XVI в. дают возможность взглянуть на точку зрения власти и окружавших ее лиц на положение государства в мире, его цели, декларируемые ценности. Памятники местного историописания позволяют взглянуть на книжную культуру эпохи с иной стороны и задать вопрос о том, в чем были заинтересованы книжники малых обителей и небольших городов и привлекали ли их внимание события общерусской истории, а если привлекали, то какие и почему. И малые исторические произведения являются наиболее эффективным инструментом для погружения в локальное пространство отдельного города, церкви или монастыря, каждый из которых и похож, и отличен от всех прочих.

Маловичко С.И. Историография локальной истории: современное состояние и основные тенденции развития // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 2. К., 2008. С. 29–31.

[9] *Усачев А.С.* Указ. соч. С. 343–345.

[10] *Репина Л.П.* Историческая наука… С. 165–166.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011.

Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981.

Маловичко С.И. Историография локальной истории: современное состояние и основные тенденции развития // Регіональна історія України. Збірник наукових статей. Вип. 2. К., 2008.

Панченко О.В. Памятники летописания Соловецкого монастыря. Статья 1. Соловецкие летописцы XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 63. СПб., 2014.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М., 2011.

Репина Л.П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть 2 // Социальная история России: ежегодник 1998–1999. М., 1999.

Савицкий И.В. Микроистория и краеведение: сравнительный анализ // Народ и власти: исторические источники и методы исследования. М., 2004.

Солодкин Я.Г. История позднего русского летописания. М., 1997.

Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Усачев А.С. События прошлого глазами русских писцов XVI века // Диалог со временем. 2020. Вып. 73.

I.S. Agafonov
Moscow (Russia)
Russian State University for the Humanities

MONUMENTS OF REGIONAL HISTORY WRITING
IN THE CONTEXT OF THE “NEW LOCAL HISTORY”

The article discusses perspectives of using the principles of the theoretical and methodological direction of the “new local history” to study historical works of the 16th century, created outside Moscow and large book centers subordinated to it. It has been established, that most studies of local historical writing monuments either focus only on the source criticism side of the work, or are limited to the development of only a few sources. It is concluded, that it is necessary to conduct a comprehensive study, the conclusions of which will be able to create a comprehensive picture of the socio-cultural situation and intellectual life of the regions of the Russian state of the 16th century.

Keywords: historiography, Moscow state, new local history, 16th century, local history writing.

А.А. Нечкина
г. Иркутск (Россия)
Иркутский гос. ун-т

РЕФОРМАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX–XXI вв.

В статье автор проводит анализ отечественной историографии XX–XXI вв., посвященной Реформации в Германии 1517–1555 гг. Обозначена проблематика изучения темы, как в советские годы, так и в настоящее время.

Ключевые слова: Реформация, Германия, отечественная историография, Великая крестьянская война, идеология.

Реформационный период Германии достаточно изучен европейскими исследователями, это обусловлено большим количеством источников, литературы об изучаемом периоде. До нашего времени дошли оригиналы писем М. Лютера, труды Ж. Кальвина и гуманистов предреформационной эпохи. Западные исследователи опубликовали большое количество трудов, посвященных реформационному периоду, как Европе, так и в отдельно взятой Германии. Исследователи проявляют большую заинтересованность учениям М. Лютера, Ж. Кальвина, Т. Мюнцера и Ф. Меланхтона, причинам Реформации и ее развитию, существующим на тот момент теологическим проблемам. Отечественные историки также посвящали свои труды теме Реформации, поэтому целью данного исследования является анализ историографии по данной теме и выявление особенностей изучения темы.

«Золотым веком» в изучении Реформации можно назвать XX в., именно в прошлом столетии было издано большое количество монографий по данной теме, исследователи провели большую работу по изучению и систематизации материалов. Самым ярким исследователем Реформации в Германии XVI в. в советские годы признают Моисея Менделевича Смирина — историка, изучавшего период Средневековья в Европе. Перу Смирина принадлежит более 150 научных трудов, значительное число из которых были посвящены изучению Реформации в Германии. Многие труды исследователя при жизни были переведены на другие языки и нашли признание за рубежом.

В наши дни самой знаменитой монографией Смирина считают «Германию эпохи Реформации и Великой крестьянской войны», выпущенную в 1962 г. Автор в монографии умело систематизировал предпосылки Реформации, в точности описал процессы, происходящие в экономике, состояние немецкой деревни, нарастание социальных противоречий, политическую обстановку, положение католической церкви, нарастание оппозиции феодальному строю, тенденции гуманистического движения, подъем революционных настроений. Подавляющий объем монографии Смирин уделил именно изучению предпосылок. Так же автор уделил внимание фигуре М. Лютера в Реформации, народной реформации Т. Мюнцера и Великой крестьянской войне[1].

Другим, не менее популярным трудом Смирина является монография «Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии» 1978 г. Монография является последним прижизненным трудом историка. Автор анализирует тенденции и проблемы генезиса и развития гуманистического течения Ренессанса и последовавшей за ним идеологии Реформации. Между этими событиями с разными целями и мировоззрением Смирин ищет причинно-следственные связи; анализирует влияние, которое оказал гуманизм на общественные движения XVI в. Большое внимание уделено сочинениям Эразма Роттердамского, его идеям[2].

В труде «Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война» автор анализирует взгляды Мюнцера и ту критику, которые они встречали в обществе, его роль в крестьянских восстаниях. Автор приходит к выводу, что учение Мюнцера нельзя рассматривать как крестьянскую идеологию, в нем, по мнению автора, видятся зачатки идеологии будущего рабочего класса. Данный труд был популярен в советское время, именно за этот труд Смирину присвоили Сталинскую премию второй степени[3]. Смирин изучил реформационную эпоху в Германии всесторонне, анализировал весь комплекс явлений и новых идей того времени не изолированно, а в системе друг с другом, в этом и есть главное отличие и преимущество его трудов от трудов других отечественных авторов.

Другие отечественные исследователи реформационного периода преимущественно издавали монографии, посвященные Реформации в Европе в целом. К таким исследователям относят Н.И. Кареева. Данный автор издал

---

[1] *Смирин М.М.* Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.

[2] *Смирин М.М.* Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.

[3] *Смирин М.М.* Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955.

в 1917 г. монографию «История Западной Европы в Новое время. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв.». Первые главы книги посвящены политическому, экономическому, социальному и духовному состоянию Германии накануне Реформации, Великой крестьянской войне, Аугсбургскому религиозному миру. Однако, автор все же мало уделяет внимание Реформации в Германии, описывает ситуацию в общих чертах, не углубляясь в подробности[4].

В советские годы большой интерес уделялся изучению великой Крестьянской войны, это обусловлено сходством революции 1905 г. и Крестьянской войны, которое часто отмечал Ф. Энгельс в наброске «К Крестьянской войне» и монографии «Крестьянская война в Германии». Все советские исследователи акцентировали внимание на том, что Реформация преследовала цель, связанную с борьбой с феодальным дворянством.

Изучение советскими историками Крестьянской войны протекало в соответствии с марксистско-ленинскими представлениями о капитализме. В советских исследованиях особо акцентируется внимание на том, что важную роль во всем народном движении эпохи Реформации и Крестьянской войне играло крестьянство и городской плебс, выступающие в роли прообраза «пролетариата».

Современным исследователем религиозных потрясений является А.Ю. Прокопьев. Его монография «Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648 гг.» вышла в свет в 2002 г. Прокопьев проследует главную цель — исследование социальной сферы Германии в период с подписания Аугсбургского религиозного мира и до завершения Тридцатилетней войны. Большое внимание в монографии уделяется сословному строю немецкого общества. Труд написан с опорой исключительно на зарубежные источники по данной теме. В некоторых вопросах автор расходится во мнениях с общепризнанными точками зрения, касающихся изучаемой проблемы[5].

Во 2-й пол. XX ст. большую популярность среди исследователей получила тема идеологии Реформации, развития гуманизма в изучаемый период. Всеобщее признание нашел труд Н.В. Ревуненковой «Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации». Книга Ревуненковой примечательна тем, что ее автор пытается раскрыть взаимовлияние ренессансного свободомыслия, гуманизма и идеологии Реформации: стремится показать, какие идеи и идейные мотивы Возрождения повлияли на искания мыслителей Ре-

[4] *Кареев Н.И.* История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI в XVII вв. М., 2015.

[5] *Прокопьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола, 1555–1648. СПб., 2002.

формации и какое общее теоретическое и методологическое наследие оставила эта эпоха следующим поколениям борцов за прогрессивные идеалы[6].

Невозможно не упомянуть монографию «Немецкие гуманисты XV века» А.Н. Немилова. Автор анализирует условия, в которых произошел генезис гуманизма в Европе, затем исследует зарождение гуманистической мысли в немецких землях, его главных представителей, влияние гуманистического веяния на ход Реформации. Автор приходит к выводу, что западные исследователи преувеличивают роль теологического компонента в трудах немецких гуманистов[7]. В это время в свет выходит большая часть монографий, посвященных жизнеописанию «творцов» Реформации, в качестве примеров можно привести монографии «Непобежденный еретик» Э. Соловьева[8] и «Титаны Возрождения» В.И. Рутенбурга[9].

Таким образом, в XX в. в СССР историки пропускали информацию о Реформации сквозь призму марксистско-ленинского учения, акцентировали внимание на развитии капиталистических отношений в экономике в Германии изучаемого периода; чаще всего исследовалась Крестьянская война как прообраз революции 1905 г. Конец 2-й пол. XX ст. характеризуется тем, что историки получили послабление и могли отойти от «правильной» трактовки Реформации. Вот что писал по этому поводу в 1994 г. после публикации монографии, посвященной Лютеру, медиевист Ю.А. Голубкин, который долгие годы из-за цензуры не мог опубликовать свой труд: «Эта книга была закончена в 1980 г. Но ее путь к читателю загораживали казавшиеся тогда непреодолимыми идеологические барьеры. Казалось, что времени молчания Лютера в пределах СССР не будет конца»[10]. Свою монографию автор озаглавил «Лютер. Время молчания прошло». Еще одной проблемой является тот факт, что современные исследователи мало интересуются Реформацией в Германии в комплексе, новых монографий почти нет, чаще всего историки освещают идеологические аспекты периода или же стараются охватить ключевые моменты Реформации в общеевропейском плане, из-за такого подхода исследователи не углубляются в специфику реформированной страны и упускают из вида многие важные нюансы.

---

[6] *Ревуненкова Н.В.* Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1988.

[7] *Немилов А.Н.* Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.

[8] *Соловьев Э.Ю.* Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.

[9] *Рутенбург В.И.* Титаны Возрождения. М., 1991.

[10] *Голубкин Ю.А.* Время молчания прошло: избранные произведения. Харьков, 1994.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Голубкин Ю.А. Время молчания прошло: избранные произведения. Харьков, 1994.

Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI в XVII вв. М., 2015.

Немилов А.Н. Немецкие гуманисты XV века. Л., 1979.

Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола, 1555–1648. СПб., 2002.

Ревуненкова Н.В. Ренессансное свободомыслие и идеология Реформации. М., 1988.

Рутенбург В.И. Титаны Возрождения. М., 1991.

Смирин М.М. Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962.

Смирин М.М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая Крестьянская война. М., 1955.

Смирин М.М. Эразм Роттердамский и реформационное движение в Германии. М., 1978.

Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984.

A.A. Nechkina
Irkutsk (Russia)
Irkutsk State University

REFORMATION IN GERMANY:
ANALYSIS OF DOMESTIC HISTORIOGRAPHY 20th–21th CENTURIES

In the article, the author analyzes Russian historiography of the 20–21th centuries, dedicated to the Reformation in Germany in 1517–1555. The problems of studying the topic are outlined, both in the Soviet years and at the present time.

Keywords: reformation, Germany, Russian historiography, the Great Peasant War, ideology.

А.С. Шулятьева
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ВОПРОС О «ВОЛЬНОСТИ» КРЕСТЬЯНСКОЙ В 1-й ПОЛОВИНЕ XVII в. В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлен обзор дореволюционной отечественной историографии, рассматривающей изменение объема прав крестьян в период становления крепостничества. Отражен анализ авторских позиций касательно положения крестьянского сословия, а также причин, приведших к постепенной утрате им ряда гражданских прав.

Ключевые слова: крестьянство, становление крепостного права, правовое положение, отечественная историография, Московское государство.

История крестьянства как особого сословия российского общества стала предметом исторических трудов сравнительно поздно. Интерес к крестьянскому вопросу находит свое выражение в специальных исторических исследованиях, созданных в канун 1861 г., когда целесообразность сохранения крепостного права обсуждалась в высших кругах российского общества.

Одной из наиболее дискутируемых является проблема ограниченности прав крестьян накануне их юридического закрепления за тяглом в 1-й пол. XVII в. Исследования дореволюционного периода освещали вопросы о том, какими субъективными правами обладало крестьянство накануне издания Соборного Уложения 1649 г. и какие факторы привели к фактическому сокращению прав тяглецов. Авторы, осуществив разносторонний анализ положения крестьян (с позиций экономической ситуации, законодательной регламентации и фактически сложившихся взаимоотношений крестьян и землевладельцев), задали направления исследований в советский период.

Под «вольностью» крестьянской дореволюционными авторами подразумевался главным образом переход, позволявший тяглецам сменить землевладельца по тем или иным причинам (В.О. Ключевский, Д.И. Иловайский и др.). Иногда под этим понятием скрывалась дееспособность тяглецов,

т.е. возможность выступать самостоятельно в общественных отношениях, изъявлять свою волю (И.Д. Беляев и др.). Обратимся непосредственно к точкам зрения историков по этому вопросу.

И.Д. Беляев обращал внимание на то, что прикреплены к земле были только крестьяне-хозяева, состоящие в тягле и исправно платившие подати. Остальные члены крестьянской семьи были вольными гулящими людьми, имевшими право сменить землевладельца[1]. Поименная запись крестьян, выступавшая в качестве приложения к акту о перемене собственника земли, не изменяла правого положения земледельцев. По-прежнему тяглецы избирали выборных начальников, отстаивавших их права в суде[2]. Практика порядных крестьянских записей свидетельствует о том, что крестьянин «как член общества» обговаривает условия о взаимоотношениях с землевладельцем (о переселении из деревни в другую деревню, о роде деятельности и др.).

При царе Михаиле Федоровиче наблюдается образование двух групп владельческих крестьян, имевших разные права на переход: 1. совершенно прикрепленные к земле (изстаринные крестьяне, прикрепленные до Михаила Федоровича и тяглецы, указавшие в порядных в качестве условия невозможность оставления землевладельца); 2. новые крестьяне, поступившие в крестьянство из гулящих людей, по порядным с правом перехода[3].

Крестьянин с юридической точки зрения, по мнению И.Д. Беляева, обладал широким спектром прав как свободный член российского общества, чему служит неизменно распространенная практика обращения гулящих людей в крестьян на основании порядной. Ограничителем злоупотреблений землевладельцев служило «то основное постановление, чтобы крестьянин имел свой двор, свое хозяйство и пахотную землю, которая прямо указывалась крестьянской»[4]. Последовавшее прикрепление крестьян по Уложению, будучи финансовой мерой, не касалось прав крестьян как сословия[5].

С.М. Соловьев отмечал, что первоначальной мерой, призванной бороться с опустением земель мелких землевладельцев было уравнивание всех земель в режиме льгот. Однако из-за ее безрезультатности было принято решение о запрете крестьянского перехода. Тем не менее, данное запрещение

---

[1] *Беляев И.Д.* Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 2002. С. 176.

[2] Там же. С. 180.

[3] Там же. С. 187–188.

[4] Там же. С. 194.

[5] Там же. С. 208.

неоднократно нарушалось в течение всего XVII в.[6] В закреплении крестьян за землей историк видит проявление «банкротства бедной страны», вынужденной ограничивать свободу своих граждан для удовлетворения собственных нужд[7].

Ограничение перехода в кон. XVI в. было наполовину отменено Б. Годуновым, который в 1601 г. разрешил переход крестьян, ранее закрепленных за землями мелких землевладельцев. Поэтому говорить о запрещении перехода как о причине Смуты не приходится[8].

С.М. Соловьевым было подмечено обстоятельство, что служилые люди, не получавшие жалования, и сборщики податей в условиях Смутного времени активно занимались грабежом. В целях пополнения казны имело место возложение правительством на крестьян обязанности сбора податей и доставки их в Москву[9].

В годы правления Михаила Федоровича проводилась компания по борьбе с нетчиками. Если служилого человека не удавалось сыскать, то тогда крестьян наряду с приказчиками заключали в тюрьму до той поры, когда землевладелец, лишенный средств к существованию, явится за ними[10].

В качестве причины, по которой землевладельцы нарушали запрет на перевод крестьян, являлось то, что в европейской части России заселенность земель была сравнительно низкой. Поэтому часть землевладельцев нарушала положения закона[11].

Д.И. Иловайский также обратил внимание на льготу как на фактор, вследствие которого происходило «переманивание» более крупными землевладельцами тяглецов более мелких землевладельцев. Оставшиеся без земледельцев служилые люди зачастую не могли в должном виде исполнять воинскую повинность, поскольку были вынуждены искать людей для работы на пашне. Для стабилизации ситуации и вводилось ограничение на переход, которое отнюдь не было безусловным. Издание законов, ограничивавших срок сыска беглецов, а также разрешавших переход крестьян между мелкими землевладельцами свидетельствует об оставшейся возможности сменить место жительства и землевладельца. Бессрочный сыск беглых крестьян, установленный Соборным Уложением, не означал, что крестья-

---

[6] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 7. Т. 13. М., 1962. С. 42–43.

[7] Там же. С. 106.

[8] Там же. Кн. 4. Т.8 . М., 1960. С. 391.

[9] Там же. Кн. 5. Т. 9. М., 1961. С. 18.

[10] Там же. С. 276.

[11] Там же. С. 311.

не превращались в собственность землевладельца, а лишь провозглашал постоянное закрепление за землей. Крестьянин, которому было трудно отстоять свои права в суде, в связи со злоупотреблениями землевладельцев лишь во 2-й пол. XVII в. стал объектом продажи без земли[12].

М.А. Дьяконов рассматривал развитие крестьянской ссудной записи и служилой кабалы. Исследователь, сравнивая положение крестьян и холопов, полагал, что разрушение разграничения между крестьянами и холопами ведет свой отчет только с 1679 г., когда задворные и деловые люди также положены в тягло[13].

Согласно концепции И.Е. Энгельмана, прикрепление крестьян в кон. XVI в. произошло неожиданно, без необходимой предшествующей принятию подготовки. Это открыло дорогу произволу землевладельцам, стремившимся как закрепить имевшихся в данный момент на землях крестьян путем их записи в писцовых книгах, так и приютить беглецов[14]. Почти всю 1-ю пол. XVII в. отсутствовал законодательный акт, который бы прямо установил прикрепление крестьян к земле. Однако начиная с 1613 г. это прикрепление было фактически установлено. Служилые люди, будучи основной опорой государства в борьбе с нарушителями порядка, зачинщиками смуты, боролись с таким явлением как бегство крестьян (поскольку разбойничьи шайки зачастую пополнялись из числа беглецов)[15]. До принятия Соборного Уложения у крестьян сохранялась надежда на то, чтобы избежать «чрезмерный гнет» землевладельца с помощью его смены, поскольку существовала исковая давность. Возвращение беглых крестьян по указу 1597 г. было возможным, если землевладелец на суде предъявит договор, заключенный с крестьянином, о противоправности бегства последнего. Соборно Уложение изменило источник прикрепления — частноправовой договор на писцовые и переписные книги[16].

В.И. Сергеевич утверждал, что в нач. XVII в. несвободными являлись лишь домохозяева, а их родственники, напротив, могли «уходить и снимать земли в новых местах». При перемене землевладельца крестьяне заключали с новым владельцем земли порядные записи, которые составлялись по старому обычаю и уже служили основанием для почти полного закрепления

---

[12] *Иловайский Д.И.* Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. М., 1895. С. 116, 178, 179.

[13] *Дьяконов М.А.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, XVI–XVII вв. СПб., 1898. С. 137.

[14] *Энгельман И.Е.* История крепостного права в России. М., 1900. С. 45.

[15] Там же. С. 54.

[16] Там же. С. 59.

тяглецов за землей. Соборное Уложение меняет этот порядок, требуя регистрации актов в Поместном приказе[17].

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, напротив, уже к кон. XVI в. на практике сложилось всеобщее прикрепление крестьян, вызванное заключением многочисленных частных обязательств тяглецов[18]. Давность исков о беглых крестьянах, неоднократно пересматривавшаяся законодателем, была тем водоразделом, который отделял крестьян от холопов, сыск последних был бессрочным. Крестьяне, прикрепленные к земле, по замыслу законодателя, должны были сохранить все общегражданские права, за исключением смены места жительства. Однако из фактических злоупотреблений землевладельцев своими правами в ущерб правам крестьян (например, продажа крестьян отдельно от земли) произрастало уравнение прав тяглецов и холопов[19].

В.О. Ключевский полагал, что крестьяне накануне исследуемого периода, в кон. XVI в., были «вольными хлебопашцами, пользовавшиеся правом свободного перехода от одного участка к другому»[20]. Само прикрепление к земле не находит отражения в порядных записях и в 1-й пол. XVII в., за крестьянином по-прежнему признается право на переход. Тем не менее, большинство тяглецов накануне прикрепления не могли воспользоваться этим правом. К ним В.О. Ключевский относит старожильцев, не прибегавшим к переходу в связи с перспективой выплаты непомерно большого пожилого. На черносошных землях таким ограничителем права выступала круговая порука[21]. По мнению исследователя, крестьянин, не будучи стесненным законодательными ограничениями, как участник гражданских правоотношений принимал решение — стоит ли ему взять ссуду у землевладельца, вступить в долговое обязательство или отказаться от него. Также тяглец выбирал из двух вариантов условий предоставления ссуды те, которые на его взгляд казались более притягательными — «бессрочно-обязанное крестьянство» или «срочное холопство»[22].

Причины ограничения «вольности» крестьян по В.О. Ключевскому:

1. Последовательное законодательное ограничение права крестьянина на переход проводилось для того, чтобы исключить перспективу увеличения

---

[17] *Сергеевич В.И.* Древности по истории русского права. Т. 1. Территория и население. СПб., 1909. С. 281, 282.

[18] *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 176.

[19] Там же. С. 180.

[20] *Ключевский В.О.* Сочинения: в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987. С. 290.

[21] Там же. С. 295, 297.

[22] Там же. С. 301.

числа холопов в стране, т.е. лиц, не плативших тягло, а значит не приносящих дохода казне[23].

2. В условиях Смутного времени, когда участилось бегство крестьян, землевладельцы были вынуждены использовать дворовых людей, холопов, для обработки земли. В сознании землевладельцев, выдававших ссуды как своим крестьянам, так и желающим порядиться в холопы, произошло сближение положения этих сословий, особенно четко оформившееся в третьем десятилетии XVII в.

3. Практика составления писцами книг, т.е. описи земельных владений, косвенно подталкивала к тому, чтобы крестьянин закрепился за данным землевладением[24].

«Крестьянская неволя», сложившаяся на практике в 1-й пол. XVII в., еще не была юридически оформлена, а значит еще не была сформирована крепостная зависимость[25].

В.О. Ключевский отмечал, что крестьянин фактически владел своим «животом», т.е. имевшимся имуществом, но юридически право собственности признавалось за землевладельцами. Поэтому передача по наследству от крестьянина к его детям «животов» согласно порядным происходило с согласия землевладельца, а при бегстве крестьянина землевладельцы требовали возвращения не только тяглецов, но и «животов». Право собственности возникало у землевладельцев по той причине, что «животы» формировались из предоставленной крестьянину ссуды[26]. Эта экономическая зависимость на практике приводила к тому, что в 1-й пол. XVII в. при возникновении имущественных споров крестьянина и людей со стороны, за тяглеца в спор вступал землевладелец как «собственник спорного предмета»[27].

Тем не менее, крестьянин, по словам В.О. Ключевского, сохранял черты субъекта гражданских правоотношений. Закрепленный за землей тяглец имел право требовать выделения участка земли и необходимого инвентаря для его обработки, владеть «животом», а также обращаться в суд для оспаривания исходящих со стороны землевладельца поборов. Несовершенство законодательства привело к тому, что выработавшаяся практика слияния положения крестьян и холопов привела к возникновению крепостного права тяглецов[28].

---

[23] Там же. С. 303.

[24] Там же. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988. С. 163.

[25] Там же. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. С. 305–306.

[26] Там же. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. С. 171.

[27] Там же. С. 173–174.

[28] Там же. С. 175.

Из вышеизложенного следует, что авторы расходятся в трактовке причин усиления крепостного права и усматривают в нем как, в первую очередь, финансовую меру государства (И.Д. Беляев), так и борьбу с запустением земель (С.М. Соловьев) и с неисправной службой землевладельцев (Д.И. Иловайский), признание сложившегося на практике порядка в рамках всей страны (М.Ф. Владимирский-Буданов), последствие долговых правоотношений крестьян и владельцев земли (В.О. Ключевский). В то же время выявляются некоторые общие положения о социальном статусе крестьян и объеме их прав и свобод:

1. Крестьянство с позиций российского законодательства, не было повсеместно закреплено за землей. Крестьяне делились на категории в зависимости от того, являлись ли они старинными или же часто прибегали к смене землевладельца.

2. Вследствие злоупотреблений землевладельцев крестьяне стали фактически утрачивать ряд гражданских прав и сближаться в своем положении с холопами. Данный процесс происходил вне правового поля, при молчаливом попустительстве государства.

3. Крестьянство накануне принятия Соборного Уложения, тем не менее, являлось сословием, представители которого выступали в качестве субъекта правоотношений. Тяглец по-прежнему самостоятельно реализовал большинство прав и исполнял обязанности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев И.Д. Крестьяне на Руси: Исследование о постепенном изменении значения крестьян в русском обществе. М., 2002.

Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915.

Дьяконов М.А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве, XVI–XVII вв. СПб., 1898.

Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории: курс старшего возраста. М., 1895.

Иловайский Д.И. Руководство к русской истории: средний курс. М., 1892.

Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М., 1987.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М., 1988.

Сергеевич В.И. Древности по истории русского права. Т. 1. Территория и население. СПб., 1909.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 7–8. М., 1960.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 9–10. М., 1961.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 7. Т. 13–14. М., 1962.

Энгельман И.Е. История крепостного права в России. М., 1900.

A.S. Shulyatyeva
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

THE QUESTION OF THE "FREEDOM" OF THE PEASANTS IN THE FIRST HALF OF THE 17th CENTURY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The article presents an overview of Russian historiography created in the pre-revolutionary period and considers the change in the scope of rights of peasants during the formation of serfdom. The article reflects the analysis of the author's opinions on the position and role of the peasant class in Russian society, which resulted in the loss of a number of civil rights.

Keywords: peasantry, formation of serfdom, legal status, Russian historiography, Moscow state.

П.А. Сперанский
г. Екатеринбург (Россия)
Уральский федеральный ун-т
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ РОССИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье представлены точки зрения современных отечественных ученых, касающиеся исторического осмысления процесса становления информационной сферы России в период преобразований Петра I. Сделан вывод об отсутствии в среде исследователей единого мнения по этой проблеме. Отмечается, что на современном этапе российская историческая наука не обладает фундаментальными исследованиями, всесторонне рассматривающими процессы становления российских СМИ в нач. XVIII в., что определяет перспективу дальнейших исследований.

Ключевые слова: модернизация, историография, теория модернизации, Петр I, средства массовой информации, цензура, печать, информационная сфера.

Важной особенностью модернизации, определяющей переход от аграрного к индустриальному обществу, являются изменения в информационной сфере. До начала этого процесса традиционное общество представляет собой некий закрытый организм, не нуждающийся в широком обмене информацией. Большая часть населения живет изолированно, вне слабо развивающихся информационных потоков. С началом модернизационных сдвигов, связанных с зарождением капитализма, интенсифицирующего товарный обмен, общество начинает нуждаться в информационном расширении. Появляются новые способы передачи информации, первым из которых стало печатное тиражирование новостей.

В России, с характерной для нее крепостью традиционализма, процессы модернизации проявились только на рубеже XVII–XVIII вв.[1] Поэтому

[1] *Сперанский А.В.* Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 33, 36.

зарождение первых отечественных СМИ как элементов модернизации связывается с правлением Петра I. Первую газету «Куранты», появившуюся еще в XVII в., назвать СМИ в современном смысле этого слова нельзя, так как она не обладала публичностью. «Куранты» выходили под завесой государственной тайны, а основными ее читателями были царь и его ближайшее окружение[2]. Первым настоящим СМИ стала газета «Ведомости». Она издавались с декабря 1702 г. по личному указу Петра I многотиражным печатным способом. Создание этой газеты стало важным событием социокультурной модернизации петровского правления, положившим начало отечественной журналистики[3].

Обратим внимание, что в современной литературе, касающейся реформ Петра Великого, проблема формирования информационной сферы не нашла воплощения в отдельном монографическом исследовании исторического профиля. В общих трудах она либо игнорируется, либо упоминается в общей канве рассматриваемых вопросов[4]. Имеющиеся статьи из-за фрагментарности материала тоже не могут претендовать на всестороннее историческое освещение проблемы. Поэтому продолжение исследований, способных преумножить историографию изучения складывавшейся в рамках петровской модернизации информационной сферы, представляется значимым и актуальным.

Среди имеющихся работ общего характера следует выделить труды Е.В. Анисимова. Ученый, негативно оценивший общий потенциал петровских преобразований, тем не менее, дает положительную оценку реформам в области печати и заявляет об успешности реформации в информационной сфере. Историк отмечает, что именно с деятельностью Петра Великого связано серьезное расширение информационных каналов внутри российского общества. По мнению исследователя, появление первой газеты, а также массива переводной литературы, способствовало усилению информационного потока из Европы, касавшегося всех аспектов европейской действительности нач. XVIII в., что позитивно сказалось на развитии российского социума[5].

В 1708 г. Петр I начал реформу алфавита, в ходе которой был введен гражданский шрифт. С его использованием начала издаваться вся печатная

---

[2] *Есин Б.И.* История русской журналистики. М., 2000. С. 4.

[3] *Засурский Я.Н.* Петровские «Ведомости» — повестка дня на века // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 1. С. 3–5.

[4] *Анисимов Е.В.* Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009; *Демкина М.Н.* Эпоха Петра I. М., 2007; *Калязина Н.В.* Окно в Европу: Эпоха Петра I. СПб., 2003; *Каменский А.Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 2001; *Молчанов Н.Н.* Петр I. М., 2003. и др.

[5] *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 333–334.

литература, выходящая в России, в том числе и единственная газета страны. Введение упрощенного шрифта предоставило доступ к информации более широким слоям населения и ускорило процесс социальной секуляризации. Эта точка зрения подтверждается в целом ряде публикаций, но наиболее четко прослеживается в работах Л.И. Семенниковой и А.Ш. Назаровой, которые заявляют, что введение нового шрифта расширило читательскую аудиторию и увеличило возможности СМИ[6].

Интересен взгляд на преобразования в области печати О.А. Коваленко. Исследовательница отмечает огромный потенциал информационных изменений, произошедших в результате петровской модернизации. Издание первой национальной печатной газеты, начало перевода на русский язык иностранной литературы и введение изменений в русскую письменность, по мнению автора, серьезно способствовали развитию русского общества, повышали уровень его грамотности и образования[7].

Помимо работ, затрагивающих проблемы развития российской гражданской печати в общем контексте реформ Петра I, отметим и ряд исследований, конкретно посвященных истории СМИ. В частности, в трудах Б.И. Есина отмечается, что расширение каналов обмена информацией является неотъемлемой частью перехода общества в капиталистическую стадию. По мнению автора, XVIII в. был временем развития в России капиталистических элементов, что предопределило создание национальной журналистики как индустрии информации. Исследователь также указывает на отличия созданных при Петре I СМИ от европейских: западные повременные издания создавались как коммерческий продукт, в то время как «Ведомости» коммерческим изданием не являлись. Историк утверждает, что изначально они были государственным продуктом, инструментом пропаганды, организатором общественного мнения в защиту имперских интересов. СМИ при Петре I не были свободными, что препятствовало становлению в России таких модернизационных основ как гражданское общество и правовое государство[8].

Данную точку зрения не разделяет Ю.В. Хавторина. Исследовательница доказывает, что первые объявления рекламного характера встречаются на

---

[6] *Семенникова Л.И.* Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000. С. 155; *Назарова А.Ш.* Российская цивилизация в эпоху Петра I: модернизационные процессы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3–2. С. 17–20.

[7] *Коваленко О.А.* Реформы Петра I в контексте культурно-исторического диалога России и Европы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2 (18). С. 168.

[8] *Есин Б.И.* Указ. соч. С. 4–5.

страницах петровских «Ведомостей» уже в нач. XVIII в. и поэтому первая русская газета была не только выразителем политики властей, но и несла в себе зачатки коммерции, что делало ее продуктом вестернизации и элементом модернизационных преобразований[9].

Полезными для историографического рассмотрения проблем развития информационной сферы в эпоху Петра I представляются научные изыскания А.М. Чеботарева и В.Я. Аскаровой. По мнению авторов, первая русская печатная газета «Ведомости» изначально задумывалась как некая копия западных изданий, однако, ей было свойственно ярко выраженное национальное своеобразие. Уникальность газеты, ее непохожесть ни на одно западное издание заключалось в том, что она главным образом служила великой петровской цели строительства могучей империи, консолидации народа вокруг священной персоны монарха, вовлечения населения в преобразовательную деятельность. «Ведомости» были продуктом самодержавного государства, а не результатом деятельности гражданского общества[10].

Дискуссионную тему взаимодействия СМИ и власти затрагивает Е.А. Марков. По его мнению, уже начиная со времен появления первой российской газеты, условия деятельности отечественных СМИ в России определялись органами государственной власти. В связи с этим автор делает интересный вывод. Несмотря на то, что сама печать являлась для России продуктом интеллектуального импорта из стран Запада, проявления ее цензуры наблюдались гораздо раньше — еще во времена Ивана Грозного. По мнению Е.А. Маркова, фактор наличия в российском социуме феномена цензуры, крайне тормозил процессы общественного развития[11].

Продолжает тему цензурной деятельности властей в эпоху Петра Великого Л.К. Старкова. При рассмотрении процесса утверждения цензурного контроля над печатью в условиях модернизации нач. XVIII в., исследовательница приходит к выводам, что в России была создана своя собственная оригинальная система цензуры. По мнению автора, уникальность ситуации заключалась в том, что в отличие от стран Европы, где цензурные функции выполняли специализированные органы, в России этим занимался лично монарх. Царь-реформатор, увлеченный западноевропейскими новинками, по достоинству оценил значение печати для общественного развития,

---

[9] *Хавторина Ю.В.* Развитие печати в России // Власть. 2009. № 10. С. 160.

[10] *Чеботарев А.М., Аскарова В.Я.* Эстетика в оформлении первой русской печатной газеты // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 20. С. 82, 89.

[11] *Марков Е.А.* Власть и СМИ в России: история взаимодействия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 206.

однако он не принял западных примеров в вопросах контроля над СМИ и организовал цензуру в России по своим собственным самодержавным правилам[12].

В заключение отметим, что имеющиеся публикации в целом позитивно оценивают результаты преобразований Петра I в информационной сфере. Исследователи сходятся во мнении, что появление первых отечественных СМИ дало мощный импульс для ее развития. Однако указывается и то, что государственный диктат и напрямую связанный с ним цензурный контроль, являлись сдерживающими факторами.

Также следует обратить внимание и на то, что современная отечественная историография не накопила еще достаточно обширного исследовательского багажа, чтобы считать вопросы социокультурной модернизации в области печати и цензуры эпохи Петра I полностью изученными. Следует продолжать изучение обозначенных проблем, опираясь на современные подходы и методы, а также новую источниковую базу, уделяя повышенное внимание таким важным вопросам как коммуникативная роль СМИ в модернизационных трансформациях российского социума, соотношение экзогенного и эндогенного факторов в формировании информационной сферы России, развитие жанровых тенденций в зарождающейся журналистике, уровень личностного воздействия на эти процессы и т.п.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анисимов Е.В. Петр Великий: личность и реформы. СПб., 2009.

Демкина М.Н. Эпоха Петра I. М., 2007.

Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2000.

Засурский Я.Н. Петровские «Ведомости» — повестка дня на века // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 1.

Калязина Н.В. Окно в Европу: Эпоха Петра I. СПб., 2003.

Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 2001.

Коваленко О.А. Реформы Петра I в контексте культурно-исторического диалога России и Европы // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2 (18).

Марков Е.А. Власть и СМИ в России: история взаимодействия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. № 123.

Молчанов Н.Н. Петр I. М., 2003.

---

[12] *Старкова Л.К.* К вопросу о становлении цензуры в России в первой четверти XVIII века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. № 2. С. 49–53.

Назарова А.Ш. Российская цивилизация в эпоху Петра I: модернизационные процессы // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3–2.

Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 2000.

Сперанский А.В. Модернизация в России: перекресток мнений // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012.

Старкова Л.К. К вопросу о становлении цензуры в России в первой четверти XVIII века // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2010. № 2.

Хавторина Ю.В. Развитие печати в России // Власть. 2009. № 10.

Чеботарев А.М., Аскарова В.Я. Эстетика в оформлении первой русской печатной газеты // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 20.

P.A. Speranskiy
Yekaterinburg (Russia)
Ural Federal University

MODERNIZATION OF THE INFORMATION SPHERE OF RUSSIA DURING THE RULE OF PETER THE GREAT: ANALYSIS OF MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

The paper presents the points of view of modern Russian scientists concerning the historical comprehension of the process of formation of the information sphere in Russia during the reformation of Peter I. It is concluded that there is no consensus among researchers on this issue. It is noted that at the present stage, Russian historical science does not have fundamental research that comprehensively examines the processes of the formation of Russian media in the early 18th century, which determines the prospects for further research.

Keywords: modernization, historiography, theory of modernization, Peter the Great, mass media, censorship, press, information sphere.

А.М. Новикова
г. Санкт-Петербург (Россия)
Высшая школа экономики

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ 2-й ПОЛОВИНЫ XVII в.

В статье рассматривается специфика формирования французских периодических изданий во 2-й пол. XVII в. на примере La Gazette, Journal des Savants, Mercure Galant. Особое внимание уделяется специализации изданий, каналам связи, по которым поступали сведения, организации текстов и выпусков.

Ключевые слова: периодические издания, Франция, XVII в., La Gazette, Journal des Savants, Mercure Galant.

Ко времени появления первой французской газеты, в Европе уже существовали прообразы периодических изданий. Издавались периодические ведомости в Голландии, Германии, Венеции, Англии. Первые попытки создания газет, вероятно, относятся к сер. XVI в.; но ни одна из них не сохранилась до наших дней[1]. Периодические издания Франции выделяются на фоне других европейских изданий тем, что они были первыми, отвечающими идее газеты[2].

Обстоятельства появления периодических изданий в Европе имеют общие черты. Во-первых, это жесткое регулирование и цензура всей печатной продукции со стороны государства и церкви, пытавшихся контролировать количество и качество информации, приобретающей характер массовой, благодаря изобретению книгопечатания. Во-вторых, появление первых газет объясняется растущей потребностью в информации, прежде всего, военно-политической[3]. Наконец, прибыльность издательского бизнеса привлекала многих.

---

[1] *Hatin E.* Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. P., 1866. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k108561c

[2] Ibid.

[3] *Тараканова Н.И.* “La Gazette” как первая национальная газета Франции (1631 г.) // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. №3 (9). С. 145.

La Gazette была первой газетой Франции[4]. С первого дня она поставила себя выше других изданий, существовавших в то время, регулярностью публикаций, европейским тиражом, изобилием выбора материалов, превосходством редакции и количеством корреспондентов[5].

Созданием La Gazette была обязана королевскому медику — Теофрасту Ренодо. В 1631 г. он основал газету, к которой вскоре присоединил лист с объявлениями, представляющий собой строчную рекламу, как, например, «Продажа и аренда недвижимости»[6]. Таким образом, Т. Ренодо получил для себя и своих преемников привилегию, которая обеспечивала ему монополию на газеты и новости, а также коммерческую рекламу[7].

Особенности и нововведения La Gazette состояли как в оригинальном названии — слове, характеризующем формат издания (другие европейские газеты пользовались словами: новости, известия, т.е. словами, отражающими суть издания), так и в оформлении. Например, в таких деталях как указание места издания, автора, деление на иностранные и местные новости[8]. La Gazette отличается особой структурой выпусков: статьи разделены по странам, откуда пришла информация. Начинается выпуск с публикации сведений из отдаленных территорий (Польши или Швеции), затем идут более близкие к Франции земли: Австрия, Англия и Ирландия. Заканчивается выпуск французскими (или Парижскими) новостями[9].

Что касается публикуемой информации, то Т. Ренодо обращался к известным ему сведениям, получал сведения от своих корреспондентов, в частности, путем переписки. Полученная информация воспроизводилась в стиле, который можно назвать телеграфным[10]. Идея состояла в регулярном рассказе о событиях, не оговаривая их причины, не обращаясь к истокам. Таким образом, информация в la Gazette представляла собой необработанный материал[11].

Читателями la Gazette стали те, кто по своему положению был связан с монархом и придворным обществом и потому заинтересован в том, чтобы разбираться в политических событиях[12].

---

[4] Там же.

[5] *Hatin E.* Op. cit.

[6] *Тараканова Н.И.* Указ. соч. С. 145.

[7] *Hatin E.* Op. cit.

[8] *Тараканова Н.И.* Указ. соч. С. 146–148.

[9] Gazette, Du 27 May 1684. № 23.

[10] *Schuwey C.* Le Mercure galant, ou l'écriture collaborative du règne de Louis XIV // Le Verger. 2019. Vol. 13. P. 3.

[11] *Schuwey C.* Op. cit. P. 3–4.

[12] *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции. М., 2001. С. 150.

Однако монополия la Gazette не могла сохраняться долго. К 1672 г. появились политическая, литературная, промышленная газеты. Начали издаваться журналы по медицине, юриспруденции, административные, религиозные, технические журналы[13].

Возникновение специализированных журналов связано, в частности, с появлением в XVII в. необходимости у ученых (эрудитов, интеллектуалов) через свои творения, с помощью печати, доносить до просвещенных лиц свои идеи. С постепенным расширением аудитории происходят отказ от латыни как языка обмена и переход к французскому. Все больше людей начинают интересоваться наукой, литературой. Усиливаются поток знаний и интеллектуальный обмен: философские и политические размышления, рассказы о путешествиях, научные открытия и новые знания в мире искусства, литературы, политики, идей печатаются и распространяются среди публики[14].

Первым изданием для литераторов и ученых является Journal des savants. В нем печатались выдержки последних опубликованных книг, научных мемуаров и отношений[15].

Этот издательский проект был осуществлен благодаря Дени де Салло, члену Парижского парламента, который получил привилегию на публикацию в 1664 г. Журнал охватывал многие темы: от изобразительного искусства до наук, от права до религии (за исключением вопросов веры).

Материал для Journal des savants поступал из многочисленных европейских фондов, в которых собиралась информация: различные издания и переиздания, переписки между учеными, личные и публичные библиотеки[16].

Journal des savants был четко отделен от литературных журналов. Главное место занимали тексты по Богословию и религии, истории, науке и искусству[17]. Это позволило объединить ученых из Франции, Англии, Соединенных провинций и Тосканы[18].

---

[13] *Hatin E.* Op. cit.

[14] À propos de la République des Lettres. URL: https://xn--rpubliquedeslettres-bzb.fr/

[15] *Vittu J.P.* La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 1. P. 179.

[16] Ibid. P. 180.

[17] *Vittu J.P.* La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 2. P. 355.

[18] *Vittu J.P.* La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 1. P. 182.

Издание отличается также своим стилем и оформлением (включением библиографических списков, оглавлений, сводных таблиц, которые облегчили бы его использование)[19].

Авторы статей постепенно начинают включать себя в повествование. Например, скрашивают простой пересказ источника логическими связками: «После того, как автор сообщает об»[20], «Эти отношения заканчиваются»[21]. Также журналисты включают свое мнение в текст статей: «В этих отношениях нет ничего примечательного, кроме…»[22].

С 1672 г. начинает выходить еще одно периодическое издание — Mercure Galant. Среди других видов периодики оно выделяется необычным содержанием с нескольких точек зрения. Во-первых, каждый выпуск состоял не менее чем из 300 страниц[23], что непохоже на легкую для воспроизведения и печати газету. Во-вторых, издание представляет из себя компиляцию информации из разных источников. Донно де Визе, создатель Mercure Galant, собирал материалы от читателей из Франции и Европы. Он заводил многочисленные знакомства через переписку, собирал информацию из других газет, давал объявления о сборе материала для публикации[24].

Важная новизна, привнесенная де Визе, — активное вовлечение женщин в ряды читателей, отказ от гендерных стереотипов и позиционирование издания как всеобъемлющего «образовательного» проекта, предоставляющего информацию и инструкции в интересах обоих полов»[25]. С 1684 г. «Мадам» становится ненасытным потребителем всевозможной информации о текущих событиях, политике, искусстве и культуре[26].

Нововведением журнала была также провозглашенная им миссия: не просто донесение до читателей актуальной информации[27], но сохранение и закрепление в истории памяти людей о значимых события в их роду. Mer-

---

[19] *Vittu J.P.* La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 2. P. 377.

[20] Le journal des savans, Du lundi 16 Juin 1698. P. 267.

[21] Ibid. P. 268.

[22] Ibid. P. 267.

[23] *Schuwey C.* Op. cit. P. 1.

[24] Ibid. P. 2.

[25] *Steinberger D.* Le Mercure Galant and its Student Body : Donneau de Visé's Inclusive Pedagogy. URL: https://earlymodernfrance.org/journal/2016-volume-xvii/mercure-galant-and-its-student-body-donneau-vise%E2%80%99s-inclusive-pedagogy

[26] Ibid.

[27] Ibid.

cure Galant, регистрируя отдельные высокие факты[28], стал своего рода памятником правления Людовика XIV, всеобщей хроникой людей, живших на территории Франции. Также собирание подобной информации дало богатый материал для создания будущих генеалогических словарей[29].

Стиль статей также выделяется на фоне других газет того времени. Информация в la Gazette представляла собой необработанный материал, который Mercure Galant преобразовывал, объединяя его с другими источниками. Например, в случае описания битвы, авторы Mercure Galant давали не просто «сухие» сводки о местонахождении войск, планах и т.п., но насыщенные описания местности, добавляя эмоционально-окрашенные эпитеты, а также обращаясь к воспоминаниям людей[30]. Де Визе утверждает, что стремится рассказать всю историю целиком. Например, рассказывая о битве, он отмечает, что, в отличие от современных ему летописцев, собирает сведения от разных людей с разными мнениями[31].

Таким образом, французские периодические издания 2-й пол. XVII в. послужили началом становления современной прессы. Во французских изданиях впервые появляется особая структура и особый стиль формирования, компилирования и редакции информации, который стал важен как для обмена знаниями между странами, так и для формирования особо языка описания тех или иных явлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Gazette, Du 27 May 1684. № 23.

Le journal des savans, Du lundi 16 Juin 1698.

Mercure galant, Du janvier 1690.

Тараканова Н.И. “La Gazette” как первая национальная газета Франции (1631 г.) // Вестник гуманитарного института ТГУ. 2010. № 3 (9).

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2001.

À propos de la République des Lettres. URL: https://xn--rpubliquedeslettres-bzb.fr/

Brunn A. République des lettres. URL: http://www.universalis.fr/encyclopedie/republique-des-lettres/

Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. P., 1866. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k108561c

Schuwey C. Le Mercure galant, ou l’écriture collaborative du règne de Louis XIV // Le Verger. 2019. Vol. 13.

[28] *Schuwey C.* Op. cit. P. 4.

[29] Ibid. P. 6.

[30] Mercure galant, Du janvier 1690.

[31] Ibid.

Steinberger D. Le Mercure Galant and its Student Body: Donneau de Visé's Inclusive Pedagogy. URL : https://earlymodernfrance.org/journal/2016-volume-xvii/mercure-galant-and-its-student-body-donneau-vise%E2%80%99s-inclusive-pedagogy

Vittu J.P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 1.

Vittu J.P. La formation d'une institution scientifique: le Journal des Savants de 1665 à 1714 // Journal des savants. 2002. № 2.

A.M. Novikova
Saint Petersburg (Russia)
Higher School of Economics

SPECIFITY OF FORMATION OF FRENCH PERIODICALS IN SECOND HALF OF 17th CENTURY

The article examines the specific of formation of French periodicals in second half of 17th century using the example of La Gazette, Journal des Savants, Mercure Galant. Special attention is paid to the specialization of editions, communication channels, by which knowledges were received, structure of articles and issues.

Keywords: periodicals, France, 17th century, La Gazette, Journal des Savants, Mercure Galant.

О.А. Моисеева
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

ПАИСИЙ ЛИГАРИД И ПОСОЛЬСВА МЕЛЕТИЯ ГРЕКА К ВОСТОЧНЫМ ПАТРИАРХАМ

XVII в. — время наиболее активной связи России с православными центрами Востока. Период кон. 40-х — 60-х гг. XVII в. характеризуется динамичным политико-культурным сближением русских властей с видными деятелями Восточной православной церкви и их дальнейшим взаимодействием. В Московии в это время (1660-е гг.) ведется активная подготовка к Большому Московскому собору 1666–1667 гг., который должен был низложить патриарха Никона и утвердить церковную реформу. В статье рассматривается важный этап подготовки к Собору, а именно посольства Мелетия Грека к Восточным патриархам с целью их присутствия на Соборе. Руководит этим главный помощник и эксперт в «деле» Никона, авантюрист-архиерей, грек, недавно прибывший в Россию, Газский митрополит Паисий Лигарид. В статье показана роль Паисия Лигарида в посольствах к Восточным патриархам, освещена проблема роли субъективного фактора в развитии «дела» Никона. Приведены различные мнения исследователей по некоторым спорным вопросам в изучении данной темы.

Ключевые слова: Паисий Лигарирд, дело патриарха Никона, посольство к Восточным патриархам, царь Алексей Михайлович, Восточные патриархи.

В царствование Алексея Михайловича в Москву приезжало немало греческих иерархов разных кафедр, включая патриархов. Так, в 1662 г. прибывает Газский митрополит Паисий Лигарид и становится главным помощником и экспертом русского царя в деле низложения патриарха Никона. Для решения проблем Паисий Лигарид предлагает обратиться за «помощью» к Восточным патриархам, пригласив их на Московский собор, чтобы они «разрешили» церковный кризис в России. Уже в конце декабря 1662 г. Лигарид составил грамоты Восточным патриархам, в которых излагалось «дело» Никона (имя Никона в вопросах не упоминалось, а его вины были изложены кратко) и содержалась просьба уполномочить Паисия Лигарида или прислать другое лицо для присутствия в качестве патриаршего наместника

на Соборе. В начале января иеродьякон Мелетий Грек выехал из Москвы в Константинополь с царскими грамотами к Восточным патриархам, также Паисий Лигарид поручил доставить из Константинополя нужные ему грамоты[1]. Таким образом, Лигарид раздает участникам посольства частные поручения, не касающиеся основной задачи.

Восточные патриархи под разными предлогами отказались ехать в Россию[2], но составили письменные ответы в виде свитков. В результате, первое посольство на Восток оказалось не совсем удачным, однако «план» Паисия Лигарида по низвержению Никона частично был реализован, т.к. в своих грамотах Восточные патриархи все же косвенно благословили окончательное низложение патриарха.

Алексей Михайлович и Лигарид предпринимают еще одну попытку организовать посольство к патриархам. 18 сентября 1664 г. Мелетий и приставленные к нему Порфирий Оловянников со Стефаном Юрьевым направляются с новыми грамотами к Вселенским патриархам[3]. Царь просит посланцев сказать патриархам, «что без него или без его поверенного экзарха патриарха ставить отнюдь невозможно», а «его убытки изволит своим государевым жалованьем наградить со вторице»[4]. Из этого следует, что московское правительство «подкупало» патриархов, чтобы они «помогли» разобраться с кризисом в русской церкви. Отправлена еще одна особая грамота Константинопольскому Дионисию, в которой царь просит патриарха назначить Паисия Лигарида своим представителем для будущего Собора[5]. Н.Ф. Каптерев небезосновательно считает автором идеи этого письма самого Лигарида, ведь тогда бы все его действия как патриаршего экзарха оказались бы выведены из-под критики недоброжелателей и служили бы ему оправданием[6]. Другого мнения придерживается Б.В. Кричевский, который считает, что Паисию «убедить царя Алексея Михайловича направить прошение о Паисии Лариде было значительно проще, чем убедить самих

---

[1] Российский государственный архив древних актов (*Далее* — РГАДА). Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 5.

[2] *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882–1884. Ч. 2. С. 93, 98, 101.

[3] Там же. С. 111.

[4] *Кричевский Б.В.* Деятельность царя Алексея Михайловича по привлечению Вселенских патриархов к процессу по низложению патриарха Никона // Известия Самарского научного центра российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 25; *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 723–732.

[5] *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 720.

[6] *Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912. С. 307.

патриархов это прошение удовлетворить», т.к. репутация Газского митрополита на Востоке была небезупречной[7].

2 января 1665 г. в Москву были привезены два письма от Иерусалимского патриарха Нектария Саввой Дмитриевым[8]. В письме к царю Нектарий предложил позвать патриарха Никона обратно и усомнился в правильности его осуждения, а также говорил «о слухах, что будто к русскому царю являются лица, именующие себя экзархами восточных патриархов, каковых они не посылали»[9].

Патриарх Нектарий отказался приезжать в Москву ввиду тяжелой болезни. Мелетий Грек, которому царь поручил пригласить в Москву во что бы то ни стало по крайней мере двух патриархов, отправился к Антиохийскому и Александрийскому патриархам, а Порфирий и Стефан — к Константинопольскому[10]. Паисий Лигарид не мог не знать об отказе Нектария прибыть в столицу, поэтому написал царю письмо (10 июля), в котором говорит, что патриархи не могут прислать в Москву экзарха «страху ради турков» и предоставляют право быть их представителем на суде по «делу» Никона Паисию[11].

12 ноября грек Стефан Юрьев привозит в Москву три грамоты, сообщавшие радостные вести. Во второй грамоте Константинопольский Дионисий рекомендовал Лигарида быть представителем Константинополя в Москве и председательствовать на Соборе по «делу» Никона[12]. Таким образом, Паисий получил официальное назначение экзархом, чем еще более укрепил свои позиции при московском дворе.

Однако существует много споров по поводу подлинности грамот, назначавших Паисия представителем Константинопольского патриаршества. Так, в январе 1666 г. келарь Чудова монастыря Савва и архиепископ Афонской горы Иоанникий были отправлены в очередное посольство Алексеем Михайловичем к новому Константинопольскому патриарху Парфению[13]

---

[7] *Кричевский Б.В.* Митрополит Газский Паисий Лигарид как эксперт в процессе низвержения Никона с патриаршества // Университетский научный журнал. 2012. № 3. С. 63.

[8] РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 140. Ч. 7. Л. 18–19.

[9] См. подр.: *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 151, 771–773.

[10] См. подр.: Там же. С. 721–732.

[11] Алексей Михайлович получил письмо 10 сентября (см. подр.: *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 810–811), С.К. Севастьянова называет другой месяц — июнь (*Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 226).

[12] *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 816–826.

[13] Кричевский в своей статье перепутал действовавшего и бывшего патрирахов: «…с действующим патриархом Дионисием, но и с бывшим — Парфением» (см. подр.: *Кричевский Б.В.* Митрополит Газский… С. 64).

узнать его мнение касательно «дела» Никона[14]. Келарь Савва смог встретиться только с бывшим патриархом Дионисием, который признался, что грек Стефан у него не был, «только хартофилакс докучал мне, чтоб я написал в грамоте — быть Газскому экзархом. Но я ему этого не позволил, и если такая грамота объявилась у царя, то это плевелы, посеянные хартофилаксом. А Паисий Лигарид — лоза не константинопольского престола, я его православным не называю, ибо слышу от многих, что он папежник, лукавый человек»[15]. Таким образом, Дионисий обвинил Стефана Юрьева в подлоге. Получается, Газский митрополит, «вместо того чтобы занять почетное место вовремя суда над Никоном в качестве представителя Константинопольского патриарха, должен был еще заслужить право вновь считаться православным»[16].

Трудно определить, говорил ли правду Дионисий Савве о своих переговорах со Стефаном Юрьевым. Однако, вероятнее всего, патриарх Дионисий, изучив дополнительные сведения о личности Лигарида, пожалел о том, что наделил его статусом экзарха, и отменил свое решение. Это подтверждается, например, тем, что другие иерархи, в частности, ритор Маврокардат, знали о даровании Паисию Лигариду Дионисием титула экзарха[17].

Между тем второе посольство на православный Восток иеродьякона Мелетия продолжалось. Оно оказалось более удачным, ему удалось убедить приехать в Россию двух Вселенских патриархов Александрийского Паисия и Антиохийского Макария, архиепископа Ананию (Иерусалимская область патриарха), бывшего трапезундского митрополита Филофея (Константинопольская область патриарха). В марте 1666 г. в Астрахани были готовы встречать Восточных патриархов и должны были не объявлять Восточным патриархам причин их приглашения в Москву[18]. Следовательно, государь хотел лично посвятить греческих иерархов в «дело» Никона, ведь любая

---

[14] *Воробьев Г.А.* Приводит другую причину (т.е. не из-за смены патриархов) отправки Алексеем Михайловичем еще одного посольства к Константинопольскому патриарху — узнать у Дионисия действительно ли он назначил Паисия Лигарида своим экзархом (см. подр.: *Воробьев Г.А.* Паисий Лигарид // Русский архив. Кн. 1. М., 1893. С. 23).

[15] *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 1117.

[16] *Кричевский Б.В.* Митрополит Газский Паисий… С. 64.

[17] Письмо великого ритора Маврокордата от 8 сентября: «Сего ради охотно тебе изящество вручил, чтоб наместником его был в сыску, в вопросе, в окончании, и в совершении по правилом прежде писаны, да дело совершится, а еже свято и праведно есть пакость да извержится во изгнание, первомужчину и достоинству превратится иерархия» (*Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 808–810).

[18] Там же. С. 895–900, 902.

«неточность» могла сподвигнуть патриархов встать на защиту Никона, тогда как у Алексея Михайловича был определенный план, по которому Восточные иерархи должны были знать только то, что нужно и выгодно царю. Русский царь всячески стремился ограничить их доступ ко всей возможной информации. Она должна была исходить только от власти и то в весьма усеченном виде. В результате, греческие гости, отправляясь в дальнюю Московию, не до конца осознавали отведенную им роль и были неточно осведомлены с реальным положением дел в русской церкви. 21 июня 1666 г. в Астрахань прибыли Восточные гости[19].

Во время долгого путешествия Восточных гостей велась активная переписка царя с Мелетием, Алексей Михайлович обещал свою милость и просил Мелетия задавать различные вопросы, например, в грамоте от 24 октября Алексей Михайлович просил узнать «не гневаются ли восточные патриархи на газского митрополита Паисия»[20]. Однако данное письмо отправлено не было по неизвестным причинам.

Итак, в результате долгого путешествия 2 ноября 1666 г.[21] Восточные патриархи торжественно вступили в Москву для участия в Соборе, что стоило русскому царю больших усилий при активном участии Паисия Лигарида, который использовал посольства Мелетия в своих интересах. «Дело» Никона перешло в завершающую фазу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Российский государственный архив древних актов (*Далее* — РГАДА). Ф. 27. «Разряд XXVII. Приказ тайных дел». Оп. 1. (личная переписка царя Алексея Михайловича; дела о патриархе Никоне).

РГАДА. Ф. 52. «Сношения России с Грецией». Оп. 2. (Грамоты восточного православного духовенства русским царям).

Воробьев Г.А. Паисий Лигарид // Русский архив. Кн. 1. М., 1893.

Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. СПб., 1882–1884.

Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. Т. 3. Варшава, 1931–1939.

Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 2. Сергиев Посад, 1912.

[19] Там же. С. 836–840, 904, 906, 909–913, 958.

[20] См. подр.: Там же. С. 988–989.

[21] Б.В. Кричевский в своей статье ошибочно называет датой прибытия Вселенских патриархов 4 ноября 1666 г.: «Из четырех православных патриархов 4 ноября 1666 г. …прибыли в Москву» (см. подр.: *Кричевский Б.В.* Митрополит Газский Паисий… С. 65.; *Гиббенет Н.* Указ. соч. С. 873, 987–991, 997–998).

Кричевский Б.В. Деятельность царя Алексея Михайловича по привлечению Вселенских патриархов к процессу по низложению патриарха Никона // Известия Самарского научного центра российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2.

Кричевский Б.В. Митрополит Газский Паисий Лигарид как эксперт в процессе низвержения Никона с патриаршества // Университетский научный журнал. 2012. № 3.

Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.

Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследования и тексты. М., 2007.

O.A. Moiseeva
Saint Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University

PAISIY LIGARID AND EMBASSIES OF MELETII GREK THE EASTERN PATRIARCHS

17th century is the time of the most active connection of Russia with the Orthodox centers of the East. The period of the late 40s — 60s of the 17th century is characterized by dynamic political and cultural rapprochement of the Russian authorities with prominent figures of the Eastern Orthodox Church and their further interaction. In Moscow at that time (1660s), active preparations were underway for the Great Moscow Cathedral of 1666–1667, which was to depose Patriarch Nikon and to approve church reform. The article deals with an important stage of preparation for the Cathedral, namely the embassies of Meletii Grek to the Eastern Patriarchs for their presence at the Cathedral. This is led by the chief assistant and expert in the "case" of Nikon, the adventurer-hierarchs, grek, who was recently arrived in Russia, Metropolitan Paisiy Ligarid. The article shows the role of Paisiy Ligarid in the embassies to the Eastern Patriarchs and highlights the role of subjective factor in the development of the "case" of Nikon. Different opinions of researchers on some controversial issues in the study of this topic are given.

Keywords: Paisiy Ligarid, the case of Patriarch Nikon, embassy to the Eastern patriarchs, tsar Alexey Mikhailovich, the Eastern patriarchs.

Н.Е. Домрачев
г. Москва (Россия)
Москвоский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова

ГЛАЗАМИ ДИПЛОМАТА: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКОГО РЕЗИДЕНТА В МОСКВЕ Е.Д. ДОВМОНТА В ДОНЕСЕНИЯХ РУССКИХ ПОСТОЯННЫХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ В ВАРШАВЕ

Статья посвящена вопросу формирования негативного образа польского резидента в Москве Е.Д. Довмонта в глазах руководства Посольского приказа и роли в этом процессе русских резидентов в Речи Посполитой на примере П.Б. Возницына. Анализ информации о польском резиденте, содержащейся в донесениях царского посланника главе Посольского приказа кн. В.В. Голицыну, позволил установить мотивы, которые побуждали П.Б. Возницына следить за донесениями Е.Д. Довмонта из Москвы, каналы, по которым эта информация поступала к русскому резиденту, принципы ее отбора и характер посылаемых в Москву сведений. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что целенаправленной работы по мониторингу деятельности Е.Д. Довмонта в Москве за исключением первых месяцев своей работы П.Б. Возницын не вел, а негативный образ польского резидента в донесениях царского посланника был связан с объективными особенностями информации, поступающей к русскому резиденту естественным путем.

Ключевые слова: русско-польские отношения в XVII в., русская постоянная миссия в Речи Посполитой, польская постоянная миссия в России, Посольский приказ, Е.Д. Довмонт. П.Б. Возницын, В.В. Голицын, Ян III Собеский.

В одном из своих донесений в Москву главе Посольского приказа кн. В.В. Голицыну русский резидент в Польско-Литовском государстве стольник П.Б. Возницын сообщал о своем московском «коллеге» Ежи (в документах русского происхождения называемый «Юрием») Доминике Довмонте: «*Истинно, государи, я то давно слышу, что он злодей, многую неправду пишет, только на него клеветать часто зазираюсь, не поставили б мне в какое нежелательство... В... листу ево доложено, что он был задержан на границе три недели, и на те ему ничего не дано, и что и мне б*

не давать. Только мне то належит выдать от границы до Гродня на 2 недели, чему зело смеялись, что он, злобясь на иного кого, и ко мне не приятствует»[1]. Очевидно, что личная неприязнь между русским дипломатом в Речи Посполитой и польским дипломатом в Московском государстве достигла такой остроты, которая привела к открытой демонстрации эмоций и взаимным обвинениям в их донесениях на родину. Учитывая, что сообщения русских резидентов в Речи Посполитой были одним из важных источников информации, на основании которой в Москве принимались внешнеполитические решения в кон. XVII в., содержащиеся в них сведения о деятельности польского резидента, а также ее оценка неизбежно должны были оказывать существенное влияние на отношение Посольского приказа к польской миссии. В этой связи вопрос о том, в каком виде деятельность польского резидента Е.Д. Довмонта отражалась в донесениях русских постоянных дипломатических представителей в Речи Посполитой и какие факторы определяли характер этой информации заслуживает, как представляется, специального внимания.

Данный вопрос является частью более широкой проблемы. Русская постоянная миссия в Речи Посполитой в кон. XVII в. оставалась единственным институтом репрезентативной дипломатии в русской практике, которая находилась в стадии становления[2]. Крайне важно понять круг источников заимствования этой практики в Посольском приказе. Польская миссия в Москве, в ответ на появление которой была учреждена русская «резиденция», является главным кандидатом в качестве источника заимствований.

В литературе вопрос о восприятии резидента Довмонта в Посольском приказе был в целом поставлен только оксфордским историком польского происхождения А. Каминьским. Исследователь пришел к выводу, что «официальные претензии Польско-Литовскому государству представляли резидента в наихудшем свете: как безответственного человека, славшего в Варшаву невероятные россказни и сплетни (“wild tales and gossip”), собранные на рынке и в кабаках, которые ставили под угрозу русско-польский союз и могли — “не приведи Господь” — развязать войну между союзными государствами»[3]. Однако на материалах донесений русских резидентов этот вопрос еще не решался.

Польская постоянная миссия в Московском государстве и русская постоянная миссия в Речи Посполитой были возрождены в кон. 1687 —

[1] РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 235. Л. 99.

[2] Подробнее см.: *Колегов С.С.* Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в.: дис. …канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.

[3] *Kaminski A.* Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania, 1686–1697. Cambridge, 1993. S. 172.

нач. 1688 г. после более чем десятилетнего перерыва[4]. Их возрождение стало следствием заключения русско-польского наступательного антиосманского союза по договору о Вечном мире (1686 г.)[5]. В декабре 1687 г. в Москве был официально принят польский резидент Юрий Доминик Довмонт, который пробудет на этом посту до 1694 г.[6] В ответ в январе 1688 г. к королевскому двору в качестве «резидента их царского величества» был послан в чине стольника дьяк Посольского приказа Прокофий Богданович Возницын[7]. В мае 1689 г. его сменил дьяк Иван Михайлович Волков, пробывший в Польско-литовском государстве до 1691 г.[8] Последним русским резидентом, работавшим параллельно с Е.Д. Домвонтом стал дьяк Борис Михайлович Михайлов (Протопопов)[9]. В силу ограниченности объема настоящей работы внимание будет сосредоточено на материалах П.Б. Возницына.

Учреждение резиденций в Москве и в Варшаве институционализировало русско-польские союзные отношения. Главной официальной задачей резидентов было информирование союзного монарха и его советников о намерениях и действиях своего государя в отношении «неприятеля креста святого» — Турции и Крыма, и помощь в согласовании взаимных действий. Но официальные задачи не были единственными. Резиденты должны были пристально следить за действиями государя, к которому они присланы, его советниками, придворными, всеми доступными способами выясняя их реальные намерения и выискивая «противности» (нарушения) союзным обязательствам[10].

Русско-польский союз 1686 г. был заключен в условиях взаимного недоверия. Правительство кн. В.В. Голицына рассматривало Яна III Собеского как ненадежного союзника, который стремится под любыми предлогами избежать серьезного участия в войне против турок и татар, переложить всю

---

[4] Подробнее см.: *Домрачев Н.Е.* Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский альманах. Вып. 1–2. М., 2020. С. 67–87.

[5] Подробнее см: *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 417; *Wójcik Z.* Epolig tractatu Grzymułtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia. Studia z dzejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994. S. 30–32; и др.

[6] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России по 1800 г. Ч. 3. М., 1897. С. 159; *Kaminski A.* Ibid. S. 153–155.

[7] *Бантыш-Каменский Н.Н.* Указ. соч. С. 159.

[8] Там же. С. 160, 162.

[9] Там же. С. 162.

[10] Подробнее см.: Наказ русскому резиденту в Польско-Литовском государстве П.Б. Возницыну (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 233. Л. 55 об. – 83).

тяжесть войны на московские войска и даже заключить с «басурманами» сепаратный или, возможно, тайный мир[11]. В свою очередь король и его советники подозревали кн. В.В. Голицына в том же. В этих условиях неофициальные задачи резидентов — выявление «противностей» — становились более ценными, чем координация действий союзников. За фасадом антиосманского альянса Московское и Польско-Литовское государства начинают гонку за компроматом. Резиденты становятся его главными добытчиками и поставщиками ко своим дворам. В условиях, напоминающих «информационную войну», не менее важной задачей становится подрыв доверия к донесениям резидента-конкурента, выявление «неправды» и «клеветы». Соперничество между государствами неизбежно ведет к личному соперничество их дипломатов.

Однако, в наказах (инструкциях) русским постоянным дипломатическим представителям в Польско-Литовском государстве, которые были типовыми для всех трех резидентов кон. 1680-х — сер. 1690-х гг., не ставилась задача непосредственно следить как за деятельностью своего польского «коллеги» в Москве, так и за оценкой этой деятельности королем и его советниками. Правда, наказы четко определяли прямую связь положения русских резидентов при дворе Яна III Собеского и отношения к Е.Д. Довмонту в Москве. Царские резиденты на «приезде» (первой аудиенции) у короля должны были «*объявить царского величества милость и всякая повольность, какова польскому резиденту Юрью Доминику Довманту на Москве учинена*»[12]. В дальнейшем им предписывалось добиваться от короля и его советников соблюдения этих «повольностей» по отношению к себе, и в случае их нарушения напоминать, что «*при дворе великих государей их царского величества по тому ж и его королевского величества резиденту учинено будет взаимно*»[13].

Взаимосвязь прав и привилегий русских и польского резидентов была одной из главных причин внимания первых к деятельности Е.Д. Довмонта. Ведь именно от его донесений о собственном положении при царском дворе во многом зависели возможности русских постоянных дипломатических представителей успешно заниматься своей работой: иметь доступ к королю и сенаторам, обладать возможностью свободно контактировать с представителями различных слоев населения и принимать посетителей у себя на подворье, и т.д.

Главным источником сведений о деятельности Е.Д. Довмонта для русских резидентов в Польско-Литовском государстве стали его собственные

[11] *Домрачев Н.Е.* Указ. соч. С. 73.

[12] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 236. Л. 67 об.

[13] Там же. Л. 75.

донесения на имя короля и сенаторов. Получить к ним доступ было непростой задачей.

В первый месяц своей «резиденции» П.Б. Возницын находился при сейме в Гродно. Там ему удалось установить связь с домашней прислугой польского резидента. В своем донесении в Москву от 12 (22) марта 1688 г. после пересказа отдельных сообщений Е.Д. Довмонта русский посланник раскрывает свой источник: «*О том сказывал мне слуга ево старшей, на котором все письма и дом ево належат*»[14]. После отъезда из Гродно знакомиться с письмами Довмонта Возницыну становится сложнее. Он пытается получать к ним доступ через расположенного к нему секретаря королевской канцелярии С. Рожицкого. Однако в донесении от 6 (16) апреля 1688 г. дипломат признается, что это «*трудно, потому что письма ево с почты принимает покоевой Его Королевского Величества секретарь и в тайнах записяженной господин ксенз Сарновской и подносит его королевскому величеству за ево печатью, а в канцелярию их не отдают*»[15]. Оставалась возможность получать разрозненные сведения о сообщениях Е.Д. Довмонта и их тоне от его многочисленных «приятелей» и «знакомцов», с которым он состоял в переписке. Одним из них был Иосиф Лядинский, дипломат литовского происхождения[16]. Поступала подобная информация и от отдельных лиц, возвратившихся из Москвы, где они имели беседы с Довмонтом[17]. Достаточно быстро П.Б. Возницын получил сведения, что польский резидент королю «*отписывает цыфрами*»[18], т.е. шифрует свои послания.

Есть основания полагать, что П.Б. Возницын не учитывал (или не считал нужным акцентировать внимание руководства Посольского приказа), что разным лицам Е.Д. Довмонт мог по-разному подавать информацию. Те немногочисленные источники, к которым он имел доступ, носили явно частный характер, и польский дипломат в них позволял себе более свободные трактовки и больше личных рассуждений. Доступа к донесениям королю Возницын не имел. Однако именно на основании частных писем царский резидент рисовал образ своего «коллеги» в своих сообщениях.

Дальнейшие сообщения резидента показывают, что, несмотря на все попытки, ему так и не удалось получить доступ к депешам Довмонта. Он вынужден был руководствоваться слухами и пересказами отдельных сообщений польского резидента, циркулирующими при королевском дворе. Его источники из конкретных лиц превращаются в абстрактные характери-

[14] Там же. Кн. 235. Л. 24.

[15] Там же. Л. 40 об.

[16] Там же.

[17] Там же. Л. 97.

[18] Там же. Л. 46.

стики: «*а сказывают, что обо всем много, и все противно, ничего доброго не являет*»[19]. Информаторами русского резидента становятся и отдельные сенаторы, которые либо были участниками обсуждения с королем того-или иного сообщения Довмонта[20], либо были уполномочены показать царскому посланнику отдельные его письма. При этом возможности П.Б. Возницына ознакомиться с документами целиком были ограничены. Так, в донесении от 28 июня (8 июля) 1688 г. он сообщал, как белзский воевода Марек Матчинский, один из наиболее приближенных к Яну III Собескому сенаторов, продемонстрировал ему письмо Довмонта, содержащее «блядословие и неправды». «*А иных статей прочесть мне не дал*»[21], — сокрушался П.Б. Возницын.

Таким образом, источники информации о донесениях Е.Д. Довмонта, попавшие в распоряжение русских резидентов в Польско-Литовском государстве, были крайне ограничены и тенденциозны. Следует помнить, что в придворной среде «розголошались» преимущественно наиболее резкие сообщения польского дипломата, вызывавшие удивление и негодование и способствующие их широкому обсуждению. Так, например, в поле зрения П.Б. Возницына попали сообщения о планах отменить намеченный на весну 1689 г. второй Крымский поход: «*пишет с Москвы резидент польской якобы о походе войск их царского величества на Крым, против первого намерения почала быть отмена, и не чаять такого походу, как о том его королевскому величеству чрез их царского величества грамоту объявлено*»[22].

Как представляется, ограниченность источников и отсутствие четких указаний следить за деятельностью Е.Д. Довмонта приводили к тому, что в донесения русских резидентов информация о нем попадала крайне нерегулярно. Упоминания о Довмонте присутствуют только примерно в трети донесений П.Б. Возницына. При этом во времени распределены они неравномерно: наибольшая частота упоминаний приходится на первые полгода (февраль — июнь 1688 г.). Затем Довмонт становится второстепенным героем новостей.

Связано это, по-видимому, с двумя причинами. Во-первых, в начале весны 1688 г. П.Б. Возницын получил особое распоряжение кн. В.В. Голицына относительно Довмонта. «Оберегатель» просил резидента сообщить литовскому канцлеру Марциану Огинскому, давнему деловому партнеру «канцлера предпетровской поры» о неподобающем поведении польского дипломата, «*чтоб зде поступал по належащему и пришмал объявление ему*

[19] Там же.Л. 74.
[20] Там же. Л. 81.
[21] Там же. Л. 99.
[22] Там же. Л. 256.

во благодарение, а противностей бы не чинил»[23]. Вероятно, царский посланник пытался выяснить, были ли даны Довмонту наставления, и возымели ли они действие. Во-вторых, с первыми месяцами работы П.Б. Возницына в Речи Посполитой связаны активные споры с сенаторами по поводу выдачи казенного довольствия, а также объема прав и почестей русского резидента. Согласно тексту наказа, прием царского посланника должен был прямо отразиться на положении Довмонта в Москве. Однако сенаторы мотивировали свой отказ на требования Возницына прямо противоположно, ссылаясь на донесения своего резидента об ограничениях и оскорблениях в Москве. Это вызывает повышенное внимание П.Б. Возницына к церемониальной части донесений своего «коллеги». Так, в частности, в письме от 12 (22) марта царский резидент сообщал: «*Резидент, государи, польской отнюдь о том, какова ему милость великих государей, также и вашим жалованьем в кормех и во всем учинено довольство, не писал. А пишет, что не належит. Писал, что он принят к Москве и везен в санях на одной лошади, в хомут впряженой, белой, и то на худой. Да на встрече было 100 человек стрелцов. Для того, государи, и меня принимали в Гродне и х королю на приезд возили в санях о паре возниках*»[24].

Споры П.Б. Возницына с сенаторами позволяют раскрыть еще один источник знания русских резидентов о своем «коллеге»: официальные сообщения из Посольского приказа. Главное из них — письмо с описанием «повольностей», данных Довмонту в Москве, которое выдавалось царским посланникам вместе с наказами. Во многом оно превратилось в источник определенной мифологизации работы польского резидента. Так, в частности, П.Б. Возницын писал: «*Принят он на границе с кормами и с подводы и с провожатыми, приехав к Москве, живет покойно на одном месте. Ему ж столы и кормы. Не имеет у себя лишних людей и лошадей, не дарит никому ничего, и нихто у него ничего не просит. Корму себе и своим лошадям покупает дешевою ценою*»[25]. Безусловно, подобная идиллия служила вполне утилитарной цели: подчеркнуть бедственное положение Возницына. Процитированное выше сообщение резидент закончил следующими словами: «*А я здесь волочюся своими проторми, имея за тем, что подвод не дают, 30 лошадей и 20 человек людей*»[26].

Стоит отметить, что сведения из донесений Довмонта русские резиденты использовали не только для того, чтобы продемонстрировать Посольскому приказу его «неправды». Особенность русской миссии в Польско-Литовском государстве заключалась в том, что она периодически в силу

[23] Там же. Кн. 233. Л. 138.

[24] Там же. Кн. 235. Л. 25.

[25] Там же. Л. 67.

[26] Там же.

разных обстоятельств — проблем с почтовой связью, загруженностью приказа решением более насущных проблем, особенно в период нередких в кон. XVII в. политических кризисов, — оказывалась на некоторое время полностью отрезана от внутрироссийских новостей: задерживались даже домашние «грамотки». В этих условиях некоторые известия, присылаемые Е.Д. Довмонтом, становились единственным источником о ситуации на родине. Таким способом, например, П.Б. Возницын получил информацию о том, кто возглавит второй Крымский поход[27], а И.М. Волков — о перевороте в пользу Нарышкиных и опале кн. В.В. Голицына[28]. Примечательно, что в последнем случае царский резидент так и не получил из Москвы никакого официального сообщения с трактовкой событий.

Русские резиденты не упускали из виду реакцию короля и его окружения на сообщения Е.Д. Довмонта. Как представляется, сообщения о ней призваны были продемонстрировать руководству Посольского приказа истинные настроения Яна III и отдельных сенаторов по отношению к русско-польскому союзу. Поддержка «зело непотребных ведомостей»[29] своего резидента могла служить одним из подтверждений подозрений в неискренности короля и его отражения по отношении к Русскому государству.

Первые доклады П.Б. Возницына о «непотребствах» Е.Д. Довмонта вызывали ожидаемую критику: «*Сенатори ж, государи, зело слыша от меня неблагочинной помянутого резидента поступок, все ево лаяли и хотели писать к нему с великим прещением, а паче всех канцлер, потому что отпущен он по ево заступе. А королевское величество и иные сенаторы не зело ево любят, толко прислуживаетца х королевскому величеству*»[30]. Характерно, что информаторы Возницына допустили, что именно негативными известиями о России польский посланник пытается завоевать расположение короля. Летом 1688 г. белзский воевода Марек Матчинский в разговоре с царским резидентом назвал Довмонта «дьяволом» и «собакой», особо подчеркнув вредность его ссоры с кн. В.В. Голицыным для общего дела союзников[31]. Когда Яну III о «непотребных поступках» польского посланника сообщил приехавший из Москвы шляхтич, то король «*только плечами зжимал и зело тому дивился*»[32].

Таким образом, в силу сохранившегося даже после заключения договора о Вечном мире (1686 г.) недоверия между Московским и Польско-

[27] Там же. Л. 190 об. – 191.

[28] Там же. Кн. 237. Л. 536–536 об.

[29] Там же. Кн. 235. Л. 370–370 об.

[30] Там же. Л. 23 об.

[31] Там же. Л. 87.

[32] Там же. Л. 99.

Литовским государством главной задачей царских резидентов при дворе Яна III Собеского стал сбор сведений о «противностях» союзному договору. Важным компонентом этих «противностей» стали «неправды» польского резидента в Москве. И если «противности» в его поведении в Посольском приказе были очевидны, то поиск «неправды» в донесениях Е.Д. Довмонта стал неписанной прерогативой русской миссии в Речи Посполитой. Однако, полноценный доступ к донесениям Довмонта первому главе русской «резиденции» П.Б. Возницыну организовать не удалось, и пришлось довольствоваться отдельными обрывками, в силу их «сенсационности» проникающими в сенаторскую или придворную среду. Но этого царскому посланнику оказалось вполне достаточно. Образ резидента Довмонта в донесениях П.Б. Возницына в некоторой степени становился мифологизированным: он предстал неблагодарным интриганом, которому цари и их советники создали все условия для комфортной жизни и работы, однако он не принял их с благодарностью, а начал доносить королю непотребные сведения о России, ссорится с руководителями Посольского приказа и клеветать на русского резидента в Речи Посполитой. Поведение Е.Д. Довмонта не находило поддержки у ряда сенаторов, однако король Ян III по отношению к действиям и сообщениям своего резидента публично выражал широкую палитру чувств, кроме открытого осуждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 233 (Посольская книга, содержащая копии присланных русским резидентом в Речи Посполитой П.Б. Возницыным в Посольский приказ отписок и иных документов, а также посланных к нему грамот и писем).

РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 235 (Донесения русского резидента в Речи Посполитой П.Б. Возницына главе Посольского приказа ближнему боярину кн. В.В. Голицыну).

РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 236 (Посольская книга, содержащая копии документов об отправке в Речь Посполитую на резиденцию И.М. Волкова, присланных им в Посольский приказ отписок и иных документов, а также посланных к нему грамот и писем).

РГАДА. Ф. 79 «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 237 (Статейный список русского резидента в Речи Посполитой И.М. Волкова).

Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России по 1800 г. Ч. 3. М., 1897.

Домрачев Н.Е. Россия, Речь Посполитая и вопрос о восстановлении постоянных дипломатических представительств в конце 1680-х гг. // Славянский альманах. Вып. 1–2. М., 2020.

Колегов С.С. Постоянные дипломатические представительства России в Европе во второй трети XVII — начале XVIII в.: дис. …канд. ист. наук. Екатеринбург, 2011.

Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.

Kaminski A. Republic vs. Autocracy: Poland-Lithuania, 1686–1697. Cambridge, 1993.

Wójcik Z. Epolig tractatu Grzymułtowskiego w roku 1686 // Trudne stulecia. Studia z dzejów XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1994.

N.E. Domrachev
Moscow (Russia)
Lomonosov Moscow State University

THROUGH THE EYES OF A DIPLOMAT: THE ACTIVITY OF POLISH RESIDENT AT MOSCOW COURT JERZY D. DOWMONT IN DISPATCHES OF RUSSIAN PERMANENT DIPLOMATIC REPRESENTATIVES IN WARSAW

The issue of the article is the question of the generation of the negative image of Polish resident at Moscow court Jerzy D. Dowmont in the eyes of the Ambassadorial chancellery administration and one of the Russian resident in Polish-Lithuanian Commonwealth Prokopy B. Voznitsyn's role in the process. The analysis of information about the polish resident, contained in dispatches of the tsarist envoy to the head of the Ambassadorial chancellery prince Vasily V. Golitsyn, has given an opportunity to recognize motivations, which prompted Prokopy B. Voznitsyn to oversee Dowmont's dispatches from Moscow, ways, through which the information was received by the Russian resident, principles of its selection and its features. Obtained results give an opportunity to conclude that Prokopy B. Voznitsyn did not practice purposeful monitoring of the activity of resident Dowmont at Moscow court exert some first months his work in Polish-Lithuanian Commonwealth, and the negative image of Polish resident in dispatches of the tsarist envoy was determined with objective features of the information, which came to the Russian resident on natural way.

Keywords: Russian-Polish relation at 17th century, Russian permanent diplomatic mission in Polish-Lithuanian commonwealth, Polish permanent diplomatic mission in Russia, the Ambassadorial chancellery, Jerzy D. Dowmont, Prokopy B. Voznitsyn, Vasily V. Golitsyn, Jan III Sobieski.

С.С. Лазарев
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

ИНСТИТУТЫ ЦЕРКОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В АНГЛИИ В ЭПОХУ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В данной статье рассматривается система институтов церковной юрисдикции в реформационной и постреформационной Англии. Автор приходит к выводу о том, что институциональная трансформация в эти периоды была возможна благодаря окончательному завершению процесса отстаивания суверенитета королевской власти, конкуренции между социопрофессиональными корпорациями юристов и негативного отношения к церковным судам со стороны пуритан.

Ключевые слова: церковные суды, английская Реформация, общее права, цивилисты, раннее Новое время.

Церковь, начиная с раннего Средневековья, уже обладала достаточно структурированной иерархией управления и сформировавшимися правовыми институтами. Это было характерно и для Англии, где церковные суды с системой канонического права оформились раньше, чем общее право и институты королевского правосудия.

В период Реформации в Англии система институтов церковного судопроизводства подверглась существенной трансформации. В первую очередь это коснулось институтов апелляционной юрисдикции, так как провозглашение Генриха VIII главой Церкви Англии лишало суд Римской Роты статуса высшей апелляционной инстанции, к которой подчинялись английские церковные суды. Попытки подачи апелляций к Риму могли расцениваться как узурпация власти папистами. Для ограничения апелляционной юрисдикции английских церковных судов был создан Высший Суд делегатов. В соответствии с «Актом о подчинении духовенства» были назначены уполномоченные для рассмотрения апелляций архиепископских судов[1]. С 1833 г. место этого судебного трибунала занял Судебный комитет Тайного совета.

«Акт о подчинении духовенства» определял количество и состав делегатов: 32 подданных, из которых 16 человек принадлежали духовенству,

[1] The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 3. L., 1817. P. 460.

а другие 16 человек должны были быть представителями обеих палат парламента. Кроме того, согласно акту лица, подавшие апелляции в Рим, а также те, кто им помогал и способствовал этому, обвинялись в преступлении в соответствии со статутом «Praemunire»[2].

По мнению Дж. Дункана, учреждение суда Делегатов и издание «Акта о подчинении духовенства», способствовавшие уничтожению апелляционной юстиции папской власти, не увеличивали юрисдикцию английских архиепископов и епископов, поскольку они не имели больше права вмешиваться в дела, связанные с апелляциями[3]. Таким образом, учреждение суда Делегатов позволяло стать королю высшей апелляционной инстанцией для церковных судов.

Наиболее примечательна деятельность суда Арки, который, несмотря на то, что лишился права подавать апелляции к Риму в ходе Реформации, смог продолжить свою деятельность. Главой суда был генеральный викарий архиепископа Кентерберийского или иначе декан Арки. Дела рассматривали приведенные к присяге адвокаты и прокторы. Юрисдикция суда Арки распространялась не только на вопросы церковной дисциплины, но и по делам о завещаниях и семейно-брачных вопросов, последним которым прибавились бракоразводные дела[4].

В последующем дела о завещаниях подлежали рассмотрению в Прерогативном суде. Под Прерогативными судами следует понимать один из провинциальных судов Кентербери или Йорка, имевшие юрисдикцию в отношении имущества умерших лиц. Они обладали юрисдикцией предоставлять завещание или управление в тех случаях, когда епархиальные суды не могли рассматривать дела из-за того, что умерший обладал товарами выше установленной стоимости в каждой из двух или более епархий. Прерогативный суд Кентербери, находящийся под властью архиепископа, устанавливал лимит стоимости соответствующих товаров в 5 фунтов стерлингов[5].

На севере Англии юрисдикция по делам наследованиям была несколько иной. Прерогативный суд в Йорке возник 1577 г., когда архиепископом стал Эдвин Сэндис (1519–1588 гг.). Как отмечает Кристофер Китчинг, Суд казначейства — старший суд по наследственным вопросам диоцеза Йорка — имел мало поводов или желания рассматривать дела, в которых покойный имел собственность более чем в одной епархии, поэтому проблемы коммуникации могут быть достаточными объяснениями концентрации судов архиепископа на чисто епархиальных делах и позднего появления

[2] Ibid. P. 460–461.

[3] *Duncan G.I.O.* The High court of Delegates. Cambridge, 1971. P. 12.

[4] *Паламарчук А.А.* Цивильное права в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015. С. 237–238.

[5] Для диоцеза Лондона этот лимит был расширен до 10 фунтов стерлингов.

прерогативы[6] как концепции[7]. Рональд Марчант считает, что в первые несколько лет существования Прерогативного суда в Йорке занимался малым количеством разбирательств[8].

В качестве должностных лиц Прерогативного суда были не любители, а высококвалифицированные специалисты. Судьи и адвокаты были докторами цивильного права, которые с 1511 г. должны были быть членами недавно основанной коллегии адвокатов Патерностер Роу, прежде чем практиковать в главных церковных судебных трибуналах. Большинство комиссаров, начавшие работать в Прерогативном суде, добились известности благодаря своим знаниям и юридическому мастерству на момент назначения. Например, Джон Кокс, Ричард Гвент и Уильям Кук занимали пост декана Арки до того, как стать судьями Прерогативного Суда Кентербери[9].

В 1559 г. английской короной был учрежден Суд Высокой комиссии, который являлся верховным церковным судом для обеспечения соблюдения «Акта о супрематии» и «Акта о единообразии». Суд созывался по воле государя и имел почти неограниченную власть над гражданскими и церковными делами. Общее число членов Суда Высокой комиссии варьировалось от 24 в 1549 г.[10] до 108 в 1633 г.[11] Членами этого трибунала были юристы канонического права, епископы и миряне, занимавшие важное место в обществе. Юрисдикция Суда Высокой комиссии была как параллельной в отношении других церковных судов, так и апелляционной.

Суд Высокой комиссии должен был контролировать власть Церкви и дополнять ее властью короны. Этот трибунал словно заменял высшую личную юрисдикцию Папы, особенно в уголовных делах. До 1565 г. его деятельность носила преимущественно временный, непостоянный характер. Но продолжавшиеся трудности, испытываемые в обеспечении соблюдения елизаветинского религиозного урегулирования, развитие дополнительных административных функций самой комиссией и растущее делегирование ей церковных и отчасти квазицерковных полномочий со стороны Тайного совета давали комиссарам достаточно постоянный срок полномочий, чтобы они могли учредить традиции и формы, которые превратили Суд Высокой комиссии в постоянный и упо-

---

[6] О королевской прерогативе см.: *Barnett H.* Constitutional and administrative law. L., 1998. P. 157–166.

[7] Continuity and Change: Personnel and Administration of the Church of England. Leicester, 1976. P. 193.

[8] *Marchant R.A.* The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560–1640. Cambridge, 1969. P. 103–107.

[9] Continuity and Change… P. 199–200.

[10] Первая генеральная комиссия, созванная Эдуардом VI.

[11] *Usher R.G.* The Rise and Fall of the High Commission. Oxford, 1913. P. 90, 253.

рядоченный орган. К более поздним годам правления Елизаветы I Тюдор Суд Высокой комиссии рассматривал различные дела, относящиеся к юрисдикции церковных судов, многие из которых касались вопросов брака и завещаний[12].

Джон Уитгифт (ок. 1530–1604 гг.), архиепископ Кентерберийский, получив расширенные полномочия для Суда Высокой комиссии к 1580-м гг., предложил «Акт против пуритан», сделав пуританство преступлением[13]. В результате этого сложилась оппозиция из пуритан и юристов и судей общего права, которые стойко сопротивлялись деятельности Суда Высокой комиссии. Пуритане были возмущены тем, что им навязывали использование присяги *ex officio*[14]. Вражда, исходившая от юристов и судей общего права, была традиционно связана с конкуренцией между светскими и церковными судами. Оппозиция восторжествовала в 1641 г., когда одним из актов *Долгого парламента*[15] был распущен Суд Высокой комиссии.

В ходе Реформации возник еще один институт церковного судопроизводства — Суд о даровании прав. В компетенцию этого трибунала входило право дарования диспенсаций, а также лицензирование нотариев[16]. Ранее эти функции принадлежали Апостольскому престолу или его представителям, но в 1533 г. с изданием «Акта об архиепископских лицензиях» эти полномочия перешли английскому монарху, что расценивалось как законное возвращение привилегий и прав, которые были узурпированы папистами. Это было одним из шагов политики Генриха VIII, направленная на ограничение влияния Рима и юрисдикции церковных судов в Англии и защиту суверенитета королевской власти.

Примечательно, что согласно «Акту об архиепископских лицензиях» полномочия, перешедшие королю как главе церкви Англии, были делегированы архиепископу Кентерберийскому. По мнению У. Хупер, объяснение такого положения вещей состоит в том, что поскольку король в силу своей прерогативы уже обладал правом делегирования равными тем, которые были переданы от Папы, было бы излишним, а также унизительным для короны, наделять его полномочиями, которыми он уже обладал и пользовался[17].

Подводя итог, можно заключать, что в реформационный и постреформационный периоды институты церковного судопроизводства в Англии подверглись существенной трансформации, которая изначальна была вызвана

---

[12] Continuity and Change… P. 250.

[13] The Statutes of the Realm. Vol. 4. Pt. 2. L., 1819. P. 841–846.

[14] Continuity and Change… P. 251.

[15] The Statutes of the Realm. Vol. 5. L., 1819. P. 112–113.

[16] *Паламарчук А.А.* Указ. соч. С. 236.

[17] *Hooper W.* The Court of Faculties // The English Historical Review. 1910. Vol. 25. № 100. P. 675.

долгим процессом отстаивания суверенитета королевской власти от притязаний Папы. В последующем институциональная перестройка церковных трибуналов проводилась из-за конкуренции между социопрофессиональными корпорациями юристов и негативного отношения со стороны пуритан, чьи критические нападки принимали различные формы: от трактатов и памфлетов до петиций, направленных монарху и парламенту. Но несмотря на это церковные институты продолжали существовать и регулировать определенные аспекты повседневной жизни, что демонстрирует сложный и неоднозначный характер развития церковной юрисдикции и ее институтов в Англии в период раннего Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 3. L., 1817.

The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 4. Pt. 2. L., 1819.

The Statutes of the Realm. 1101–1713. Vol. 5. L., 1819.

Паламарчук А.А. Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи. СПб., 2015.

Barnett H. Constitutional and administrative law. L., 1998.

Continuity and Change: Personnel and Administration of the Church of England. Leicester, 1976.

Duncan G.I.O. The High court of Delegates. Cambridge, 1971.

Hooper W. The Court of Faculties // The English Historical Review. 1910. Vol. 25. № 100.

Marchant R.A. The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560–1640. Cambridge, 1969.

Usher R.G. The Rise and Fall of the High Commission. Oxford, 1913.

S.S. Lazarev
Saint Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University

INSTITUTIONS OF CHURCH PROCEEDINGS IN ENGLAND IN EARLY MODERN PERIOD

This article considers the system of institutions of ecclesiastical jurisdiction in Reformation and post-Reformation England. The author concludes that the institutional transformation during these periods was possible due to the completion of the process of defending the sovereignty of royal power, competition between socio-professional corporations of lawyers and negative attitudes towards the church courts from the Puritans.

Keywords: ecclesiastical courts, the English Reformation, common law, civil lawyers, the early Modern Age.

А.Д. Тимачева
г. Казань (Россия)
Казанский (Приволжский) федеральный ун-т

«СКАНДИНАВИЗМ» В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НАЦИОНАЛЬНОМ ТЕАТРЕ НОРВЕГИИ XIX в.

Скандинавизм как форма объединения стран Северной Европы берет начало из Средних веков. В основе модели «скандинавизма» лежала уния, заключенная между равноправными государствами (Швеция, Дания и Норвегия). Общность скандинавских стран стала возможна благодаря ряду признаков: единство языка, религии, образа жизни. На протяжении последующей истории первоначальная цель союза как попытки объединения трансформируется в стремление стран подчинить друг ругу своих соседей. Норвегия была подавляема своими соседями в силу своей экономической и политической отсталости, но в XIX в. начала борьбу за независимость. Местом сопротивления выступил национальный театр в Бергене, возглавляемый драматургом Генриком Ибсеном, который формой и содержанием постановок на сцене разрушал признаки, объединяющие государства в Средние века.

Ключевые слова: скандинавизм, национальная культура, средние века, Г. Ибсен.

Движение скандинавизма, основанное на идее образования единого территориального, политического и культурного блока североевропейских стран, на протяжении долгого периода противостояло политике стран западной Европы. Норвегия, угнетаемая и подавляемая соседями на протяжении веков, в XIX в. обретает национальную независимость. Главным методом борьбы выступил процесс становления национального театра.

Театральная жизнь Норвегии, давшая начало формированию национального норвежского искусства, стала главным очагом борьбы против насильственного политического и культурного влияния со стороны «братьев-скандинавов». Отцом театрального искусства Норвегии и главным борцом за ее независимость выступил выдающийся драматург Генрик Ибсен. Его относят к числу «бунтарей духа». Разрушение средневековой модели «скандинавизма» стало результатом рождения национальной культуры.

Модель «скандинавизма» была основана на ряде признаков. Первый из них представляют языки, имеющие единую лексическую базу. До XII в.

языки Дании, Норвегии и Швеции не имели характерных различий, их язык был уникален для стран западной Европы. Примерно в XII–XIII вв. единый скандинавский язык образовал западную (древнеисландский и древний корь-северный) и восточную ветви (древнешведский и древнедатский)[1]. Так или иначе все страны современной Скандинавии имеют общего языкового предка — древнескандинавский. После принятия христианства в страны Скандинавии проникла латынь. Иная ситуация сложилась в Норвегии: будучи зависимой от Дании экономически и политически на протяжении длительного времени, эта страна потеряла свой собственный исконный лексикон. По этой причине современный норвежский язык называется «букмол» — сложение норвежских и датских элементов языка. В связи с длительной зависимостью Норвегии от Дании сохранилась культурная преемственность. Норвежская драматургия своими истоками восходит еще к XVIII в., когда на сцене датского национального театра в Копенгагене ставились пьесы уроженца северной Скандинавии — Людвига Хольберга[2]. В силу политической зависимости Норвегии от Дании о создании национального театра на родине самого драматурга и речи быть не могло, поэтому он был вынужден создавать свои пьесы на датском языке. Поднимая вопросы социального характера и демонстрируя самостоятельность скандинавских народов от влияния французов и немцев, Хольберг поднимал национальный театр в Дании, как спустя чуть более столетия Генрик Ибсен для Норвегии.

Языковой вопрос в XIX в. стал предметом самых ожесточенных дискуссий, так как национальная культура начинается с появления национального литературного языка. До этого момента состоятельные норвежцы были вынуждены отправлять своих детей на учебы в Копенгаген. Теперь же, благодаря основанию университета в Христиании, у норвежского народа появилась возможность проходить обучение на территории собственной страны, что во многом предопределяло рост национального самосознания общества, которое активно изучало национальные науки и язык. Генрик Ибсен в поддержку борцов Норвегии за культурную независимость создавал свои пьесы не на датском, как это вынужден был делать Хольберг в XVIII в., а на норвежском языке.

Первый национальный театр Норвегии был открыт в Бергене по инициативе известного на весь мир скрипача Уле Бюлля в Бергене, где в оппозицию уже имевшемуся на тот момент Кристианийскому государственного театру во главе труппы стояли норвежские актеры и режиссеры. Уже, будучи звездой мировой сцены и представителем национального искусства Нор-

---

[1] *Кан А.С.* История скандинавских стран. М., 1980. С. 37.

[2] *Браун Дж.Р.* Иллюстрированная история мирового театра. М., 1999. С. 281.

вегии, Уле Бюлль, вернувшись на родину, не мог смириться с влиянием «даноманов» на развитие норвежского театра: как и много столетий до в нач. XIX в. к работе в театр приглашались лишь датские актеры и режиссеры. Формируя театральную труппу, Уле Бюлль искал норвежцев, которые смогут поднять сценическое искусство до профессионального уровня. Конечно, за неимением новых лиц драматургии, Уле Бюллю приходилось обращаться к творцам прошлого столетия[3]. Бергенский театр, во главе которого стоял Генрик Ибсен, выступил в качестве оппозиции путем обращения к национальному языку и профессионализму норвежский актеров.

Разрушение средневековой модели «единой Скандинавии» проявлялось не только во внешних признаках, но и в идеологическом ключе. Генрик Ибсен в своих ранних пьесах проводил параллели между историческим средневековым прошлым своего народа и «бунтарским» настоящим. «Средневековый скандинавизм» призывал к сплочению народов, формированию общей линии истории, но с данной идеей не была согласна Норвегия. Страна оказалась втянутой в насильственный процесс политического, экономического и культурного объединения скандинавских стран. По этой причине Генрик Ибсен использует в своих пьесах сюжеты из истории средневековой Норвегии, борющейся против датского и шведского влияния.

Северные народы представляют собой единую атланто-балтийскую «малую расу». Близкие по духу и нраву народы имеют даже общий эпический литературный памятник — Старшая Эдда. В «Круге Земном» Снорри Стурлсон обратился к эвгемерической теории о происхождении асов, которую предлагал в «Эдде», но добавил больше подробностей о способностях богов, подчеркивая, что это предки королей и Швеции, и Норвегии[4]. Переход от язычества к христианству не разъединил скандинавские страны, а, наоборот, сблизил. В Швеции христианство получило распространение позже, чем в Дании и Норвегии — первый проповедником там стал Ансгарий, который распространял христианские догматы и в Дании, и в Норвегии.

Приведенные данные свидетельствует о единстве прошлого стран Северной Европы, что предопределило формирование и распространение идеи «скандинавизма». Уже к XIV в. сформировалась идея о заключении унии между всеми тремя скандинавскими государствами. По итогу длительной династической борьбы между королями в 1397 г. была заключена Кальмарская уния: объединение трех скандинавских государств под руководством

[3] *Хейберг Х.* Генрик Ибсен. М., 1975. С. 53.

[4] *Ларрингтон К.* Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов». М., 2019. С. 14.

единого короля Эрика Померанского[5]. Норвегия, серьезно пострадав экономически от чумы, уже в XVI в. перешла в тотальное подчинение от Дании.

Реформация так же ворвалась в жизнь Скандинавии одновременно во всех странах и одним и тем же способом — обученные в Германии молодые люди, вернувшись на родину, распространяли идеи Лютера. С кон. XVIII и в течение всего XIX вв. в Норвегии обрело популярность «хаугеанство», ставшее одним из проводников национальной борьбы за независимость, так как опиралось на зажиточные слои крестьянства. Таким образом, религия как одна из составляющих культуры в XIX в. противостояла идее «скандинавского единства».

Генрик Ибсен в XIX в., стремясь разрушить образ «единой Скандинавии», берет за основу своих первых пьес в Бергенском театре сюжеты средневековой Норвегии, сохранившей очаги сопротивления против насильственного подчинения «братьям-скандинавам». При работе над постановками драматург обращался к перечню древнескандинавских саг[6], при этом отбирал именно те сюжеты, которые соответствуют его задаче — поднятию национального духа норвежского народа. Но, как и любому продукту творческой деятельности, пьесам Ибсена суждено было стать «художественной выдумкой»: он додумывает поступки героев, меняет их характер и окружение. К примеру, в пьесе «Фру Ингер из Эстрота»[7] драматург представляет образ сильной землевладелицы сер. XVI в., которая с молодости славилась своим стремлением избавиться от датского покровительства и привести Норвегию к былому могуществу. Но на момент описанных в пьесе событий Фру Ингер, уже будучи зрелой женщиной, подавляет любые попытки со стороны подчиненного ей народа оказать сопротивление датчанам. В этом сюжете Генрик Ибсен продемонстрировал неспособность верховной власти добиться независимости и призывал к активным действиям со стороны населения. В другом произведении, «Богатырский курган», Генрик Ибсен бросает лозунг: «Да здравствует Норвегия! Вперед, в сильную Норвегию!»[8]. Стоит также отметить, что и сама форма заключения важной мысли в пьесах преемственна от древних исландских скальдов, которые обычно воспроизводили политические переживания и конфликты в своих песнях.

На протяжении многих веков главенствующая в сознании народов средневековая модель «скандинавизма» в Норвегии стала главной причиной

---

[5] *Могунова М.А.* Статус Норвегии до получения ею независимости // Северная Европа: проблема истории. Вып. 6. М., 2007. С. 77.

[6] *Адмони В.Г.* Генрик Ибсен: очерки творчества. Л., 1989. С. 45.

[7] *Ибсен Г.* Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1906. С. 41.

[8] Там же. С. 5.

и содержанием зарождавшейся национальной театральной культуры. Создание Бергенского театра, постановка ибсеновских пьес разрушали «скандинавское единство», воздействуя на умы людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ибсен Г. Полное собрание сочинений. Т. 2. М., 1906.

Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. М., 1965.

Современные конституции: Сб. действующих конституц. актов. Т. 1. Конституционные монархии. СПб., 1905.

Адмони В.Г. Генрик Ибсен: очерки творчества. Л., 1989.

Браун Дж.Р. Иллюстрированная история мирового театра. М., 1999.

Кан А.С. История скандинавских стран. М., 1980.

Ларрингтон К. Скандинавские мифы: от Тора и Локи до Толкина и «Игры престолов». М, 2019.

Могунова М.А. Статус Норвегии до получения ею независимости // Северная Европа: проблема истории. Вып. 6. М., 2007.

Хейберг Х. Генрик Ибсен. М., 1975.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.

Чернышева О.В., Комаров Ю.Д. Церковь в скандинавских странах. М., 1988.

Бредсдорф Э.Л. Литература и общество в Скандинавии. М., 1971.

A.D. Timacheva
Kazan (Russia)
Kazan (Volga Region) Federal University

“SCANDINAVISM” IN THE MIDDLE AGES AND NORWAY’S NATIONAL THEATER IN THE 19th CENTURY

Scandinavism as a form of unification of the Nordic countries originates from the Middle Ages. The model of “scandinavism” was based on the union concluded between equal states (Sweden, Denmark and Norway). The commonality of the Scandinavian countries has become possible due to a number of signs: the unity of language, religion, way of life. Over the course of subsequent history, the initial goal of the union as an attempt to unite is transformed into the desire of countries to subjugate their neighbors. Norway was oppressed by its neighbors due to its economic and political backwardness, but in the 19th century it began a struggle for independence. The place of resistance was the national theater in Bergen, headed by the playwright Henrik Ibsen, who, with the form and content of performances on the stage, destroyed the signs that unified states in the Middle Ages.

Keywords: scandinavism, national culture, Middle Ages, G. Ibsen.

Г.А. Савельев
г. Санкт-Петербург (Россия)
Санкт-Петербургский гос. ун-т

МАРТИН ЛЮТЕР В ЗЕРКАЛЕ ЮБИЛЕЯ РЕФОРМАЦИИ 1617 г.: БИБЛЕЙСКИЙ ПРОРОК ИЗ САКСОНИИ

В данной статье автор выделяет ряд образов Мартина Лютера, культивируемых в Саксонии в столетний юбилей Реформации на фоне обострения конфессиональных противоречий в империи. Также автор определяет их значение в формировании идентичности лютеранской паствы, видевшей себя «богоизбранной».

Ключевые слова: Мартин Лютер, Матфей Гоэ фон Гоэнегг, юбилей Реформации, конфессии, эсхатология.

В нач. XVII в. Священная Римская империя переживала острый структурный кризис. Сложившаяся после заключения Аугсбургского религиозного мира система урегулирования отношений между имперскими сословиями фактически была парализована. С самого начала внутри нее были заложены как минимум две проблемы, несшие в себе разрушительный потенциал: непризнание кальвинистов и их вероисповедания в сочетании с размытостью формулировки «родственные члены аугсбургской конфессии», а также отсутствие у протестантской стороны равных с католиками гарантий, предусмотренных для последних «духовной оговоркой». Распря внутри дома Габсбургов, разгоревшаяся в 1-е десятилетие XVII в., пошатнула авторитет короны. Еще во 2-й пол. XVI в. в ходе религиозного конфликта вокруг магдебургского архиепископства была блокирована деятельность камерального суда. Рейхстаг, созванный в Регенсбурге в 1607 г. для решения спора, разгоревшегося вокруг имперского города Донауверта, лишь обострил отношения между кальвинистским Пфальцем и католической Баварией. В итоге, после того как базовые институты империи оказались неспособными разрубить узел назревших противоречий, были образованы альтернативные структуры власти — Евангелическая Уния и Католическая Лига[1].

[1] *Прокопьев А.Ю.* Тридцатилетняя война. СПб., 2020. С. 36–59.

Небывалый поток публицистики, наполненной неприязнью конфессий друг к другу, подливал масла в огонь. Одним из поводов к обличению религиозных оппонентов послужило празднование юбилея Реформации в 1617 г. Тот набор всемирно-исторических образов Лютера, с одной стороны, Римской церкви — с другой, намеченный в юбилейных проповедях, подтачивал непрочный каркас религиозного мира. Накал нетерпимости усиливался на почве эсхатологических представлений — вестники Слова ощущали себя стоящими перед Концом Времен. Юбилей Реформации отмечался в большинстве протестантских земель Германии, однако его организация, а также смысловая нагрузка отличались в кальвинистских и лютеранских владениях — каждая Церковь желала сохранить независимость. Саксония как родина Реформации, подчеркивавшая свои особые заслуги, оказала влияние на проведение празднования (в том числе и на содержательную сторону проповедей) лишь в принявших формулу Согласия княжествах и городах[2].

Цель нашей статьи — раскрыть образы Лютера, культивируемые саксонскими богословами в юбилей Реформации. Для этого нам следует обратиться к официальной интерпретации библейской и церковной истории, составленной по указанию курфюрста надворным проповедником, главой Евангелической церкви Саксонии Матфеем Гоэ фон Гоэнеггом[3]. Этот труд был издан заранее в качестве руководства для остальных протестантских богословов в Саксонии и за ее пределами[4]. Нельзя недооценивать роль надворных проповедников в политической и религиозной жизни курфюршества — вестники Евангелия, отвечая за организацию проповеди и церковных таинств при дворе, формировали информационное пространство внутри княжества, представляли семью курфюрста в жарких религиозно-политических диспутах на имперской арене[5]. Кроме того, для прояснения ряда моментов в образе Лютера мы обратимся к проповеди коллеги Гоэ — Вольфганга Франциуса[6], пробста Замковой церкви в Виттенберге,

---

[2] *Schönstädt H.J.* Antichrist, Weltheilgeschehen und Gotteswerkzeug. Römische Kirche, Reformation, und Luther im Spiegel des Reformationsjubiläums 1617. Wiesbaden, 1978. S. 20.

[3] *Hoë von Hoënegg M.* Parasceve ad Solennitatem Iubilaeam Evangelicam, das ist: Christliche vnd aus Gottes Wort genommene Anleitung wie das instehende Evangelische Jubelfest, recht vnd nützlich solle begangen werden. Leipzig, 1617.

[4] *Schönstädt H.J.* Op. cit. S. 19.

[5] *Sommer W.* Politik, Theologie und Frömmigkeit im Luthertum der frühen Neuzeit. Göttingen, 1999. S. 74–82.

[6] *Franz W.* Christliche Evangelische Lutherische Jubel Predigten/ Auff das Erste/ hohe Lutherische Jubelfest/ so... durch den Churfürsten zu Sachsen... 1617.

центрального памятного места лютеран. Оба богослова — подданные курфюрста Саксонии, ортодоксальные лютеране, ненавистно относившиеся к католикам и реформатам.

Их проповеди основаны на типологическом толковании Библии: герои и события Ветхого и Нового Заветов рассматривались ими как прообразы личностей и событий церковной истории по схеме «обетование-исполнение»[7]. В связи с этим в ходе анализа были выделены три библейских образа Мартина Лютера — как пророка Моисея, выведшего народ израильский из египетского пленения, как Давида, как ангела, несущего вечное Евангелие перед скорым падением блудницы. Лютеранской стороной преследуются две конкретные цели: во-первых, уподобление евангелической паствы новым детям Израиля, во-вторых, изобличение Римской церкви и иных «еретических» конфессий как детищ Антихриста. То есть определение «своего» места в истории спасения возможно было лишь на фоне «чужого», сугубо негативного.

Гоэ обосновывает празднование юбилея Реформации, ссылаясь на Исход евреев из Египта: «Во Второй книге Моисея в главе 13 мы читаем, что Господь Бог строго наказал израильтянам вспоминать тот день, когда они вышли из Египта — из дома рабства. В таком случае как мы могли бы не вспоминать того времени, когда нас Бог вывел из рабского дома Антихриста»[8]. Римской курии вменялся в вину стандартный для лютеран набор злодеяний, однако особый интерес представляет то, как Гоэ изображал взаимоотношения папы и императора: «Папа сделал из римского императора собственного поводыря и стольника»[9]. Гоэ изображает правителей Священной Римской империи жертвами папского престола. Таким образом подчеркивалась особая роль лютеран, покончивших с уничижением мирских правителей. Евангелическая церковь выступает в речах проповедника послушным подданным легитимной светской власти, в том числе и императора-католика. Подобная трактовка всецело соответствовала лояльности курфюрста Саксонии Иоганна Георга I, с почтением относившегося к Империи.

В свете подобного типологического ряда Лютер явно уподобляется Моисею. Конкретнее это сопоставление прослеживается у Гоэ далее: «Вопль Моисея поверг фараона. Вопль Лютера также опрокинул римского

---

feyerlich zu halten angeordnet worden: Gehalten Durch die Vier Doctores und Professores der Theologischen Facultet in der Universitet Wittenberg. Wittenberg, 1618. S. 61–92.

[7] *Schönstädt H.J.* Op. cit. S. 86–92.

[8] *Hoë von Hoënegg M.* Op. cit. S. 2.

[9] Ibid. S. 11.

Антихриста»[10]. Следовательно, естественно уподобление Саксонии Земле обетованной, а лютеран, ее населяющих — детям Израиля: «Ведом в Саксонии Бог, у Германии велико имя Его, и есть в Дрездене жилище Его и пребывание Его во многих местах»[11]. Также читаем у пастора Замковой церкви в Виттенберге Вольфганга Франциуса: «Между тем было тогда много могущественных королевств и княжеств в мире, к которым Бог Свой лик все время обращал, однако из них всех Он возлюбил для свершения своего великого милостивого промысла никакую другую [землю], кроме нашего общего Отечества немцев, а именно — Саксонии. Равным образом было тогда в Саксонии много известных городов, однако же из них Бог не избрал ни одного, кроме этого любимого маленького незначительного тогда совсем неизвестного города Виттенберга»[12]. В проповеди Вольфганга Франциуса, произнесенной после зачитывания 11 главы Книги пророка Даниила, являющей предсказание падения Антихриста в ходе Реформации, постоянно заостряется внимание присутствующих на времени и месте свершения судьбоносного события, на публичном приколачивании Лютером 95 тезисов к дверям Замковой церкви Виттенберга 31 октября 1517 г., «при неимоверно огромном скоплении людей всех сословий и мест»[13]. Так, провидческий голос Вольфганга Франциуса, вся окружающая обстановка способствовали закреплению за Виттенбергом статуса священного города, где разыгрывался решающий акт истории спасения**.**

Другой, не менее важный ветхозаветный прообраз Лютера у Гоэ — Давид, сразивший Голиафа: «Удивительно, что Давид без какого-либо орудия, [лишь] со своей пращей, сильного, спесивого гиганта Голиафа усмирил и повалил. 1. Цар. 17. Но еще удивительнее, что преданный Богу человек доктор Лютер со своими насыщенными Св. Духом проповедями и трудами свергнул, стало быть, Римского Голиафа»[14]. Так, Гоэ делают акцент на изначальной несоразмерности сил между юным августинским монахом и могущественным Римом.

Представление ангела из Откровения как библейского прообраза Лютера имеет под собой эсхатологическую основу: «Он (Лютер. — *Авт.*)... в почитании Господа и Учения Св. Евангелия остался несокрушимым и стойким, как Ангел, о котором Бог... предсказал, что он с вечным Евангелием будет лететь посреди Неба»[15]. Возникает она непосредственно при

[10] Ibid. S. 74.

[11] Ibid. S. 36.

[12] *Franz W.* Op. cit. S. 81–82.

[13] Ibid. S. 83.

[14] *Ноё von Ноёnegg M.* Op. cit. S. 17.

[15] Ibid. S. 16.

оценке реформатора на рейхстаге в Вормсе — Гоэ подчеркивает непоколебимость Лютера перед императором, курфюрстами и князьями в приверженности Слову. Однако для Гоэ папа как блудница из 17 главы Откровения не единственный пособник Дьявола: «Он (Дьявол. — *Авт.*) пробудил наконец разнообразные ранее невиданные заблуждения и ереси — антиномистов, анабаптистов, последователей Каспара Швенкфельда, энтузиастов, новых ариан, но особенно сакраментариев, богохульных цвинглиан и кальвинистов»[16]. Так, полемическое противостояние накануне Тридцатилетней войны обострилось не только между папистами и протестантами, но и внутри самого протестантского лагеря. Империя представляла собой тугой клубок противоречий, грозивших вот-вот перерасти в открытую и кровопролитную войну.

Таким образом, посредством типологической параллелей между библейской и церковной историей, рассмотренных выше, формировалась идентичность лютеранской паствы. Она определяла себя как «богоизбранную», и, что особенно важно, — не в рамках целой империи, а на локальном уровне, в пределах Саксонии, лидера умеренных протестантов, занимавшего доминирующие позиции в центре Империи. Подобная тенденция в юбилейных проповедях вполне соответствует нараставшей с времен Аугсбургского мира и особенно обострившейся накануне Тридцатилетней войны региональной изоляции конфессий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Franz W. Christliche Evangelische Lutherische Jubel Predigten/ Auff das Erste/ hohe Lutherische Jubelfest/ so... durch den Churfürsten zu Sachsen... 1617. feyerlich zu halten angeordnet worden: Gehalten Durch die Vier Doctores und Professores der Theologischen Facultet in der Universitet Wittenberg. Wittenberg, 1618.

Ноё von Ноёnegg M. Parasceve ad Solennitatem Iubilaeam Evangelicam, das ist: Christliche vnd aus Gottes Wort genommene Anleitung wie das instehende Evangelische Jubelfest, recht vnd nützlich solle begangen werden. Leipzig, 1617.

Прокопьев А.Ю. Тридцатилетняя война. СПб., 2020.

Schönstädt H.J. Antichrist, Weltheilgeschehen und Gotteswerkzeug. Römische Kirche, Reformation, und Luther im Spiegel des Reformationsjubiläums 1617. Wiesbaden, 1978.

Sommer W. Politik, Theologie und Frömmigkeit im Luthertum der frühen Neuzeit. Göttingen, 1999.

[16] Ibid. S. 21.

G.A. Savelev
Saint Petersburg (Russia)
Saint Petersburg State University

MARTIN LUTHER FROM THE PERSPECTIVE OF THE 1617 REFORMATION JUBILEE: THE BIBLICAL PROPHER FROM SAXONY

The author of the article focuses on the images of Martin Luther that were spread in Saxony at the time when the hundredth anniversary of Reformation was celebrated and when the confessional controversy in the Holy Roman Empire arose. The author shows that these images had an impact on identity of the Luther's flock which saw itself as "People of God".

Keywords: Martin Luther, Matthias Hoë von Hoënegg, the anniversary of Reformation, Christian denominations, eschatology.

К.Е. Крылов
г. Санкт-Петербург (Россия)
Национальный исследовательский ун-т ИТМО

ЭРАЗМИАНСКАЯ ЭТИКА В ИНСТИТУЦИЯХ КАРЛА V СВОЕМУ СЫНУ ФИЛИППУ

На протяжении веков в литературе не утихают споры об отношении Карла V к учению Эразма Роттердамского. Некоторые ученые, в том числе П. Рассов и В.Ф. Мордвинцев, считали, что идеи Эразма были для Карла платформой для примирения католиков и реформатов; многие вслед за К. Бранди полагали, что Карл окружил себя гуманистами, но сам им не был. В любом случае, большинство исследователей сходится в том, что к кон. 1530-х гг. на фоне неудач в переговорах с лютеранами Карл охладел к идеям Эразма и его философии Христа.

Однако, как показывает автор доклада, даже в 1543 г., когда Карл писал инструкции по доброму правлению своему сыну, он по-прежнему находился под глубоким влиянием Эразма. Его этический идеал все еще связан с идеями гуманиста, его же требования к образованию принца повторяют (иногда почти буквально) идеи Эразма относительно воспитания государя во Христе и в следовании примеру Всевышнего.

Ключевые слова: Карл V, Эразм Роттердамский, Филипп II, Испания, гуманизм, реформация.

Основным текстом для изучения политико-нравственных представлений императора Карла V является его письмо принцу Филиппу (будущему Филиппу II Испанскому) от 4 мая 1543 г. Текст был написан в очень сложный для Карла период — он не знал, увидит ли когда-нибудь своего сына вновь, опасался плена или даже своей гибели, поэтому постарался дать своему сыну инструкции не только как наместнику, но и как будущему королю.

Этот текст выдает в Карле человека религиозного, но лишенного мистицизма. Для него характерно присущее северному гуманизму представление об Иисусе — примере и Боге — нравственном ориентире. Говоря о том, что Филиппу надлежит сделать, чтобы, несмотря на молодость, стать хорошим правителем, Карл пишет следующее. Главное «для того, чтобы этого добиться, прежде всего остального, вам надлежит определиться в двух

вещах — первая и важнейшая всегда иметь бога перед своим взором, и преподносить ему все дела и заботы, которые вам приходится исполнять»[1]. Эта фраза повторяет слова испанского гуманиста Педро Руиса де Вильены, написанные им для самого Карла в 1516 г.[2]

Далее Карл расширяет свой тезис: «В качестве главной и прочной основы вашего хорошего управления, вам надлежит всегда согласовывать ваше бытие и благо с бесконечным милосердием Бога, и покорять свои желания и действия Его воле, делая это, боясь обидеть его, и у вас будет его помощь и защита, и вы будете делать то, что будет полезно, чтобы хорошо править и управлять», — пишет Карл[3].

Эти слова перекликаются с учением Эразма Роттердамского о воспитании христианского государя[4]. Так, философ писал: «Прежде всего следует привить государю привычку как можно больше думать о Христе и непрерывно усваивать его подобающим образом изложенное учение, причем из самых источников… Пусть тот, кто его [монарха] учит, убедит его в том, что никого это не касается больше, чем государя»[5].

Важнейшим мотивом, проходящим через личные нарративы Карла, является борьба с ересями. «Никогда не позволяйте ересям войти в Ваши владения», — требует Карл от Филиппа в своем письме 1543 г. При этом он вполне открыто в автобиографии критикует Апостольский престол за проволочки с организацией Вселенского собора[6]. Такая двойственная, на первый взгляд, позиция была вполне характерна для христианского гуманизма Северного Возрождения[7] и говорит о достаточно глубоком влиянии этих идей на Карла.

---

[1] Instrucciones de Carlos V a Felipe II Palamós, 4 de mayo de 1543. URL: http://www.cervantesvirtual.com/bib/historia/CarlosV/7_4_instrucciones.shtml#:~:text=Guardaos%20de%20ser%20furioso%2C%20y,y%20entran%20por%20muchas%20maneras

[2] «Держите Господа перед Вашими глазами» — приводит К. Бранди слова из Зерцала Руиса де Вильены. См.: *Brandi K.* The emperor Charles V: The growth a. destiny of a man a. of a world-empire. L., 1939. P. 85.

[3] Instrucciones de Carlos V…

[4] Сочинение великого мыслителя было в свое время адресовано молодому Карлу.

[5] *Эразм Роттердамский.* Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. М., 2001. С. 21.

[6] Historia do invictissimo emperador Carlos Quito Rey de Hispanha composta por Sua Mag. Cesarea, como se vee do papel, que vai em a seguinte folna // Historiographie de Charles-Quint. Premiere parte. P., 1913. P. 254–256.

[7] *Горфункель А.Х.* Гуманизм-Реформация-Контрреформация // Культура Эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981. С. 7–19.

Карл просит сына проявлять умеренность в развлечениях. Важнейшей добродетелью в глазах Карла является подчеркнутое посвящение всего себя делам государства. Император пишет, что Филиппу, после того как он окажется облечен властью, придется «изменить свою жизнь и отношение к людям»[8], ибо Бог поставил его, чтобы «править, а не наслаждаться»[9]. Этот тезис вновь согласуется с сочинением Эразма Роттердамского, писавшего, что «удовольствия черни[10] недостойны государя»[11].

Еще одним важным качеством, помимо самоотверженности, для Карла является умение следовать добрым советам. Карл несколько раз призывает Филиппа опираться на умудренных опытом государственных мужей. Первый раз этот совет он дает в самом начале письма: «верить и быть подчиненным всем добрым советам»[12].

Впрочем, Карл подчеркивает необходимость для монарха не только прислушиваться к добрым советам, но и самому интеллектуально развиваться: «Вы не должны думать, что учеба продлит ваше детство; до того как она вас заставит расти в чести и репутации, вас, хотя возраст и будет недостаточным, будут принимать прежде всего за мужчину, потому что быть мужчиной… значит иметь здравый смысл и разум, из чего сделаны дела мужа и мудреца, здравомыслящего, доброго и честного. И для этого очень нужны всем занятия и хорошие примеры и разговоры. И если это нужно всем, я думаю, сынок, тебе это нужно тем более, чем кому-либо, потому что ты видишь, сколькими землями ты должен править, на сколько частей они разделены и как далеко они друг от друга и насколько они отличаются по языку, поэтому, если они у вас есть и вы хотите обладать ими, необходимо быть для них понятными и их понимать, и для этого нет ничего более необходимого или общего, чем латинский язык… Неплохо было бы также понимать немного по-французски, но не хотелось бы, чтобы овладевая одним, вы бы потерялись между обоими»[13].

---

[8] Instrucciones de Carlos V…

[9] Ibid.

[10] Как подчеркивает А.В. Тарасова в своих комментариях к сочинению Эразма, под словом «чернь» (vulgus) философ понимал не простонародье, но всех глупых, неразвитых и не имеющих собственного мнения «находящихся во власти пороков и предрассудков» людей вне зависимости от их сословной принадлежности. В качестве доказательства составительница пояснений приводит термин «знатная чернь» — procerum vulgus. *Эразм Роттердамский.* Указ. соч. С. 21.

[11] Там же. С. 21.

[12] Instrucciones de Carlos V…

[13] Ibid.

Требование изучения языков прямо указывает на большое влияние гуманистических идей на представления императора. А требование интеллектуального развития коррелирует с просьбой, высказанной в следующем послании Филиппу, где Карл предостерегает сына от того, чтобы тот впадал в зависимость от кого-то из советников[14]. Король сам должен вести дела, выслушивая совет, но не подпадая под влияние конкретного сановника[15].

«Сын мой, вам надлежит быть очень справедливым и посему повелевайте, всегда по отношению ко всем ее [инквизиции] официалам, чтобы они делали ее честно и не были движимы ни приязнью, ни страстью, чтобы они не были коррумпированы подарками, ни чем либо еще… И если внутри себя вы чувствуете какой-то гнев или симпатию, никогда под их влиянием не приказывайте отправлять правосудие, особенно по уголовным делам»[16], — пишет Карл в письме 1543 г.

Отдельно Карл останавливается на соотношении справедливости и милосердия. Он фактически противопоставляет их, прося Филиппа искать баланс между ними. «И хотя добродетель справедливости является той, что поддерживает нас всех, побуждая нашего Господа проявлять к нам столько милости, используйте ее и смешивайте эти две добродетели так, чтобы одна не стерла другую случайно, если бы какая-то из них использовалась бы слишком много, это было бы пороком, а не добродетелью»[17], — пишет монарх.

Этот пассаж выглядит практически заимствованием из «Никомаховой этики» Аристотеля[18], в которой великий философ трактует «добродетели как середину и верную пропорцию» страстей и чувственных импульсов и утверждает, что избыток той или иной добродетели также вреден, как и ее недостаток, что заставляет людей искать золотую середину.

Данное письмо Карла выдает в нем человека не просто близкого северным гуманистам, использовавшего идеи Эразма как возможность для примирения между Святым престолом и сторонниками

---

[14] Ibid.

[15] Так Карл расписывает Филиппу достоинства и недостатки каждого из своих сановников, включая герцога Альбу и Лос Кобоса.

[16] Instrucciones de Carlos V…

[17] Ibid.

[18] Послужившей, по словам Л.М. Брагиной, одной из основ этико-политической мысли гражданского гуманизма XV в. См.: *Брагина Л.М.* Гражданский гуманизм и античная этико-политическая мысль // Античное наследие в культуре Возрождения. М., 1984. С. 21.

реформ[19]. В своих текстах он воспроизводит моральные принципы философии Христа Эразма. В них нет мистицизма и куда больше стремления к логике, в том числе в моральных вопросах. Образ Бога-искупителя скорее сменяется в его текстах образом Бога-примера, в духе эразмианской этики. Все это позволяет поставить под сомнение точку зрения таких ученых, как Бранди, полагавшего, что Карл окружил себя гуманистами, но сам не был гуманистом[20], или Мордвинцева, считавшего, что Карл, изначально пытавшийся использовать учение Эразма как «религиозную платформу, на которой возможно примирение католиков и протестантов»[21], затем охладел к своему эразмианскому окружению. Судя по рассмотренным текстам, Карл как минимум в вопросах этики правления сам разделял идеи гуманистов, и не переставал этого делать даже во 2-й пол. 40-х гг., а также пытался привить эти идеи своему сыну.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя; Жалоба мира, отовсюду изгнанного и повсюду сокрушенного; Похвальное слово глупости. М., 2001.

Historia do invictissimo emperador Carlos Quito Rey de Hispanha composta por Sua Mag. Cesarea, como se vee do papel, que vai em a seguinte folna // Historiographie de Charles-Quint. Premiere parte. P., 1913.

Instrucciones de Carlos V a Felipe II Palamós, 4 de mayo de 1543. URL: http://www.cervantesvirtual.com/bib/historia/CarlosV/7_4_instrucciones.shtml#:~:text=Guardaos%20de%20ser%20furioso%2C%20y,y%20entran%20por%20muchas%20maneras

Брагина Л.М. Гражданский гуманизм и античная этико-политическая мысль // Античное наследие в культуре Возрождения М., 1984.

Горфункель А.Х. Гуманизм-Реформация-Контрреформация // Культура Эпохи Возрождения и Реформация. Л., 1981.

Мордвинцев В.Ф. Испанский перевод «Энхиридиона» и инквизиция // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989.

Brandi K. The emperor Charles V: The growth a. destiny of a man a. of a world-empire. L., 1939.

---

[19] Подробнее о влиянии идей Эразма на поиски компромисса между католиками и сторонниками евангелического учения см.: *Rassow P.* Die politische Welt Karl V. München, 1948. S. 40–63.

[20] *Brandi K.* Указ. соч. С. 589.

[21] *Мордвинцев В.Ф.* Испанский перевод «Энхиридиона» и инквизиция // Эразм Роттердамский и его время. М., 1989. С. 171.

K.E. Krylov
Saint Petersburg (Russia)
ITMO National Research University

CHARLES V'S INSTRUCTIONS TO PHILIP II AND ERASMIAN ETHICS

Academic dispute about relation of Charles V to Erasmus Roterodamus have been lasting for hundreds years. Some scholars, like Rassow and Mordvincev, thought that for Charles Erasmus' ideas were an answer for Lutheran's demands of church reform. Many historians, for example Brandi, supposed that Charles surrounded himself by humanists, but he wasn't one of them. Most scholars coincide with one statement: Charles became disillusioned in Erasmus Roterodamus by the end of 1530's.

Nonetheless, as the author shows, Charles was under the influence of Erasmus even in 1543, when he wrote his famous Instructions to his son Philip. Charles' ethical principles were based on Erasmus' Christian philosophy. Emperor's demands for educations of Philip rewords Erasmus' "The Education of a Christian Prince".

Keywords: Charles V, Spain, Erasmus Roterodamus, Humanism, Reformation.

М.А. Ганина
г. Нижний Новгород (Россия)
Нижегородский гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина

ФИЛИПП МЕЛАНХТОН: О СПРАВЕДЛИВОСТИ И ВЕРЕ

Рассматриваемые взгляды немецкого реформатора Филиппа Меланхтона на вопрос справедливости и веры, определяют актуальность — оригинальность взглядов протестанских теологов, богословия XVI в.

Ключевые слова: Реформация, теолог, правосудие, благодать, Библия.

Изучение Реформации в Европе является достаточно популярной тематикой для научного исследования. Преобразования во всех сферах общества, в связи с меняющейся церковной традицией, связаны не только с деятельностью Мартина Лютера, но также и вкладом одного из самых значимых реформаторов — Филиппа Меланхтона. Данная личность изучена недостаточно в отечественной исторической науке, так как имеются представления по большей части о нем как о педагоге, однако о богословской деятельности почти не упоминается.

Меланхон, будучи ученым-богословом, не просто соглашается с Библейской интерпретацией того или иного процесса или явления, но и делает попытку провести анализ, что крайне важно для понимания христианской лютеранской религиозной мысли. Вопрос о справедливости и вере, отраженный в латинском труде реформатора Loci communes rerum teologicarum, или «Общие принципы теологии» 1521 гг., необходимо рассмотреть для понимания протестантской сотериологии[1].

Как пишет богослов, «Причиной появления закона является сила человеческого греха, которая идет от его природы»[2]. Отсюда, каждый способен на преступление в силу духовной наследственности. В связи с этим, человеку дан Закон — Священное Писание, согласно которому людям необходимо

---

[1] *Nisard D.* Renaissance et reforme. Erasme, Th. Morus, Melanchton. Paris, 1864. P. 210.

[2] Loci communes of Philip Melanchthon with a critical introduction by the translator, Charles Leander Hill. Boston, 1944. P. 131.

жить. Однако сердце, не способное подчиняться Божьей воле, производит неправедные мысли, а затем и действия. Далее следует грех, который приводит человека сначала к духовной, а затем и физической смерти[3].

Для предотвращения этого Господь показывает свою любовь, даруя благодать — прощение по искренней и чистой Божьей любви. В этом случае, происходит замена справедливого наказания на отпущение грехов. Вместе с этим Бог требует в замен лишь веру, определение которой дано в Библии (Евр. 11:1): «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»[4]. Данная уверенность является внутренним свидетельством Божьей любви в сердце самого человека.

«Мы оправданы, когда умерщвляем закон, воскресаем при помощи Слова Благодати, которое обещано в человеческое сердце Святым Духом»[5]. Филипп говорит, что каждый, имея внутреннее свидетельство в себе, нуждается в том, чтобы жить верой. Также, в связи с этим, самым главным объектом любви христианина может считаться только Господь, ибо Он дает милость и благодать на всякого человека. Здесь Он выступает как Бог-ревнитель, никому не отдавая места в сердце и жизни людей[6].

По представлениям теолога, главным критерием веры выступает его посвященность в собственную духовную жизнь и общение с Творцом[7]. Согласно подобным рассуждениям, вера бывает двух видов: праведная и схоластическая. Первая отражает полное посвящение в духовную жизнь, доверие Отцу Небесному. Вторая вера — не что иное, как мертвое мнение, а именно уверенность в истинности Слова, но только на уровне разума. «Как они верят всему слову Божьему? Потому что софисты говорят, что это истина»[8], то есть человек опирается на чужое мнение, в частности богословов, при этом не производя абсолютно никакой самостоятельной оценки. Такая вера считается нечестивой, а подобные люди полагают, что грешниками являются не они, а окружающие их. «Они исповедуют и знают Бога, но на самом деле отрицают Его, поскольку не мыслят своей жизни без греха»[9].

Веры у лжеправедников быть не может, они показывают лишь внешнее благочестие не пытаясь бороться со своим греховным началом. «Их нельзя

---

[3] *Nisard D.* Op. cit. P. 220.

[4] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1998. С. 331.

[5] Loci communes of Philip Melanchthon… P. 132.

[6] *Dilihey W.* Melanchthon und die erste Ausdildung des naturlichen Systems in Deutshland. Berlin, 1991. P. 100.

[7] *Nisard D.* Op. cit. P. 250.

[8] Loci communes of Philip Melanchthon… P. 132.

[9] Ledderhose K.F. The Life of Philip Melanchthon. Philadelphia, 1855. P. 197.

назвать верными, и как говорят богословы, они без любви»[10]. Следовательно, такая вера совершается без любви, а подобные люди называются «неверными».

Филипп указывает, что лицемеру приписывают веру праведника и только Бог способен понять где истинное поклонение, а где притворство. Ведь без Святого Духа тоже возможно отправлять церковный культ, но все же необходимо поверить, так как просто таинства и внешнее благочестие не спасут человека в день Суда[11].

Природа не согласна со Словом Божьим и, следовательно, человек не сможет меняться самостоятельно — это работа Духа. Однако возможно привить веру, посредством обучения определенной доктрине. Подобное теолог называет не верой, а просто мнением.

Так пишет Филипп: «То, что я сказал, относится к тому, что вы можете узнать, что в Писании сказана истина, просто используя богословские труды»[12]. Подобное нельзя назвать верой, ведь о ней говорят даже нечестивые и презирающие Бога.

Из неверующих теолог выделяет особую группу осуждающих Бога, не верящих в Его славу из-за определенного рода обстоятельств. Все происходит от того, что опора идет на опыт, который нельзя назвать истинной верой. Рассматриваемая категория — это постоянное согласие на каждое слово Бога, которое обновляет и освещает наши сердца. Более того, слово Божие есть закон и Евангелие[13]. Согласно данным представлениям, справедливого оправдания перед Господом для человека быть не может — это благодать, дающаяся человеку просто по Божьей любви, однако необходимо верить в распятие Иисуса Христа.

Меланхтон также раскрывает причину появления поддельной веры, когда человек поверхностно относится к богослужениям и отправлению религиозных организаций. Более того, даже те, кто отчаялся, осужденные могут быть оправданы. Необходимо понимать, что страх в этой степени не прославляет Бога и не верит всему слову Бога, потому что они не верят обещаниям. Поэтому вера оправдана. Итак, вера есть не что иное, как упование на божественную милость, обещанную во Христе, и, следовательно, любой знак того (по мнению Филиппа, божественной милости)[14].

Следует отметить, что в данном вопросе Меланхтон опирается не только на Священное Писание и личные умозаключения. Для назидания

---

[10] Loci communes of Philip Melanchthon… P. 132.

[11] *Ledderhose K.F.* Op. cit. P. 198.

[12] Loci communes of Philip Melanchthon… P. 133.

[13] *Dilihey W.* Op. cit. P. 100.

[14] *Ledderhose K.F.* Op. cit. P. 200.

в вере он рекомендует прочесть книгу своего учителя и наставника Лютера «О христианской свободе». Тот, кто желает, может искать у него дальнейших рассуждений на тему веры. Однако Филипп придерживается мнения, что сила веры будет более ясно изучена из примеров Библии[15].

Отсюда, мы наблюдаем веру как базовую, главную и основную составляющую Божьего Слова. Дается она посредством прикосновения Святого Духа, который необходим каждому верующему человеку. Отправление церковных таинств без внутреннего осознания и переживания Христа, дают понять, что подобное явление не находит положительного отношения у Филиппа[16].

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что необходимость уверенности в Господе и Его Слове очень нужна, благодаря ей, человек получает незаслуженную благодать, а вместе с ней и надежду на вечную жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ЛИТЕРАТУРЫ

Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1998.

Loci communes of Philip Melanchthon with a critical introduction by the translator, Charles Leander Hill. Boston, 1944.

Dilihey W. Melanchthon und die erste Ausdildung des naturlichen Systems in Deutshland. Berlin, 1991.

Ledderhose K.F. The Life of Philip Melanchthon. Philadelphia, 1855.

Nisard D. Renaissance et reforme. Erasme, Th. Morus, Melanchton. Paris, 1864.

M.A. Ganina
Nizhny Novgorod (Russia)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

PHILIP MELANCHTON: ON JUSTICE AND FAITH

The considered views of the German reformer Philip Melanchthon on the issue of justice and faith determine the relevance and originality of the views of Protestant theologians and theology of the 16th century.

Keywords: Reformation, theologian, justice, grace, Bible.

[15] Loci communes of Philip Melanchthon… P. 132.

[16] Ibid. P. 133.

В.Г. Циватый
г. Киев (Украина)
Киевский национальный ун-т им. Тараса Шевченко

МЕНТАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И КУЛЬТУРА КОММУНИКАЦИИ В ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ (ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ КОММУНИКОЛОГИИ)

В статье анализируются теоретические основы и задачи исторической коммуникологии, проблемы коммуникации в исторической литературе. Главное внимание уделено выяснению коммуникативной культуры и культуры коммуникации в Европе Средневековья и Ренессанса. Рассмотрены особенности коммуникативных процессов, институциональных и дипломатических практик в европейской Реформации. Анализируется внешняя политика и дипломатия европейских государств раннего Нового времени. Особенное внимание уделено концептам «Европа», «внешняя политика», «дипломатия», «коммуникация» в контексте институционального развития дипломатических служб и моделей дипломатии ведущих государств Европы. Определены направления развития теории и практики дипломатии, а также истоки формирования общественно-политической мысли истоков раннего Нового времени в контексте концептуализации Европы.

В статье проанализировано внешнеполитический и политико-дипломатический опыт Европы как выдающееся историческое событие для политико-дипломатического и институционального развития Европы и формирования ее системы международных отношений в эпоху раннего Нового времени (XVI–XVIII вв). Особенное внимание уделено институциональному развитию коммуникации, дипломатическому инструментарию, переговорам, нормам протокола, этикета и церемониала ведущих государств Европы.

Ключевые слова: внешняя политика, дипломатия, переговоры, институционализация, ментальные установки, историческая коммуникология, коммуникация, Европа.

Историческая коммуникология и институциональная коммуникология являются новыми направлениями в научных исторических исследованиях. Коммуникация как социокультурный и институциональный феномен

охватывает весь спектр взаимодействия людей, начиная от межличностного общения и заканчивая взаимодействием крупных сообществ. Коммуникацию следует рассматривать как институциональную структуру и как институциональный процесс, происходящий в социокультурном и временном пространствах. При изучении коммуникации как структуры речь идет о системах, во втором случае об изменениях коммуникативных связей, взаимодействия людей, обмена информацией. Содержание, формы, средства общения контактов с целью передачи информации, познания и достижения консенсуса составляют коммуникативные отношения. Неоспоримость фундаментального значения коммуникации дает основания для разноплановое изучения и выяснения этого феномена в историческом процессе, его роли и значения в истории человечества[1].

В каждом обществе формируется и функционирует комплекс базовых типов, структур, институтов, принципов, форм и средств коммуникативных отношений, которые можно обозначить термином коммуникативность. В свою очередь, коммуникативность определяет характер культуры коммуникации общества на том или ином этапе его исторического развития. История личности, как и общества в целом, разворачивается как драма, столкновение, противодействие, конфликт характеров, конфликт интересов, ментальный приоритет, а также является отражением реального коммуникативного наполнения политической, дипломатической, социальной, религиозной и культурной жизни[2]. Историческая коммуникология рассматривает коммуникацию как центральную категорию, сквозь призму которой анализируются все сферы жизни общества[3].

В центре внимания исторической коммуникологии возникают вопросы институциональной реализации межперсональных коммуникаций и ментальных социоустановок, традиционности и инновационности мышления, их субъективности, кризисных этапов, мутации. В таком случае логичной и актуальной является постановка вопроса о внутренней динамике межперсональных коммуникаций, их регуляцию государственными, религиозными, социальными, политико-дипломатическими и культурными нормами. Они могут рассматриваться как составляющие эволюции различных социокультурных сообществ, маленьких сельских общин, мегаполисов, государств.

---

[1] *Дятлов В.О.* Історична комунікологія та культура комунікації доби Середньовіччя і Ранньомодерного часу. Чернігів, 2016.

[2] *Sillars A.L., Vangelisti A.L.* Communication: Basic properties and their relevance to relationship research. // The Cambridge Handbook of Personal Relationships (pp. 331–351). N.Y., 2006.

[3] *Бистрицький Є.* Вступ // *Бистрицький Є., Зимовець Р., Пролеєв С.* Комунікація і культура в ґлобальному світі. К., 2020. С. 2–18.

Вопросы политики и дипломатии будут недостаточными, если они не включены в коммуникативное пространство. Речь идет о расширении предметного поля истории культуры, дает возможность по-новому подойти к выяснению различных социальных категорий и сообществ, связей, объединяющих общество. Коммуникационный подход открывает новые возможности для изучения политической истории и истории дипломатии. Политическая и дипломатическая коммуникация не является хаотичной, неупорядоченной — она всегда имеет свою структуру, модели, символику, ритуалы, процедуры, правила, нормы этикета и протокола[4]. Дипломатическая коммуникативность в процессе становления национальных государств приобретает свое протокольное оформление, в котором каждое действие, каждый документ должны иметь институционально не только содержательное, но и процедурно-символическое значение[5].

В последние десятилетия наблюдается тенденция к изучению и компаративному анализу дипломатической коммуникации, механизмов достижения согласия между государствами. В свете такого подхода войны воспринимаются скорее, как аномалии, чем обычная практика, для которой не было альтернативы. Примером такого исследования можно назвать монографию Х. Луттер, посвященную изучению политической коммуникации в эпоху перехода от Средневековья к Новому времени[6]. Исследовательница показывает «дипломатическую коммуникацию не только как ансамбль разнообразной практики и техники информативного посредничества, а как многогранный процесс политического общения с помощью символики», дипломатических норм протокола и этикета, мастерства публичного общения и искусства переговоров[7].

Освещение форм и правил дипломатической встречи, начиная от «базовых актов» церемонии приема и этикетно-нормативных правил прощания

---

[4] *Циватый В.Г.* Институционализация европейского посольского церемониала и норм этикета в контексте их универсализации и национальных особенностей эпохи раннего Нового времени (XVI–XVIII веков): идеал внешнеполитической упорядоченности и противоречивость унификационных процессов // Исторический опыт унификации: цели, идеи, воплощение. М., 2019. С. 146–150.

[5] *Barbiche B.* Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e — XVIII-e siècle. P., 2012.

[6] *Lutter Ch.* Politische Kommunikation an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Die Beziehungen zwischen der Republik Venedig und Maximilian I. (1495–1508). München, 1998.

[7] *Кальер Франсуа де.* Каким образом договариваться с государями: Рус. пер. 1757 г. Репр. воспроизведение изд., выпущ. в Санкт-Петербурге в 1772 г., с прил. М., 2001; *Мабли Г.Б. де.* Принципы переговоров. М., 2014.

в протокольных встречах, позволило выявить комплекс знаковых систем, обеспечивающих стабильность отношений между государствами. Вербальные акты строго регламентированного общения представляли собой наиболее важную составляющую дипломатических контактов[8].

Интерес к коммуникативным отношениям в сфере политики и дипломатии обуславливается особенностью человеческой психики, стремлением человека наблюдать все, что происходит на политической и политико-дипломатической сцене, как спектакль, драму и трагикомедию, участниками которой являются реальные персонажи, коллективные и индивидуальные áкторы. В политическом процессе людей зачастую мало интересуют принципы, программы, идеологические взгляды, с которыми выступает политик или дипломат, — гораздо большее влияние и интерес имеет то, как он выглядит, говорит, общается, ведет себя в публичной и частной жизни. Не менее важное значение имеют загадочные, сенсационные поступки, проявление таких качеств, как мужество, смелость, коварство, жестокость. То есть историка приоритетно интересует все то, что составляет коммуникативную составляющую политики и дипломатии, а не манифесты или отношения политических сил. К главным задачам исторической коммуникологии входит изучение коммуникативного пространства, в котором реализуются отношения между людьми, их контакты и общение, происходит обмен информацией[9].

Культура коммуникации в Европе эпохи раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) имела свои институциональные этапы становления и развития. При всем разнообразии коммуникативных отношений можно проследить их долговременные циклы, которые определяются характером политических, дипломатических, социальных, экономических, буднично-бытовых процессов, и относительно кратковременные «кризисные» периоды революций, социальных катаклизмов, религиозных конфликтов, политических конфликтов и дипломатических переговоров[10].

---

[8] *Циватый В.Г.* Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013. С. 271–285.

[9] *Alcalá-Zamora J.* España, Flandes y el mar del Norte (1618–1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños. Barcelona, 1975.

[10] *Циватый В.Г.* Теория и практика деятельности европейских дипломатов в период раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.): этнокультурный, институциональный и внешнеполитический аспекты // Актуальные проблемы истории и культуры: сборник научных статей. Вып. 1. Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Минск, 2018. С. 43–53.

Коммуникативные отношения Средневековья составляли более или менее стабильную систему, которая менялась довольно медленно. Изобретение книгопечатания и печатных средств тиражирования информации в раннее Новое время существенно изменило коммуникативные отношения и человеческие взаимоотношения и положило начало их институциональной модернизации. В отличие от Средневековья, ренессансно-реформационная система общения отличалась введением средств массовой информации — явления, которого не знали предыдущие эпохи. Введение в практику печатного тиражирования информации изменило коммуникативный код, который определял содержание и формы коммуникативных отношений в индустриальной революции. Средневековая коммуникативность с ее комплексом символов, ритуалов, обычаев была достаточно жизнеспособной. В эпоху же раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) она не исчезает, а приспосабливается к новым социальным, политическим и политико-дипломатическим обстоятельствам[11]. Однако, это не исключает диспропорции, возникшей между официальной политической и религиозной символикой, ритуальностью и обрядностью, с одной стороны, и реальной коммуникативной практикой в эпоху Ренессанса и Реформации — с другой. Старая символика не «слышала» того, что думали и говорили люди, она пыталась удержать старую систему в то время, когда жизнь утверждала язык новых символов, знаков и ментальных установок[12]. Деформация средневековой коммуникативности происходила под влиянием такого фактора, как изобретение и развитие книгопечатания, новых форм и средств передачи информации. Важное значение в определении содержания коммуникативных отношений имел гуманизм с его идеологией антропоцентризма. Реформация коренным образом изменила соотношение между визуальными и словесными средствами общения и передачи информации в раннее Новое время[13].

Ренессансная культура с ее обращением к человеку внесла коррективы в коммуникативное пространство и культуру коммуникации. Центром культурной, деловой жизни стал город, который также претерпел значительных преобразований. В условиях экономического роста начинается соревнова-

---

[11] *Black J.* A History of Diplomacy. L., 2010.

[12] *Циватый В.Г.* Институционализация и функционирование новой европейской дипломатии в формате Вестфальской системы международных отношений (1648–1789 гг.): исторический, внешнеполитический и темпоральный дискурсы // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии. Витебск, 2020. С. 9–14.

[13] Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004; *Шишкин В.В.* Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018.

ние богатых городов за величие и роскошь. В новых условиях городская площадь, благодаря пространственной организации, стала способной передать значение, величие и красоту города. Именно она становится центром градостроительства. Площади больше не возникают как несформированные функциональные пространства со средневековой символикой. Отныне они создаются как украшение города, свидетельство художественного вкуса его обитателей, самостоятельные произведения искусства.

Если Эразм Роттердамский попытался внести диалектику смешного и серьезного в общение между людьми, то итальянский гуманист Альберте пытался совместить эти элементы в архитектурно-топографическом варианте. В своей теории он отталкивался от функционального назначения зданий как мест общения и определял их иерархическую лестницу: частные здания уступают общественным, а среди общественных, светские — сакральным. Особое значение имело расположение храма, причем необходимо было подчеркивать его величие, торжественность, обеспечивать духовный характер общения, ведь речь шла об одной из наиболее важных вещей в ментально-психологическрй жизни человека[14]. Европейское книгопечатание, основанное Иоганном Гутенбергом, возникло как одно из наиболее эффективных коммуникативных средств обучения людей путем массового и дешевого распространения источников религиозного познания[15].

Культура печатного слова повлияла на рационализацию всех видов знаний и информации, институционализацию исторической памяти[16]. Устная коммуникация предопределяла привлечение лишних слов, неправильно построенных выражений, эмоциональных выражений. Автор письменного текста стремился к экономии, рациональному построению предложений, отвергал из услышанного то, что было, по его мнению, второстепенным. Печатный текст сохранял особенности письменного текста, поскольку, прежде чем попасть на станок, создавалась рукопись. Вследствие утверждения новой бюрократической государственности, рецепции римского права, развития экономики существенных изменений претерпела и культура деловой коммуникации. В европейских странах утверждалось искусство составления документов, которому придавалось большое значение в школах[17].

---

[14] *Зубов П.В.* Архитектурная теория Альберти // Леон Баттиста Альберти. М., 1977. С. 123–124, 127.

[15] *Мак-Люэн М.* Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004; *Варбанец Н.В.* Йохан Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980.

[16] *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997; *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003.

[17] *Mowat R.B.* A History of European Diplomacy (1451–1789). L., 1971.

Расширение сферы использования национальных языков, изобретение книгопечатания создали условия для обращения авторов к широкой аудитории. Формирование линейно организованного мира, в котором все борются за первенство и славу, разрушает средневековую сферу корпоративной замкнутости интеллектуалов и закладывает основы современной массовой культуры. Массовая культура изменила ораторское искусство и искусство слова. Направление ораторского выступления на формирование соответствующих навыков привело к появлению сводов риторических правил и рост численности лиц, способных говорить публично. Это способствовало возникновению новой области словесного творчества — художественной прозы как отдельного вида литературы. Ораторская речь предназначалась не только для публичного произнесения, но и для обычного чтения. Коммуникативность позднесредневекового общества строилась с осознанием того, что словом, произнесенным или написанным по определенным правилам, можно управлять разумом и чувствами людей, вызывать у них заранее предусмотренные эмоции и реакции. Под влиянием сочетания ораторского искусства и прозы происходило активное осмысление практики писательского творчества, создание теоретических основ для новых правил и рекомендаций в сфере словесного искусства[18].

В раннее Новое время начался институциональный процесс формирования двух линий, направлений коммуникации, которые в том или ином виде проходят через европейскую культуру эпохи Ренессанса. В первом варианте упор делается на силе слова, возможности с помощью различных словесных, визуальных средств управлять массами, незаметно для них манипулировать настроениями. Второй подход предполагает независимость правды, истины, которую оратор, политик, дипломат, художник пытается открыть и донести до широкой публики. Можно манипулировать настроениями масс, но нельзя словом манипулировать законами, естественным ходом вещей, поскольку они сильнее словесных средств. При характеристике реальных коммуникативных практик можно говорить лишь о определенных преимуществах или доминировании того или иного подхода. Создание гуманистических сообществ и гуманистическое педагогическое общение были продиктованы новым отношением к ренессансной личности, самоутверждение которой невозможно без круга единомышленников, которые поддерживают, прославляют, относятся с пониманием к внутреннему миру сотоварища,

[18] *Ціватий В.Г.* Національні особливості інтелектуальної історії Франції доби класичного Середньовіччя та раннього Нового часу: європейські культурно-історичні, політико-дипломатичні та інституціонально-цивілізаційні цінності // Європейські культурно-історичні цінності: ретроспектива і перспектива. К., 2018. С. 33–40.

его переживаний, размышлений и ментальных установок. Гуманистическая личность стремится иметь доброжелательных «рецензентов» и пропагандистов, которые творили бы вокруг него ореол добропорядочного, умного, выдающегося человека[19].

Таким образом, в русле современных теоретико-методологических подходов возникли институциональная коммуникология и историческая коммуникология — как направления в науке, которые изучают общество как информационно-коммуникативную систему в исторической ретроспективе и перспективе, а также институты и институциональные коммуникативные процессы в социуме. Предметом новой науки являются институциональные, социальные и культурные коммуникации, механизмы передачи информации, обмен смыслов и содержаний, материально-энергетические средства и формы коммуникативности, человеческое общение, менталитет, накопление, усвоение, осмысление информации. Сегодня можно констатировать то, что в эпоху глобализации сформировалось новое научное направление, которое имеет свой предмет исследования, категории, понятия, средства и методы. Ренессанс сформировал новое, гуманистическое представление об общении, его задачи, целевые и ментальные установки. Принцип общения состоял в том, чтобы тот, с кем общаешься, стал более осведомленным в делах, ранее ему малоизвестных. В эпоху Ренессанса наблюдалось господство средневековых форм и типов коммуникации. В то же время начиналась модернизация различных видов коммуникации. Поворот к модернизации был обусловлен изобретением книгопечатания, массовым тиражированием печатной продукции, распространением новых форм коммуникации и информации. На характер коммуникативных отношений и культуру коммуникации повлияла гуманистическая идеология и европейская Реформация.

Через исследование проблем исторической коммуникологии и институциональной коммуникологии, историки-медиевисты попытались выяснить характер средневековой и раннемодерной открытости, коммуникативности, в том числе и публичности власти, путем анализа символики, ритуалов, жестов как коммуникативных средств. Такой подход дает новые и достаточно убедительные знания об их информационных функциях и коммуникационной нагрузке в различных сферах общественной жизни, ментальных установках и правилах коммуникации в различные исторические эпохи. Одной из самых любимых тем, которая сегодня актуализировалась под новым углом коммуникативного анализа, есть тема власти и общества, политики и дипломатии. Опыт институционального развития

[19] *Ревякина Н.В., Девятайкина Н.И.* От Средневековья к «Радостному дому»: школы, ученики, учителя итальянского Возрождения (XIV–XV вв.). М., 2020.

политико-дипломатических систем государств и моделей переговоров не утратил своей актуальности сегодня. Интенсивность исследований в направлении исторической коммуникологии дает основания говорить о попытке углубления наших знаний и создании новых оценок политической и дипломатической истории Европы в эпоху Средневековья и раннего Нового времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Кальер Франсуа де. Каким образом договариваться с государями: Рус. пер. 1757 г. Репр. воспроизведение изд., выпущ. в Санкт-Петербурге в 1772 г., с прил. М., 2001.

Мабли Г.Б. де. Принципы переговоров. М., 2014.

Бистрицький Є. Вступ // *Бистрицький Є., Зимовець Р., Пролеєв С.* Комунікація і культура в ґлобальному світі. К., 2020. С. 2–18.

Варбанец Н.В. Йохан Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. М., 1980.

Дятлов В.О. Історична комунікологія та культура комунікації доби Середньовіччя і Ранньомодерного часу. Чернігів., 2016.

Зубов П.В. Архитектурная теория Альберти // Леон Баттиста Альберти. М., 1977.

Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб., 1997.

Королевский двор в политической культуре средневековой Европы: Теория. Символика. Церемониал. М., 2004.

Мак-Люэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. Киев, 2004.

Ревякина Н.В., Девятайкина Н.И. От Средневековья к «Радостному дому»: школы, ученики, учителя итальянского Возрождения (XIV–XV вв.). М., 2020.

Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2003.

Циватый В.Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. М., 2013.

Циватый В.Г. Институционализация европейского посольского церемониала и норм этикета в контексте их универсализации и национальных особенностей эпохи раннего Нового времени (XVI–XVIII веков): идеал внешнеполитической упорядоченности и противоречивость унификационных процессов // Исторический опыт унификации: цели, идеи, воплощение. М., 2019.

Циватый В.Г. Институционализация и функционирование новой европейской дипломатии в формате Вестфальской системы международных отношений (1648–1789 гг.): исторический, внешнеполитический и темпоральный дискурсы // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии. Витебск, 2020.

Циватый В.Г. Теория и практика деятельности европейских дипломатов в период раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.): этнокультурный, институциональный и внешнеполитический аспекты // Актуальные проблемы истории и культуры. Вып. 1. Европа: актуальные проблемы этнокультуры. Минск, 2018.

Ціватий В.Г. Національні особливості інтелектуальної історії Франції доби класичного Середньовіччя та раннього Нового часу: європейські культурно-історичні, політико-дипломатичні та інституціонально-цивілізаційні цінності // Європейські культурно-історичні цінності: ретроспектива і перспектива. К., 2018.

Шишкин В.В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. СПб., 2018.

Alcalá-Zamora J. España, Flandes y el mar del Norte (1618–1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños. Barcelona, 1975.

Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle. P., 2012.

Black J. A History of Diplomacy. L., 2010.

Lutter Ch. Politische Kommunikation an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit. Die Beziehungen zwischen der Republik Venedig und Maximilian I. (1495–1508). München, 1998.

Mowat R.B. A History of European Diplomacy (1451–1789). L., 1971.

Sillars A.L., Vangelisti A.L. Communication: Basic properties and their relevance to relationship research // The Cambridge Handbook of Personal Relationships (pp. 331–351). N.Y., 2006.

V.G. Tsivatyi
Kyiv (Ukraine)
Taras Shevchenko National University of Kyiv

MENTAL ATTITUDES AND CULTURE OF COMMUNICATION IN EARLY MODERN EUROPE: INSTITUTIONAL AND POLITICAL-DIPLOMATIC DISCOURSES (PROBLEMS OF HISTORICAL COMMUNICOLOGY)

The article analyzes the theoretical foundations and tasks of historical communicology, communication problems in historical literature. The main attention is paid to the clarification of the communicative culture and culture of communication in Europe of the Middle Ages and the Renaissance. The features of communication processes, institutional and diplomatic practices in the European Reformation are considered. At the turn of the Middle Ages and early Modern Times there is an ob-

jective process driven by the launch of the institutional design of foreign policy and diplomatic services of the leading countries in Europe. Accordingly, there is the relationship between the original concepts and priorities: “Europe”, “foreign policy”, “diplomacy”, “communication” and so on. To that issues related to contemporary and evaluation for various state-legal forms and types of government, institutional political processes, characteristics of reality and ideals create tasks and in covering practice power models diplomacy, diplomacy institutions, humanistic traditions of diplomatic tools and more.

The objective of this research is to analyze the foreign policy, political and diplomatic experience of Europe both as an outstanding historical occasion for the political, diplomatic and institutional development of Europe and as the formation of its system of international relations in the early Modern Times (XVI–XVIII centuries). Particular attention is paid to the institutional development of communication, diplomatic tools, negotiations, protocol standards, etiquette and ceremonial of the key European countries.

Keywords: foreign policy, diplomacy, negotiations, institutionalization, mental attitudes, historical communicology, communication, Europe.

Д.Л. Выслоужилова
г. Брно (Чехия)
Ун-т им. Масарика
И.А. Калугин
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ НАЧАЛА ПЕРВОЙ ЧЕРЕМИССКОЙ ВОЙНЫ НА АРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Переломные моменты XVI в., меняющие судьбу и историю Поволжья, не закончились взятием Казани в первых днях октября 1552 г. Наша статья посвящена череде событий, которые произошли между торжественным царским въездом в столицу ханства и началом Первой черемисской войны. В этом периоде, своеобразном историческом интермеццо, арские люди начали переговоры с Иваном Грозным, обе стороны предъявляли свои условия мирного договора. Именно в этом промежутке времени можно искать ключевые предпосылки будущего конфликта: 1. продолжительное нахождение царских войск на Арской земле; 2. роль воеводы Александра Горбатого-Шуйского, который в сентябре 1552 г. вел карательную рать на Арскую сторону, опустошил ее и после того стал первым наместником в Казани, собирающим ясак с арских людей и управляющий ими; 3. поспешный вывод царского войска. Данная статья обращает внимание на важную прелюдию к Первой черемисской войне и исследует события, происходившие на Арской стороне, изученность которых уступает событиям Луговой и Горной сторон.

Ключевые слова: Арская сторона, арские люди, удмурты, Первая черемисская война, Казанское ханство.

Истоки интереса к истории Первой черемисской войны находим у С.М. Соловьева, который первым провел «полноценное исследование и трактовку»[1] военных событий. В национальной исторической науке

[1] *Хамидуллин Б.Л.* Борьба с пятью казанскими народами: Значение взятия Казани 1552 г. и казанская (первая Черемисская) война 1552–1557 гг. в трактовке С.М. Соловьева // Тюркологические исследования. 2018. №. 2. С. 114.

народов Среднего Поволжья, которая зарождается в кон. XIX в.[2], в последние годы происходит бурный подъем интереса к периоду присоединения территорий финно-угорских народов к России[3]. Данная статья является продолжением хроники событий Арска и Арской стороны, изучаемых Д.Л. Выслоужиловой и И.А. Калугиным[4].

Вскоре после взятия Казани 2 октября 1552 г. начались разговоры об устройстве завоеванных территорий. Согласно летописям, по всем улусам царь отправил жалованные грамоты для черных ясачных людей, чтобы явились перед ним и ничего не боялись. Тем, «кто лихо чинит», отомстит Бог, но царь их пожалует, будут ли дальше платить ясак, как раньше платили царям казанским[5]. Более того, в первые дни, как сообщает Казанская история, царь активно принимал личное участие во многих событиях, «все устраивал, проверял и налаживал»[6]. Таким образом, письменные источники

---

[2] *Свечников С.К.* Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014. С. 20.

[3] См., напр.: *Свечников С.К.* Указ. соч.; *Хамидуллин Б.Л.* Указ. соч.; *Гришкина М.В.* Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве // Российская история. 2010. № 3; *Чураков В.С.* Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // Урал–Алтай: через века в будущее. Материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 2005; *Зайцев И.В.* Княжеские «Юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4 и др.

[4] *Выслоужилова Д.Л, Калугин И.А.* «Воюючи и жгучи»: реконструкция военных действий 1552 года на Арской земле по данным русских письменных источников // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношение центра и регионов в исторической динамике [Электронный ресурс]: материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989). Ижевск, 2019. С. 76–85; *Калугин И.А., Выслоужилова Д.Л.* Битва на Арском поле. Андрей Курбский — черемисобойца? // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VII Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 3–4 декабря 2019 г. Ижевск, 2020. С. 25–30.

[5] Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. М., 1965. С. 110; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. С. 515–516; ПСРЛ. Т. 29. Александро-Невская летопись. М., 1965. С. 205; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Первая половина. СПб., 1904. С. 221; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Львовская летопись. СПб., 1914. С. 532.

[6] Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000. С. 489.

описывают довольно благоприятную ситуацию для всестороннего примирения. Однако, как сообщает Андрей Курбский, советники просили Ивана IV перезимовать в ханстве со своими войсками, чтобы так «вконец уничтожил бы басурманское воинство, покорил бы себе царство, усмирил бы навеки землю, ибо кроме татар в царстве том пять различных народов: мордва, чуваши, черемисы, вотяки, или арцы («воитецкий або арски»), пятый — башкиры»[7]. Следовательно, «басурманское воинство» к этому моменту не было окончательно уничтожено, автохтонные жители ханства не покорились и не смирились с тем, что произошло.

Каковы же были причины и предпосылки участия арских людей в Первой черемисской войне? Какие события заставили их отринуть мирный путь?

Арские люди в источниках названы первыми, кто ответил на царский призыв. К царю явились их представители — казаки Шемай и Кубиш с грамотой[8]. Однако, на наш взгляд, было бы ошибочно считать их грамоту основным договором о присоединении края к России. Учитывая присутствие московских резервно-заградительных войск на южных окраинах Арской земли[9], ходатайство Шемая и Кубиша о том, чтобы царь «гнев свой отдал»[10], стоит рассматривать, в первую очередь, в контексте переговоров о выводе московских служилых людей для прекращения боевых действий и предотвращения дальнейшего террора, проводимого царскими войсками в отношении мирного населения после событий конца августа — начала сентября 1552 г.[11] Шемай и Кубиш открыто заявляют, что мирное население

---

[7] *Курбский А.* История о великом князе Московском. М., 2015. С. 63.

[8] ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. С. 110; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 516; ПСРЛ. Т. 29. Александро-Невская летопись. С. 205; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 221; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 532.

[9] ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. С. 107; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 513; ПСРЛ. Т. 29. Александро-Невская летопись. С. 203; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 218; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 529–230. На длительное нахождение царских войск на Арской и Галицкой дорогах обращает внимание и С.К. Свечников. См.: *Свечников С.К.* Указ. соч. С. 219.

[10] ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. С. 110; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 516; ПСРЛ. Т. 29. Александро-Невская летопись. С. 205; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 221; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 532.

[11] Под данными событиями подразумеваются два момента: битва на Арском поле 30 августа, в которой было разбито войско князя Япанчи; карательная рать на Арск, разрушившая в сентябре всю Арскую сторону, во главе которой стоял воевода Александр Борисович Горбатый-Шуйский.

«со страху разбежалися»[12]. И лишь после достижения этой цели (*заключения мирного договора и решения вопроса о выводе московских войск*) можно было вести речь и о других вопросах.

Летописную информацию дополняет опубликованный в 2019 г. источник, именуемый «О взятии казанскомъ и о походе царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии» или «Разрядными записями о Казанском походе»[13]. В нем также указывается на ходатайство арских людей о прекращении военного давления на уже захваченные территории: «…Воевати бы их (*арских людей*) не велел»[14]. Однако содержится и дополнительная информация: «Октября въ 7 день после казанского взятья ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичю // (л. 600) всеа Русии прислали бити челом арские люди, казаковъ побили Ардулинана да Шаисупа Раманова, чтобы их царь государь пожаловал, вины имъ отдал». Ардулинан и Шаисуп Раманов не встречаются в других опубликованных источниках и, потому требуют дальнейшего изучения вопросы об их происхождении, а также роль, которую они играли в освещаемых событиях. Из источника мы видим лишь то, что Ардулинан и Шаисуп Раманов относились к военному сословию — казакам-арянам: «и велѣлъ себѣ служити, а з черных людеи велѣл есаки имати и воевати бы их не велѣлъ»[15]. Не совсем понятна формулировка «казаков побили» в связке с «челом бити».

Переговоры о прекращении боевых действий прошли довольно успешно. Согласно Разрядным записям о Казанском походе, Иван IV Васильевич даже одарил парламентеров[16]. Позже мы еще вернемся к теме царских пожалований.

По указу царя в Арскую землю были отправлены сын боярский Никита Казаринов и Камай-мурза Казанский для сбора представителей местного населения и их совместного прибытия к царю. Уже 10 октября Никита Казаринов и Камай-мурза вернулись к царю с множеством арских людей с целью принесения последними клятвы верности и составления основного договора о вхождении в состав России: «Того ж месяца в 10 день приехал Никита Казаринов и Камай мурза, а с ними многие арские люди и царю государю били челом, чтобы им государь свою милость показал, а они всею

---

[12] ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. С. 110; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 516; ПСРЛ. Т. 29. Александро-Невская летопись. С. 205; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 221; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 532.

[13] *Жуков А.Е.* Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 405–428.

[14] Там же. С. 425.

[15] Там же.

[16] Там же.

землею государю бьют челом и ясаки дают. И царь государь черных людей и арских пожаловал, а ясаки на них велел брать прямые, как были при Махметелиме царе…»[17]. Разрядные записи о Казанском походе содержат уникальные сведения о том, что арские люди того же 10 октября дали клятву «в Крымъ, и в Нагаи, и в Астарахань, и в Сибирь не ссылаться ни человѣкомъ, ни грамотами и никуды не отъѣзжати»[18]. Данный отрывок свидетельствует, что арские люди еще в период Казанского ханства выступали определенно как самостоятельный субъект международных отношений, что подчеркивает их широкие права, высокий политический и дипломатический статусы. Обладая значимыми привилегиями и силой (как экономической, так и военной) при казанских ханах, ары продолжили таким образом действовать при мирных договорах с Иваном Грозным, хотя и понесли значительные потери.

В источниках неоднократно сообщается об одаривании представителей тех или иных народов Казанского ханства[19]. Вероятно, именно в тех условиях стала зарождаться практика подкупа местной знати российским правительством. В будущем Россия начнет активно пользоваться этой традицией для присоединения и удержания новых земель. Дополнительные сведения о характере даров сообщает Казанский летописец: «Он же возлюби их, и пожалова на обеде своем, накормив их и напоив, и дасть им семена земныя, и коня, и волы на орание, инем же и одеяние дасть и сребрениц понемногу; они же радовахуся о милосердии его. И отпусти их по лесом своим жити без боязни, наказав воеводам, да закажют воем своим не обидети их ничим же»[20]. Не арскими ли конями, волами и зерном, добытыми во время 10-дневного разорения Арской земли после захвата Арска в начале сентября 1552 г., жаловал царь прибывших к нему челобитчиков?

Параллельно царско-арским ведутся царско-черемисские переговоры. Все актуальнее встает вопрос об административно-территориальном устройстве захваченных земель. Арская земля, согласно решению царя, переходит в управление Александра Борисовича Горбатого-Шуйского: «…И приказал боярину своему князю Александру Борисовичу, а велел их к шерти привести, и ясаки на них брать, и во всем ими управлять». Чем же известна данная личность? Князь Горбатый-Шуйский — воевода, руково-

[17] ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства. С. 110; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. С. 516; ПСРЛ. Т. 29. Александро-Невская летопись. С. 205–206; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. С. 221–222; ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 532–533.

[18] *Жуков А.Е.* Указ. соч. С. 426.

[19] Там же.

[20] Казанская история. С. 169.

дивший русскими войсками в битве на Арском поле. Именно он заманил в ловушку и почти полностью уничтожил арскую армию[21]. Именно под его командованием и личным участием был захвачен острог за Арским полем и сам Арск, после чего его отряды безнаказанно грабили округу в течении 10 дней[22]. А теперь Иван Грозный поручает ему окончательно привести аров (*удмуртов*) в повиновение, так как летописные «многие арские люди», пришедшие всего лишь спустя 8 дней после захвата столицы ханства, отнюдь не могли представлять всю Арскую сторону в виду ее обширности, хоть в источниках мы и видим формулировку «всею землею». Также повелевает следить за сбором ясака, руководить судопроизводством и общим управлением. Передача Арской даруги под управление князя Горбатого-Шуйского, на наш взгляд, стала серьезной предпосылкой, способствующей нарастанию недовольства и присоединению арских людей к Первой Черемисской войне.

Далее случилось то, о чем сообщает в Истории о великом князе московском Андрей Курбский. На второй день после челобитной аров и луговой черемисы, царь решил вернуться в Москву, не выслушав советов «мудрых и разумных»[23]. Поспешный вывод войск из ханства привел к следующим последствиям: «Снова вооружаются против него оставшиеся казанские князья вместе с другими названными языческими народами и, выходя из больших лесов, стремительно нападают не только на крепость Казань, но совершают набеги и берут пленных в землях Мурома и Нижнего Новгорода»[24].

В итоге замечаем несколько предпосылок, способствовавших вступлению арских людей в Первую Черемисскую войну, а именно: 1. последующее за разорением начала сентября 1552 г. нахождение резервно-заградительных войск российской армии на южных рубежах Арской стороны; 2. передача князю Александру Борисовичу Горбатому-Шуйскому в управление этой земли; 3. поспешный вывод царских войск из ханства. Сами ее жители еще в 1552 г. начали поднимать восстание и вступили в вооруженные действия. Единовременный подкуп местной аристократии не помог удержать ситуацию в завоеванном царстве под контролем. Война для местных жителей, в том числе арских людей, не закончилась осенью 1552 г. «Наказание» для государя за его грехи и пренебрежение дельными радами, как отмечает князь Курбский, длилось еще долгих семь лет[25].

---

[21] Подр. см.: *Выслоужилова Д.Л, Калугин И.А.* Указ. соч. С. 76–85.

[22] Подр. см.: *Калугин И.А, Выслоужилова Д.Л.* Указ. соч. С. 25–30.

[23] *Курбский А.* История о великом князе Московском. Указ. соч. С. 63.

[24] Там же. С. 77.

[25] Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 10. СПб., 2000.

Курбский А. История о великом князе Московском. М., 2015.

Полное собрание русских летописей (*Далее* — ПСРЛ). Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Первая половина. СПб., 1904.

ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906.

ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. Львовская летопись. СПб., 1914.

ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 1965.

Выслоужилова Д.Л, Калугин И.А. «Воюючи и жгучи»: реконструкция военных действий 1552 года на Арской земле по данным русских письменных источников // Актуальные проблемы региональной истории: взаимоотношение центра и регионов в исторической динамике [Электронный ресурс]: материалы I Всерос. с междунар. участием науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения А.А. Александрова (1919–2010) и 85-летию со дня рождения А.И. Суханова (1934–1989). Ижевск, 2019.

Гришкина М.В. Удмурты: присоединение и механизмы адаптации в Российском государстве // Российская история. 2010. № 3.

Жуков А.Е. Разрядные записи из сборника БАН, 16.17.34 как источник по истории Казанского похода 1552 г. // Slověne. 2019. Vol. 8. № 1. С. 405–428.

Зайцев И.В. Княжеские «Юрты» Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4.

Калугин И.А., Выслоужилова Д.Л. Битва на Арском поле. Андрей Курбский — черемисобойца? // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы VII Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых. Ижевск, 3–4 декабря 2019 г. Ижевск, 2020. С. 25–30.

Свечников С.К. Присоединение Марийского края к Русскому государству. Казань, 2014.

Хамидуллин Б.Л. Борьба с пятью казанскими народами: Значение взятия Казани 1552 г. и казанская (первая Черемисская) война 1552–1557 гг. В трактовке С.М. Соловьева // Тюркологические исследования. 2018. №2.

Чураков В.С. Об обстоятельствах появления каринских арских князей на Вятке // Урал–Алтай: через века в будущее. Материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 2005.

D.L. Vysloužilová
Brno (Czech Republic)
Masaryk University
I.A. Kalugin
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

ABOUT SOME CIRCUMSTANCES OF THE BEGINNING OF THE FIRST CHEREMIS WAR ON ARSK LANDS

The turning moments of the 16th century, changing the fate and history of the Volga region did not end with the capture of Kazan in the first days of October 1552. Our article is devoted to the trail of events that took place between the solemn tsarist entry into the capital of the Khanate and the beginning of the First Cheremis War. In this period, a kind of historical intermezzo, the people of Arsk struck up a conversation with Ivan the Terrible, both sides presented their terms of the peace treaty. It is in this period where we can look for the key prerequisites for the future conflict: 1) the prolonged presence of the tsarist troops on the Arsk land; 2) the role of the governor Alexander Gorbaty-Shuisky, who in September 1552 led the punitive army to the Arsk lands, devastated it and after that became the first governor in Kazan collecting yasak from the people of Arsk and 3) the hasty withdrawal of the tsarist army. This article draws attention to a significant prelude to the First Cheremis War and explores the role of the Arsk side, which is inferior to the Meadow and Hill side in terms of study.

Keywords: Arsk lands, Arsk people, Udmurts, First Cheremis war, Kazan Khanate.

Е.О. Чигирёва
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ О ЗДОРОВЬЕ ЖИТЕЛЕЙ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI–XVII вв.

Статья посвящена анализу представлений иностранцев, побывавших на Руси в XVI–XVII вв., о состоянии здоровья, отношении к нему и способах его поддержания жителями Московской Руси. Выделены несколько факторов, главным образом повлиявшие, по мнению иностранных наблюдателей, на крепость и закаленность москвитян.

Ключевые слова: Московская Русь, быт и нравы, здоровье, записки иностранцев.

Вопрос здоровья является одним из основополагающих вопросов жизнедеятельности любого человека, а особенно — человека Средневековья, ведь главной рабочей силой для него было в первую очередь его физическое тело. В прямой зависимости от его самочувствия находится возможность трудиться и производить продукты потребления, необходимые для жизни.

Каждый человек относится к своему индивидуальному здоровью по-своему, оценивая, что для него будет полезнее и лучше. Но любое частное проявление того или иного поведенческого паттерна является составляющей общественного. Так как отношение к здоровью можно отнести к элементу культуры повседневности, следует говорить уже не об индивидуальных чертах, а о массовых, коллективных.

В самом начале своего труда «Сказания иностранцев о Московском государстве» В.О. Ключевский писал, что «ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно описана путешественниками из Западной Европы, как отдалённая лесная Московия»[1].

Из всего комплекса источников по теме здоровья в Московском государстве особого внимания заслуживают заметки о Московии современников-иностранцев, бывших в России лично. Значительный интерес записки пред-

[1] *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991. С. 5.

ставляют по нескольким причинам. Во-первых, в сочинениях иностранных подданных зачастую содержатся сведения, которые по тем или иным причинам не представлены в русских источниках. Во-вторых, обращение к этим сведениям позволяет расширить представления о взглядах на понимание здоровья, его составляющих и способах поддержания, содержащихся в отечественных источниках. В-третьих, известия иностранцев относятся, в том числе, к тем временам в истории России, когда было не принято письменно фиксировать обычное течение народной жизни в его полноте.

В целом, характеризуя жителей России, иностранцы сходились во мнении о крепости их здоровья и физической выносливости. Например, шведский дипломат и историк Петр Петрей указывал на крепость москвичей: «Русские обыкновенно высокие, крепкие, дородные и статные молодцы»[2]. Адам Олеарий — немецкий ученый и путешественник, посетивший Россию в XVII в., также писал, что «в России вообще народ здоровый и долговечный. Недомогает он редко»[3]. Можно сказать, что иностранцев скорее удивляет, каким здоровьем и силой наделены московиты. «В Московии многие доживают до глубокой старости, не испытав никогда никакой болезни. Там можно видеть сохранивших всю силу семидесятилетних стариков, с такою крепостью в мускулистых руках, что выносят работу вовсе не под силу нашим молодым людям»[4], — с удивлением подмечал в своих заметках австрийский барон, путешественник и дипломат Августин Майерберг в 1661 г. Встреча иностранцев с людьми, имеющими какие-либо физические дефекты, была довольно редким явлением.

Вопросы здоровья, способов и методов его поддержания в среде русского населения казались довольно интересными для иностранных путешественников. В описаниях быта в России, оставленных иностранцами, выделяется несколько факторов, главным образом влияющих на крепость и закаленность москвитян.

Во-первых, климат. В работе В.О. Ключевского указано, что иностранцы определяют воздух в Московии как довольно хороший и здоровый, а оттого «там мало слышно о заразительных болезнях, которые происходили бы собственно от климата»[5]. Дипломат Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн в «Записках о Московии» от 1549 г. обращает внимание на климат центральной части России: «Климат страны до такой степени здоровый, что там, за истоками Танаиса, в особенности в северном

---

[2] *Петрей П.* История о великом княжестве Московском // *Масса И., Петрей П.* О начале войн и смут в Моско-вии. М., 1997. С. 419–420.

[3] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. М., 2003. С. 192.

[4] *Майерберг А.* Путешествие в Московию. М., 1874. С. 85.

[5] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 133.

направлении, а также по большей части и к востоку, люди не припомнят, чтобы свирепствовала какая-либо зараза»[6]. П. Петрей на страницах «Истории о великом княжестве Московском» пишет: «Москвитяне сильный, крепкий и здоровый народ, не знают множества болезней, которые в ходу в других странах. Моровая язва совсем не известна живущим в Москве, также и за Казанью и Татарией; ее знают только пограничные жители Новгорода, Пскова, Смоленска и многих других мест»[7]. А. Олеарий также подчеркивает свежесть воздуха в Московской области и констатирует, что местные жители мало слышали об эпидемических заболеваниях или моровых поветриях. Не преминул он также отметить, что «встречаются здесь зачастую и весьма старые люди»[8].

Климатические условия, как «естественное богатство» Московского государства, служит, по мнению иностранных путешественников, природным барьером к проникновению на территорию страны заразных болезней. В том числе благодаря обилию лесов, озер, свежего и чистого воздуха русские обладают силой, здоровьем и крепкими телами[9].

Во-вторых, пища. Иностранцы, побывавшие в России в XVI–XVII вв. сходятся во мнении, что пища русских скудна и груба. В рационе преобладают овощи, крупы и рыба. Но подобное питание обладало и некоторыми плюсами — оно делало русского человека выносливым, неприхотливым и готовым к любым лишениям и трудностям. Вырабатывался навык насыщения простой, легкой в приготовлении, доступной и дешевой пищей. Такого рода спартанские условия закаляли характер и тела людей. Особенное впечатление на путешественников производили лук, чеснок и другие растения, «производящие дурные соки»[10], которые русские употребляли в пищу в невероятных количествах. А если к чесноку в пару добавлялась водка, то получалось лучшее лекарство от лихорадки и жара[11]. Несомненно, употребление продуктов, содержащих природные фитонциды, коими и являются лук и чеснок, являлось эффективным и древним народным средством в борьбе с некоторыми болезнями.

В-третьих, соблюдение личной гигиены и устройство жилища. Удивляясь низкому качеству пищи, регулярной ее нехватке, а также ее однообра-

---

[6] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 133.

[7] *Петрей П.* Указ. соч. С. 429.

[8] *Олеарий А.* Указ. соч. С. 152.

[9] *Рейтенфельс Я.* Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/text4.phtml?id=1185

[10] *Флетчер Дж.* О государстве русском. СПб., 1906. С. 124.

[11] *Олеарий А.* Указ. соч. С. 192.

зию, английский поэт и дипломат Д. Флетчер пишет, что такого рода рацион мог бы стать причиной множества болезней среди русского населения, но они несколько раз в неделю посещают баню, что служит им заменой всяких лекарств. Далее исследователь описывает поход русских в баню, подчеркивая, что русский человек, привыкая к двум крайностям — к жаре и к стуже, способен переносить их гораздо легче, чем иностранцы, а также эта процедура укрепляет их тела[12]. Еще одним способом укрепить здоровье московиты считали возведение деревянных жилищ. Даже если само здание строилось из камня, внутри его обшивали тесом[13].

Что касается врачевания в России, то в этом вопросе иностранцы сошлись на том, что профессиональная медицина воспринималась русскими с нескрываемым недоверием и подозрением. Правда, А. Олеарий подмечает, что к моменту его пребывания в России, т.е. к 1630-м гг., «знатные господа теперь иногда обращаются к совету немецких докторов и к настоящим лекарствам»[14]. Лишь единицы лечились специальными лекарствами, для остального населения непревзойденными лечебными средствами оставались святая вода, баня, водка и чеснок.

Нужно отметить, что сочинения иностранцев, оставленные ими после посещения России, являются важным историческим источником для более полного понимания жизни русского народа в XVI–XVII вв. Но всем, кто берет эти известия в руки, стоит помнить: для европейцев Россия была варварской страной, что наложило отпечаток на их сообщения. В своих сочинениях о Московском государстве они делали акцент в первую очередь на том, что казалось им диким и экзотическим.

Читая их заметки о здоровье и силе населения Московии, невольно думаешь, что оно было крепким, скорее, не благодаря каким-то целенаправленным действиям, заботе и уходу, а вследствие вынужденного образа жизни русских. Основная заслуга в их долголетии принадлежит климатической зоне, в которой они родились и живут. Но тем не менее, во многих источниках встречаются слова удивления и восхищения недюжинной силе московитов, их крепости и закалке.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
Майерберг А. Путешествие в Московию. М., 1874.
Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 2003.

[12] *Флетчер Дж.* Указ. соч. С. 124.
[13] *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 169.
[14] *Олеарий А.* Указ. соч. С. 192.

Петрей П. История о великом княжестве Московском // *Масса И., Петрей П.* О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

Рейтенфельс Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Reutenfels/text4.phtml?id=1185

Флетчер Дж. О государстве русском. СПб., 1906.

Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.

E.O. Chigiryova
Izhevsk (Russia)
Udmurt State University

CONCEPTS OF HEALTH IN RUSSIA 16th–17th CENTURIES IN THE EYES OF FOREIGNERS

The article is devoted to the presentation of foreigners who were in Russia in the 16th–17th centuries about the state of health, in relation to it and the ways of its support by the inhabitants of Muscovite Rus. Several factors are highlighted, mainly influencing the strength and hardening of Muscovites.

Keywords: Muscovy Rus, everyday life and customs, health, notes of foreigners.

Научное издание

Европа в Средние века и Новое время:
Общество. Власть. Культура:
материалы VIII Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 24–25 ноября 2020 г.

Печатается по решению Ученого совета
Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
и Ученого совета Института истории и социологии
Удмуртского государственного университета

В авторской редакции

Оригинал-макет И.В. Широбоковой
Дизайн обложки В.В. Долгова

Подписано в печать 04.10.2021.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Усл. печ. л. 22,18. Уч.-изд. л. 23,32.
Тираж 300 экз. Заказ № 21-37.

Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
426067, Удмуртская Республика, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34.
Тел. (3412) 50-82-00 Факс (3412) 50-79-59 http://www.udman.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АНО «Ижевский институт компьютерных исследований».

ISBN 978-5-4344-0938-4